

Бентли Литтл Идущие

Пролог

Джон Хокс умер, но продолжал идти.

Они не были к этому готовы, хотя и полной неожиданностью такое развитие событий тоже назвать было нельзя. Первым это заметил Гарден и прибежал на кухню.

– Кажется, дедушка умер! – задыхаясь, сообщил он отцу и дяде.

– Он... он... – не мог подобрать слов отец.

– Но продолжает идти.

Все выскочили на крыльцо. Старая сетчатая дверь громко хлопнула за спиной. Да, Джон Хокс продолжал целенаправленно двигаться вокруг дома, обходя препятствия в виде колючих зарослей цереуса, чолы и окотильо, – точно так же, как делал это в течение двух предыдущих недель. С этой точки было невозможно определить наверняка, умер он или нет.

Роберт Хокс защитным движением положил руки на плечи сыну и обернулся к брату.

– Кэйб, сходи проверь.

– Не могу, – покачал тот головой.

– Проверь.

Братья обменялись взглядами, и Кэйб отвел глаза.

– Хорошо. – Дождавшись, когда отец скроется за углом дома, он нерешительно сошел с крыльца. Нервно вытерев вспотевшие ладони о джинсы, он направился к небольшой канаве, пролегающей по участку.

Гарден смотрел, как дядя встал, широко расставив ноги, на узкой тропе, пристально глядя в направлении, откуда должен был появиться старик. Ему было страшно. По тому, с какой силой отцовские пальцы стиснули его плечи, он мог предположить, что отец тоже боится.

Джон Хокс начал ходить на следующую ночь после того, как лихорадка пошла на убыль. Сначала они решили, что он выздоравливает. Услышав скрип пружин кровати, а затем шаги по деревянному полу, они подумали, что отцу стало лучше и он захотел пройтись. Но когда тот, не говоря ни слова, прошел через кухню и вышел на улицу, когда они увидели застывшее выражение обтянутого кожей лица, остекленевшие водянистые глаза, они почувствовали, что что-то не так. Роберт с Кэйбом выскочили следом, пытаясь понять, что происходит, но старик начал описывать круги вокруг дома, натываясь на хлопковые деревья, перешагивая кусты жожобы и явно не замечая своих сопровождающих. Они прошли с ним несколько раз, пытаясь

всеми способами обратить на себя внимание, но в итоге поняли, что общаться он с ними не собирается. Впрочем, они постепенно засомневались, что он вообще воспринимает их крики. Единственное, что они поняли, – он по-прежнему болен. И что по каким-то причинам остановиться не может.

После этого больше заговаривать с ним они не пытались. И остановить тоже. Было что-то настолько страшное в этом бесконечном хождении вокруг дома, настолько дикое и недоступное пониманию, что они сочли за лучшее просто ждать, чем все это кончится. Роберт предложил установить наблюдение, и первые несколько дней они добросовестно придерживались графика, хотя Кэйб и отказался от своих ночных вахт.

Они думали, что старик долго не протянет. Он был болен, слаб, не ел ничего с того момента, как встал с постели.

Но он продолжал ходить. Три дня, пять дней. Неделю. Две недели. Они ждали, что он умрет – надеялись, *молились*, чтобы его прибрала смерть, – не тут-то было. Его состояние ухудшалось. Он исхудал еще больше, выглядел совсем больным. Но продолжал ходить.

Теперь он умер.

Но продолжал ходить.

Старик появился из-за угла дома, направляясь в их сторону, и Гарден почувствовал, как рука отца еще сильнее сжала его плечо. Кэйб шагнул вперед, выставив руки, потом схватил старика за кисти и тут же с воплем отпрыгнул в сторону.

Джон Хокс продолжал идти.

– Ну что? – крикнул Роберт.

– Кожа холодная, – откликнулся Кэйб высоким, напряженным голосом. – Холодная и сухая.

– Дедушка умер, – повторил Гарден.

Кэйб поспешил вернуться к ним на крыльцо.

– Что будем делать? – чуть не плача, спросил он.

– То же, что и раньше. Ждать.

– Но надо же что-то предпринять! Сообщить кому-нибудь. Нельзя же...

– Что нельзя? У тебя есть идея? – перебил Роберт.

Кэйб промолчал.

– Ничего мы сделать не можем.

– Но он же умер! Отец умер!

– Да, – спокойно согласился Роберт. – Это точно.

Этим вечером Гарден рано отправился в постель. Он лежал в темноте и слушал, как в гостиной отец с дядей разбирали вещи дедушки. Недавно он помогал им разобраться в его комнате, выносил коробки с сухими корнями, сучками и ветками, бутылочки с порошками, мелких засушенных животных, страницы с рисунками и так далее.

Теперь он лежал и смотрел на голые балки низкого потолка спальни, на серебристую в лунном свете прозрачную паутину, затянувшую темные углы. Он слышал, как отец с дядей спорили, дядя говорил, что давным-давно надо было позвонить Лизабет и попытаться выяснить, что происходит, а отец отвечал, что обращаться за советом к колдунье – самое последнее дело и таким образом проблему все равно не решить.

– Что всё это значит? – проговорил Кэйб. Гарден услышал стук чего-то тяжелого по столу, потом – хруст жесткой бумаги.

– Ты прекрасно знаешь, что все это значит.

– Но мы же в этом ни черта не понимаем, – после паузы продолжил дядя.

– Сами виноваты. Надо было его слушать.

Гарден сел в кровати и отодвинул голубую оконную занавеску. На улице был сильный ветер. Судя по плотной облачности на севере, надвигалась пыльная буря. Уже слышался легкий шорох несущихся песчинок и короткие постукивания в стекло более крупных частиц. Он прищурился, всматриваясь вдаль.

Дед прошел мимо, ветер безжалостно трепал его одежду. Голову он держал высоко, глядя строго перед собой.

Гарден отпустил занавеску. Завывания ветра становились все громче, все настойчивее.

Неизвестно почему, ему стало страшно. Он не думал, что дед может его убить или причинить какое-то зло, не думал, что тот способен напасть на него, на отца или на дядю, не думал, что дед способен на что-то иное, кроме как бесконечно кружить вокруг дома. Но именно это и пугало еще больше.

– А если он так будет ходить годами? – слышался голос Кэйба. – Если будет так ходить, пока от него ничего не останется, кроме скелета?

Ответа отца Гарден не расслышал. Не хотел слышать. Он накрылся с головой одеялом и под негромкий гул голосов из гостиной постепенно заснул.

Ему снились скелеты, бредущие сквозь пыльную бурю.

Ему снился дедушка.

* * *

Наутро он исчез.

Просто исчез.

Когда Роберт с Кэйбом далеко за полночь наконец собрались укладываться спать, он все еще ходил вокруг дома, невзирая на бурю, от которой вся его ветхая одежка трепетала на ветру, постепенно превращаясь в клочья. На рассвете оказалось, что его нет.

Они обыскали всю территорию, прошли по всем прилегающим оврагам и ложбинам, но следов Джона Хокса нигде не было. Кэйб был склонен прекратить это занятие уже к полудню, довольный тем, что мертвый отец наконец-то исчез, и Роберт был готов согласиться с желанием брата, но Гарден настоял на продолжении поисков.

Несколько часов спустя на колючей ветке цереуса они заметили клочок голубой ткани от рубашки Джона. Буря замела все следы, но по положению кактуса относительно дома они предположили, что мертвец двигался в сторону озера. Кэйб пошел за машиной, Гарден с отцом остались ждать его в слабенькой тени кактуса. Через некоторое время все трое уже катили по грунтовой дороге, ведущей к озеру.

Приехали они в тот момент, когда Джон Хокс входил в воду.

Кэйб, заглушив мотор, выпрыгнул из кабины, Роберт выбрался с пассажирского сиденья, вслед за ним – Гарден, оставив открытой дверцу машины. Все подбежали к воде.

– Отец! – крикнул Роберт.

Но мертвец не обернулся. С неподвижно застывшей головой на напряженной шее он тем же неумолимым шагом, которым наматывал круги вокруг дома, вошел в озеро. Вскоре над водой видна была одна голова, потом – только макушка с остатками волос, и затем он исчез.

Некоторое время они стояли неподвижно, глядя на воду и ожидая, не появится ли он вновь, не окажется ли озеро просто некой преградой, которую он должен преодолеть и выйти на другом берегу, но он больше не появился. Солнце клонилось все ниже и ниже к закату, но почти стемнело, прежде чем они наконец решились возвращаться домой. Гарден не знал, что чувствуют отец с дядей – оба, казалось, были скорее грустны, чем испуганы, и скорее испытывали облегчение, чем печаль, но его самого не оставляло чувство тревоги.

Он сомневался, что этим все кончится.

* * *

После окончания школы Гарден поступил в двухгодичный колледж в Глоуб. До него было два часа дороги от дома, но ему удалось сосредоточить все свои занятия в два дня – во вторник и четверг, так что все оказалось лучше, чем можно было бы предположить. Выбирая факультатив на второй семестр, он решил освоить подводное плавание. Окончил курс он на «хорошо с плюсом», получив «отлично» за работу в бассейне и «хорошо» за индивидуальный спуск на озере Апач.

Этим летом он сообщил отцу, что хочет нырнуть в Волчьем Каньоне.

– В озере? – нахмурившись, переспросил отец.

– Хочу посмотреть, что случилось с дедом.

После исчезновения Джона Хокса все словно старались вообще не вспоминать о нем, не

говоря уж о последнем периоде. Роберт с Кэйбом даже не стали разбирать оставшиеся после него вещи, просто выбросили, не глядя, все коробки и отдельные предметы.

Никто из них с тех пор не приближался к озеру.

– Нет, – глухо возразил Роберт.

– Поеду, с тобой или без тебя.

– Нет.

– Я хочу.

– О чем это вы? – поинтересовался Кэйб, входя на кухню и тяжело опускаясь на стул напротив брата.

– Гарден хочет нырнуть с аквалангом в озеро. Хочет поискать деда.

– Всем хотелось бы знать, – вздохнул Кэйб. – Признайся, и тебе тоже. Я с тобой, – закончил он, обращаясь к племяннику.

– Кэйб!

– Пора.

– Вода мутная, – не уступал Роберт. – Ты ничего не увидишь.

– Я постараюсь, – облизнул губы Гарден.

Поездку наметили на субботу. У Джима Холмана попросили катер, Гарден привез из колледжа снаряжение. Все нервничали, и хотя предыдущий вечер прошел в разработке плана погружения, в обсуждении всех случайностей и составлении строгого графика пребывания под водой, дорога до озера прошла почти в полном молчании, прерываемом лишь уточнением инструкций.

В десять утра Гарден был готов.

Поскольку ни отец, ни дядя с аквалангом никогда не имели дела, они заставили его спускаться на лине, прикрепленном к лебедке. Если он не будет подавать каждые пять минут установленный сигнал, если не появится из воды за пять минут до окончания лимита воздуха, рассчитанного на час, они просто вытянут его на поверхность.

Мужчины молча ждали на борту катера.

Первый сигнал пришел вовремя.

Так же, как и второй, и третий.

После этого появился сам Гарден. Перевалившись через низкий борт катера, он сдернул с лица маску и начал отплеиваться. Он тяжело дышал, лицо было бледным, испуганным.

– Что? – присаживаясь на корточки, спросил Роберт. – Что ты там увидел?

Гарден молча перевел взгляд с отца на дядю и обратно.

– Что случилось? – встревожился и Кэйб.

– Он все еще там, – ответил Гарден, прикрыв глаза. – Все еще ходит.

Сейчас

1

– Так я и знал, – твердил Сандерсон как литанию. – Так я и знал.

Майлс Хьюрдин не смотрел на своего клиента. Вместо этого он сосредоточил внимание на содержимом папки, раскрытой посередине стола. Фотографии жены Сандерсона, идущей рука об руку с агентом по снабжению из его же фирмы, копии счетов из отеля, оплаченных кредитными карточками, копии ресторанных счетов, список платных телефонных звонков за последние два месяца.

– Так я и знал.

Этот аспект работы всегда вызывал у Майлса отрицательные эмоции. Само по себе расследование вести было интересно, и до тех пор, пока не думалось о последствиях, он получал удовольствие. Он только терпеть не мог видеть боль, которую доставляла клиентам собранная им информация. Отвратительна была даже роль передатчика дурных вестей. Но таков уж был один из парадоксов его профессии – выше всего ценилась та деятельность, которая доставляла самые сокрушительные результаты тем людям, которые его нанимали.

Он бросил беглый взгляд на Сандерсона. Ему всегда казалось, что в такие моменты следовало бы сказать клиенту что-нибудь утешительное, каким-то образом извиниться за факты, которые тому предоставил. Однако вместо этого он продолжал стоять с непроницаемым выражением лица, изображая объективность, которой на самом деле не чувствовал.

Сандерсон поднял глаза, в которых не было и намека на слезы.

– Так я и знал.

Майлс промолчал, смущенно отведя взгляд в сторону.

Когда Сандерсон наконец ушел, он испытал сильное облегчение.

Работа сыщика ничем не походила на ту, что показывают в кинофильмах. Майлс на самом деле и не ожидал этого, просто не знал, что его ждет, когда вознамерился стать частным сыщиком, решив бросить занятия экономикой и записаться на свой первый курс по криминалистике. Он отдавал себе отчет, что времена Филипа Марлоу прошли – очаровательно убогих офисов, сомнительной клиентуры, бесцеремонных женщин, – но еще надеялся застать период Джима Рокфора. Но вместо этого все закончилось службой в обстановке, не сильно отличающейся от той, в которой он оказался бы, продолжив свое экономическое образование.

Только теперь он стал чертовски мало зарабатывать.

По крайней мере, он трудился на настоящее детективное агентство, а не на страховую компанию, как многие из тех, с кем он заканчивал курс. Конечно, он тоже погряз в условностях корпоративного мира – кабинет со столом в многоэтажном служебном здании, нормы и графики, которых следовало придерживаться, – но время от времени ему удавалось выходить в *поле*, заниматься слежкой, фотографировать скрытой камерой... Порой он *мог* вообразить себя Филипом Марлоу.

Филипом Марлоу с медицинской страховкой и хорошим личным дантистом.

Он заполнил форму на оплачиваемые часы и отправил ее вместе с рабочим табелем в служебный конверт, который постепенно попадет в бухгалтерию. Сегодня днем дел у него здесь больше не было, и он решил уйти немного пораньше. Вечером все равно надо будет заехать в библиотеку, а это вполне компенсирует некоторое нарушение трудового графика.

Стоя в ожидании лифта, он помахал секретарше Наоми.

– Я ухожу.

– Ты пыль на ветру? – улыбнулась она.

– Я легкий дымок. Я прошедшее время. Я исчез.

Лифт прибыл, и, пока закрывались металлические двери, Майлс послал ей вульгарный жест в стиле Джеймса Дина.

На улице оказалось прохладно, или настолько прохладно, насколько это может быть в Южной Калифорнии. Майлс сунул руки в карманы куртки и зашагал в сторону автостоянки. От дыхания в воздухе образовывались легкие клубочки пара. Сидя в кабинете, он и не заметил, что днем несколько раз принимался дождь. Мокрый асфальт кинематографически блестел. Влага и дождевые лужи способствовали рождественскому настроению, а елочки из блестящей мишуры на фонарных столбах и маленькие мерцающие огоньки, обрамляющие двери и окна домов, выглядели не совсем уж такими неуместными, придавая всей улице праздничную атмосферу.

В этом году он, сам не понимая почему, чувствовал себя по отношению к Рождеству таким Скруджем. Обычно Рождество было для него любимым временем. Ему нравилось все, что с ним было связано – он любил слушать одни и те же убогие рождественские гимны, звучащие в каждой лавке, куда ни зайди, любил повторы старых телевизионных программ, любил покупать подарки, любил получать подарки. Больше всего ему нравилось праздничное убранство. Не вступая в споры с друзьями, которые, как правило, сетовали на то, что магазины слишком рано начинают готовиться к празднику и что весь подготовительный период слишком пронизан духом коммерции, Майлс в душе был бы не против, если бы все эти декорации появлялись еще до Хэллоуина. Нет ничего плохого, если рождественские праздники будут длиться как можно дольше.

Но в этом году по некоторым причинам он чувствовал себя несколько отстраненным от всего этого. Майлс видел украшения, слышал музыку, даже начал покупать кое-какие подарки, но рождественское настроение не возникало. Но он продолжал надеяться.

Теперь оно появилось.

Он прошел между «мерседесом» и «БМВ» к своему старому «бьюику», мурлыкая под нос мотивчик «Рудольф – красноносый олень».

Приехав домой, он застал отца спящим на диване. Тот лежал на боку, свернувшись калачиком и подложив одну руку под голову в качестве подушки. Вторая свисала с края дивана. Он слегка похрапывал, хотя звук и был почти не слышен за голосами телеведущих, читающих новости. Майлс некоторое время постоял, глядя на отца. Считается, что люди во сне выглядят моложе. Говорят, лицо спящего становится более мирным, невинным, детским. Но отец выглядел старше. В состоянии бодрствования лицо отражало его относительно юношеское состояние души. Но во сне Боб Хьюрдин выглядел целиком и полностью на свои семьдесят один. Обвисали испещренные складками и морщинами впалые щеки, сквозь редкие зачесанные назад седые волосы просвечивал бесцветный череп. На лице появлялось выражение покорности и усталости от жизни.

Так он будет выглядеть после смерти, внезапно подумал Майлс. Он представил себе отца лежащим в гробу – с закрытыми глазами, сложенными на груди руками и таким же несчастным выражением на безжизненном лице, как сейчас.

Образ вызвал неприятное ощущение и он, хотя и не собирался изначально будить отца, вошел в комнату, включил свет и шумно обозначил свое присутствие нарочитым покашливанием.

Боб сел, потирая глаза и покрхтывая. Часто мигая от яркого света, он поглядел на сына.

– Уже пришел?

– Седьмой час.

– Опять этот кошмар приснился, – сообщил Боб, растирая лицо ладонями.

– Какой кошмар?

– Я же тебе рассказывал.

– Ничего ты мне не рассказывал.

– Рассказывал, на прошлой неделе. О большой волне.

– Повторяющийся сон? – нахмурился Майлс.

– Ну да.

– Расскажи ещё раз.

– Ты все равно меня никогда не слушаешь, – упрямо покачал головой Боб.

– Слушаю. Просто забыл.

– Я на кухне, готовлю завтрак. Оладьи. Смотрю в окно и вижу, как на меня надвигается огромной высоты волна. Край ее уже обрушился, я вижу белую стену воды, которая сметает все дома и постройки на своем пути. Я пытаюсь бежать, но такое ощущение, будто ноги приросли к полу. Я не могу сдвинуться. Затем волна докатывается, меня бросает на стену, только стены больше нет. Ничего нет, я оказываюсь под водой, стараюсь задержать дыхание, чтобы выбраться на поверхность, но никакой поверхности тоже нет. Волна несется, я – внутри нее, меня бьет, швыряет вверх тормашками, крутит, я уже чувствую, что легкие и живот страшно болят, я открываю рот, потому что больше не могу задерживать дыхание, вода заливается мне в глотку, и я понимаю, что умираю. И тут я проснулся.

– Да-а...

– Должен сказать, выглядело все очень реалистично.

Оба раза.

– О Господи. А у тебя раньше были повторяющиеся сны?

– Не помню.

– Может, нас действительно ждет какое-нибудь цунами или землетрясение, – улыбнулся Майлс.

– Не говори глупостей, – хмыкнул отец.

Однако тон его был отнюдь не таким ироническим, как мог бы ожидать Майлс, и почему-то это тоже вызывало тревогу.

* * *

После ужина Майлс помыл посуду, а затем сообщил отцу, что собирается поехать кое-что

посмотреть в библиотеке.

- А нельзя посмотреть в компьютере?
- Иногда нужно подержать в руках настоящую книгу.
- Не против, если составлю компанию? – поинтересовался отец.

– Пожалуйста, – кивнул Майлс, несколько удивленный просьбой. Он не мог припомнить, когда отец последний раз был в библиотеке. Впрочем, он не помнил, когда отец вообще в последний раз брал в руки книгу. Как только они подключились к кабельному телевидению, отец забросил дешевые вестерны в бумажных обложках, которым ранее уделял все свободное время, и даже не удосужился дочитать биографию магната-бизнесмена, через которую некоторое время упорно продирался. Теперь, перестав играть в покер с приятелями и ходить на встречи пожилых жителей города, отец все время проводил на диване, глядя низкосортные художественные фильмы и повторы телевизионных шоу сорокалетней давности.

– Тебе нужно что-то конкретное? – спросил Майлс, беря с тумбочки бумажник и ключи от машины.

- Да нет, так, погляжу. Может, найду что-нибудь.
- Ну, поехали.

Они вышли к «бьюику», и на этот раз отец не стал требовать, чтобы его пустили за руль. Слава Богу. В последние годы и реакция, и навыки вождения у него резко пошли на убыль, и если бы можно было каким-то образом связаться с Департаментом управления автотранспортом и отозвать его лицензию, Майлс сделал бы это, не задумываясь ни на секунду. Оставалось надеяться лишь на то, что на следующий год, когда отцу надо будет продлевать лицензию, он не сможет пройти тесты.

В библиотеке, несмотря на вечер рабочего дня, было многолюдно. В основном школьники. Большинство – азиатской внешности. Не считая случайных встреч, сейчас Майлсу редко приходилось общаться с детьми, и его отношение к подрастающему поколению формировали, главным образом, кино и телевидение. Именно поэтому увидеть нормальных, веселых, хорошо воспитанных подростков, негромко переговаривающихся и пересмеивающихся между собой, сидящих за большим круглым столом перед стопками книг и делающих записи в своих тетрадках, было для него своего рода сюрпризом.

Может, общество все-таки не обречено.

Отец немедленно куда-то исчез, а Майлс подошел к ряду мониторов с клавиатурами, которые заменили карточный каталог. Ему до сих пор было странно пользоваться компьютерами в библиотеке, и хотя вся эта техника давно уже стала частью его и служебной, и повседневной жизни, вторжение ее в этот мир навевало грусть. Здесь она казалась неуместной. И необязательной. На прошлой неделе ему попала статья из «Лос-Анджелес таймс» по поводу хранения информации на магнитных носителях в связи со скоростью технологических изменений. Суть статьи заключалась в том, что хранение информации на компьютерных дисках или на компакт-дисках требует создания транслирующих технологий – то есть техники, способной расшифровывать информацию и преобразовывать ее в слова, и что прогресс идет так быстро, что большая часть информации сохраняется в умирающих форматах, следовательно, через какие-нибудь десять лет ее попросту будет невозможно извлечь. Между тем как написанные или напечатанные слова не требуют никаких интерпретативных механизмов, а информация, содержащаяся в книгах, напечатанных на бескислотной бумаге, будет оставаться легко доступной гораздо дольше, чем благодаря всем этим новшествам.

Поэтому он и недоумевал, почему библиотека отказалась от своего карточного каталога – этих рядов прекрасных дубовых шкафов, которые были не только функциональны, но и имели неизмеримое значение для всей библиотечной среды.

Вздохнув, Майлс присел к экрану. Положив перед собой листок с предварительно выписанными ключевыми словами, он набрал их на клавиатуре, а потом выписал все книги и периодические издания, которые предложила машина. Он работал по делу для Грэма Доналдсона, одного из его самых давних клиентов, юриста, который в настоящий момент вел иск о дискриминации, который подал один афроамериканец, уволенный из компании «Томпсон Индастриз». Майлс уже нашел кое-какую информацию, пользуясь источниками внутри корпорации, но ему хотелось подкрепить ее дополнительными данными. Впрочем, сведения,

полученные им изнутри, не могли оказать сколько-нибудь серьезного значения в суде, но Грэм полагал, что дело до этой стадии просто не дойдет. «Томпсон» исключительно ревностно относились к своей общественной репутации, и Грэм рассчитывал договориться полюбовно. Дополнительные сведения ему были нужны так, на всякий случай.

Даже удивительно, как легко можно добывать необходимую информацию. Человек со стороны всегда думает, будто его работа – это бегать по улицам, приставать к соседям, расспрашивать людей, давать взятки за нужные сведения, пользоваться скрытыми микрофонами и фотокамерами, подслушивать чужие разговоры. Но порой небольшой поход в библиотеку и несколько часов чтения вполне обеспечивали его всем необходимым. В данном случае этого не произошло, но он нашел две книги и одну статью в деловом журнале, которые могли оказаться полезными.

Отец уже вышел и сидел на диванчике перед столом регистрации. При появлении Майлса он встал и молча протянул ему стопку книг. Майлс протянул библиотекарше свой билет и пробежал глазами названия выбранных отцом книг. «Прошлые жизни. Будущие жизни», «Восприятие и Предчувствие», «Колдовство и Сатанизм в древней Америке» и «Предсказания Нострадамуса». Он нахмурился, но ничего не сказал, пока они не вышли из здания и не сели в машину.

Накидывая ремень, он небрежно повел головой в сторону стопки, лежащей между ними.

– Что это значит?

– Что?

– Твои книги.

– Я должен спрашивать у тебя разрешения, что мне читать?

– Нет, но...

– Ну и все.

– Но ты никогда раньше не интересовался оккультизмом.

– А сейчас заинтересовался. – Отец бросил на него упрямый взгляд, но на мгновение сквозь жесткую оборонительную позицию промелькнула искорка неуверенности – или страха? – но исчезла, не оставив следов.

– Что происходит? – продолжал Майлс.

– Ничего.

– Я же вижу.

– Давай лучше не будем. – В голосе отца прозвучала злость, и Майлс умиротворяющим жестом вскинул руку.

– Хорошо, хорошо. Я не собираюсь придавать этому вопросу государственную важность.

Но он вспомнил про сон отца и почувствовал тревогу. Он привык повиноваться интуиции, следовать своим чувствам, но обычно это происходило при поиске фактов, а смутный оккультный аспект озадачивал.

Вырулив со стоянки, он выехал на улицу и направил машину к дому.

– Насколько я понимаю, у тебя сейчас никого нет, – решил сменить тему отец. – А какие-то перспективы намечаются?

– Что? – с недоумением повернул голову Майлс. – Что это на тебя нашло?

– Нет, просто любопытно. Просто не совсем нормально, когда взрослый мужчина не интересуется сексом.

– Во-первых, я не собираюсь с тобой это обсуждать, а во-вторых, кто сказал, что я не интересуюсь?

– Не похоже.

– У меня сейчас период воздержания.

– Слишком длительный период.

– А что это тебя вдруг так заинтересовала моя личная жизнь?

– Когда человек достигает определенного возраста, он кочет быть уверенным, что, когда его не станет, о его сыне будет кому позаботиться, у него будет любовь и покой.

Когда его не станет.

Может, отец вовсе и не менял тему.

– Ты планируешь умереть у меня на руках? – с наигранной легкостью поинтересовался

Майлс.

– Нет, просто спрашиваю, – усмехнулся Боб. – А кроме того, никому не хочется думать, что он не состоялся как отец, что он вырастил сына – жалкого неудачника, который даже бабу завести себе не может.

– Кто не может?

– А когда у тебя кто был?

– Ну, была Дженис. Мы с ней довольно часто встречались.

– Она была замужем. Ты ее на ланч водил.

– Она не была замужем. У нее был приятель.

– То же самое, – покачал головой Боб. – Слава Богу, что тебе не приходится работать в команде. Никогда не встречал человека, которому так не везет.

– Ну, не преувеличивай.

– А что с Мэри?

– Давно ее не видел, – нахмурился Майлс.

– Об этом я и говорю. Почему бы тебе не позвонить ей, не пригласить куда-нибудь?

– Не могу, – покачал головой сын. – Да и вообще, у нее наверняка уже кто-нибудь есть.

– А может, и нет. Может, она в такой же ситуации, как ты. Кто знает? Может, она только и ждет твоего звонка?

Майлс промолчал. Он не мог сказать отцу, что Мэри не ждет его звонка, что он пару месяцев назад видел ее в городе выходящей из кинотеатра, шикарно одетой, восхитительно выглядящей, заливающейся счастливым смехом и интимно прижимающейся к высокому атлетического сложения мужчине в дорогом спортивном костюме.

– Не знаешь, – продолжал гнуть свое отец. – Позвони и поймешь. Хуже-то не будет.

Будет хуже, мрачно подумал про себя Майлс и отвернулся.

– Нет, отец. Я ей не стану звонить.

– Так и будешь один до моей смерти.

– Ничего. Переживу.

– Это меня и расстраивает, – вздохнул Боб. – Вижу, что переживешь.

Несколько кварталов они проехали молча.

– Лучше Клер у тебя все равно никого не было, – снова заговорил отец. – Ты это понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Майлс, глядя прямо перед собой.

– Не надо было тебе отпускать эту девочку.

– Я ее не отпускал. Она сама захотела, она не была счастлива, мы развелись.

– Ты мог бы постараться ее удержать.

Майлс не ответил. Эта мысль ему самому неоднократно приходила в голову. Он дал согласие на развод, но не хотел этого. Он любил ее, да и скорее всего и сейчас любит, хотя и пытается убедить себя в обратном. Прошло уже пять лет с тех пор, как были подписаны последние документы, но не было ни одного дня, чтобы он не вспомнил о ней. Как правило, по мелочам – что бы она сказала по тому или иному поводу, – но она оставалась в его жизни как призрак, как совесть, как мерило в сознании, если не как физическое присутствие.

На самом деле, возможно, им и не надо было разводиться. Не было каких-то иных людей, не было любовных связей ни с его, ни с ее стороны. Единственное, на что она жаловалась, – что он уделяет ей слишком мало внимания, что работа его интересует гораздо больше, чем семья. Это было неправдой, но он понимал, почему она так считает, и на самом деле это можно было легко исправить. Если бы он проявил хотя бы небольшое желание уступить, признать свои ошибки, перестать приносить работу на дом, проводить с ней больше времени и чуть более откровенно демонстрировать свои чувства, они бы вполне смогли жить вместе. Он понимал это уже тогда, но какое-то упрямство не позволяло ему совершить эти шаги и, сознавая собственную вину, перелгать ответственность за решение проблемы на ее плечи. Если она действительно любит его, то должна понять и простить его, смириться со всем, что он делает, быть благодарной. Она во многом пошла ему навстречу, но он полагал, что она должна пойти навстречу во всем, сама пройти весь путь, и от этого проблемы только усугублялись. Развод казался крайним выходом, и хотя это было не то, чего он хотел, он не приложил усилий, чтобы

избежать его.

Майлс заметил, что отец по-прежнему смотрит в его сторону, и вздохнул.

– Отец, у меня был тяжелый день. Давай лучше оставим эту тему.

– Хорошо, хорошо, – с деланной невинностью вскинул руки отец.

Они подъехали к дому. Майлс остановил машину, выключил двигатель, поставил на ручной тормоз. Боб, прежде чем выбраться, собрал стопку книжек, и взгляд Майлса опять невольно упал на одну из обложек – «Колдовство и сатанизм в древней Америке».

Подхватив свои материалы, он вслед за отцом направился в дом.

Боб, вместо того чтобы завалиться на диван, как обычно, чтобы заснуть под очередную телевизионную комедию, быстро удалился в свою комнату, пожелав сыну спокойной ночи и закрыв – более того, заперев за собой дверь.

«Предсказания Нострадамуса».

У Майлса по-прежнему лежала на душе какая-то тяжесть. Он запасся пивом и провел на диване не меньше двух часов, пытаясь разобраться в информации, которую раздобыл, но толком так и не смог сосредоточиться и решил сдаться, отправившись в постель намного раньше своих обычных одиннадцати часов вечера.

Но заснуть не смог.

Повертевшись с боку на бок какое-то время, показавшееся ему вечностью, он встал. Включил небольшой телевизор, стоящий на тумбочке, поглазел на дежурный рекламный блок, потом выключил его и подошел к окну. В щель между неплотно задернутыми шторами виднелась луна, ныряющая между тяжелыми зимними облаками.

Он вспомнил о Клер и подумал – спит ли она сейчас?

И с кем она сейчас спит?

Майлс отвернулся от окна и посмотрел на пустую постель. Он уже очень давно не занимался сексом. И тосковал без этого. Он попытался вспомнить обнаженную Клер, попытался представить себе ее формы, но время уже стерло все характерные черты. Черт побери, он даже не смог вспомнить в подробностях тело Мэри. Помнились места, позиции, но чувственного ощущения, обычно возникающего при воспоминании об интимных моментах, не возникало. Странно, но зато очень четко запечатлелся в мозгу образ голой Черис – девицы, с которой он провел одну ночь три года назад.

Вздохнув, он вернулся в постель. Без удовольствия, чисто функционально помастурбировал и, наконец, заснул, думая об огромных волнах, ведьмах и снах о конце света.

2

На следующее утро Майлс пришел на работу такой уставший, что даже Хал обратил внимание, когда они встретились у лифта.

– Тебя как будто из тюрьмы выпустили.

– Спасибо, – сухо усмехнулся Майлс.

– Как говорил великий Дион Уорвик, друзья для того и существуют.

– У тебя крошки в бороде, – сообщил Майлс.

Бородатый сыщик быстро запустил пятерню в свою густую растительность.

– Все?

– Шутка, – улыбнулся Майлс.

– Осел.

Лифт поднялся на их этаж, двери открылись, Хал вышел первым.

– Привет, крошка, – помахал он рукой Наоми, сидевшей за столом. – Как тебе это чудесное утро?

Секретарша разговаривала по телефону. Попросив собеседника подождать, она сняла наушники с микрофоном и внимательно оглядела Хала и Майлса.

– Простите за глупый вопрос, – любопытствовала она, – но кто-нибудь из вас читал вчерашнее объявление?

– Какое объявление? – откликнулись они хором.

– Великие люди мыслят похоже, – улыбнулся Хал Майлсу.

– Объявление, которое положили каждому из вас на стол, – с бесконечно терпеливой улыбкой продолжала Наоми. – Там было сказано, что сегодня утром будут отключены телефоны. Прокладывают оптоволоконную линию и подсоединяют компьютеры. Закончат не раньше двенадцати, и до этого времени все звонки переведены на меня. Мой телефон и платный городской – единственные, которые работают.

– Похоже, я этого не читал, – признался Майлс.

– Потрясающе! – замотал головой Хал. – А мне миллион звонков нужно сделать!

– Значит, иди менять четвертаки, – с милой улыбкой посоветовала секретарша. – Я не могу отдать тебе свою линию.

– Спасибо, – буркнул Хал и потащился в свою кабину.

Наоми взяла наушники, но, словно только что вспомнив, кивнула Майлсу:

– А у тебя клиент. Минут десять как ждет. Сказала, по рекомендации Филипа Эммонса.

Майлс кивнул в знак благодарности, но она уже натянула наушники и продолжила разговор. Он двинулся по широкому центральному коридору в направлении своего рабочего места. Филип Эммонс. Старина Фил всегда был готов подбросить какую-нибудь работенку. Майлс дал себе обещание как-нибудь на неделе позвонить Филу. Давно не виделись; надо будет пойти куда-нибудь посидеть.

Женщина, ожидающая в кресле для клиентов, сидела совершенно спокойно и разглядывала голливудские холмы, на которые выходили окна офиса. Миловидная брюнетка, в облегающей блузке без лифчика и короткой, по последней моде, юбке встала при его приближении и протянула руку.

Времена Рэймонда Чандлера.

– Меня зовут Марина Льюис.

– Майлс Хьюрдин, – произнес он, отвечая на рукопожатие. Первое, что он заметил, было обручальное кольцо, и надежды, сколь призрачны они ни были, улетучились. Он улыбнулся и кивком пригласил женщину садиться.

– Что я могу для вас сделать, миссис Льюис?

– Зовите меня Марина.

– Хорошо, Марина.

Она подождала, пока он устроится за столом, и только потом, глубоко вздохнув, заговорила:

– Мне вас рекомендовал Филип Эммонс. Я сказала ему, что ищу человека, который... что мне нужно определенного рода помощь...

– В чем ваша проблема? – мягко поинтересовался Майлс.

– Кто-то преследует моего отца, – прокашлявшись, сообщила женщина. – Но полиция отказывается принимать какие-нибудь меры.

Майлс кивнул – спокойно, профессионально, но внутри уже был на взводе. Наконец-то реальное дело. В традициях бульварной литературы – прекрасная дама и старик, за которым идёт охота. О чем еще можно мечтать?

– Кто преследует вашего отца?

– Мы не знаем. Именно это я и хотела бы выяснить.

– Как вы установили, что его преследуют?

– На самом деле сначала мы так не думали. Возникали всякие мелочи. Например, он возвращался домой и обнаруживал, что задняя дверь открыта, хотя был уверен, что запирает ее. В таком роде. Это могло быть плодом воображения или случайным совпадением. Но на прошлой неделе, как раз перед тем, как мы приехали его навестить, ему позвонила какая-то женщина и сказала, что он помечен знаком смерти. Она подробно описала, как выглядит его дом изнутри – словно видела своими глазами, и сообщила, что собирается убить его во сне. Потом, через несколько дней, позвонила ещё раз и начала нести какую-то чушь про то, что никому не могло быть известно, за исключением членов нашей семьи. А два дня назад, когда он переходил улицу, его едва не сбил черный автомобиль с тонированными стеклами. Причем машина специально неслась на него. Его спасло то, что он успел отпрыгнуть на тротуар и ввалиться в дверь ювелирного магазинчика.

– Вы сообщили об этом в полицию?

Она кивнула.

– И что они сказали?

Женщина открыла сумочку, извлекла визитную карточку и протянула Майлсу.

– Я разговаривала вот с этим человеком. Детектив Маддер. Он заявил, что они ничего не могут сделать, пока не произойдет что-то конкретное. Информацию о телефонных звонках он записал, попросил дать описание машины, после чего сообщил, что все это пока ляжет в папку, а никаких шагов предпринимать не будут. Потом вручил визитку и попросил держать его в курсе. Мой отец даже не хотел идти в полицию, я его едва уговорила, но после этого категорически заявил, что намерен разобраться со всем этим своими силами. Так что я пришла к вам по собственной инициативе. Он об этом не знает.

– Мы не можем обеспечить защиту, – напомнил Майлс. – У нас детективное бюро, а не охранная фирма...

– Я знаю, – прервала женщина. – Я хочу, чтобы вы выяснили, кто этим занимается и почему. Затем мы либо обратимся в полицию с тем, что у нас будет, либо... либо придумаем что-нибудь еще.

Выяснить, кто это делает и почему.

Как бы детски и глупо это ни выглядело, но он ощутил прилив энергии. Наконец-то он оказался в своем собственном кино, и это оправдывало все остальные занудные канцелярские дела, которыми он по преимуществу вынужден был заниматься.

– Где живет ваш отец? – спросил он, доставая блокнот и ручку.

– В Санта-Монике. Восьмая улица, двести одиннадцать.

– А вы с мужем?

– В Аризоне. Мы здесь на пару недель. Мой муж – писатель, он здесь встречается с киношниками по поводу экранизации своего романа.

– Как долго вы намереваетесь пробыть в Калифорнии?

– Видимо, еще неделю или около того. – Она помолчала. – Если ничего не случится. Я учительница, второго января мне надо выходить на работу, но если отцу угрожает опасность...

– Мы постараемся побыстрее с этим разобраться, – улыбнулся Майлс, и она улыбнулась в ответ. – Говорите, ваш муж – писатель? Тогда я догадываюсь, как вы познакомились с Филом Эммонсом.

– О да, – просияла женщина. – Филип оказался для нас просто счастьем. Гордон познакомился с ним на симпозиуме по романам ужасов в Фениксе в прошлом году, и именно он помог нам выйти на агента, который занимается кино. Мы здесь исключительно благодаря Филипу.

– Да, он хороший парень, – улыбнулся Майлс. Марина смущенно кашлянула.

– Он что-то упомянул о «разумных ценах». Не знаю, какой у вас гонорар, но много нам не потянуть. Если бы вы могли назвать мне... хотя бы приблизительно, чтобы я могла сориентироваться...

– Об этом не беспокойтесь. Мы...

В этот момент в кабинке показалась голова Наоми.

– Майлс, телефон.

– У меня клиент! – поднял он руку. – Запиши номер и скажи, что я перезвоню.

– Майлс, это срочно. Твой отец. Он в больнице. Майлс в одно мгновение выскочил из кресла.

– Займись ею! – крикнул он Халу, пробегая мимо его кабинки. Промчавшись по коридору до стола секретарши, он почувствовал, что сердце колотится как бешеное и ломит в груди. Оказывается, он, преодолел все это расстояние на одном дыхании. Пришлось сделать глубокий вдох и выдох, прежде чем нажать мигающую кнопку на консоли и прижать трубку к уху.

– Алло?

– Мистер Хьюрдин?

Сердце опять екнуло. Не екнуло, а ударило в грудную клетку. В ушах запульсировала кровь.

– Да, что случилось?

– Сожалею, мистер Хьюрдин, но у вашего отца – инсульт.

Инсульт.

Этого он совершенно не ожидал, никогда не думал об этом и даже не рассматривал такой ситуации. Во рту пересохло. В какой-то момент ему даже показалось, что он потерял дар речи, но слова наконец нашлись – жалкие и испуганные.

– Как... как это случилось?

– Он упал в продуктовом магазине. Менеджер тут же вызвал «скорую», они привезли его к нам. Ваше имя и телефон мы обнаружили в его бумажнике.

– О господи, – только и смог выдохнуть Майлс. Прислонившись спиной к стене, он закрыл глаза. Внезапно в мозгу отчетливо нарисовалась картинка, как отец тянет руку к коробке с супом и внезапно падает на линолеумовый пол, роняя вместе с собой стеллажи с продуктами, умирая на глазах у чужих людей, которые пришли в магазин за покупками и бесстрастно наблюдают за расстающимся с жизнью стариком, продвигаясь между торговыми рядами.

– Сейчас его состояние стабилизировалось, но он без сознания, мы держим его в реанимации на аппаратуре. Весьма вероятно, у него некоторое поражение головного мозга, хотя глубину мы не можем установить до тех пор, как...

– Какая больница? – перебил Майлс.

– Святого Луки, на...

– Сейчас приеду! – Майлс швырнул трубку как раз в тот момент, когда подошла Наоми. – Попроси Хала, пусть подхватит мою клиентку, – бросил он секретарше, нажимая кнопку лифта. – Когда вернусь – не знаю.

– Что с отцом?

– Инсульт. – Майлс ударил ладонью по кнопке, словно подгоняя медлительный лифт, но реакции не последовало, и он метнулся к лестнице. – Я позвоню! – крикнул он на бегу.

Перепрыгивая через ступеньки, он скатился с лестницы, промчался по широкому вестибюлю и выскочил на автомобильную стоянку, к машине.

Святого Луки. Это на Виннетке, неподалеку от дома. Отец, наверное, пошел за покупками к Ральфу.

Каким-то образом представление о том, где это произошло, привязка к месту события сделали его более осознанным, менее абстрактным, и Майлса окатила волна паники. Слава Богу, она не сказалась на способности к трезвому мышлению и координации действий. Ему не пришлось судорожно перебирать связку ключей, чтобы найти ключ от машины, и руки не тряслись, когда он заводил двигатель. Напротив, казалось, что голова работает даже более четко, чем обычно. Он полностью контролировал свои движения и мыслительный процесс. Вырулив со стоянки, он погнал машину мимо здания Армии спасения, на Уилшир, безуспешно стараясь найти просветы в плотном автомобильном потоке.

Но здесь удача от него отвернулась.

Было такое ощущение, что на всех улицах, ведущих к шоссе Вентура, одновременно начались дорожные работы, и дорога напоминала один кошмарный сон. Два квартала он проторчал в пробке, потом наконец смог вырулить на боковую дорогу, но лишь затем, чтобы через некоторое время воткнуться в аналогичный затор. Он потратил двадцать минут на то, чтобы проехать шесть миль, и к моменту выезда на шоссе нервы уже были на пределе. От боли сводило мышцы лица, потому что он бессознательно все время сжимал челюсти, прокручивая в мозгу десятки сценариев смерти в ожидании разрешающих сигналов светофора.

Шоссе, впрочем, оказалось свободным, и уже через десять минут он стоял в больничном лифте, направляясь в отделение реанимации. В груди все ломило от боли, и хотя он понимал, что это всего лишь последствия стресса, не мог не подумать, что если суждено свалиться с сердечным приступом, то лучшего места для этого и не придумать.

Пост медсестер, уставленный сплошным рядом мониторов, начинался сразу за лифтом. Майлс быстро направился к молодому человеку азиатской внешности в синем комбинезоне, который поднял голову при его появлении.

– Я ищу отца. Боб Хьюрдин. У него инсульт, мне сказали, что он в реанимации.

Все это он выпалил на одном дыхании, наполовину приготовившись к самому худшему, но мужчина кивнул, даже не дослушав конца фразы, и вышел из-за стола навстречу Майлсу.

– Он в двенадцатой палате. Я вас провожу.

Двенадцатая палата располагалась примерно посередине коридора и, как все остальные палаты на этом этаже, имела большое окно, выходящее в коридор, чтобы медперсонал, проходящий мимо, имел возможность постоянно наблюдать за находящимися внутри пациентами. Майлс увидел отца раньше, чем вошел в комнату. Старик лежал не шевелясь, с закрытыми глазами, подсоединенный к каким-то приборам, к одной вытянутой руке тянулись внутривенные трубки. Вид у него был как у покойника.

Майлс проследовал за молодым человеком – интерном? врачом? медбратом? санитаром? – через открытую дверь в комнату. Он приготовился обуздывать наплыв эмоций, но ничего не почувствовал. Ни горечи, ни слез, ни гнева – один страх, ужас и панику, которые накатили на него в тот момент, когда Наоми сообщила, что отец в больнице.

В комнате стояла тишина, если не считать постоянного попискивания аппарата, контролирующего работу сердца. Майлс прокашлялся, и этот звук показался оглушительно громким. Но заговорил он благоговейным шепотом.

– Простите, вы врач?

– Я интерн, – так же шепотом откликнулся мужчина, покачивая головой. – Врач на обходе. Должен вернуться минут через пятнадцать, но я могу вызвать его, если хотите.

– Значит... опасности для жизни нет? Я хочу сказать, отцу не надо делать срочную операцию или что-то такое?

– Ваш отец едва не умер. Мог умереть. Таким образом, у него скорее всего весьма серьезное повреждение головного мозга. Мы даем ему разжижитель крови, а также другие препараты, которые способствуют растворению тромбов.

– Прошу прощения, – покачал головой Майлс. – Я не понимаю. У него из-за этого случился инсульт?

– Инсульт обычно происходит, когда в какой-нибудь из артерий отрывается сгусток, который начинает движение в потоке крови и застревает в одном из кровеносных сосудов мозга. Именно так произошло с вашим отцом. С инсультом, который уже произошел, мы ничего особенного сделать не можем, хотя врач, когда вы с ним увидите, обо всем расскажет подробнее. Анти коагулянты и разжижители крови даются для того, чтобы предотвратить повторные инсульты. Они часто происходят волнами. Сгустки перемещаются последовательно или частями, они могут стать причиной следующих закупорок сосудов, но мы надеемся, что лекарства это предотвратят.

Майлс слушал, неотрывно глядя на отца. Он обернулся к интерну только тогда, когда тот замолчал.

– Хотите, чтобы я позвал врача?

– Да, – кивнул Майлс. – Это можно?

– Я вернусь через пару минут, – улыбнулся молодой человек.

У стены рядом с изножьем кровати стоял стул. Майлс пододвинул его поближе к отцу и сел. Человек, лежащий на кровати с закрытыми глазами, с трубками, прикрепленными к носу, был совсем не похож на его отца. Он не просто выглядел старше и изможденнее, все черты его лица как-то изменились. Нос казался более крупным, чем раньше, подбородок – длиннее и более заостренным. Зубы, видневшиеся между полуоткрытыми бледными губами, казались слишком большими и слишком белыми, непропорциональными относительно всего лица. Лишь одна рука, не прикрытая простыней, соединенная трубками со стойкой, на которой крепились сосуды с лечебными и питательными препаратами, вводимыми внутривенно, казалась знакомой.

Он признал эту руку.

И вид ее по каким-то причинам вызвал слезы, которых не было раньше. Глядя на нее, со вздувшимися венами, испещренную старческими желтыми пятнами, на костистые, четко очерченные костяшки пальцев, он мог вызвать в памяти те образы, которые никак не связывались с безжизненным лицом, с неподвижным, укрытым простыней телом. Он видел ту руку, которая помогала ему выкарабкиваться по железной лестнице бассейна ИМКА, которая шлепала его, когда он пальнул из воздушного ружья в зад собаки Вертера, которая показывала, как вязать узлы для получения очередного бойскаутского значка, учила вести баскетбольный

меч.

От этого на глаза накатились слезы. Это вызвало тот эмоциональный всплеск, к которому он готовился.

Он прикоснулся к отцовской руке. Погладил ее. Взял в свою руку.

И когда через пять минут пришел врач, он все еще не мог унять слезы.

Тогда

Дрожащая девушка сидела в темноте, мерцающее оранжевое пламя горящего камина лишь частично высвечивало ее испуганное лицо. Руки она держала крепко сжатыми на коленях, лишь нервно шевелились тонкие пальцы.

– Тебе совершенно нечего бояться, – дружелюбно произнес Уильям, улыбнувшись девушке и стараясь ее успокоить, но от этих слов она, похоже, пришла в еще большее возбуждение. – Больно не будет. Это очень простая процедура.

Девушка продолжала сплетать и расплетать пальцы рук, лежащих на коленях. В каких-то иных обстоятельствах она наверняка выглядела бы вполне симпатичной. Но сейчас на ее лице были лишь тревога и страх. Она судорожно вздохнула – вздох был слышен даже за потрескиванием бревен в камине.

– Вам... – Она нервно закашлялась. – Вам обязательно меня видеть?

– Нет, если ты этого не хочешь, – покачал головой Уильям. – Но должен в таком случае предупредить, как это будет. Я могу сделать все сам, но если ты не хочешь, чтобы я тебя видел, тебе придется самой избавиться от этого. – Он некоторое время помолчал, дожидаясь, пока она осмыслит сказанное. – Это может тебя, наверное, смущать, но гораздо легче, если я сделаю это сам. Обещаю, я не буду смотреть на тебя как мужчина. Если тебе от этого будет легче – могу сказать, что мне пришлось переживать немало молодых женщин в подобной ситуации.

– Кого? – спросила девушка. Страх временно уступил место обыкновенному любопытству.

– Этого я не могу тебе сказать, – покачал головой Уильям.

Некоторое время она молчала, потом впервые за все время посмотрела ему в глаза.

– Значит, и обо мне никому не скажете?

– Даже под страхом смерти.

Он встал, подошел к окну и отодвинул занавеску. На пустынном пространстве лишь колыхались высокие травы, сгибаемые к земле холодным зимним ветром, дующим по равнине. Далеко у горизонта, как желтые звездочки, мерцали газовые фонари небольшого города. Отпустив занавеску, он пересек комнату и подошел к ряду полок, прибитых над кроватью. Взяв спичку, он чикнул ею по бревенчатой стене и зажег свечу.

Его мучило дурное предчувствие. Как он говорил девушке, он совершал эту операцию неоднократно, но нынче все было иначе. Он это чувствовал. В прошлом его не раз изгоняли из городов, избивали, хлестали кнутами. Но тут грозило не это. Предвидение его не обманывало. Тут намечалось нечто иное.

И это его пугало.

Девушку звали Джейн и она, как все ей подобные, была влюблена. Она отдалась своему любимому мальчику, при том, что отец хотел обручить ее с другим, и благодаря этому единственному случаю оказалась беременной. Этого еще не было заметно, но месячные уже не наступали два раза, и, несмотря на всю свою невинность, она сообразила, что это значит.

Как многие в подобной ситуации, она уже была готова покончить с собой, когда подруга приятельницы рассказала Джейн о нем, а на следующий день Уильям получил записку, нацарапанную торопливым почерком, жутко неграмотное послание, умоляющее его положить конец этому ее состоянию.

Как всегда, он согласился.

Именно это и привело ее в вечернем мраке к нему в хижину.

Он знал, что то, что он намерен сделать, является незаконным. И в прошлом он подвергался избиениям и гонениям не только за выполнение этого действия, сколько за то,

каким образом он совершал его.

За применение магии.

Он оглядел свое маленькое жилище. Он жил здесь уже больше года. Это был самый долгий срок, который ему удалось провести на одном месте с тех пор, как он покинул Восток, и ему нравилось это место, нравились местные люди. Он стал членом их общества, и подозрения, которые обычно он начинал вызывать в любом ином месте, здесь как-то не возникали. Он помог нескольким девушкам, даже помог нескольким мужчинам, но это был город строгих христианских правил, и эти нравы заставляли людей крепко держать язык за зубами.

Всему этому грозил наступить конец. Он знал это, *чувствовал*, и это вызывало печаль.

Кончиться это должно было плохо.

С насилием.

И это его пугало.

Уильям заставил себя ободрительно улыбнуться девочке, которая по-прежнему сидела, выпрямив спину, в маленьком кресле, сплетая и расплетая пальцы сложенных на коленях рук.

– Я бы хотел, чтобы ты перешла на кровать, – произнес он. – И тебе надо будет снять одежду.

Джейн кивнула и встала. Руки заметно дрожали. Она сняла пальто, сняла платье, сняла нижнее белье. Размещая одежду на стуле, она заплакала, а когда легла на кровать, тело уже сотрясали рыдания. Она изо всех сил стиснула ноги. Уильямс, стоя рядом с кроватью, кашлянул, привлекая к себе внимание, и жестом руки показал, что ноги надо раздвинуть.

Она повиновалась, уже рыдая в голос, и закрыла лицо руками, чтобы не видеть его – словно загораживая лицо, могла тем самым загородить и все остальное.

Он установил свечу на живот и аккуратно разложил холстину между ног. Прикрыв глаза, он на мгновение сосредоточился, собирая силу, которая была необходима. Как всегда, это началось с легкого покалывания в середине живота, с трепыхания сердца, которое перерастало в теплую вибрацию и распространялось по всему телу, по конечностям – в голову, освещая мир, сосредоточенный в его мозгу.

Он открыл глаза. В комнате возникло дополнительное свечение. Каждый предмет имел теперь свое сияние, ауру различных оттенков, которая исходила от стен, от пола, от потолка, от мебели и особенно от девочки.

Голова ее купалась в желтом сиянии, большая часть туловища – в синем, только свеча на животе и лоно имели ауру серого цвета.

Уильям глубоко вздохнул, затем медленно провел руками над брюшной полостью, негромко произнося Слова, которые предназначались для прерывания беременности. В покрытой волосами промежности появилась струйка крови, которая быстро впиталась в тряпку. Джейн все еще плакала, но от стыда и унижения. Было ясно, что боли она не испытывает.

Его руки еще раз прошли над животом, и на этот раз из промежности на тряпку вывалился бесформенный комок – окровавленная масса плоти, которую он быстро накрыл и убрал в сторону. Всю тряпку он бросил в камин, произнес несколько Слов, после чего обернулся к девушке.

– Все. Можешь одеваться.

Она отняла руки от лица и в одну секунду, прежде чем отвернуться, давая ей возможность спокойно одеться, он увидел выражение неподдельного изумления. Она не поняла, что все уже кончилось, потому что не почувствовала, когда это началось.

Он слышал, как за спиной скрипит кровать, потом – половицы. Потом послышался шорох одежды. К сожалению, еще не все кончилось. Его предчувствие надвигающейся катастрофы не ослабло ни на йоту, и хотя аура уже таяла перед его глазами, хотя покалывание в теле сократилось почти до минимума, у него по-прежнему было чувство, что что-то не так, что произошедшее сегодня ночью должно привести к...

К чему?

К смерти.

Да, к смерти. Его собственной или Джейн – этого он не знал, но постарался поторопить ее, постарался выпроводить девушку за дверь, на дорогу к городу раньше, чем что-нибудь успеет произойти. Она попыталась заплатить ему, предлагала отработать долг за его доброту и

помощь, но он твердо сказал, что не берет никакой платы. Он сделал это потому, что хотел помочь ей, а не потому, что хотел чего-либо для себя. Она не стала спорить и поспешила прочь.

Он смотрел в окно, как она торопливо шагала по направлению к городу. Луна освещала темную фигурку до тех пор, пока та не превратилась в маленькую точку на дороге и не растворилась в ночной темноте.

Уильям налил себе чаю из котелка, висящего над огнем, и устроился в кресле. Он ждал, и дурное предчувствие не покидало его. Он уже размышлял, не стоит ли оседлать лошадь и удалиться куда-нибудь на несколько дней, может, провести недельку в холмах, пока здесь все не успокоится, когда снаружи послышались голоса.

Потом раздался стук в дверь.

Вот оно.

Вставая, он чуть не опрокинул кружку себе на колени, но увернулся от горячей жидкости и поставил чашку на каминную полку.

Стук повторился, на этот раз громче, настойчивее – не дружеский стук соседа, заглянувшего на огонек, а суровый, требовательный стук дерева по дереву. Уильям пересек комнату, откинул засов и распахнул дверь.

Шесть или семь человек, вооруженные топорами и пистолетами, толпились на крыльце. Луна освещала их сзади, лица скрывались в темноте, Уильям мог видеть лишь силуэты, но в позах сквозила агрессивность, в том, как руки сжимали оружие, – ярость. А за всем этим он чувствовал их страх.

Такое с ним уже случалось и раньше.

– Заходите, – пригласил он, изображая дружелюбие, которого на самом деле не испытывал.

– Мы не в гости к тебе пришли, – откликнулся ближайший к нему мужчина. Уильям узнал грубый низкий голос Кэлуна Стивенса, отца Джейн. Крупный мужчина ступил через порог. – Мы знаем, чем ты занимался.

– И мы знаем, кто ты такой! – раздался дребезжащий старческий голос сзади.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, – солгал Уильям.

Стивенс угрожающе поднял топор.

– Я знаю, что моя дочь сегодня была здесь. Я знаю, что ты с ней сделал!

Джейн не могла ничего сказать, сообразил Уильям. Они бы просто не успели собраться и добраться сюда за столь короткое время. Значит, это ее подруга, которая и дала ей его имя.

Мужчины придвинулись ближе. Стивенс с размаху засадил топор в стену хижины.

– Мы пришли для того, чтобы ты больше никогда не смог этим заниматься.

– Мы знаем, кто ты такой! – повторил старик из-за спин.

Уильям понял, что легко от них не отделаться. Эти люди пришли не разговаривать, и они не были готовы слушать. Они явно его боялись и им явно пришлось себя сильно завести, чтобы решиться на это. По мере того как толпа вдавливала отца в комнату, он различил сильный запах виски.

Их страх можно было использовать против них.

Это его последний шанс избежать насилия.

Он расправил плечи, подошел к камину, сознавая, как выглядит на фоне играющих оранжевых языков пламени.

– Вы знаете, кто я? – громко спросил он. – Что ж, в таком случае вы знаете, что я могу.

Сосредоточившись, он заставил огонь разгореться ярче; ревущее пламя яростно рванулось в трубу.

Мужчины – все, кроме Стивенса, отпрянули.

– Она – моя дочь! – выкрикнул Стивенс, делая шаг вперед.

Уильям стоял спокойно, собирая силы, надеясь, что не придется прибегать к магии, и понимая, что без нее не обойтись.

– Я не прикасался к твоей дочери. – Он быстро оглядел помещение, как бы проводя инвентаризацию и решая, что нужно будет взять с собой, а что можно оставить. Да, он будет скучать по этому месту.

Стивенс бросился вперед.

Уильям увернулся, готовый к этому. Топор врезался в полку над камином. Посуда со звоном и грохотом посыпалась на деревянный пол. Прежде чем здоровяк успел подготовиться к новой атаке, Уильям повел рукой, отчего топор вырвался из руки Стивенса.

– Остановитесь! – предупредил Уильям. – Оставьте мой дом, или я за последствия не отвечаю. – Краем глаза он заметил, что пара мужчин, стоявших ближе всех к двери, бочком потянулись к выходу. И никто не двинулся вперед, чтобы поддержать Стивенса.

Мышцы подрагивали от напряжения. Его переполняли гнев и сила. Когда он понял, что Стивенс не намерен отступать, когда он увидел, что оскорбленная отцовская гордость и ярость поднялись до слишком высокого градуса, Уильям решился.

– Умри, колдун! – бросился вперед Стивенс.

Он явно ожидал, что друзья поддержат его, но после того как Уильям начал монотонно произносить Слова, после того как огонь в камине снова заревел, а зеленые языки пламени, рванувшиеся из него, ударили Стивенсу прямо в лицо, компания, толкаясь, ринулась к выходу.

Уильям продолжал скандировать, зеленое ревущее пламя росло, оно уже охватило все туловище здоровяка, лишив его способности шевелиться. В болезненном освещении неестественного огня тело Стивенса почернело, съежилось и начало таять.

Уильям выглянул в открытую дверь. Всадники уже были видны едва заметными мелькающими тенями в лунном свете. По равнине несясь дробный перестук копыт. Они спешили в город, но скоро они вернутся с подкреплением. Привезут больше людей, больше оружия. Добропорядочные горожане отправятся в священный поход, чтобы покончить со злым колдуном и его черной магией.

Лишь потому, что какая-то девочка влюбилась не в того парня, за которого ее отец хотел выдать ее замуж.

И он оказал ей помощь.

Уильям вздохнул.

Ему казалось, что такого рода гонения уже кончились, что ненависть и ужас былых времен прошли...

Но не прошли, и не кончились, и не кончатся никогда.

Зеленое пламя исчезло. Он смотрел на бесформенную черную массу, что была недавно человеческим телом, и думал о матери. Он помнил, как она выглядела на костре, помнил паническое выражение ее обреченного лица, помнил, как глаза ее скользили по толпе, явно ища его, но не узнавая и ошибочно впиваясь почти в каждый враждебный взгляд толпы, приговорившей ее к смерти. «Бегом!» – крикнул мужчина с факелом, и она побежала туда, где уже занялось пламя – сначала робкое, потом более сильное по мере того, как занимались толстые сучья. Она продолжала бежать, когда платье из мешковины, в которое она была одета, порвалось и упало, она бежала голой, а вокруг уже бушевало пламя.

Он прикоснулся ногой к скрюченной форме. Мысленно – и так четко, словно это было вчера, – он слышал крики матери, когда разбушевавшееся пламя сжигало ей кожу, а ноги почернели и начали дымиться. Он хотел, чтобы она спасла себя, использовала всю магию, какая у нее осталась, чтобы поубивала всех, кого только могла, и в то же время не понимал, почему она не борется и готова погибнуть без сопротивления.

Но сейчас он уже понимал, что она поступила так ради него. Малейший намек на то, что судья прав и что она действительно колдунья, убедил бы всех, что и сыну ее самое место – на костре. Но погибая таким образом, она сохраняла живую искорку сомнения в сознании горожан, что гарантировало ему жизнь.

Мать убили люди, подобные Стивенсу и его компании. Уильям понимал, что они попросту до смерти боятся того, что не в состоянии понять, но это не оправдывало их действий. Он не чувствовал ни малейших угрызений совести по поводу того, что лишил Стивенса жизни. Это ситуация «убей ты – или убьют тебя», весьма часто встречающаяся здесь, на Территориях, и он при необходимости готов был сделать то же самое и в другой раз.

На самом деле времени для размышлений у него не было. Они обязательно вернутся. Он сложил в сумку свои бумаги и порошки, взял столько еды и одежды, чтобы лошадь смогла нести груз, и вышел на улицу. Мелькнула мысль поджечь дом, чтобы избавиться от всех улик. Но в таком случае они наверняка будут знать, что он сбежал. А так они наверняка сначала

обыщут дом и окрестности и только после этого пустятся в погоню. Это даст дополнительное время.

Сначала он погнал лошадь галопом, но вскоре перешел на рысь. Если преследователи захотят, они все равно смогут догнать его. Может, не сразу. Может, на второй день или на третий. И он решил, что лучше не демонстрировать отчаяние. Пусть они поймут, что он уехал, но пусть знают, что он их не боится, что он настолько уверен в своих силах, что бежать просто нет необходимости.

За спиной раздался звук выстрела. Грохот умножился и раскатился эхом в холодном ночном воздухе. Он сказал лошади, что на это не стоит обращать внимания, и дал команду животному продолжать двигаться в том же неторопливом ритме. Даже если кто-то из них соберется стрелять в него – в чем Уильямс сильно сомневался, – ни одна пуля все равно не достигнет цели. Первое, что он сделал, пускаясь в путь, – накрыл себя защитным заклинанием, способным успешно противостоять любому ручному огнестрельному оружию, за исключением выстрела в упор.

Впереди расстился мрак.

Позади прокатилось эхо еще нескольких выстрелов.

Он поднял голову, определяя положение луны. Полночь уже миновала. Наступило Рождество. Когда взойдет солнце, люди, оставшиеся у него за спиной, начнут разворачивать подарки, произносить благодарения Богу, собираться в церковь.

Он вздохнул. Все это не имеет значения.

Он продолжал неторопливо продвигаться вперед.

Он все равно не признавал этот праздник.

Сейчас

1

Тело было разорвано пополам. Разорвано в буквальном смысле. Как лист бумаги. Вся правая часть с головой, торсом и животом была оттянута в сторону, так что левая и правая половины мужского тела соприкасались лишь пятками.

Майлсу никогда в жизни не приходилось видеть или слышать такого. С отвращением и ужасом он смотрел на вывалившиеся кишки и обломки костей, валявшиеся на залитом кровью деревянном полу. Постоянно подкатывали приступы тошноты, и лишь немалым усилием воли ему удавалось удержать на месте свой завтрак.

Хуже всего был запах – отвратная вонь блевотины, экскрементов и жидкости из организма. Пришлось зажать рукой нос; он очень сожалел, что судебно-медицинские эксперты и полисмены не предложили ему хирургической маски, в которые облачились сами.

Ему позвонил Грэм Доналдсон, и теперь Грэм стоял рядом, наблюдая за тем, как полиция посыпает все вокруг порошком в надежде обнаружить отпечатки пальцев, собирает вещественные доказательства и фотографирует сцену преступления. Майлс не очень понимал, зачем адвокату потребовалось приглашать его – видимо, как свидетеля, как неофициального наблюдателя, но Грэм был другом, и он согласился автоматически.

Но оказался не готов к тому, что предстало перед глазами.

Криминалист присел на корточки перед левой половиной головы и брал образцы крови из мозговой полости. Майлс отвернулся. В своих самых черных фантазиях он иногда рисовал себе случаи убийств, но его воображение оказалось жалкой мазней по сравнению с лежащим перед ним телом – или, скорее, тем, что от него осталось. Оказывается, ему чертовски повезло, что он попал в офис в центре города – с компьютерами, эргономичной мебелью и чистой бумажной работой.

Никогда в жизни он больше не будет жаловаться на славную должность клерка.

– Так, собственно говоря, зачем я здесь? – обернулся Майлс к Грэму.

– Ну, я подумал, – пожал плечами адвокат, – вдруг ты поможешь мне установить, кто это мог сделать. Решил, что лучше тебе оказаться на месте преступления и своими глазами увидеть

то, что делают копы, нежели потом прочесть об этом и посмотреть фотографии.

При этих словах двое ближайших полисменов обернулись и внимательно на них посмотрели.

Грэм проигнорировал враждебные взгляды.

– Мне нужно выяснить, не замешана ли в этом каким-то образом «Томпсон».

Майлс еще раз взглянул на тело. Монтгомери Джоунс должен был встретиться с Грэмом в кондитерской «Джеррис», что в Долине, чтобы выработать стратегию действий, прежде чем отправляться давать показания юристам «Томпсона». Майлсу удалось накопить довольно любопытные статистические материалы насчет политики компании по отношению к приему на работу представителей национальных меньшинств, а также несколько разоблачительных цитат главного администратора «Томпсона». Грэм уже с удовольствием подсчитывал шансы своего клиента на заключение мирового соглашения, и ему не терпелось обсудить с ним это.

Только Монтгомери не появился.

Его тело было обнаружено два часа спустя здесь, в старом каретном сарае неподалеку от плотины в Уиттеровской теснине.

– Учти, у меня нет легального статуса, – напомнил Майлс. – Если меня попросят выйти за ленточку, придется подчиниться.

– Знаю, – фыркнул Грэм. – И не напоминай мне про «легальный статус».

Майлс удивленно поднял брови.

– Извини, – наклонил голову адвокат. – Сам понимаешь, стрессовая ситуация. Я знаю, что ты не имеешь права проводить собственное расследование. Он тебя не нанимал, практически ты на него не работал. Ты работаешь на меня. Но меня нанял он, и я намерен увидеть, как его убийца предстанет перед судом.

– Копы, похоже, довольно усердно трудятся, – заметил Майлс.

– Ты мне был нужен как свидетель как раз на тот случай, если бы они работали менее усердно. Я еще не представляю, что делать и как мне со всем этим справиться, поэтому хочется, чтобы все позиции были с самого начала прикрыты.

Майлс примерно так и думал, поэтому просто кивнул, удовлетворенный, и принялся оглядывать каретный сарай – старинные конные повозки и эмблемы, огромные, похожие на амбарные, двери. Всегда ли эти двери держат открытыми? Не видно было никаких засовов или замков, а цепная ограда вокруг зоны отдыха в Уиттеровской теснине была порвана в нескольких местах и любой человек мог запросто попасть сюда.

«Томпсон Индастриз» могла применять грубые методы, но почему-то Майлсу в это не верилось. Они могли быть сколько угодно безжалостными в бизнесе, но маловероятно, чтобы решились обречь Себя на кошмарный публичный скандал, связанный с подозрением в преступлении. Тем более в столь гнусном.

Это дело не корпорации, пытающейся избежать судебного разбирательства, это дело... кого?

Монстра, мелькнула первая мысль, но Майлс тут же отмел ее как абсурдную. Монстров не существует. Тем не менее он никак не мог представить себе, как это могло быть сделано, как какой-то человек или даже целая банда могла физически совершить подобное действие, и единственным образом, возникающим в голове при взгляде на разорванное тело Монтгомери, был образ гигантского Франкенштейна – огромного, гротескного создания, злобно хватающего человека и разрывающего его надвое.

Мурашки волной пробежали по всему телу.

– Ты не считаешь, что это имеет отношение к «Томпсону»? – спросил Грэм.

– А ты?

– Даже не представляю, кто такое мог сделать, – покачал головой адвокат.

* * *

Майлс не стал заезжать на стоянку, а остановил машину на улице, увидев свободное место в зеленой двадцатиминутной зоне. Ему нужно было только захватить несколько папок и адресов – туда и обратно, – и он не хотел тратить лишнего времени. Обратная дорога из

Уиттера заняла половину дня, и нужно было подчистить кое-какие старые дела, прежде чем приступить к поискам того, кто преследует отца Марины Льюис.

Он вышел из машины и направился в здание. Навалилась жестокая усталость. Впервые он понял, каким образом сгорают копы и юристы, врачи и психиатры. Смерть действует иссушающе. Между своим отцом и Монтгомери Джонсом он насмотрелся столько смертей и болезней, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

Майлс нажал кнопку лифта. Двери открылись в ту же секунду, и он поехал в офис агентства. Он стоял, закрыв глаза, и никак не мог избавиться от застрявшего в сознании образа тела Монтгомери. Сегодня он понял про себя то, о чем не подозревал еще даже утром – он не предназначен для работы в сильных стрессовых ситуациях. Он не из тех, кто легко принимает вызов судьбы, кто лишь раскрывается в напряженной обстановке. От этого ему стало грустно, и когда двери лифта открылись на нужном этаже, он окончательно понял, что, несмотря на мелкие жалобы, он вполне удовлетворен выпавшим жребием. Ему не хочется становиться настоящим сыщиком, не хочется раскрывать настоящие преступления. Хочется спокойной работы – умеренно интересной, умеренно возбуждающей.

Проходя по коридору к своему кабинету, он поздоровался с Наоми, Халом, Трэном и Винсом, потом взял нужные папки и, не задерживаясь, двинулся в обратный путь.

Вчера вечером он позвонил Марине Льюис, извинился за задержку, поинтересовался, не желает ли она передать дело Халу или кому-то еще из расследователей, но она проявила понимание и заверила, что предпочтет иметь дело именно с ним.

Затем он побеседовал по телефону с ее отцом Лиэмом, но понял, что от старика никакого толку не добиться. Действительно, инициатива провести расследование целиком и полностью принадлежала Марине, старик не хотел даже разговаривать на эту тему, и Майлс понимал почему. У него сложилось ощущение, что старик знает гораздо больше, чем говорит. Майлс решил, что стоит пообщаться с кем-нибудь из его приятелей и выяснить, не был ли он с ними более разговорчив.

Сев в машину, он быстро перебрал взятые с собой папки. Верхней лежало дело о разводе супругов Гонсалесов.

День обещал быть очень долгим.

* * *

После работы он поехал в больницу.

Состояние отца по сравнению с первым днем изменилось ненамного, и хотя уже было ясно, что смертельная опасность для жизни миновала, не менее ясно было и то, что восстановиться до того состояния, о котором мечтал Майлс, ему тоже не суждено.

Коридор, ведущий в отделение интенсивной терапии, как всегда, был заполнен врачами, медсестрами, прочим обслуживающим персоналом, но Майлс за последнее время здесь так примелькался, что никто его не останавливал, а некоторые даже улыбались и кивали в знак приветствия. Дверь отцовской палаты была открыта. Сделав глубокий вдох, чтобы подбодрить себя, он заглянул внутрь. Если отец спит, он подождет в холле. Беспокоить его не хотелось. Но Боб вполне бодрствовал, глядя на экран телевизора, укрепленного на настенном кронштейне.

Майлс вошел в палату. Шум медицинского оборудования, обеспечивающего и контролирующего жизнедеятельность больного, перекрывал приглушенный звук телевизора. Майлс вгляделся. Шла очередная серия «Опры». Отец терпеть не мог «Опру». Оглядевшись, Майлс нашел пульт дистанционного управления и переключился на канал с местными новостями, которые обычно смотрел отец.

Потом присел на стул рядом с кроватью и заставил себя улыбнуться.

– Здорово, отец. Как дела?

Старческая рука пошевелилась и с неожиданной силой стиснула его запястье. Отец пытался что-то сказать. Говорить он мог только шепотом и не шевеля губами, слова формировались практически одним дыханием. Майлс придвинулся к нему ближе и приложил ухо к губам старика.

– Что ты хочешь сказать?

– А-а-а-а... е-е-с-с-с-ь...

– Есть?

– А-а-а-а... е-е-с-с-с-ь...

Майлс нахмурился, не улавливая смысла.

– А-а-а-а... е-е-с-с-с-ь...

– Все хорошо, отец. – Майлс успокаивающе похлопал его по плечу. Под простыней ощущались обтянутые тонкой кожей кости. Ощущение было тревожным, еще более тревожным на фоне бессвязной речи.

– А-а-а-а... е-е-с-с-с-ь... – снова протянул Боб.

Майлс не понимал, что делать, и продолжал успокаивающе водить ладонью по отцовскому плечу, приговаривая – «все хорошо, все хорошо». Он уже осознал, что если отцу не суждено умереть от этого инсульта, то в какой-то момент он вернется домой. Это пугало Майлса до глубины души; он отчаянно боялся ответственности, которая в этом случае ляжет на его плечи. Единственной причиной, благодаря которой он еще как-то держал себя в руках, было то, что больница в настоящее время полностью обеспечивала все физические и физиологические потребности отца и следила за его состоянием. Он представления не имел, как сумеет справиться со всеми этими обязанностями самостоятельно.

Конечно, все было бы совсем по-другому, если бы рядом была Бонни, но сестра даже не удосужилась до сих пор приехать навестить отца. Этого следовало ожидать, и тем не менее он все равно бесился по этому поводу. Разумеется, она позвонила, но лишь один раз, и ей в голову не пришло подумать, что отец, возможно, хочет ее видеть или что Майлсу, например, не помешает моральная поддержка.

Как всегда, она думала только о себе и о том, что ей удобно.

– А-а-й-с... – выдохнул отец.

Майлс.

– Я здесь, папа, – сжал он отцовскую руку.

Отец кивнул головой. На губах появилось подобие улыбки. В следующее мгновение голова снова бессильно упала на подушку. Глаза закрылись.

Майлс поймал себя на мысли о Клер. У бывшей жены с отцом всегда были прекрасные отношения, и он размышлял, не стоит ли позвонить ей. Возможно, ей следовало бы сказать, что случилось. Но он понимал, что не в состоянии заставить себя это сделать. Даже спустя столько времени душевные раны кровоточили по-прежнему, и единственной причиной, благодаря которой возникла мысль о звонке Клер, была безрассудная идея, теплившаяся в глубине сознания, что это могло бы привести к некоему подобию примирения, что это могло бы вернуть ее и они смогли бы вновь жить счастливо до окончания своих дней. То есть он думал позвонить ей не ради отца, а ради себя самого, и осознание этого не позволяло снять трубку телефона.

Это, а также дикое нежелание обнаружить, что вдруг она невероятно счастлива в своей новой жизни и безумно увлечена другим, которого любит больше всего на свете.

– А-а-й-с...

– Да, папа.

Майлс начал говорить. Он сделал беглый обзор прошедшего дня, утаив, разумеется, мрачные подробности утренних событий. Вести односторонний разговор было странно, неловко, у него это не очень хорошо получалось, но периодическое твердое пожатие отцовской руки говорило, что усилия не пропадают даром, и он напрягал мозги, пытаясь выдумать новые и новые сюжеты для повествования. Затем он просто начал сочинять, но к этому моменту Боб начал задремывать и постепенно заснул.

Майлс осторожно соскользнул со стула и вышел в коридор, к столу дежурных медсестер, где поинтересовался, работает ли в данный момент доктор Йи.

– Скорее всего он на обходе, – сообщила сестра. – Но должен вернуться. Хотите, я отправлю сообщение ему на пейджер?

– Не стоит, – покачал головой Майлс. – Я подожду.

За спиной медсестры возник интерн.

– Может, я могу вам помочь?

– Нет, я просто хотел задать пару вопросов доктору Йи относительно моего отца.

– В какой палате ваш отец?

– В двенадцатой.

– А-а, мистер Хьюрдин. Я в курсе его дел. Что именно вы хотели узнать?

– Я просто хотел выяснить, собираются ли его выписывать домой. Разумеется, не сейчас, со временем.

– Скорее всего его выпишут на следующей неделе. Ему не требуется система жизнеобеспечения и постоянное лечение, и честно сказать, в этом смысле мы уже мало чем ему в состоянии помочь. Ему выпишут антикоагулянты, видимо, мы включим его в нашу восстановительную послеинсультную программу, которая представляет собой информационные занятия для родственников и физиотерапию для пациента. Как вам известно, у вашего отца после инсульта пострадала правая сторона, и реабилитация будет направлена на адаптацию его сознания и тела к постинсультному состоянию. Но, должен заметить, ему необходим круглосуточный уход. Ему нужна находящаяся в доме нянечка, обладающая профессиональными навыками. Я не знаю, какой вид медицинской страховки у вашего отца...

– Это не проблема, – прервал его Майлс.

– Вы уверены? Это хорошо, и все же советовал бы вам пересмотреть все детали договора страхования. Многие договора для пожилых оговаривают, что тип лечения определяют службы здравоохранения, а не личный врач пациента, а это означает, что у них есть стандартные решения для каждой проблемы и определенная сумма, которую они выделяют на каждое заболевание или инвалидность. Я не говорю, что это имеет отношение к вашему отцу, но если так, вам надо готовиться к крупным, очень крупным расходам.

Майлс отправился домой в подавленном состоянии. Он и без того не считал себя самым счастливым человеком на свете и в самых благоприятных обстоятельствах, но сейчас словно весь мир навалился на плечи. Чувствуя гнетущую духоту, он направился не прямо домой, а принялся кружить по узким улочкам в районе Голливудских холмов, сосредоточившись на дороге, стараясь не думать про отца, про работу и все остальное, имеющее хотя бы косвенное отношение к собственной жизни.

* * *

К счастью, страховка отца покрывала все. Боб работал в аэрокосмической промышленности в период ее расцвета и ушел в отставку, когда размер пенсий достиг своего пика, поэтому можно было не связываться со службой здравоохранения, а выбирать своего собственного лечащего врача. Перебирая документы и страховые полисы, Майлс выяснил, что страховой компании придется не только полностью оплатить больничные счета, но и покрыть девяносто процентов затрат на восстановительный курс.

Если бы его собственная страховка хотя бы наполовину соответствовала отцовской... Он с грустью подумал о давно прошедших временах, когда работодатели действительно проявляли заботу о своих сотрудниках, вместо того чтобы их накалывать.

Накалывать.

Интересно, пользуется ли сейчас кто-нибудь этим выражением?

Он вздохнул. Очередной знак подступающей старости.

Была суббота, и после визита к отцу Майлс вернулся с полисами на руках поговорить с больничным «представителем пациента». Представительница по имени Тери внешне до боли напоминала Клер и так же, как бывшая жена, была полна сочувствия и энергии. Она быстро разобралась со всеми документами, которые он ей показал, сделала несколько телефонных звонков, и в течение часа все формальности оказались улажены.

– Сегодня часа в два дня они пришлют к вам домой нянечку или, как они предпочитают себя называть, куратора. Как вы слышали из моего телефонного разговора, больница больше не осуществляет непосредственной помощи нашим пациентам на дому. На эту услугу у нас заключен контракт с другой фирмой. Тем не менее мы все координируем, поэтому, если возникнут какие-то проблемы, приходите ко мне, и мы во всем разберемся.

Майлс кивнул.

– Куратор заедет сегодня только познакомиться. Она вам объяснит, какие будет

выполнять обязанности, когда начнет приезжать регулярно.

– Разве она не будет жить с нами?

– Об этом можно договориться в случае необходимости, но в настоящий момент доктор Йи не считает, что вашему отцу необходимо круглосуточное профессиональное наблюдение. Поэтому – нет. Вероятно, она будет приезжать утром, оставаться на весь день, а на вас ляжет ответственность следить за отцом ночью. Но это не должно быть обременительно, поскольку в это время он будет спать. Впрочем, она сама вам объяснит все более подробно. В принципе сегодня она должна познакомиться с вашим домом, выяснить, нужно ли как-то изменить кровать вашего отца или мебель. В общем, в таком духе. – Женщина улыбнулась. – Как я уже сказала, при возникновении любых проблем сразу же звоните мне.

Майлс покинул больницу вскоре после того, как пообщался с доктором Йи, завершившим свой дневной обход, и поспешил домой. Симпатичная, молодая рыжеволосая женщина, внешне напоминающая певицу стиля кантри, уже ждала его, прислонившись к капоту своего «камри». Коричневый портфель стоял у ее ног. Он остановил машину у тротуара и подошел к ней.

– Здравствуйте, я Майлс Хьюрдин.

– Меня зовут Одра? Одра Уильямс? Я медсестра-сиделка и буду ухаживать за вашим отцом?

Женщина говорила с ярко выраженным южным акцентом, благодаря которому каждая фраза звучала как вопрос, и хотя у него всегда было какое-то предубеждение к такой манере речи – ее обладатели казались ему туповатыми, – от Одры исходил такой, дух уверенности и компетентности, что, когда она начала объяснять, что она уже сделала и каким образом она будет ухаживать за отцом, Майлс попросту забыл думать о ее акценте.

Они ходили по дому, при этом Одра быстро делала какие-то заметки в своем органайзере с кожаным переплетом. В комнате Боба она заявила, что закажет для него новую кровать, специальную настраиваемую больничную койку, а потом добавила в свой список специальный матрас и поднос для еды. Майлс не знал, покроет ли страховка такого рода аксессуары, но все равно молча кивал в знак согласия.

Закончили они обход в гостиной. Здесь она выдала ему стопку брошюр и видеокассету на тему домашнего ухода за лежащими больными. Он пошел провожать ее к двери и уже был готов попрощаться, как она остановилась и обернулась к нему.

– Мистер Хьюрдин?

– Да?

– Хочу предупредить вас, что я христианка. Чтобы с самого начала не возникло недоразумений. Я – богобоязненная женщина. Я здесь, чтобы помогать вашей семье в час нужды в этом, но я укрепились в вере через испытания и полагаю, вам следует знать об этом?

Это грянуло как гром среди ясного неба.

Она выжидающе посмотрела на него, и Майлс сумел выдавить из себя улыбку.

Богобоязненная женщина.

Почему женщина, определяющая себя как христианка, должна *бояться* Бога? Разве не следует ей любить Бога? Он никогда не мог понять причудливую систему взаимосвязанных, перекрещивающихся вознаграждений, обещаний и запретов, которыми руководствуются в своей жизни укрепившиеся в вере христиане.

Он даже подумал о том, чтобы заменить Одру, попросить вместо нее кого-то другого. Именно поэтому она предупредила его, и об этом стоило задуматься. Тем более в такой ситуации. Укрепившиеся в вере, насколько он знал, всегда вызывали у отца сильное раздражение. Разумеется, и отца, и его самого сильно раздражал любой, даже приблизительно религиозный человек, и Майлс подумал, что отцу, может, это и понравится. Это может в некотором смысле время от времени воодушевлять его на бескровные битвы.

– Одра, – произнес он с улыбкой, – я рад, что вы будете с нами.

2

Следующим днем было второе воскресенье месяца. От Марины Льюис Майлс уже

выяснил, что ее отец обычно по выходным отправлялся на ежемесячный блошинный рынок «Розовая чаша» торговать «Амберолами», но нынче туда не собирался. Лиэм Коннор сорок лет проработал токарем в механических мастерских, а когда вышел на пенсию, в поисках, чем занять свободное время и как заработать несколько лишних баксов, начал покупать и реставрировать старинные фонографы. Марина сказала, что большинство его нынешних друзей – такие же торговцы.

Конкретных имен она не назвала, отец в очередной раз проявил категорическое нежелание сотрудничать, поэтому Майлс попросту решил поехать туда и расспрашивать всех подряд, пока не наткнется на того, кто знает старика Коннора.

Сначала он заехал в больницу повидать отца, дождался возможности переговорить с доктором Йи, после чего боковыми улочками – поскольку основные трассы были забиты машинами, как при землетрясении, – направился в сторону Пасадены.

Ветер, дувший всю ночь, разогнал смог, и небо над «Розовой чашей» было по-настоящему голубым. Майлс заплатил возмутительные шесть долларов за стоянку рядом с рынком, а когда вылез из машины, оборудованной климат-контролем, обнаружил, что на улице вполне по сезону прохладно.

Он вошел в ворота и окунулся в гигантскую толпу продавцов, завсегдатаев и случайных посетителей, растянувшуюся вокруг всего стадиона. Сегодня он ощущал себя настоящим детективом, якобы ведущим настоящее расследование, и это в сочетании с чистым свежим воздухом даже улучшило настроение, что в последнее время случалось с ним крайне редко.

Протиснувшись сквозь толпу молодых мамаш с колясками, он остановился у первого прилавка.

– Извините, – обратился он к сгорбленному старикану, торгующему стеклянными бутылками для молока, – вы не знаете Лиэма Коннора?

Старик посмотрел на него, сквозь него, а потом отвернулся, ничего не сказав.

Майлс подавил желание расколотить хотя бы одну бутылку и начал оглядываться по сторонам в поисках торговцев старинными фонографами. Он сообразил, что продавцы должны как-то группироваться по категориям своего товара. К сожалению, вокруг располагались в основном торговцы всякого рода безделушками, бутылками, фарфором, поэтому пришлось продираться сквозь толпу дальше – к восточной трибуне «Розовой чаши», постоянно оглядываясь по сторонам.

Почти сразу же он заметил, что расположение продавцов не соответствовало никакой логике. Большая часть тех, кто находился у входа, торговали схожими предметами по чистой случайности, поскольку по мере продвижения в глубь блошиного рынка ему попадались мебель рядом с ювелирными украшениями, старинная одежда – с сельскохозяйственным инструментом. Территория оказалась огромной. В поисках того, кто знает отца Марины, можно запросто провести весь день.

Тем не менее он не отказывался от идеи найти еще одного торговца фонографами, поэтому упорно бродил между рядами, выглядывая «Виктролы», «Амберолы» или какие-нибудь еще старые проигрыватели.

Ему попадались множество столов со старинными игрушками – очевидно, весьма популярными среди современных коллекционеров. Среди них он даже узнал несколько тех, что были у него в детстве. Он обнаружил свое старое ведерко для пикника Джеймса Бонда, предлагаемое за пятьдесят долларов, свой гоночный автомобильчик за тридцать пять. Он прошел мимо коробок с журналами «Лайф» и стопками старых битловских альбомов. Рядом с куклой фотомодели Авророй Волфман лежал бородатый фармацевт Фред Флинтстоун. Конфета немного помялась, поэтому голова Фреда завалилась набок, создавая ощущение, что ему перерезали глотку.

Майлс отвел взгляд. Недавняя гибель Монтгомери Джонса подействовала на него больше, чем он ожидал, поэтому даже в бородатых фармацевтах чудилось какое-то недоброе знамение.

Это напомнило о необходимости позвонить Грэму. Он не разговаривал с юристом с того момента, как покинул место преступления, но убийство каким-то образом удалось скрыть от газет и телевидения, Майлс хотел выяснить, кто приложил к этому руку – Грэм или сама компания «Томпсон». Он также хотел узнать, хочет ли Грэм, чтобы он продолжал

расследование по делу компании, или всем этим теперь будет заниматься полиция.

Майлс шел дальше. Впереди показалась большая скатерть, расстеленная прямо на земле и уставленная граммофонными трубами от «Виктролы». За скатертью на складном металлическом стуле сидел бородатый, чрезмерно тучный мужчина с длинными жирными волосами, забранными в конский хвост на затылке, и полировал миниатюрную граммофонную трубку.

– Прошу прощения, – обратился к нему Майлс. Человек поднял голову. – Вы знаете Лиэма Коннора?

– Лиэма? А как же. Хотите его визитку?

– Нет, я хотел бы задать вам парочку вопросов о нем.

Выражение лица собеседника потускнело. Желание помочь уступило место полнейшему равнодушию.

– Извините. Я не по этому делу.

– Я не коп, – быстро произнес Майлс. – Я частный сыщик. Меня наняла дочь мистера Коннора. По ее мнению, мистера Коннора с некоторых пор кто-то преследует и пугает. Дочь обеспокоена. Я бы хотел узнать, не говорил ли он вам о чем-то таком и не упоминал ли о возможных врагах.

– Лиэм? – Мужчина громко захохотал; несколько прохожих с удивлением посмотрели в его сторону. – У Лиэма не может быть врагов!

– Похоже, что есть, – сухо улыбнулся Майлс.

Смех оборвался.

– Серьезно? Кто-то его преследует?

– Мы так думаем.

– Зачем? Убить его?

– Это я и пытаюсь выяснить. Если бы вы могли припомнить, не говорил ли он...

– Минутку! А почему вы меня спрашиваете, о чем он мог говорить? Почему его самого не спросить? – Мужчина подозрительно оглядел Майлса. – Вы под него копаете, а?

– Нет, уверяю вас, его дочь наняла меня...

– Значит, его дочке нужны его деньги или еще что, – покачал головой мужчина. – Нет. Если Лиэм молчит, я тоже молчу. – Он взял в руки тряпку, которую держал на коленях, и вернулся к прерванному занятию.

Майлс предпочел не дожимать его. Достав из бумажника визитку, он бросил ее на скатерть.

– Все законно. Можете позвонить мистеру Коннору и сами у него спросить, если угодно. А если что вспомните – позвоните мне.

Мужчина посмотрел на него. Визитку он брать не стал, но и не порвал на мелкие части. Майлс надеялся, что он все-таки сохранит ее и, возможно, передумает.

Позже он нашел еще несколько продавцов, которые знали Лиэма, и двое из них даже изъявили желание побеседовать, но, как оказалось, ни один ничего такого не слышал и не заметил ничего подозрительного в поведении Коннора в последнее время.

Часа в три дня Майлс уныло вернулся к машине. Он не узнал ничего нового по сравнению с тем, когда сюда приехал. Весь день пропал даром, и хотелось побыстрее добраться до дома и покемарить. Но вместо этого он заехал в больницу, сидел с отцом, держал его за руку, слушал его бессвязный шепот и лгал о том, что все обязательно будет хорошо.

3

Дерек Баур проснулся с мыслью о том, что сегодня умрет.

Предыдущей ночью ему приснился Волчий Каньон. Он увидел в воде всю свою семью – родителей, сестру, братьев. Он много лет – десятилетий – не вспоминал о Волчьем Каньоне, и это должно было бы означать некое дурное предзнаменование, но предчувствие было не таким логичным и не было связано с сюжетом или серией каких-то образов, увиденных во сне. Не то чтобы ему кто-то об этом сказал или он сам пришел к этому выводу путем умозаключений или рассуждений.

Он просто знал.

И он был готов.

В прошлом марте ему стукнуло восемьдесят шесть. Его жена, друзья, даже сын уже давно были в могилах. Он остался последним и давным-давно уже даже не делал вид, что жизнь его как-то интересует. Он ничему не радовался, ничего не ждал. Смерть – единственное, что у него осталось.

Какой она будет? Легкой, во сне? Или мучительной? Или чем-то средним, вроде сердечного приступа или удара?

Он много размышлял на эту тему и пришел к выводу, что приятной смерти не бывает. Где-то лет в пятьдесят он едва не задохнулся, подавившись в ресторане куском стейка, но Эмили успела ударить его по спине и избавить от препятствия в горле. Хотя все произошло на протяжении считанных секунд, ему показалось, что конца этому не будет. Время – понятие субъективное, и уже тогда он понял, что смерть, если ее объективно измерять по часам, может быть «быстрой», но человеку это может показаться вечностью.

И поэтому, хотя он был готов к смерти, ему не нравился сам процесс.

Повернувшись на бок, он отодвинул штору. За окном мичиганский ландшафт был покрыт снегом. На стояке перед домом престарелых несколько машин скорее напоминали индейские иглу, чем транспортные средства.

Он все еще смотрел в окно, когда Джимми, новый санитар, принес завтрак. И не изменил положения до тех пор, когда Джимми через полчаса вернулся за подносом, на котором остались нетронутые тарелки.

– Нет аппетита, мистер Баур? Вы знаете, мне придется сообщить об этом.

Дерек не стал утруждать себя ответом.

Зачем есть, если он собрался умирать?

Он бы с радостью положил конец этому существованию. Нет, обращались с ним здесь неплохо, но он терпеть не мог сам дом престарелых, ненавидел ощущение унижения и холодности, получая заботу и внимание от платных кураторов, а не от семьи.

По крайней мере он еще мог передвигаться – хотя бы с помощью палки. Многие другие обитатели дома, гораздо более молодые, чем он, даже не могли вставать с постели и круглосуточно проводили время в четырех стенах своей комнаты.

Он бы в подобной ситуации давно уже покончил с собой.

Разумеется, большинство из этих людей просто не имеют такой возможности.

Все утро он провел, глядя на снег. Где-то в районе полудня зашел один из врачей – видимо, Джимми исполнил свое обещание сообщить кому следует, – и Дерек, не будучи в настроении выслушивать лекции или вести длительные дискуссии, согласился со всеми словами врача и пообещал съесть ленч. Вскоре опять появился Джимми с довольным видом и полным подносом еды, но Дерек его проигнорировал. Ленч он съел. Пришел санитар, забрал поднос, и в комнате снова воцарилась тишина. После краткой и тягостной прогулки в туалет Дерек переместился в кресло и коротал время за перелистыванием журналов. Он ждал.

Он думал о том, как это произойдет.

У него не было и тени сомнения в том, что он сегодня умрет. Он не был религиозным человеком, но верил, что в мире есть явления, которых он не понимает...

Волчий Каньон

...и не поймет никогда, и полагался на то знание, которое ему было доступно. Он ждал, когда придет смерть.

Но первым пришел сон, и по мере того, как журнал начал выскальзывать из ослабевших пальцев, по мере того, как стало отключаться сознание, Дерек еще думал, суждено ему проснуться или это уже конец.

Он проснулся. Проснулся от очередного сна про Волчий Каньон. Ему приснилось, что он застрял в каком-то доме, он видит, как несется гигантская волна, а ноги пристыли к полу, словно залитые бетоном, и никакие усилия не дают возможности спастись. Начав глотать воду и тонуть, он из последних сил дернулся... и проснулся.

Открыв глаза, он увидел перед собой Джо, ночного санитара.

– Простите, что побеспокоил вас, мистер Баур, но пора ужинать. Желаете сегодня ужинать

в кресле?

Дерек кивнул, опасаясь заговорить. Он немало удивился, обнаружив себя живым, и впервые усомнился, так ли уж безошибочно его предчувствие. Может, ему еще не пора умирать. Может, это сознание играет с ним такие шутки?

Поковырявшись в тарелке, он отодвинул поднос в сторону и после очередного похода в туалет взгромоздился на кровать, повернулся лицом к окну и начал смотреть на снег, пока не заснул.

Когда он проснулся, в комнате было темно. Это была какая-то угольная чернота, гораздо темнее, чем ему когда-либо приходилось видеть, и в какой-то момент он даже испугался, что ослеп. В этом сплошном мраке не было оттенков черного. Протянув руку к тумбочке, он нащупал лежащие там часы, нажал кнопку подсветки циферблата и только в этот момент с облегчением констатировал, что не потерял зрение.

Потом он нащупал штору и отдернул ее. Стало понятно, что света нет во всем доме, но почему так темно на улице? Он не увидел ни фонарей, ни окон расположенных через дорогу домов. Ни луны, ни звезд. Было такое ощущение, что все источники света – за исключением его часов – просто исчезли.

Может, где-то короткое замыкание?

Короткое замыкание. Вполне допустимо, но он *чувствовал*, что это не так. Объяснить это он был не в состоянии. Просто так же, как утром он знал, что сегодня должен умереть, сейчас он знал, что этот мрак возник на его благо.

На самом деле это было взаимосвязано.

Впервые он почувствовал страх. Он понял, что боится умирать. Он не хотел умирать. Не хотел умирать *таким образом*.

Он нажал кнопку вызова санитара, расположенную у кровати. Выждав, кажется, целую вечность, он еще несколько раз подряд нажал звонок, но никто не появился. Не было слышно даже звука шагов по коридору. В доме царила полная тишина, и отсутствие звуков тоже показалось зловещим признаком. Может, смерть настигла уже всех обитателей дома? Может, все уже убиты, и он остался последним? Может, убийца играет с ним, забавляется таким образом перед тем, как войти и перерезать ему глотку?

Дерек с трудом сел. Среди ночи мышцы всегда были в самом слабом состоянии. Свою палку он обычно клал рядом с кроватью. Неловко согнувшись, он опустил руку, пытаясь нащупать холодный металлический набалдашник. На это ушло несколько секунд, и к тому времени, как он нашел его, он уже был весь мокрый – не столько от усилий, сколько от страха. Что-то было определенно не так, произошел какой-то фундаментальный провал. И в комнате, и во всем здании стояла мертвая тишина, не считая его собственного громкого трудного дыхания, и по-прежнему ни точки света ни в доме, ни на улице.

Он передумал. Теперь он твердо знал, что не хочет умирать. И если нет ни одного хорошего способа расстаться с этой жизнью, то среди них, безусловно, некоторые хуже других. Гораздо, гораздо хуже.

Он по-прежнему не видел ни зги, но в темноте чувствовалось какое-то движение. Нельзя было с уверенностью сказать, что он не один в комнате, тем не менее что-то здесь присутствовало.

Что-то нечеловеческое.

В комнате послышался еще один звук – помимо его хриплого дыхания. Журчание мочи. В ужасе он намочил пижамные штаны. С усилием вытолкнув себя из постели и крепко сжимая в руке набалдашник трости, он двинулся туда, где должна была находиться дверь. Он был готов к тому, что в любой момент когтистая лапа ухватит его за плечо, но сосредоточился на движении, на стремлении выбраться отсюда, не позволяя себе отвлекаться на любые иные варианты развития ситуации. Хотелось громко позвать на помощь, но он не был уверен, что может прийти какая-либо помощь, и только надеялся, что этот чернильный мрак также дезориентирует того, кто охотится за ним.

Палка ударилась о преграду. Стена. Дерек протянул руку, ощупывая пространство справа и слева, пока не наткнулся на косяк, петлю и, наконец, на ручку двери.

Он попытался открыть ее.

Не тут-то было.

Дверь оказалась заперта.

Снаружи.

Может, так делают каждую ночь? Он так не думал, но засомневался. Единственное, в чем он не сомневался, – что оказался в западне с чем-то, грозящим ему смертью.

Послышался скользкий звук... словно нечто большое двигалось по комнате, перемещая свою тяжелую массу по полу в его направлении.

Больше всего ему хотелось, чтобы в комнате продолжала сохраняться тишина. Ему не хотелось думать о том, что может являться причиной этого звука. Единственное, чего ему хотелось, – найти путь к спасению, способ выбраться отсюда...

Ванная комната!

Да! Если ему удастся проникнуть в ванную комнату, он сможет закрыться изнутри и просидеть там до рассвета. Может, монстр и в состоянии выломать дверь, но все-таки там есть хоть какой-то шанс на спасение.

Монстр?

Слово выскочило само по себе.

Ванная располагалась справа, и он начал двигаться в том направлении. Ему не надо было смотреть перед собой – палка наткнется на препятствие раньше, поэтому Дерек непрерывно крутил головой, пытаясь разглядеть то один, то другой угол комнаты. Темнота была практически полной, но глаза, кажется, начали привыкать к отсутствию света, потому что он уже различал область, менее темную по сравнению с остальной комнатой – округлая бесформенная масса, которая приближалась к нему и почему-то выглядела так, словно была сделана из льда.

Сердце стучало так, что заглушало этот кошмарный скользкий звук. Он хотел поспешить, но...

Чертова палка!

...не смог двигаться быстрее, чем обычно. Старые кости и дряблые мышцы не собирались оказать ему такой услуги даже в столь критический момент.

Палка ударилась о стену. Он взглянул вперед, и в этот момент его быстро схватили сзади.

Вот оно, подумал Дерек.

Рука, накрывшая его рот, была холодной, просто ледяной, и твердой.

Как лед.

Он вспомнил о Волчьем Каньоне.

В следующее мгновение эта ледяная рука втиснулась ему в рот и полезла в глотку.

Тогда

Наступили тяжелые времена, особенно для таких, как он.

Казалось, просто вернулись прежние дни.

По пути Уильям разговаривал с волками и воронами. Они поведали, что во всех поселениях, разбросанных на Территориях, костры и виселицы стали просто обычным явлением. От этих рассказов бросало в дрожь. Лучше было бы ему родиться в каком-нибудь из индейских племен, где его силы и способности нашли бы если не понимание, то по крайней мере достойную оценку и уважение. Но он был белокожим, а потому обреченным жить в балаганном мире с его иррационально рациональной культурой, которая уповала лишь на одного невидимого, непричастного ни к чему бога и относила все сколько-нибудь сверхъестественные проявления на счет Сатаны.

Он передвигался днем, спал ночью и старался не обращать внимания на жуткие звуки, которые доносились из темноты, – стоны, завывания, которые производил не человек, не зверь или ветер, а казалось, испускала сама земля. На этих Территориях было несколько Плохих Мест, мест, где не селились ни белые, ни индейцы, где не жили даже животные. Он проходил по этим местам на своем пути от одного временного пристанища к другому, и у этих Плохих

Мест был голос, который разговаривал с ним, безликий голос, одинаковый и в обеих Дакотах, и в Вайоминге, голос одновременно искушающий и пугающий, чарующая мистическая сила, которая умоляла его забыть о себе, бросить свою мелкую ничтожную жизнь и стать одним целым с этой землей.

Он не задерживался подолгу на одном месте, тем более после того, что сделал с отцом Джейн Стивенс в Сикаморе. Он думал о своей матери и вспоминал, насколько тяжело ему пришлось в детские годы, но, во всяком случае, поселения на Западе были менее толерантны, чем более развитые и цивилизованные города на Востоке. Местные люди были менее современны, менее образованны, полны тех же страхов и предрассудков, которыми страдали их предки, и без разбору панически боялись всего, что были не в состоянии понять.

Поэтому он продолжал свой путь. Он жил в Дэдвуде, в Шайенне, в Колорадо-Спрингс, задерживаясь там лишь настолько, чтобы заработать денег, пополнить запасы продовольствия и не успеть вызвать подозрения. Он старался зарабатывать на жизнь охотой, торговлей и подобными респектабельными занятиями, но рано или поздно кто-нибудь так или иначе выяснял, кто он такой, на что он способен, и он вообще перестал им помогать.

В таких случаях он немедленно покидал поселение.

По характеру и в силу обстоятельств он был одиночкой и привык жить один. Так же, как матери, ему были ведомы невидимые силы. Но часто, когда он пересекал обширные пространства, ему становилось страшно. Перемещаясь по этой огромной территории, он понимал, насколько он мал и незначителен, насколько жалки и ограничены его сила, его дар. Под поверхностью этой дикой земли таилась тяжкая, нетронутая энергия. Ее беспрестанные потоки струились по венам размером с реки у него под ногами. Она тяжело нависала в давящей безветренной тишине. Он ощущал ее в огромных мрачных горах, угрюмо столпившихся на горизонте, в густых зарослях старых деревьев, служивших домом далеко не только животным. И Плохие Места...

Они пугали его.

Он уже месяц двигался на Запад; чуть не заблудился в горах и выбрался только благодаря помощи воронов. Припасы почти закончились, но еще оставалось несколько шкурок на продажу, и он нашел тропу у подножия холмов, которая вела к фургонному тракту на равнине. Он шел на заходящее солнце и в свою первую ночь на равнине увидел маленькие мерцающие огоньки, похожие на огни большого города, до которого оставался день или два пути.

Теперь он ничего не чувствовал под ногами, не слышал никаких голосов и спокойно проспал рядом со своей нестреноженной лошадью до самого рассвета.

Город оказался и не таким далеким, и не таким большим, как он надеялся. Ближе к полудню Уильям уже понял, что может оказаться там через несколько часов. Это понимание, однако, не вызывало волнения, как можно было бы ожидать, и он не мог определить, откуда возникла тревога – от обоснованного предчувствия или это просто отражение его разочарования от того, что после столь долгого пути ему опять встретилось всего лишь небольшое поселение.

Солнце стояло прямо в зените, когда он оказался на кладбище.

Кладбище колдунов и ведьм.

Оно располагалось в нескольких милях от города, далеко от обычного кладбища. Отсюда не было видно ни крыш домов, ни флагштоков. Здесь не было ни ограды, ни надгробных камней, отмечающих захоронения – колдуны и ведьмы не заслуживали таких почестей, – и тем не менее это было явное место захоронений. Прямоугольные участки голой земли, просевшие под воздействием погодных условий, означали индивидуальные могилы. Рядом с последним, судя по всему, захоронением остались воткнутыми в землю ржавое кайло и лопата со сломанной ручкой.

Уильям остановил лошадь. Он обратил внимание, что на кладбище не росло ни одного кустика. Вообще ничего не росло.

Кустарник и кактусы, окружающие кладбище по периметру, все вымерли и приобрели характерный оранжево-бурый цвет.

На суку засохшего дерева болтался оборванный конец толстой веревки.

– Ублюдки, – пробормотал Уильям.

Он спешил и оставил лошадь пастись среди редких клочков невысокой травы, что росла вдоль фургонного тракта.

Здесь он чувствовал силу. Не дикую силу земли, а знакомый приятный звон в воздухе, в котором он признал энергию своих сородичей – колдунов.

Впрочем, энергия была мертвой. Она напоминала запах костра, который остается в воздухе долго после того, как погаснут последние языки пламени. Наслаждаясь теплой, вдохновляющей аурой, он одновременно ощущал странную печаль.

Он медленно шел вдоль ничем не отмеченных могил, умышленно анонимных мест последнего приюта мужчин и женщин, которые были когда-то полными энергии личностями, которые были не хуже и не лучше всего остального населения, но были приговорены к смерти за то, что обладали способностями, настолько пугавшими обычных людей, что те даже не пытались понять их. Это происходило повсюду – убийства его соплеменников, и если так будет продолжаться, скоро их ни одного не останется. Они будут истреблены в Америке так же, как были истреблены в Европе.

Он смотрел на свежую могилу, единственную, которая еще чуть возвышалась над уровнем земли. Ждет ли его такая же участь? Неужели его судьба – лежать в анонимной могиле на проклятом и изолированном кладбище? Именно так случилось с его матерью. Он даже не знал, где она похоронена. Никто ему не сказал.

Он снял шляпу и вытер вспотевший лоб. Что это за жизнь, думал он, глядя в безоблачное небо.

Почему ему суждено было родиться колдуном?

Этот вопрос он задавал себе постоянно и, как всегда, не находил ответа.

Надев шляпу, он вернулся к лошади. Подобрал поводья, он взялся за луку и впрыгнул в седло.

Словно если одного кладбища было недостаточно для устрашения, рядом с дорогой, ведущей в город, на покосившемся столбе было укреплено недвусмысленное предупреждение:

КОЛДУНОВ – НА ВИСЕЛИЦУ

Уильям остановил лошадь, посмотрел на знак, потом – вперед, но покосившиеся крыши хижин, обозначающие окраины поселения, расплывались в жидком мареве раскаленного воздуха, плывшего над равниной.

Он подумал, как давно висит этот знак, сколько его сородичей проигнорировали это предупреждение, это обещание, и продолжили свой путь.

То, что им нужно, подумал Уильям, это – свое собственное место, земля, где они будут хозяевами и будут устанавливать свои правила, где-нибудь вдали от всего и от всех, где смогут жить в мире и избавятся от гонений.

Это казалось фантазией, сном, но он слышал, что мормонам удалось создать для себя такое место, что их пророк провел их через песчаную пустыню в особое место, которое определил им их Бог, в место, где они смогли жить среди себе подобных и свободно устанавливать свои порядки.

Его народ может сделать то же самое. Не такая уж несбыточная мечта.

Но в эти дни их не так-то легко отыскать. Те, кого не убили, пустились в бега, скрываясь, подобно ему, среди дикой природы, либо продолжали жить среди обыкновенных обитателей поселений, храня в глубочайшей тайне свою истинную сущность.

Он снова бросил взгляд на знак:

КОЛДУНОВ – НА ВИСЕЛИЦУ

и повернул лошадь в обратную сторону. Он не ощутил какого-то особого предупреждения, идущего от городка, но кладбище и знак говорили сами за себя. Даже без определенного чувства он мог сказать, что это не тот город, который ему хочется посетить.

Пожалуй, лучше он вернется к подножию холмов и продолжит по ним путь на юг до тех пор, пока не окажется на достойном удалении от этого безымянного сообщества, а потом снова повернет на запад. Шкурки свои он сможет продать где-нибудь еще, в более крупном поселении, где гораздо меньше шансов обратить на себя пристальное внимание.

На всякий случай он накрыл себя защитным заклинанием и пустил лошадь в галоп в сторону холмов.

Сейчас

1

Набившие оскомину гимны через шепелявые динамики. Декорации, представляющие собой всего-навсего товары, продающиеся внутри магазинов, которые они украшают. Костлявый испанский Санта Клаус, пообщаться с которым дети могут только в том случае, если их родители заплатят за фотографию своих чад вместе с бородатым мошенником.

Майлс оцепенело стоял в центре бурлящей толпы. В этом году Рождество казалось ему дешевым и угнетающе бессмысленным событием, все ему сопутствующее – нарочитым и самодовольно материалистическим. Обычно его веселили традиционные уловки этого времени года, но сейчас он был не в состоянии ничему радоваться. Это напомнило ему Хэллоуин, главный праздник, который нувориши превратили в соревнование по покупкам.

Он тоже пришел в торговый пассаж за подарками. Но в данный момент понял, что покупать особенно нечего. Несколько мелких сувениров для коллег по работе, подарки сестре и ее семье. Вот и все. У него не было ни жены, ни подруги, никого особенно близкого, и хотя обычно он отмечал праздник с отцом, существовали большие шансы за то, что отцу не суждено встретить это Рождество.

Веселых вам праздников.

Майлс тяжело опустился на скамейку перед фронтоном универмага «Сирс», чувствуя на плечах огромную тяжесть.

Теперь он понял, почему люди стараются с головой уйти в работу. Это удерживает их от контакта с тягостными реальностями собственной жизни.

Клер была не из тех, кто оглядывается назад, кто мусолит ошибки прошлого. Как-то она сказал ему, что жизнь – это гонка, и единственное, что тебе остается, – это держаться, смотреть вперед и нестись до конца. А оглядываться назад и смотреть, где ты был и что делал – слишком больно. Самое лучшее – лететь дальше, радоваться каждому новому повороту, новому подъему, новому спуску, новому... чему угодно.

Он задумался, придерживается ли она до сих пор этой философии. Означает ли это, что она никогда не вспоминает о нем, стерла все воспоминания – хорошие или плохие – об их семейной жизни, о том времени, когда они были вместе?

Эта мысль повергла его в глубочайшее уныние.

С чувством опустошенности и отупения он скользил невидящим взглядом по предпраздничной толпе покупателей. Люди, мелькающие перед глазами, были практически неотличимы друг от друга в своем счастье, и он завидовал им.

Откинувшись на спинку скамейки под кирпичной стеной «Сирса», он смотрел на людскую суету. Постепенно из массы лиц выделилось одно – морщинистое лицо пожилой дамы, пристально и неотрывно смотревшей на него.

Майлс моргнул, застигнутый врасплох.

Женщина отделилась от толпы и направилась к его скамейке.

Встретившись с ней взглядом, он непроизвольно вздрогнул, по спине пробежал холодок. Что-то здесь было не то. Как частный сыщик, он привык иметь дело с фактами. Он не верил ни в интуицию, ни в экстрасенсорику и тому подобное, что нельзя было увидеть, услышать или зафиксировать. Но охватившее его предчувствие возникло не в результате осознанной мысли или решения. Оно было чисто интуитивным.

Пожилая дама, одетая в какие-то лохмотья, уже оказалась перед ним.

– Боб! – воскликнула она, широко улыбаясь.

Эффект был неприятным. Широкая улыбка как-то не соответствовала маленькому морщинистому лицу. Это напомнило ему что-то из детства. Он не мог вспомнить ничего конкретного за исключением того, что тогда ему было страшно. И сейчас по телу пробежал явственный холодок.

– Боб!

– Извините, – заставил себя улыбнуться Майлс. – Вы меня с кем-то спутали.

– Боб Хьюрдин!

Тут уже волосы встали дыбом. Это слишком.

– Кто вы? – спросил Майлс.

– Это же я, Боб! Ты меня знаешь!

– Я вас не знаю, и я не Боб. – Глубоко вздохнув, он выдавил из себя: – Я сын Боба, Майлс.

Она заговорщицки подалась вперед, едва не касаясь лицом его лица. Майлс почувствовал запах лекарств и зубного эликсира.

– Боб, она пришла и за строителями плотины. Не только за нами. – Женщина отступила, кивая собственным мыслям. Улыбка постепенно начала таять.

Старуха явно ненормальная. Либо старческий маразм, либо шизофрения. Очевидно, она действительно каким-то образом знала отца, и остатков мозгов еще хватило на то, чтобы увидеть семейное сходство, но во всем остальном она явно была далека от реальности.

Он встал, надеясь, что удастся просто извиниться и уйти, но при этом был готов и дать отпор, если потребуется.

– Прошу прощения, мне нужно идти.

– Не только за нами, Боб! – воскликнула женщина, хватая его за рукав. – За строителями плотины тоже!

– Я понял, – вежливо ответил Майлс. – Но мне действительно пора.

– Не дан ей тебя поймать. Боб! Не дай ей тебя поймать!

– Хорошо, – пообещал Майлс, высвобождая руку.

Он думал, что она последует за ним и будет дальше зудеть по поводу своих безумных идей, но она отпустила его и осталась стоять у скамейки перед «Сирсом», поэтому Майлс спешно двинулся к выходу, больше взбудораженный старой дамой, чем хотелось в этом признаться.

* * *

Темнота.

Тихие шепоты.

Майлс затаил дыхание и прислушался. Проснулся он лишь потому, что слишком много выпил на ночь глядя, и нестерпимо захотелось опорожниться. Обычно он не просыпался до утра. Он даже проспал два сильных землетрясения. Но сегодня его разбудил мочевого пузыря, и в обычно тихом доме он услышал шелестящие голоса.

Вот и опять шепот.

Он все еще чувствовал легкое головокружение – эффект не до конца выветрившегося алкоголя – и сначала подумал, что это ему кажется. Но когда сел, сосредоточился и снова услышал голоса, то начал думать, что в доме кто-то есть.

Слов он разобрать не мог, хотя казалось, что в шепоте проскальзывает имя отца, и почему-то тут же вспомнилась пожилая дама из пассажа.

Он быстро встал, зажег свет, широко распахнул дверь своей спальни.

Тишина.

Некоторое время он постоял, прислушиваясь. Если что-то и было, сейчас все прекратилось. Выждав пару минут, он подумал, что с самого начала был прав и что все эти звуки – лишь плод его воображения. Боже, неужели он вчера так надрался, что начались галлюцинации? От алкоголя и стресса еще и не такое случается.

Он двинулся по коридору в ванную комнату.

Отец возвращается домой завтра... сегодня. Одра уже приготовила спальню, он помог установить новую кровать и прочие медицинские принадлежности. Она подъедет за ними в больницу, а потом вместе с ними вернется домой, чтобы помочь обустроить отца. Боб чувствовал себя получше. По сравнению с первыми днями налицо был явный прогресс. Теперь он уже был в состоянии разговаривать, хотя речь оставалась не совсем внятной. Но окончательно не поправился, и несмотря на бодрые заверения Одры, Майлс чувствовал, что в лучшем случае он останется на таком уровне. А более вероятно, в ближайшие год-два

последует еще несколько ударов, которые будут медленно, но верно подтачивать и без того слабый организм.

Стоя над унитазом, Майлс разглядывал себя в зеркало. Лицо было усталым, осунувшимся. Конечно, время – ночь, но дело не только в сонном состоянии. Конечно, это стресс – просто и ясно. Наверное, теперь придется каждый день ставить будильник, чтобы вставать среди ночи и проверять, как отец себя чувствует. Может, его даже придется будить в такое глухое время, чтобы давать какие-нибудь лекарства. Как бы то ни было, он понял, что отныне о полноценном сне можно забыть.

Было бы легче, если бы Боб умер сразу.

Он чувствовал себя виноватым за то, что допускает такие мысли, что эгоистически ставит свои интересы выше благополучия собственного отца, но в такой час он не мог лгать самому себе и мог признаться, что перспектива ухода за инвалидом страшит его безмерно.

Спустив воду, он вернулся в спальню. Он думал, что теперь будет ворочаться до утра, постоянно прокручивая в полусонном сознании самые негативные сценарии развития событий, но на самом деле уснул, едва голова коснулась подушки.

Но за мгновение до того, как провалиться в забытие, ему показалось, что вновь зазвучали чьи-то голоса.

Ему показалось, кто-то произнес отцовское имя.

* * *

Майлс проснулся по будильнику и на автомате исполнил все свои утренние процедуры – принял душ, побрился, потом пошел на кухню готовить завтрак.

Он запланировал себе утром поработать, а с середины дня взять отгул. За последнее время он брал слишком много отгулов, и хотя агентство проявляло понимание и терпимость, он чувствовал себя виноватым. Да, конечно, за все время работы здесь он не брал ни одного дня по болезни, так что давно пора было использовать свободные дни, и тем не менее он ощущал дискомфорт.

Утро было холодным, туманным. Он пил кофе с тостами и смотрел новости. В автомобильной сводке сообщили об авариях и опасных ситуациях на Пятом, Десятом и Семьсот десятом шоссе. Он решил добираться до работы смежными улочками, поэтому быстро допил кофе, чтобы иметь на дорогу минут пятнадцать в запасе.

Машина стояла вся мокрая от конденсата. Забросив портфель внутрь, он взял шланг и промыл стекла. В Анахайме, где прошло его детство, утренний туман всегда пах прелыми помидорами с завода Ханта в соседнем Фуллертоне. Хотя на самом деле запаха никакого не было, казалось, туман вбирает в себя все посторонние запахи, а затем распространяет их. И сейчас, спустя столько лет, каждый раз при виде тумана, который не пахнет помидорами, Майлсу казалось, что что-то не так.

Похоже, автомобильную сводку смотрел не только он, поскольку все мелкие улицы были битком забиты, и несмотря на запас времени Майлс приехал на работу на двадцать минут позже.

– Я думал, ты просто трудоголик, – проворчал Хал, увидев его. – Теперь я знаю, что ты – бездушный автомат. Ну какой лунатик станет появляться на службе в тот день, когда его отца выписывают из больницы после тяжелого инсульта?

– Я, – коротко ответил Майлс.

– Это печально, друг мой. Очень печально.

На самом деле ему даже следовало остаться дома. Там нужно было еще много чего сделать. Оказавшись за своим столом, Майлс понял, что не в состоянии сосредоточиться ни на чем, имеющем отношение к работе, махнул рукой и уставился в туман за окном.

Хал сказал, что уезжает на час или больше. После его ухода подошла Наоми и заметила, что никому нет никакого дела, если он тоже уйдет.

– Все в порядке, – послал ей признательную улыбку Майлс.

– Упрямец. Безнадежный упрямец, – покачала она головой и поспешила назад к своему столу, где зазвонил телефон.

Когда вернулся Хал, Майлс по-прежнему тупо смотрел в туман.

– Ты еще здесь? – удивился он. – Я думал, Наоми предложила, тебе ехать домой.

– Предложила.

– Клиника, – фыркнул Хал.

– Ты веришь в сверхъестественное? – произнес Майлс, вертя в пальцах карандаш.

– Что ты имеешь в виду? – Даже не глядя на Хала, он почувствовал, как бородач ослабился. – Призраков, демонов и прочую нечисть?

– Ага. – Майлс продолжал вертеть карандаш. – Ты много лет в этом бизнесе. Никогда не приходилось сталкиваться с тем, что не понимаешь или не можешь объяснить?

– А в чем дело?

– Ни в чем. Просто спрашиваю.

– Ты не просто спрашиваешь. Что случилось?

– Ну хорошо. – Майлс отложил в сторону карандаш и посмотрел в лицо другу. – Дело в отце. После удара он стал... каким-то другим.

– Ну разумеется...

– Нет, дело не в этом. Тут что-то еще. Это... Даже трудно сказать. Иногда кажется, что передо мной – другой человек. Он выглядит как отец, разговаривает как отец, но каждый раз, как мы общаемся, я вижу, как что-то меняется. Не знаю, как объяснить. Что-то меняется. Ничего конкретного, ничего особенного, но я просто что-то чувствую.

– Похоже, это у тебя проблемы, а не у него.

– Может быть, – вздохнул Майлс. – Может быть. Прошлой ночью, могу поклясться, я слышал голоса в доме. Шепоты. И слышал имя отца.

– Чьи голоса? Призраков?

– Наверное, – пожал плечами Майлс.

– У тебя здорово поехала крыша.

– Возможно, я просто боюсь отцовского возвращения. Пока он был в больнице – все было нормально. Нормальное место для человека, когда он болен. Но сегодня он окажется дома, там, где он был обычно здоров, но больным. Меня пугает это сочетание.

– Поэтому ты сегодня и приехал?

– Наверное.

– Знаешь, я иногда задумываюсь, что будет, если у моей жены откажут мозги.

– Ты всегда был большим юмористом, – сухо усмехнулся Майлс.

– Я серьезно. Что если она останется жить, но при этом изменится ее личность, это превратит ее в совершенно другого человека. Буду ли я любить ее по-прежнему?

– Черный юмор.

– Нет, дело в том, что я не уверен – люблю ли я ее личность, ту личность, которую я знаю, какой она является в настоящий момент, или я люблю некий неосознанный дух, который и представляет собой ее истинную сущность, нечто уникальное, что останется при ней, даже если ее личность изменится на сто восемьдесят градусов. Понимаешь меня? Видимо, это вопрос веры. Полагаю ли я, что она – всего лишь сумма ее ощущений, генов, химических соединений, которые определяют ее поведение, и именно эту поверхностную женщину я люблю, или я полагаю, что у нее есть душа? И я люблю ее душу? Понимаешь, к чему я веду?

– Боюсь, что да, – вздохнул Майлс.

Хал подошел к нему и положил руку на плечо.

– Не волнуйся, старик. Ты справишься.

– Лучше бы не пришлось.

Хал пошел комнату отдыха, а Майлс откинулся на спинку кресла, глядя в потолок, оклеенный звукоизоляционными плитками. До того момента, пока не произнес этого, он боялся себе признаться, что в последние дни с отцом действительно происходит что-то странное, такое, что никак нельзя отнести на счет последствий инсульта.

На столе зазвонил телефон. Майлс снял трубку.

– Алло.

– Мистер Хьюрдин?

Он узнал голос Марины Льюис.

– Я же говорил вам – Майлс.

– Мне нужно, чтобы вы приехали в дом к моему отцу, – продолжала та. – Срочно.

В голосе звучало такое напряжение, которого он раньше не слышал, напряжение, весьма напоминающее плохо сдерживаемую панику.

– Что случилось? – спросил он, уже понимая, что ответа не получит.

– Я не хочу говорить по телефону.

– Сейчас приеду.

– Адрес нужен?

– У меня есть. Ждите через двадцать минут.

Открыв нижний ящик стола, он захватил миниатюрный диктофон и кинул его в портфель вместе с дополнительным блокнотом. Потом взглянул на часы. Десять тридцать. По расписанию отца выпишут не раньше двух. У него туча времени.

– Я не вернусь, – сообщил он Наоми. – Если что-то важное, оставь записку.

– Удачи, Майлс, – улыбнулась женщина. – Надеюсь, с отцом будет все хорошо.

По дороге в Санта-Монику он размышлял, о чем таком Марина не могла сказать по телефону. Голос звучал испуганно, словно она обнаружила нечто такое, к чему оказалась не готова и с чем не хотела иметь дело.

* * *

Лиэм Коннор жил в старом районе односемейных домов, выстроенных в испанском стиле – с белыми оштукатуренными стенами и красными черепичными крышами. Газоны у всех были ухожены и аккуратно подстрижены, а сочетание похожих на корабли «бьюиков» и «понтиаков» старых обитателей с полированными «мерседесами» и «БМВ» их более молодых соседей говорило за то, что район процветает.

Марина с младежавым мужчиной, в котором Майлс предположил ее мужа, вышли на крыльцо, как только он свернул на дорожку, ведущую к дому. Они явно его ждали и оказались у машины раньше, чем он успел открыть дверцу.

– Спасибо, что приехали, мистер... э-э... Майлс, – улыбнулась Марина.

Он кивнул и вежливо улыбнулся мужчине.

– Гордон, – представился тот. – Муж Марины.

– Отец здесь? – спросил Майлс, глядя на дом.

Марина с мужем обменялись быстрыми взглядами.

Он это заметил и моментально насторожился.

– С ним что-то случилось?

– Нет-нет, – покачала головой женщина.

– А что тогда? Что вы не могли сказать мне по телефону?

– Он... он кое-что сделал. Сделал список. Мы должны вам показать. – И оба направились к дому.

– А отец дома? – снова спросил Майлс, шагая за ними следом.

– У себя в комнате, – ответил Гордон. – Он... он не хочет вас видеть.

Они вошли внутрь. Интерьер дома оказался более модным, чем представлял себе Майлс. Вместо старинных семейных фотографий в рамках и репродукций расхожих пейзажей в гостиной на одной стене висели оригинальные картины художников-абстракционистов, на другой – не менее оригинальные памятные вещи эпохи Дикого Запада. Мебель была низкой, стильной. У стены – телевизор с огромным экраном. Сверкающий паркетный пол – в идеальном состоянии.

– Я до сих пор не понимаю, почему ваш отец не хочет содействовать расследованию. Вы сказали, что он боится. Он даже ходил в полицию. Как могло получиться, что теперь он совершенно не заинтересован узнать, кто ему досаждаёт?

– Я тоже не понимаю, – призналась Марина. – Но...

– Что «но»? – подтолкнул Майлс.

– Но вы должны увидеть, что он написал.

Они с Гордоном провели Майлса в комнату, похожую на кабинет, – небольшое тесное

помещение, с полками, битком набитыми книгами, с коробками, громоздящимися на письменном столе. Над всем этим хаосом доминировало массивное старинное шведское бюро.

– Здесь, – сказал Гордон.

Майлс подошел к бюро. На портативной печатной машинке лежал желтоватый листок из блокнота, на котором от руки было что-то написано.

– Что вы скажете?

Это был перечень фамилий, очевидно, составленный Лиэмом. Майлс быстро просмотрел список.

Дойдя до середины, Майлс почувствовал, как в голову бросилась кровь.

Монтгомери Джонс.

– Что это? – обернулся он к супругам.

– Именно это мы и хотели бы узнать, – ответила побледневшая Марина.

– А у отца спрашивали?

– Он отказывается говорить. – Глубоко вздохнув, Марина продолжила. – Я узнала фамилию того человека, которого убили, поэтому и решила позвонить вам. Мы с Гордоном подумали – может, существует какая-то связь между женщиной или кто бы там ни был, кто преследует отца, и тем, кто убил того человека.

– Думаете, нам следует обратиться в полицию? – спросил Гордон.

– Безусловно, – ответил Майлс. – Но особых надежд не питайте. Поставить их в известность не повредит, немного озадачить, но делать они ничего не будут. В данный момент я постараюсь найти всех, кто перечислен в этом списке. Разумеется, вашему отцу известно, что их объединяет. Допускаю, он может догадываться или знать, почему был убит тот человек и почему его самого преследуют...

– Он не скажет.

– Значит, вам нужно постараться заставить его сказать. Возможно, опасность грозит не ему одному. Все остальные тоже рискуют. Убедите его, что, продолжая молчать, он подвергает риску жизни других людей.

– Мы постараемся, – кивнул Гордон.

– Но он очень упрям.

Майлс еще раз посмотрел список и нахмурился. Он вспомнил, что Грэм не собирался делать факт смерти Монтгомери Джона достоянием прессы.

– Вы сказали, что встретили эту фамилию в газете?

– Нет, – ответила Марина. – По телевизору. На канале «Экстра».

«Экстра»? Грэму удалось скрыть факт убийства от официальных каналов, но он каким-то образом просочился на бульварный канал?

– Мне запомнилось имя, потому что не смогла забыть то, каким образом он был убит. – Марина передернула плечами. – Нашпиговать льдом так, что он захлебнулся... Какая страшная смерть...

– Что значит «нашпиговать льдом»? О чем вы говорите? – Тут в мозгу у Майлса что-то щелкнуло. – О ком вы говорите?

– О Дерекке Бауре.

Дерек Баур.

Значит, их уже двое.

Майлс почувствовал, как в висках снова запульсировала кровь.

– Недавно был убит еще один человек из этого списка. Монтгомери Джонс. Его разорвали пополам. Неподалеку от плотины в Уиттеровской теснине.

Марина посмотрела на мужа. Кровь просто отхлынула от ее лица.

– Я не знаю, что происходит и что все это означает, но предлагаю вам все-таки позвать отца и попробовать о чем-нибудь с ним договориться.

Она кивнула и вышла из комнаты.

– Могу я взять, чтобы сделать копию? – спросил Майлс у Гордона. – Обещаю вернуть.

– Берите, можете оставить себе.

– Но вам нужно будет предъявить это в полиции.

– Верно, – кивнул мужчина и запустил пятерню в волосы. – О Господи...

– Мы все выясним, – пообещал Майлс.

Гордон хотел что-то сказать, но в этот момент Марина чуть ли не силком втолкнула отца в комнату.

– Объясните ему! – воскликнула она, обращаясь к Майлсу. – Меня он слушать не желает. Может, вас послушает?

– Два человека из этого списка погибли, – заговорил Майлс. – Один, Монтгомери Джонс, был разорван пополам в Уиттере. Я видел тело. Я был там. Второй, Дерек Баур...

– В Мичигане, – подсказала Марина.

– ...каким-то образом оказался набит льдом и захлебнулся. Если вам что-либо известно об обстоятельствах этих смертей, лучше рассказать об этом, поскольку вам и тем, кто перечислен в этом списке, тоже может грозить опасность.

Лиэм молча покачал головой.

– Черт тебя побери, отец!

– Вам безусловно известно нечто такое, что объединяет людей из вашего списка. Именно поэтому вы его и составили. Если бы вы могли сказать нам...

– Нет.

Майлс поразился ярости, с которой старик выплюнул это слово. Он понимал, что это бессмысленно и невероятно, но тем не менее Лиэм вел себя так, словно чувствует вину за собой, словно в каком-то смысле несет ответственность за эти смерти.

– Поймите, ваша дочь, – заговорил Майлс, обращаясь как к малому ребенку, – наняла меня, чтобы я выяснил, кто вас преследует и запугивает. Я выясню это с вашим участием или без, но ваша помощь была бы очень полезна. Это, безусловно, в ваших же интересах, поскольку преследованиям подвергаетесь вы. К тому же становится ясно, что вашей жизни угрожает опасность. Я дал согласие, чтобы ваша дочь с зятем обратились в полицию с этим списком...

– Нет! – метнул старик яростный взгляд на Марину. – Ты не имеешь права!

– Да прекрати же ты упираться! – со слезами в голосе выкрикнула Марина. – Речь идет о твоей жизни!

– Именно! – так же на крике парировал отец. – О *моей* жизни!

Майлс замолчал, не желая вмешиваться. Марина с отцом еще несколько минут кричали друг на друга, после чего старик поковылял к себе. В глубине коридора громко хлопнула дверь.

Марина выскочила из комнаты, заливаясь слезами.

– Я найду, где делают копии, сниму себе и тут же вернусь, – сказал Майлс Гордону. – Потом постараюсь найти этих людей. А вы отправляйтесь в полицию.

Гордон молча кивнул.

– У меня во второй половине дня есть кое-какие личные дела, – продолжил Майлс, – но ближе к вечеру я вам позвоню и обменяемся новостями.

– Спасибо.

– Мне за это платят, – невесело усмехнулся Майлс.

Он уехал, нашел ближайшую аптеку, заплатил безумные двадцать пять центов за ксерокопию странички и вернулся обратно. Марина, с красными от слез глазами, но уже немного успокоившаяся, пила кофе на кухне.

– Извините отца, – проговорила она на прощание. – Он невероятно упрям. Может, попозже передумает.

Она ошибается, думал Майлс по дороге домой. Он видел лицо старика, когда описывал ему обстоятельства этих смертей.

Ее отцом руководило не упрямство.

Им руководил жуткий страх.

2

Дети уехали на деловой ленч с агентом Гордона, но Лиэм, прежде чем выйти из дому, тщательным образом убедился, что никто его не поджидает снаружи, а на улице нет подозрительных автомобилей и пешеходов. Он обещал Марине, что не ступит со двора ни шагу, но за последнее время он нарушил довольно много обещаний, и чем дальше, тем легче

это было делать.

Прошедшим вечером было шесть звонков. Одна и та же женщина, и хотя Лиэм мог поклясться, что никогда раньше не слышал ее голоса, его не оставляло ощущение, что он ее знает. Или должен знать. В попытках установить ее личность он пролежал довольно долго после того, как наконец просто отключил телефон. Ему не давала покоя мысль, откуда он ее должен знать и почему.

Ее последний звонок в полночь был самым худшим.

– Я вытащу тебе член через задницу, – пообещала она, и в этот момент неизвестно почему ее голос оказался похож на голос его матери.

Он ничего не сказал ни этому возмутительному частному сыщику, ни полиции, которая появилась позже. Они пытались его расколоть, Марина непрестанно насакивала, кричала, плакала, одним словом, использовала всю эмоциональную артиллерию, какая была в ее распоряжении, но он отказался сотрудничать. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что это как-то связано с плотиной, с городом и со всем тем, что произошло в Аризоне много лет назад.

Именно поэтому он и не желал, чтобы всякого рода сыщики совали свой нос в это дело.

Именно поэтому он хотел, чтобы Марина осталась от этого в стороне.

Лиэм пошел вниз по улице в сторону шоссе Тихоокеанского побережья и пляжа. Отчаянно хотелось курить, но для этого нужно купить пачку сигарет. За последние двадцать лет Марина поверила в ложь о том, что он бросил курить – так же верила и ее мать, – и ему не хотелось, чтобы она обнаружила обратное. Поэтому приходилось ждать моментов, когда ее нет дома. Ближайшая винная лавка находилась у шоссе, и до нее надо было пройти пару кварталов. Он вполне сможет сходить туда, не торопясь покурить и вернуться раньше, чем Марина с Гордоном успеют добраться до ресторана. Ха, да пока они вернутся, ему, пожалуй, удастся еще и покурить на заднем дворе после собственного ленча, а потом прополоскать рот «листерином».

Как обычно, на прибрежном шоссе было полно народу. Машины проносились с такой скоростью, что глаз едва успевал их зафиксировать, и несмотря на декабрьский холод, на пляже тусовались серфингисты в гидрокостюмах и тяжело пораженные нарциссизмом культуристы. С этой стороны шоссе, на неприглядной территории, которая в лучшие времена превращается в парк, лежал на жухлой траве, сидел на сломанных скамейках типичный сброд – пьяницы, бродяги, бездомные, безработные.

Лиэм прошел мимо парка, мимо бара Банни, миновал переулок и оказался у входа в винный магазинчик. Он купил пачку «Мальборо Лайт», взял один коробок бесплатных спичек из ящика рядом с кассой и закурил, едва успев ступить за порог.

Он сделал глубокую, сладостную затяжку... Солнце в лицо, теплый дымок в легких... Что может быть лучше!

Выпустив струйку дыма, он медленно опустил голову... и увидел прямо перед собой приземистую толстозадую женщину, закутанную в неимоверное количество лохмотьев.

Она словно возникла ниоткуда, и лишь успокаивающее влияние сигареты удержало его от немедленной реакции. Несмотря на то, что никогда раньше этой женщины ему видеть не приходилось, в лице ее было что-то неуловимо знакомое, нечто такое, что заставило его подумать, что она специально искала его, и в груди зашевелились первые ростки страха.

Он огляделся, пытаясь заметить что-либо подозрительное на тротуаре или перед магазином. Мышцы непроизвольно напряглись.

Женщина наставила на него указательный палец.

– Сколько там было? – требовательно спросила она.

Он покачал головой.

– Сколько там было?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – промямлил Лиэм, отступая. Но он понял. Она возникла из ниоткуда, фраза звучала бессмысленно, но он понял, что она имела в виду, и это перепугало его до глубины души.

Надо было слушаться дочери.

Нельзя ему было выходить из дома.

Он обошел женщину и двинулся в обратный путь. Он обратил внимание, что в парке

несколько одетых в лохмотья мужчин внимательно смотрят в его сторону, ждут его приближения. В том, как они стояли, было что-то угрожающее, и Лиэм свернул в переулок, решив сделать крюк. Он не очень понимал, что происходит, ему просто снова вспомнилась плотина и город, и он безотчетно ускорил шаг, стараясь убраться как можно дальше от этих бездомных.

Посередине переулочка он едва не споткнулся о чьи-то ноги, торчащие из-за мусорного бака. Он резко остановился. Оборванец, расположившийся за баком, поднял голову и обнажил в улыбке желтые прокуренные зубы.

– Волчий Каньон, – прохрипел он.

Лиэм выбросил сигарету и побежал. Сердце стучало; больше всего на свете ему хотелось оказаться дома. Из-за угла жилого комплекса показалась темная фигура, и он едва успел зафиксировать, что это какая-то женщина, в то время как ноги сами несли его по переулочку, мимо запущенного заднего двора старого дома, который превратили в салон красоты.

Он слышал крики, топот ног за спиной. Обернувшись на бегу, он увидел человек пять-шесть бродяг, которые гнались за ним. Легкие уже были готовы разорваться от недостатка кислорода, сердце просто грозило отказать, но он только поддал скорости. Ему было стыдно и неловко своего страха, своей трусости, но он знал, что чувство его не обманывает. Происходящее сейчас не имело никакого смысла с точки зрения нормальной логики, но имело очень даже ясный смысл в этой вселенной кривых зеркал, где он оказался с того момента, как прозвучал первый угрожающий телефонный звонок.

Нарастающий топот бегущих ног заставил его еще прибавить скорость. Уже сводило мышцы, он понимал, что долго так не продержится. Однако вырвавшись из переулочка на улицу, соседнюю с его собственной, он ощутил новый прилив энергии.

Он не стал останавливаться или хотя бы замедлять движение, чтобы проверить, не отстала ли погоня. Сознывая, сколь нелепо он выглядит со стороны, Лиэм продолжал, задышавшись, бежать что было сил – мимо ухоженных газонов, мимо автомобильных стоянок без единого пятнышка – до конца квартала. Он не мог знать, почему за ним погнались или какое отношение эти люди с улицы имеют к плотине, к городу, к тому, что произошло, но допускал, что имеют. Он не имел права отмахиваться от явлений, которые не должны были иметь места – тем более после того, что он видел.

Он добрался до своей улицы, добрался до своего дома. Переходя на шаг, он наконец позволил себе оглянуться. Как он и предполагал, сзади никого не было. Они либо махнули на него рукой, либо потеряли его из виду, либо он так сильно обогнал их. Он глубоко, с невероятным облегчением выдохнул.

Тут на углу улицы показался необыкновенно высокий человек в драной майке и с мохнатыми наушниками на голове, и Лиэм мгновенно нырнул в дом. Сердце снова заколотилось.

Волчий Каньон.

Заперев дверь, он, весь дрожа, прислонился к ней спиной. Через секунду зазвонил телефон, от чего он просто подпрыгнул, но не сделал ни малейшего усилия, чтобы подойти к нему и снять трубку. Досчитав до пятидесяти, Лиэм бросил это занятие, а телефон продолжал звонить.

Тогда

Джеб Фримэн решил спуститься на ночь в ущелье.

Он был в пути весь день, лишь дважды останавливаясь для краткого отдыха. Он шел строго на юг, впрочем, как и всю последнюю неделю. Ноги болели. Сэм, его конь, умер два дня назад, и теперь Джеб шел пешком, неся на спине и постель, и седло. Он надеялся до темноты добраться до подножия гор, но путь оказался труднее, чем он предполагал, и к закату стало ясно, что сегодня намеченной цели ему не достичь. Он бы предпочел остаться наверху, чтобы не тратить время на лишний спуск и завтрашний подъем, но здесь по ночам бушевали свирепые ветра и, поскольку он остался без палатки, единственным способом укрыться от них было

спуститься вниз.

На каменистом дне ущелья он нашел несколько сухих сучьев, попавших сюда, вероятно, с весенним паводком. Он подобрал их. Выложив из камней круг, несколько веток он положил внутрь, остальные – поодаль. Потом раскатал свою постель. Поужинал он куском почти не жующейся солонины и запил ее одним глотком теплой воды из фляги.

Наверху сумерки наступали медленно, в отличие от ущелья, где темнота поглотила его лагерь еще до того, как на западе погасли оранжевые полосы заката.

Его окружала полнейшая тишина, за исключением зарождающегося ветра высоко над головой. Ни шороха бегущих крыс, ни крика птиц – ни единого признака живых существ. На этой богом забытой земле не было не только людей, но и животных.

Присев на корточки, он высыпал на ветки щепотку костного пепла, театральным жестом провел над ними рукой и произнес несколько слов. Вспыхнул огонь.

Он вздохнул. Приходится исполнять салонные трюки в отсутствие публики.

Он сделал пламя синим, потом зеленым, но это не развеяло охватившую его меланхолию. Он всегда вел как бы отшельнический образ жизни, но никогда не чувствовал себя по-настоящему одиноким. Если не всегда были рядом живые компаньоны, он всегда имел возможность общаться с мертвыми, умел вызывать духи тех, кто ушел, мог обсуждать свою жизнь с теми, кто уже завершил свой жизненный путь.

Но сейчас он оказался слишком далеко. В этих местах никто не жил – и никто не умирал. Ему не с кем было общаться. Он был тут абсолютно один.

Он смотрел на переливающийся всеми цветами радуги огонь, окруженный тишиной.

Постепенно он заснул.

Над ущельем гудел ночной ветер.

* * *

На следующий день он встретил Уильяма.

Джеб почувствовал его раньше, чем увидел, и предвкушение встречи обрадовало его. Он уже не мог припомнить, когда последний раз с кем-нибудь беседовал, и несколько недель даже не видел ни одного человеческого существа.

А этот человек был еще и одним из них.

Джеб продолжал двигаться на юг. Теперь он мог идти быстрее, чем в первые дни после смерти Сэма. Земля здесь была голой, грубой, открытой – в отличие от мягкой, покрытой всяческой порослью земли на Востоке. Именно это делало Запад пугающим. И волнующим. Мир здесь, казалось, будет существовать вечно, и лишь отсутствие компании не позволяло считать его раем.

Человек превращался в песчинку на этих пространствах, но Джебу не было необходимости видеть его, чтобы понять, где тот находится. Он мог его *чувствовать*, и когда ощутил, что второй остановился, поджидая его, Джеб еще больше ускорил шаг, чуть ли не бегом пересекая равнину по направлению к горам.

Он обнаружил этого человека сидящим под невысоким деревом у горловины каньона. Его лошадь утоляла жажду из мутной лужи. Человек встал, стряхнул пыль с одежды и пошел к нему навстречу, протягивая руку.

– Рад наконец-то тебя видеть, – произнес он. – Я Уильям. Уильям Джонсон. Колдун.

* * *

Уильям, как выяснилось, уже несколько дней знал о его присутствии, и Джеб подумал, что сам утратил кое-какие навыки из-за долгого отсутствия практики, в результате чего не подозревал об Уильяме, пока чуть не натолкнулся на него.

Ему приходилось встречаться с колдунами и раньше, но, как правило, в городах, и при встречах всегда бывало некое признание родственных душ, молчаливое узнавание и в то же время нежелание общаться друг с другом, чтобы не вызывать подозрений.

Но сейчас они были одни на сотни миль в округе и могли откровенно говорить о том, что

обычно приходилось передавать намеками или попросту скрывать в себе. Это было странно и даже неловко, и поначалу Джеб побаивался говорить слишком много, быть слишком откровенным – из опасения, что Уильям мог попытаться обманом заставить его выложить какие-нибудь дискредитирующие его тайны и подробности. Умом он понимал, что это не так – Уильям был таким же колдуном, как и он сам, – но эмоциональные запреты были сильны, и лишь после того, как новый спутник рассказал о себе, причем рассказал с такими подробностями, которые сам Джеб никогда бы не решился выложить постороннему человеку, он смог расслабиться и заговорить по-настоящему.

У них оказалось много общего. Уильям путешествовал по Территориям, останавливался в различных поселениях, обеспечивал себя всем необходимым, пока имел такую возможность, оказывал помощь, если к нему обращались. Он прерывал нежелательные беременности, излечивал несложные случаи, избавлял от бесплодия и получал за это преследования, нападения, изгнания.

Точно так же, как Джеб.

Они оба старались приспособиться, но каждый раз их раскрывали и подвергали гонениям за то, кто они есть и не могут не быть. Все это делали фанатичные мужчины и женщины, заявлявшие, что действуют от имени Бога.

Он рассказал Уильяму про Карлсвилль, про Бекки – девушку, которую он любил и которая его предала. Он никому еще об этом не рассказывал, но в данный момент уже ощутил такую близость с Уильямом, какой не испытывал... да, со времен Бекки, и ему хотелось рассказать об этом – облегчить душу.

Он объяснил, каким образом оказался в Карлсвилле после того, как его отца подвергли публичной казни в городке с подходящим названием Линчбург. Он избежал отцовской судьбы по простой причине – когда толпа окружила их жилище, его не было дома; он спрятался, а потом пустился в бег на Запад, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от Вирджинии. Бегство он решил прервать в Миссури, в симпатичном городке под названием Карлсвилль, где ему повезло найти работу учеником кузнеца.

В то время он был еще подростком и представил себя сиротой с Востока, который сбежал из приюта, в котором были жуткие условия. Кузнец, как и все горожане, встретили его с распростертыми объятиями и относился как к родному. Ему выделили помещение в конюшне, питался он вместе с семьей кузнеца и вместе со всеми ходил по воскресеньям в церковь.

А также он влюбился в Бекки, дочь преподобного отца Фарона.

Бекки с самого начала проявила к нему интерес, далеко выходящий за рамки простого внимания. Он нашел ее весьма привлекательной и понял, когда они разговаривали после церковных служб, что ему доставляет удовольствие находиться в ее обществе. Разумеется, тот факт, что она была дочерью священника, требовал от него особой осторожности. Он не имел права проявлять никаких способностей, которые хотя бы чуть-чуть выходили за рамки обыденности, должен был делать вид, что не знает того, что знал, и не верит в то, во что верил.

Бекки почувствовала в нем то, чего не чувствовали другие. Она называла это «мраком» и не раз признавалась, что именно это и привлекло ее к нему. Она говорила, что никто в городе этого не чувствует, а она видит в его душе какую-то тайну, загадочность во внешней простоте его прошлого, и это ее безумно интригует. Чем больше времени они проводили вместе, тем ближе они становились, и через год после его появления в Карлсвилле она призналась, что любит его.

Он тоже понял, что ее любит. Это было не то, к чему он стремился, даже не то, чего он хотел, но все произошло как-то само собой, и вскоре после взаимных признаний он сделал ей предложение и они начали строить планы на совместную жизнь.

Однажды вечером они лежали на берегу лесного ручья на южной окраине города, разговаривали, обнимались, смотрели на звезды. Разговор постепенно затих, несколько минут они пролежали молча, слушая громкий чистый голосок ручья. Бекки выглядела более подавленной, чем обычно, и он уже собрался спросить, в чем дело, но тут она села и взглянула ему в глаза.

– Ты меня любишь?

– Конечно, ты же знаешь, – рассмеялся он.

– И мы можем все говорить друг другу?

– Все и обо всем.

Она помолчала некоторое время, потом глубоко вздохнула. Рука, прикоснувшаяся к нему, дрожала.

– Я не девственница, – выдавила она. Затем рассказ полился потоком, безостановочным нагромождением слов, которые путались и мешались друг с другом, как струи воды в ручье. – Я много раз хотела сказать тебе об этом, но все не знала как, и всегда казалось, что не вовремя. Отец меня взял насильно. После смерти матери. Это было всего один раз, я была в ужасе, он потом наложил на себя епитимью, мы оба молились, но это случилось, и я бы все отдала за то, чтобы этого не было, но уже ничего не поделать. Об этом никто не знает, и я обещала ему, что ни одна живая душа не узнает, но я люблю тебя и я не могу, чтобы наша семейная жизнь начиналась с обмана, и ты все равно об этом узнаешь, поэтому я решила, что лучше сказать сразу.

К этому времени она уже рыдала.

– Не презирай меня, – взмолилась она сквозь слезы. – Я не хочу, чтобы ты меня презирал.

– Т-ш-ш-ш, – успокаивал он ее. – За что мне тебя презирать?

– Я не смогу жить, если ты будешь меня презирать.

– Я не презираю тебя.

– Но ты меня больше не любишь.

– Я тебя люблю. – Он попытался улыбнуться, но сердце разрывалось на части. Он поцеловал ее в макушку. Волосы пахли свежестью. – Все и обо всем. Помнишь?

– Это было только один раз. Все в прошлом. Он просил у меня прощения, и я сделала вид, что простила и забыла, я старалась простить и забыть, но не смогла, и постоянно об этом думала, потому что знала, что наступит такой день, я знала, что встречу человека, которого полюблю, и он обнаружит, что я не чиста. Я даже пыталась придумать, как ему это объясню. Я сочинила целую историю. Ложь.

– Т-ш-ш-ш, – отвечал Джеб. – Т-ш-ш-ш...

Она помолчала некоторое время, а потом негромко добавила:

– Я хотела его убить. – Она посмотрела в глаза Джебу. – Он знал, что делает, уже в тот момент, когда это делал, и несмотря на все его молитвы и извинения, от этого никуда не деться, и мы оба это понимаем, и я уверена, что всегда, когда мы с ним остаемся наедине, мы оба об этом думаем. Поэтому... я неоднократно думала о том, чтобы убить его, но почему-то не смогла. Я и сейчас хочу его убить, но знаю, что не смогу. Он мой отец.

Бекки выговорила и глубоко выдохнула, словно свалила огромный груз с плеч.

– Даже не представляла, что смогу когда-нибудь кому-нибудь в этом признаться, – с невеселым смешком добавила она.

Он не знал, что делать, просто продолжал обнимать ее, а когда она снова залилась слезами, уткнув лицо ему в плечо, обнял еще крепче.

Постепенно слезы закончились, она чуть отстранилась и поцеловала его в губы.

– Я тебя очень люблю.

– Я тоже тебя люблю.

– Теперь твоя очередь, – сказала Бекки.

– Что?

– Не притворяйся, – прикоснулась она к его щеке. – Я хочу знать твою главную тайну. Ты от меня что-то скрываешь, и я хочу знать, что это.

– Нет никакой тайны. Моя жизнь – как раскрытая книга.

– С несколькими отсутствующими страницами. – Она встала на колени и сделала вид, что целится в него из пистолета. – Признавайся, красавчик!

Лицо ее все еще было красно от рыданий, мокрые щеки блестели от слез, и она выглядела такой грустной, потерянной и одинокой, что у него чуть не разорвалось сердце.

И он рассказал ей.

Он рассказал ей не все, не стал посвящать в детали, но все-таки сказал, что обладает силами, что у отца тоже были силы и что они оба использовали эти силы для помощи людям. Он объяснил, что другие этого не понимают, боятся и ненавидят их, сказал, что отца убили и

ему самому чудом удалось избежать аналогичной участи.

Он признался ей, что является колдуном, хотя и не использовал это слово.

Она выглядела подавленной. Такой реакции он не ожидал. На самом деле он вообще не почувствовал ее реакции. Она не проявила ни понимания и поддержки, ни испуга и гнева. Она была печальна и задумчива. Сначала это его обеспокоило, но позже, перед расставанием, когда она чмокнула его в губы и пробормотала «я тебя люблю», он решил, что ей просто нужно время привыкнуть к этой мысли.

От того, что облегчил душу, он почувствовал себя лучше, свободнее – впервые с того момента, когда в последний раз видел отца, и быстро заснул крепким сном.

Его разбудил кузнец.

– Вставай! – прошептал он. – За тобой пришли.

– Что?.. Кто? – спросонок не понял Джеб, шурясь от света лампы.

– Преподобный Фарон собрал добровольцев, они идут сюда. Они хотят тебя повесить.

Она рассказала отцу.

Было такое ощущение, что кишки выворачиваются наизнанку. Только в этот момент он понял, насколько сильно и всерьез любит ее.

– Может, это не она? – предположил Уильям. – Может, кто-то еще обнаружил? Может...

– Нет, она.

Даже сейчас раны болели. Воспоминание вызвало всплеск эмоций, которые он старался прятать в глубине души, и Джеб поймал себя на мысли о том, что ему интересно, где сейчас Бекки, что она делает, с кем она и как выглядит.

– А я никогда не влюблялся, – с грустью сказал Уильям.

Они оба шли пешком, Уильям вел лошадь в поводу. Джеб повернул голову.

– Никогда?

Спутник покачал головой, хотел было что-то сказать, но передумал. Джеб подождал, но продолжения не последовало.

Они продолжали путь молча.

* * *

Ближе к концу дня они наткнулись на монстра.

Тварь была мертва, туша уже начала разлагаться под солнцем, но даже в смерти это было пугающее зрелище. К этому времени они вошли глубоко в каньон и двигались меж высоких скалистых стен, которые закрывали половину неба, поэтому увидели гигантских размеров тело, лежащее в русле пересохшего ручья, задолго до того, как подошли к нему. Оба ощутили концентрированную злобу, исходящую от останков твари – подобно запаху скунса, который остается в воздухе долго после того, как зверька уже и след простыл. Похоже, лошадь тоже это почувствовала, потому что Уильяму пришлось некоторое время уговаривать ее оставаться на месте.

С опаской они подошли к телу. Оно было как минимум втрое крупнее обычного человека – как в высоту, так и в ширину, и весьма смутно напоминало человеческую фигуру, причем невероятной длины руки оканчивались не пальцами, а длинными когтями, а то, что осталось от головы, Джебу вообще никогда видеть не приходилось. Как и туловище, голова монстра напоминала баллон, из которого вышел воздух; почерневшая гниющая кожа провалилась внутрь скелета, но даже при такой деформации можно было различить волосы там, где их быть не должно, глаза и нос, не соответствующие ни одному живому существу, и много, слишком много зубов.

Длинных зубов.

Острых зубов.

Сам воздух здесь казался тяжелым.

– Что это, как думаешь? – приглушенным голосом спросил Джеб.

Уильям только покачал головой, не отводя взгляда от монстра. Потом наклонился. Чтобы рассмотреть получше.

Джеба передернуло. Каньон внезапно показался слишком маленьким и слишком тесным.

Он поднял голову и оглядел отвесные стены, словно пытаясь убедиться, что там нет других монстров. Он не *ощущал* никакого чужого присутствия, но, сомневаясь в собственных инстинктах, продолжал внимательно разглядывать каньон.

– Он сдох не сам по себе, – заговорил Уильям. – Кто-то его убил. Такое ощущение, что у него выедены все внутренности. Или высосаны – вот через эту дыру в спине.

– Кто мог убить такое?..

– Не думаю, что мы хотим это знать, – покачал головой Уильямс.

Джеб хотел немедленно убраться подальше из этих гор, но несмотря на кажущееся небольшим расстояние, выбраться отсюда можно было не раньше завтрашнего или даже послезавтрашнего дня, поэтому пришлось разбивать лагерь на плоском гребне. По крайней мере, они поднялись из каньона. Он был готов идти ночью и сражаться с темнотой и скалами, нежели спать в этом проклятом месте.

То, что справилось с таким чудовищем, могло вполне использовать их самих на десерт, но они вдвоем накиннули защитное заклинание на лагерь и решили всю ночь дежурить по очереди, готовые либо спастись бегством, либо вступать в бой при первом появлении чего-либо необычного.

Джеб дежурил первым, но ничего не увидел, ничего не услышал и, хотя держал максимально раскрытыми все чувства, ничего не почувствовал. Лошадь тоже вела себя спокойно. Насколько он мог судить, они были единственными в этом месте, и он надеялся, что так продлится и дальше. По крайней мере до утра.

Когда луна прошла половину небосвода, он разбудил Уильяма, и они поменялись местами. Он понимал, что перед завтрашней тяжелой дорогой необходимо отдохнуть, но усталости совершенно не чувствовал и сомневался, что удастся заснуть.

Но отключился почти мгновенно, как только голова устроилась на переметной сумке.

Ему приснился город с одинаковыми домами, где на закате бродит карлик и подкладывает металлические ложки на крыльцо тем, кому не суждено дожить до рассвета. Он сам живет в одном из таких домов. Он просыпается среди ночи от непонятных звуков и идет на улицу понять, в чем дело. Он выходит на крыльцо, чувствует под ногой что-то холодное, потом слышится металлический звук. Он опускает голову и видит, что сбил ногой ржавую металлическую ложку. Из кустов слышится хихиканье. Присмотревшись, он видит лицо карлика, который смотрит на него со злобной ухмылкой.

Он проснулся не отдохнувшим. Уильям уже соорудил костер и варил кофе, набрав мутной воды из едва сочившегося ручейка неподалеку от тропы. Выпив свой завтрак, они торопливо собрались и двинулись в путь, стремясь как можно быстрее покинуть эти горы.

За весь день и вечер, который они провели в узком ущелье меж двух высоких скал, они едва ли обменялись десятком слов. Казалось, словно на них самих наслали своего рода заклинание, хотя они и принимали все меры предосторожности.

На следующий день они наконец покинули горы, и Джебу показалось, что он как бы очнулся после тяжелого сна. Ощущения, которые преследовали его, растаяли, и даже воспоминание о монстре казалось не столь отчетливым. Он вспомнил это ощущение. Такое воодушевление испытывает человек, сумевший избежать катастрофы. Нечто подобное, только смешанное с чувством вины, он испытал, избежав участи отца и покинув Линчбург. Он понимал, что этим внезапным приступом страха он обязан никакой не магии, а обыкновенным человеческим эмоциям.

Двое суток они имели возможность осмыслить то, с чем столкнулись в каньоне. Сам он так и не смог придумать ничего путного. Уильям казался ему гораздо более глубоким мыслителем, поэтому Джеф и решил обратиться к своему новому другу.

– Как думаешь, кто все-таки мог убить того монстра?

Уильям покачал головой, и Джеф понял, что тот не хочет говорить об этом.

Его лично это вполне устраивало.

Пейзаж стал более равнинным, а на этой стороне горного хребта – и не столь мертвенно-пустынным. Здесь росли деревья, трава и кустарники. Признаков людей не было по-прежнему, но их приветствовали другие признаки жизни – в небе кружили птицы, по земле скакали белки, издали доносился рев медведя. Хотя они все еще находились на неосвоенных

землях, оба испытывали такое ощущение, словно вернулись в знакомый мир.

Их самопроизвольное молчание тоже закончилось, они снова начали беседовать. Они рассказывали друг другу о местах, где побывали, о том, что видели на своем долгом пути. У Джеба не было какой-то конкретной цели, он шел наобум, но ему показалось, что его новый друг знает, куда идет, у него есть некий план или конкретное намерение.

– Куда мы идем? – спросил он Уильяма.

– На юг.

– Я имею в виду – куда именно?

– А ты куда шел, когда мы встретились?

– Никуда, – пожал плечами Джеб.

– В этом и проблема у нашего брата, – кивнул Уильям. – Мы никогда не стремимся к чему-то, мы всегда бежим от чего-то.

– У нас нет выбора. Такова жизнь.

– Есть и другие такие же гонимые люди, – после некоторого молчания заговорил Уильям. – Люди, которые здесь, на Западе, начали новую жизнь, построили свои новые общины, вдали от всех остальных, там, где их никто не будет беспокоить. Некоторое время назад мне пришла в голову мысль, что мы могли бы сделать то же самое. Это земля больших возможностей, потому что она новая и свободная, готовая обрести любой вид, который ей пожелают придать новые поселенцы. Она не связана стандартами прошлого.

Здесь нет нужды подстраиваться к укоренившимся представлениям о том, каким должно быть общество. И она достаточно велика, чтобы прокормить всех.

– Город? – воскликнул Джеб, внезапно сообразив, к чему тот клонит. – Ты говоришь о городе колдунов?!

– Почему бы и нет? Мормоны создают себе целую Территорию. Почему бы нам не обзавестись хотя бы городом? – Улыбнувшись, он подошел к лошади и вытащил из седельной сумки письмо с печатью правительства Соединенных Штатов. – Я уже написал в Вашингтон, и Фентон Барнс, человек, к которому я обращался, поговорил с президентом о моей идее.

– С президентом? Нашей страны?

– Правительство обеспокоено тем, что процветающее здесь насилие испугает людей и они станут покидать эти места. Они обеспокоены тем, что Мексика может использовать эту ситуацию в своих интересах. Это насилие направлено по большей части против нас, против мормонов, против всех, кто... другие, и если им удастся держать нас отдельно от основной части населения, предоставив нам собственные земли, это сохранит по крайней мере видимость национального единства. – Он пожал плечами. – По крайней мере они считают, что хуже не будет.

– Так что это значит? Они хотят выделить нам землю. Чтобы мы построили свой город?

– Да, – кивнул Уильям, – наш собственный город, с нашим местным правительством и местными законами. Мы станем признанным сообществом, получившим санкцию федерального правительства, отделенным и защищенным президентским указом от преследований, которым мы подвергались в прошлом. – Улыбнувшись, он протянул Джебу письмо. – Этим я уполномочен вступить во владение землей во имя нашего народа.

– Где это? – воскликнул Джеб. – Где это место?

– На Территории Аризона, – ответил Уильям. – Место называется Волчий Каньон.

Сейчас

1

Только проснувшись рождественским утром, он сообразил, что забыл купить елку.

Майлс вышел на кухню и принялся готовить кофе. Все украшения лежали в гараже, он не позаботился и о приобретении гирлянд. Подмывало сделать вид, что это самый обычный день, что в этом году нет никакого Рождества, но когда он включил телевизор и в программе «Тудэй» увидел снятых, разумеется, заранее людей, распевających под нью-йоркским снегопадом

праздничные гимны, он понял, что этого ему не удастся.

Отцу он уже купил несколько подарков, но не успел завернуть, поэтому принялся упаковывать сейчас. Он полагал, что Одра, будучи столь глубоко верующей христианкой, возьмет день отдыха, но медсестра пообещала прийти, сообщив при этом, что появится просто на пару часов позже, чем обычно. Одре он тоже купил подарок. Точнее, два – один от себя, другой от отца. Достав сохранившуюся еще с прошлого года праздничную бумагу с изображениями снеговиков, он кое-как завернул неудобной формы плетеную корзинку, в которую положил пакетики с различным чаем, и вазочку из искусственного хрусталя, у которой не оказалось коробки.

Оставив подарки для медсестры на кофейном столике, Майлс прихватил подарки для отца и фальшиво бодрым рождественским голосом, совершенно не соответствующим его настроению, провозгласил: «С Рождеством, папа!»

Боб несколько раз моргнул, выходя из дремоты, но тело при этом не шевельнулось. Он попробовал улыбнуться, но получилась скорее болезненная гримаса, а когда попытался приподнять себя с помощью одной послушной руки, попытка закончилась тем, что он просто завалился на левую сторону.

Майлс поставил подарки у изножья кровати, затем помог отцу вернуться в исходное положение. Вложив пульт управления кроватью отцу в здоровую руку, он подождал, пока изголовье кровати поднимется до нужного уровня.

– Ненавижу это дерьмо, – заплетаящимся языком прошептал отец. Теперь он постоянно так разговаривал, но раздражение, прозвучавшее в голосе, было таким узнаваемым, что Майлс не смог сдерживать улыбки. Инсульт мог поразить все что угодно, но на характер отца он не оказал ни малейшего влияния.

– Счастливого Рождества, – повторил Майлс.

– Не знаю, насколько оно счастливое.

– Но все-таки Рождество, и смотри, я пришел с подарками! – Он взял первый сверток и положил отцу на грудь, дав ему рассмотреть упаковку, прежде чем начал ее аккуратно разворачивать. – Ну-ка, что у нас там? – Он открыл коробку. – Ботинки, отец. Ковбойские ботинки! Помнишь, ты видел такие летом, но пожадничал купить?

Боб ничего не ответил, но Майлс увидел, как у отца навернулись слезы, и сам внезапно ощутил тугой комок в горле. Он поспешил перейти к следующему подарку.

– Так, а здесь что? – Он развернул следующую упаковку. – Ага, книжка Луи Ламура!

Рука стиснула его запястье. Отцовская рука оказалась на удивление сильной. Он посмотрел ему в лицо и увидел, что по щекам отца текут слезы.

– Спасибо, – прошептал Боб.

Майлс вдруг осознал, что отец не предполагал, что в этом году они будут праздновать Рождество. Вероятно, он не очень надеялся, что вообще доживет до Рождества, и Майлс понял, как много это для него значит. Он был рад, что купил подарки, и пожалел, что не приложил усилий нарядить дом. Надо было больше думать об отцовских чувствах и постараться сделать так, чтобы этот праздник ничем не отличался от предыдущих.

– Ты хороший сын, – прошептал Боб, ослабляя пожатие. – Хочу, чтобы ты это знал. Если я не говорю это часто, еще не значит, что я так не думаю.

Комок в горле вернулся, и теперь уже глаза Майлса увлажнились.

– Спасибо, отец. – С трудом сглотнув, он изобразил улыбку и взял в руки следующий подарок. – Давай поглядим, что здесь.

За этим последовало еще два подарка – что было гораздо меньше, чем обычно, но вполне пристойно в данных обстоятельствах. После того как Майлс сложил обертки и сунул их в мусорную корзину, отец движением руки подозвал его к себе.

– Загляни под кровать, – прошептал он. – Я попросил Одру купить тебе подарок от меня.

Это было полнейшим сюрпризом. Майлс сел на корточки, запустил руку под кровать и вытащил довольно большой и увесистый подарок, чья аккуратнейшая обертка выдавала участие женской руки.

– Открывай, – продолжил отец.

Под красно-зеленой бумагой скрывался портативный проигрыватель.

– Я нашел его пару месяцев назад и попросил Одру купить его для меня. У тебя же много старых пластинок, а ты не можешь их слушать. На твоём стерео есть только «сидишник». Подумал, тебе понравится.

Это был самый лучший подарок из всех, что когда-либо дарил ему отец, не только потому, что он действительно это хотел и с удовольствием бы пользовался, но из-за мысли, в него вложенной, и усилий, потребовавшихся для его приобретения. Обычно отец дарил какие-нибудь вещи из «Сирса», которые ему хотелось самому, и Майлс был поражен тем, что на сей раз он специально думал о проигрывателе, заметил его и не забыл.

– Спасибо, – сказал он. – Это потрясающе.

– Счастливого Рождества, мальчик мой. – Боб нажал кнопку, опуская изголовье кровати. Он уже явно устал, и Майлс решил на время оставить его в покое.

– Пойду поставлю кофе.

– Это хорошо, – откликнулся отец с закрытыми глазами.

Он захрапел раньше, чем Майлс успел выйти из комнаты.

Это, на взгляд Майлса, было одним из самых тревожных последствий инсульта – резкие перемены состояния и настроения, моментальные переходы от веселья к печали, от бодрости к сонливости, без промежуточных стадий.

Он пошел на кухню.

Около одиннадцати позвонила Бонни, сделав вид, что ничего особенного не происходит. Поблагодарила за присланные им подарки, дежурно осведомилась, как себя чувствует отец, затем пересказала утро разворачивания подарков у себя дома и поведала о том, какой величины индейку она сегодня готовит. На секунду к разговору, даже подсоединился Гил, произнес банальные слова поздравлений, и Майлс ответил в том же духе. Он никогда особо не жаловал своего зятя, но всегда старался изображать вежливость, чему не изменил и на этот раз. После того как Гил положил трубку параллельного аппарата, Майлс спросил у сестры, не хочет ли она поговорить с отцом, и она была вынуждена сказать «да». Когда он вернулся, проверив, и сообщил, что отец спит, на другом конце провода послышался плохо скрываемый вздох облегчения. Он сказал, что перезвонит позже, когда отец проснется, после чего, обменявшись любезностями, оба положили трубки.

Через некоторое время послышался звук моторчика кровати, и он отправился сообщить отцу, что звонила Бонни.

– Как там наш друг Гил? – с улыбкой спросил отец.

– По-прежнему способен за три секунды превратиться из мужчины в тряпку.

Боб рассмеялся. Или попытался это сделать. Но смех превратился в кашель, кашель застрял где-то в горле. Лицо исказилось гримасой, и все закончилось громким болезненным хрипом.

Они все еще разговаривали о Бонни и Гиле, когда пришла Одра. Она принесла готовый рождественский обед – на тарелках, которые оставалось лишь поставить в микроволновку, были разложены куски индейки, картофельное пюре, другие гарниры, а также пластиковую коробку с салатом. Майлс был искренне тронут. Он вручил медсестре подарки, с интересом понаблюдав, как она их разворачивает. Затем женщина отправилась на кухню разогревать еду. Потом он сидел в кресле у отцовской постели, обедал, Одра резала индейку на мелкие кусочки и заботливо кормила отца.

Как он и подозревал, отношения Одры с отцом поначалу складывались не очень, хотя в последние дни у них, похоже, наступило перемирие. Оправдалась и другая его надежда – конфронтация несколько добавила отцу энергии, и он достиг уже гораздо большего прогресса, чем ожидалось, – особенно в отношении речи. Два раза в неделю его возили в больницу для обследования и физиотерапии, и хотя с точки зрения долгосрочного прогноза состояние его не менялось, и врач, и физиотерапевты в один голос утверждали, что на данном этапе прогресс просто блестящий.

Майлс покончил с едой и пошел на кухню поставить тарелку в раковину. Вернувшись, он увидел, как Одра вскакивает со своего кресла у кровати. Лицо ее было пунцовым. Не говоря ни слова, она резко вышла из комнаты.

– Отец, что ты ей сказал? – нахмурился Майлс. Он находился слишком далеко, чтобы

расслышать ответ, поэтому, присев к кровати, повторил: – Что ты ей сказал?

– Я спросил, правда ли, что у японцев есть автоматы, которые торгуют грязными трусами, – шепотом сообщил отец. – Я где-то об этом слышал.

Майлс ошеломленно моргнул несколько раз, а потом захохотал во все горло. Он очень давно не смеялся и, вероятно, отреагировал слишком сильно, вложив в услышанное гораздо больше юмора, чем там было на самом деле, но смеяться было очень приятно, это получилось само собой, и ему оставалось только отдаться этой внезапной волне и насладиться забытым чувством.

Отец усмехнулся.

Нет, на характере отца insult не отразился ни в малейшей степени.

Майлс взял здоровую руку отца и крепко сжал. Из кухни доносилось сердитое хлопанье дверцами шкафов.

Он улыбнулся. С учетом всех обстоятельств Рождество получилось не таким уж плохим.

2

Лос-Анджелес в очередной раз показал свое истинное лицо после традиционного фальшивого новогоднего фасада, утонув в смоге, словно сохранение одного-единственного дня с идеально голубым небом исчерпало всю его энергию. Горы Сан-Габриэль были полностью скрыты белой пеленой, и даже Голливудские холмы лишь смутно угадывались в густой дымке. Как обычно, синоптик в утреннем прогнозе погоды пообещал, что всех ждет «прекрасный день».

Майлс вошел в комнату отдыха, где Хал с Трэном обменивались впечатлениями о праздниках. Трэн в своем микроскопическом двухэтажном домике принимал многочисленное католическое семейство своей жены, отчего в жилище возник такой дух тесноты, клаустрофобии и христианства, что Трэн, вялый буддист, большую часть рождественских праздников провел с сигаретой на заднем дворе, пытаясь избежать родственников.

Хал с женой провели целый день вместе в своем загородном доме в Шерман Оукс, потом к ним подъехал сын с очередной подружкой, но все прошло тихо, без особых событий. Зато в канун Рождества с Халом, как обычно, случилось множество всяких неожиданностей, и сейчас Майлс с Трэном со смехом слушали юмористические воспоминания бородатого сыщика о том, как он отправился покупать жене ювелирные украшения, долго искал то, что она хотела, пока наконец в одной независимой лавчонке, торгующей с большими скидками, не наткнулся на предмет, который разыскивал в прошлом году по делу об ограблении. Он купил его, имея в виду, что после праздников найдет аналогичный, подменит так, чтобы жена ничего не заметила, а краденый отнесет в полицию и расскажет, где он его раздобыл.

– А как у тебя Рождество, Майлс? – кивнул Трэн.

– Нормально, с учетом текущих обстоятельств.

Трэн с Халом покивали с серьезным и понимающим видом, не проявив желания вникать в подробности.

Майлс почувствовал неловкость и сделал вид, что внезапно вспомнил о срочном деле, из-за которого необходимо вернуться на рабочее место.

Устроившись за столом, он принялся перелистывать бумаги, довольный тем, что есть чем заняться. За столом он чувствовал себя гораздо комфортнее, чем даже можно было предположить.

Хотя Марина с мужем уехали к себе в Аризону, а отец ее по-прежнему отказывался разговаривать, Майлс продолжал расследование и был рад этому. Порывшись, он нашел папку с этим делом и достал список, составленный Лиэмом. Он систематически старался установить местонахождение всех этих людей, хотя до сей поры безуспешно. Он надеялся, что удастся работать совместно с полицией, использовать их ресурсы, но со страхом и удивлением обнаружил, что полицейский детектив, прикрепленный к делу Лиэма, демонстрировал исключительную незаинтересованность. Впрочем, у Майлса, как и у его конторы в целом, были кое-какие контакты с большими чинами в полиции, и он надеялся переговорить с ними и попросить передать дело другому сыщику.

Все утро он изучал телефонные справочники и лазил по Интернету. Лишь к полудню он оказался награжден адресом и телефонным номером Хьюберта П. Ларса, ныне живущего в Палм-Спрингс. Однако при попытке связаться с Хьюбертом автоответчик заявил, что этот номер не обслуживается, и попросил проверить правильность набора.

Майлс позвонил еще раз – убедиться, что не нажал по ошибке какую-нибудь не ту цифру, но, услышав ту же самую информацию, положил трубку и глубоко задумался. В голове возник образ Хьюберта П. Ларса, лежащего мертвым на полу длинного низкого дома, как выглядят обычно ранчо в пустынной местности. Он уже был почти готов сорваться с места и поехать в Палм-Спрингс, но туда было не меньше двух часов дороги, и, разумеется, это время можно было бы потратить с гораздо большей пользой – например, на поиски адресов и телефонов остальных людей из списка Лиэма.

Он просидел на службе допоздна, и когда подъехал к дому, солнце в сизо-оранжевой дымке смога уже закатывалось за горизонт. Подхватив с пассажирского сиденья пакет «Тако Белл», Майлс выбрался из машины, поднялся на крыльцо и открыл дверь своим ключом. Его встретила темнота. И тишина. Свет не горел во всем доме, и даже не было слышно обычно постоянно работающего телевизора.

– Одра? – напряженно окликнул Майлс. – Вы дома? Одра!

Ответа не последовало.

Внезапно он понял, почему в доме стоит тишина. Отец умер.

– Отец! – Он бросил пакет на кофейный столик и с бешено заколотившимся сердцем ринулся в глубину дома.

Пробежав гостиную, он выскочил в холл. Дверь отцовской комнаты оказалась забаррикадирована большой кадкой с комнатным деревом; для укрепления баррикады к ней были придвинуты небольшой диванчик и кресло, стоявшие обычно в дальней спальне. Хотя это не имело никакого смысла, но он пытался лихорадочно сообразить, для чего это было сделано.

Из комнаты доносились звуки шагов. В мертвенной тишине дома они казались неестественно громкими.

– Отец!

Никакого ответа. Только стук каблуков по паркетному полу.

Майлс сдвинул диван в сторону, отшвырнул кресло, отставил от двери кадушку. Между ножками кадки валялись бумажное полотенце, бутылка и шприц. Брошенное отцовское лекарство.

– Отец! – Майлс рывком распахнул дверь.

Отец, голый, лишь в ковбойских ботинках, шагал по периметру комнаты. Ночной столик валялся на боку, равно как и кресло. Кровать и комод оказались сдвинуты со своих мест у стены и стояли под странными углами посреди скомканных простыней, образуя своего рода проход вдоль стены, по которому и шагал отец. Майлс обратил внимание на кровавые ссадины у отца на бедрах и на животе – очевидно, полученные, когда он ударялся о кровать и комод, сдвигая их не осознанно, а просто многократным упорным повторением одних и тех же движений.

– Отец! – еще раз воскликнул Майлс.

Но при этом не сделал вперед ни шагу. Что-то в этой сцене насторожило его. Он видел, что отец ходит с закрытыми глазами. Одутловатая старческая кожа была какого-то синюшного оттенка.

Боб прошел между комодом и стеной, к нему, мимо него. С близкого расстояния Майлс обратил внимание на полное отсутствие какого-либо выражения на отцовском лице, полное отсутствие каких-либо признаков жизни.

Его отец был мертв.

Он сознавал это, чувствовал, понимал, но Боб продолжал ходить, продолжал описывать круги вдоль стен. Майлс не понимал, что происходит, почему и что ему делать. Прямо сцена из «Сумеречной зоны». Он продолжал стоять в полном ошеломлении. Казалось, он должен был бы испытывать страх, но страха на самом деле не было, и когда отец в очередной раз проходил мимо, Майлс обнял его обеими руками и прижал к себе. Отцовская кожа на ощупь была холодной, рыхловатой, резиновой. Майлс изо всех сил старался удержать его на месте, но отец

после смерти оказался гораздо сильнее, чем был при жизни, и всего лишь после секундной задержки он разорвал сыновьи объятия и продолжил свой безостановочный путь по периметру комнаты.

– Стой! – воскликнул Майлс, но Боб никак не дал понять, что слышит.

Мертвые не слышат, подумал Майлс.

Он выскочил из комнаты в холл. Одра, конечно же, уже сообщила о происшествии, и «скорая помощь», безусловно, находится в пути, но тем не менее набрал 911. От дежурного по «скорой» его немедленно перенаправили к диспетчеру полицейских сил. Прежде чем тот успел произнести хоть слово, Майлс зачастил в трубку:

– Меня зовут Майлс Хьюрдин. Лос-Анджелес, Монтеррей-стрит, 1264. У меня умер отец. Я только что вернулся домой и обнаружил. У него был инсульт, после которого он не мог двигаться, но сейчас он ходит по спальне и мне нужно, чтобы кто-нибудь приехал и занялся им. – Выпаливая текст, он уже осознал, какой полнейшей нелепостью это может показаться человеку на другом конце провода, понял, что надо было бы опустить последнюю часть, дожидаться приезда медицинской бригады, которая сама бы все увидела на месте, но, видимо, он все-таки испытал слишком большое потрясение и чувствовал непреодолимую потребность поделиться с кем-нибудь этой информацией, объяснить, что происходит.

Он хотел, чтобы это еще кому-нибудь стало известно. А кроме того, полиции нужно решить, что делать с отцом – везти его в больницу или в морг.

– У вашего отца инсульт? – недоуменно переспросил диспетчер.

– Нет, он умер!

– Кажется, вы сказали, что он ходит?

– Ходит!

– Мистер Хьюрдин, – в голосе зазвучали жесткие властные нотки.

– Я же сказал вам – он умер! И тем не менее продолжает ходить по комнате!

– Мистер Хьюрдин, я советую *вам* пойти прогуляться. У нас нет времени на подобные шутки.

– Это не шутка, черт побери!

– В таком случае предлагаю воспользоваться услугами нашей справочной службы и найти ближайшую к вашему дому психиатрическую клинику. Я соединю вас. – Послышался резкий щелчок, после чего в трубке зазвучал записанный на пленку голос, информирующий о том, что если он думает о суициде, ему следует нажать кнопку с цифрой «один». Если он страдает от домашнего насилия...

Он швырнул трубку, проклиная себя за то, что не спросил фамилию оператора. Там, где он сидел, стука каблучков по паркету не было слышно, но казалось, что этот звук раздается уже прямо в голове, и впервые до него дошел весь ужас происходящего. Отец или не отец, но он находился в доме с мертвецом...

Зомби... и первоочередной задачей было найти кого-нибудь, кто мог бы помочь разобраться в этой ситуации. Подумав немного, он достал свою записную книжку и набрал номер Ральфа Баджера, который работал в службе окружного коронера. Ральф должен знать, что делать.

К счастью, Ральф оказался на месте. Майлс по возможности спокойно и трезво обрисовал ситуацию. Друг не прерывал его, не воспринял его сообщение как бред пьяного или сумасшедшего; напротив, он вполне серьезно записал адрес и пообещал через полчаса приехать с фургонem и двумя помощниками.

Затем Майлс позвонил Грэму. В таком деле юрист не помешает. Он понятия не имел, что тут происходит, но случай был, несомненно, беспрецедентный, а это всегда означает некоторые трения с законом. Адвокат – редкий случай – не попросил через автоответчик оставить сообщение на пейджере, а сам снял трубку, а как только Майлс обрисовал ситуацию, пообещал немедленно выехать.

– Ты не морочишь мне голову? Без дураков?

– Без дураков.

– Ну и дела. Я должен сам это видеть.

– Ну тогда поднимай задницу.

Майлс еще подумал, не позвонить ли Халу, чтобы подключить еще несколько детективов, но потом решил пока этого не делать.

Положив трубку, он огляделся. Дом стоял, погруженный во мрак. Где же Одра? Могла ли она просто сбежать?

Или отец убил ее?

Сейчас уже стало ясно, что она не звонила ни в полицию, ни каким иным представителям власти, или, если и звонила, они отнеслись к ее сообщению так же, как к его. Могла ли она просто бросить свой пост и уехать домой или в свой хоспис? Или с ней что-нибудь случилось, и ее тело лежит сейчас где-нибудь в доме? Безусловно, именно она забаррикадировала дверь в отцовскую комнату, так что скорее всего он не мог причинить ей никакого вреда, но справедливости ради надо признать, что Майлс уже плохо соображал. Единственное, в чем он не сомневался, – что его отцом овладел некий злой дух или демон, который мог что-нибудь сотворить и с медсестрой.

Нужно обыскать дом.

На самом деле ему уже гораздо меньше хотелось покидать гостиную, чем раньше. Наступила ночь, и хотя он зажег кое-какие светильники, большая часть дома оставалась в темноте. Рассуждая логически, можно было предположить, что отец умер, когда еще было светло, а Одра исчезла в какое-то время после обеда.

Но судя по тому, что она никому не звонила, возможно, что она и не покидала дом.

Он выглянул в частично освещенный коридор. От вида разобранной баррикады по спине прошла дрожь.

Может, лучше дожидаться, когда придет Ральф с людьми coronera?

Нет. Если есть шанс, что медсестра все еще находится в доме, что с ней что-то случилось и он может оказать ей помощь, – ее нужно искать.

Майлс быстро заглянул на кухню, щелкнув выключателем. Пусто. Развернувшись, он прошел по коридору, заглядывая в ванную, в гардероб, в свой кабинет. Пусто.

Дверь в комнату отца осталась открытой. Он не мог не заглянуть туда. Боб по-прежнему ходил по периметру – голый, мертвый, в ковбойских ботинках. Вот он сделал поворот, Майлс увидел застывшие невидящие глаза на неподвижном лице и отвел взгляд. Осталось проверить последнее помещение – его собственную спальню.

Он уже был готов к худшему – распотрошенное, разорванное на куски, как Монтегери Джонс, тело медсестры, лежащее на его кровати, – но, включив свет, не обнаружил ничего. Слава Богу. В хозяйской ванной комнате тоже ничего не было, и наконец он с удовлетворением мог констатировать, что Одра покинула дом.

Оставив включенным свет, он вернулся к отцовской комнате и заглянул еще раз. Он по-прежнему чувствовал на руках холодную рыхлость его кожи. Внезапно мелькнула мысль – несмотря на движущееся и как бы оживленное тело, он уже не относится к нему как к телу отца. Это оболочка, действующая, но пустая, и той сущности, которая была Бобом, более не существует.

Он вернулся в гостиную, включил телевизор, чтобы хоть какой-нибудь звук создавал ощущение жизни в доме, и стал ждать.

Ральф и двое помощников из службы окружного coronera приехали первыми, хотя и опоздали минут на двадцать.

Вскоре появился и Грэм. Оба его приятеля, равно как двое других мужчин, были явно шокированы видом Боба, вышагивающего по комнате. Натягивая перчатки и хирургическую маску, Ральф быстро спрашивал, когда случился удар, какова была глубина поражения мозга и уверен ли он, что Боб мертв.

Майлс бегло посвятил его в историю отцовской болезни, рассказал о том, как приехал с работы и обнаружил забаррикадированную дверь и брошенный дом.

Облачившись в защитные доспехи, Ральф с помощниками пошел в комнату. Двое мужчин крепко держали Боба, а Ральф энергичным движением сделал инъекцию какого-то лекарства в предплечье отца, поскольку эта часть тела не проявляла никаких признаков подвижности. Сделав это, он тут же отошел в сторону. Помощники еще некоторое время с видимым напряжением продолжали удерживать тело, стремящееся продолжить движение.

Не прошло и минуты, как отец повалился лицом вперед. Ральф сменил одного из помощников, молодого здорового интерна по имени Мёрдок, и поддерживал Боба, пока помощник бегал за носилками. Тело уложили и крепко привязали.

– Что ты ему вколол? – спросил Майлс.

– Очень сильный мышечный релаксant.

– Он... мертв?

– Да, – с выражением полной опустошенности ответил Ральф. – Мертв.

– Ты понимаешь, в чем дело?

– Нет, – пожал плечами приятель.

– Никогда с таким встречаться не доводилось?

– Должен признаться, нет.

– Только не сообщай об этом в «Уикли Уорлд ньюс», – обернулся Майлс к Грэму.

– Скажи об этом своему другу доктору. Если будет какая утечка – имей в виду, это из офиса coronera, а не от меня.

– Можно оставить это в тайне? – обратился Майлс к Ральфу.

– Безусловно. По крайней мере до тех пор, пока мы не выясним, что к чему. Нельзя допускать паники. – Ральф стянул перчатки. – Знаешь, я в принципе должен был бы за это ухватиться. Нечасто попадают такие случаи... Точнее сказать, такого никогда еще не было, а это, сам понимаешь, голубая мечта coronera – найти нечто такое, чего еще не бывало, и раструбить об этом на всю вселенную. И для меня как помощника coronera это уникальный карьерный шанс.

– Но? – подтолкнул его Майлс.

– Но почему-то меня это не радует. – Помолчав, он заглянул в глаза Майлсу. – Меня это пугает.

Майлс передернул плечами и посмотрел на Грэма. Обычно адвокат не удержался бы от какого-нибудь циничного глубокомысленного замечания. Но Грэм просто задумчиво стоял молча.

– Что ты собираешься делать? – спросил Майлс.

– Не знаю. Заберем его с собой. Ясное дело, пока он шевелится, никакой аутопсии я проводить не буду. Позвоню Биллу, позвоню шефу, пусть приезжают и думают, как с ним быть. Сейчас, полагаю, мы отвезем твоего отца в морг, найдем отдельное помещение, ремни снимать не будем и посмотрим, что произойдет, когда перестанет действовать препарат. Хочешь поехать с нами? В фургоне найдется место.

Майлс поглядел на Грэма.

Адвокат попробовал улыбнуться, но улыбка не получилась.

– Лучше мы поедem за вами следом, – сказал он.

* * *

Проснулся Майлс от кошмара, в котором он бежал по лабиринту, преследуемый мумией с разложившимся лицом Лиэма Коннора. Он сел и протер глаза. За окном было светло. Одного взгляда на часы хватило, чтобы понять, что ему уже два часа как следовало быть на работе. Он до сих пор так никому и не позвонил, поэтому потянулся через кровать, схватил телефон и набрал номер Наоми. Коротко объяснив ей, что отец умер, он попросил соединить себя с Перкинсом или Миллером, но она сказала, что сама все сделает, а он пусть занимается всем, чем нужно, позвонит потом, когда сможет, и что они будут молиться за него.

– Спасибо, – с благодарностью ответил Майлс.

Следующий звонок он сделал в офис coronera. Ральф все еще был там. Смертельно усталым голосом он сообщил, что ничего не изменилось. Отец по-прежнему мертв.

И в ногах по-прежнему наблюдаются сильные мышечные сокращения.

– То есть это означает, что он стал зомби? – выговорил Майлс то, о чем побоялся спросить ночью.

– Я не знаю, что это означает, – признался Ральф. – Никто тут не знает.

Майлс встал, принял душ, сварил себе кофе. Он находился в полной растерянности и

совершенно не представлял, что делать. В нормальной ситуации следовало бы связаться с похоронным бюро, обзвонить родных и знакомых, но в данный момент все висело в воздухе. Он понимал, что нужно обязательно позвонить сестре, но решил и ее пока не беспокоить, подождать, пока отец умрет по-настоящему и навсегда.

Умрет по-настоящему и навсегда.

Он покачал головой. Было такое чувство, словно он должен понимать, что происходит. На каком-то уровне это, возможно, и происходило, но в данный момент сознание категорически отказывалось выстраивать логическую цепочку между тем, что случилось с отцом, и имеющейся в его распоряжении информацией. Он начал вспоминать отцовские повторяющиеся сны, его внезапное увлечение оккультизмом... Мог ли Боб предполагать, что должно произойти? Мог ли он каким-то образом готовить себя к этому? А если так, почему скрыл это от сына?

Отец был образцом организованности, и копия его завещания, документы на машину, перечень имущества и ключ от банковской ячейки лежали в одном из ящиков письменного стола с этикеткой «смерть». Ящик этот он показал Майлсу задолго до того, как его хватил удар.

В банковской ячейке, полагал Майлс, должны находиться оригинал завещания и другие документы, возможно, семейные фотографии, фамильные реликвии. Ценности. Надо съездить проверить. По крайней мере, хоть какое-то занятие.

Пожилая женщина-контролер банка провела его в комнату с сейфами, извлекла из ниши длинный металлический ящик и поставила его на стол. Затем они одновременно вставили свои ключи, он поблагодарил женщину, дождался, когда она уйдет, и снял крышку.

В полном смятении Майлс увидел перед собой флаконы с какими-то порошками и бутылочки с прозрачной жидкостью, в которой плавали странного вида корешки. Еще в ящике были ветки и сухие листья, упакованные в пластиковые пакеты, ожерелье из зубов и нечто, напоминающее высушенную расплюснутую лягушку.

Он замер, потрясенный полнейшим безумием представшего перед глазами зрелища. Где документы, на которые он рассчитывал? Страховые полисы? Письма? Семейные реликвии?

И что вообще означает этот бред?

Ни одна из упаковок или бутылочек не имела ярлыков, но от всего этого исходила аура оккультизма, что, с учетом нынешних обстоятельств, отнюдь не давало повода для веселья. Особенно нервное ощущение вызывало ожерелье из зубов, и он попытался представить, зачем отцу понадобилась такая вещь и где он мог ее взять.

Он начал с осторожностью извлекать предметы из ящика и расставлять их на столе. Зубы постукивали в дрожащей руке. Жесткую пыльную лягушку он попросту уронил. Все это выглядело как магические атрибуты, предметы, которые применяются для совершения заклинаний и приготовления ядов.

Мысли мелькали в возбужденном сознании.

Магия.

Буду.

Зомби.

Он представил отца, безостановочно вышагивающего по разоренной спальне, и уперся невидящим взглядом в предметы, расставленные на столе. В глаза опять бросилось ожерелье из зубов. Это ему не нравилось. Просто категорически не нравилось.

Он сидел неподвижно, чувствуя пустоту и леденящий холод в душе.

3

Фред Танни проснулся среди ночи и увидел перед кроватью женщину – прекрасную женщину с длинными прямыми черными волосами, чудесной улыбкой и самыми злыми глазами, которые ему когда-либо доводилось лицезреть.

Он моментально понял, кто это, и произнес ее имя, хотя никогда раньше с ней не встречался, никогда раньше не видел и слышал про нее только от своих родителей.

Улыбка стала еще шире. Улыбка тоже была злобной.

Разумеется, он испугался, удивился, но на самом деле ее появление не было для него

полной неожиданностью. За последние несколько месяцев он не раз видел сны про старые времена, про город, про магию и про стену воды, от которой он не мог убежать и которая накрыла его, стоящего, как приклеенный, в собственной спальне.

И вот она здесь.

Родители всегда боялись, что это может случиться, и куда бы они ни уезжали, призрак города и проклятие преследовало их повсюду, бросало тень на все, что они делали. Он лично никогда в это не верил, думал, что они преувеличивают, но он был ребенком, когда они покинули город, и, очевидно, они обладали знанием, которого у него не было.

Теперь он это понял.

Фред сел в кровати, уперевшись в спинку и не отводя глаз от женщины. Он чувствовал исходящую от нее силу, которая накатывала на него волнами, имеющими сенсорный эквивалент мрака. Он уже промерз до костей и испытывал такой страх, которого просто не мог себе раньше представить.

– *Фред.*

Тот факт, что она знала его имя, ужаснул его еще больше, и он подтянул под себя колени, готовый прыгнуть с кровати и ринуться куда-нибудь подальше отсюда.

Впрочем, она оказалась гораздо быстрее. Одним неувимым движением она переместилась к боку кровати, перекрывая путь к бегству. Он почувствовал исходящий от нее холод, поднял голову, заглянул в эти кошмарные глаза и понял, что он – не первая и не последняя жертва. Она приходит к каждому из них по очереди, приходит к каждому из обитателей города, ко всем обитателям, которым удалось спастись.

Женщина еще больше расплылась в улыбке, словно подтверждая его догадку, и тут же его озарила еще одна – возникшая ниоткуда, просто он вдруг *понял*, что она приходит не только за ними. Она приходит и за строителями. За всеми государственными служащими, которые осуществляли этот проект.

В сознание вторглась еще одна мысль. Нет, не мысль, а образ. Образ обезглавленного тела в залитой водой могиле.

– *Фред*, – повторила она еще раз.

И потянулась к нему.

Он попытался призвать на помощь все свои силы, попытался противостоять ей, но прошло слишком много времени и он все забыл. Она лишь усмехнулась на его жалкие попытки. Тогда он решил оказать ей физическое сопротивление – сбросив покрывало, он ударил в нее обеими ногами, но, несмотря на видимую материализацию, на самом деле ее здесь не было. Она была тенью, проекцией, и он вдруг понял, зачем она пришла.

Она хотела, чтобы он освободил ее.

Она хотела, чтобы он помог ей воскреснуть.

Одновременно с этим он понял, что должен умереть.

Вскочив, он попробовал пробежать сквозь нее – в коридор, на улицу, на свободу. Однако, несмотря на нематериальную сущность, она имела плотность. Он как будто ударился в ледяную стену, и столкновение вызвало такое глубокое, такое мрачное чувство отчаяния, что он отшатнулся обратно к кровати.

Выражение ее лица изменилось. При этом черты лица остались прежними, не стали чудовищными или деформированными, но в этом и не было необходимости. Просто взгляд стал настолько злобным, настолько отличным от всего, что ему доводилось видеть или воображать, что у него просто зашло сердце.

В груди поселился холод.

Почувствовав резкую боль в груди, он не устоял на ногах и медленно стал опускаться на пол, судорожно пытаясь набрать в легкие воздуха.

С ним произошел сердечный приступ. Она стояла и смотрела сверху вниз, наблюдала, как мучительная боль корежит все его тело, как на глаза наворачиваются слезы и агония уступает место еще худшему онемению.

Молча, улыбаясь, она начала таять, оставив вместо себя только ледяную точку в комнате, которая быстро погружалась во мрак.

Задышавшись, он попробовал шевельнуться. Попробовал сесть или хотя бы дотянуться до

телефона на прикроватном столике, но боль была невыносимой и он уже не мог шевельнуть рукой.

Мир погрузился во мрак и исчез.

Он умер.

А после этого встал и пошел.

4

Расс Уинстон сидел в своем кабинете и смотрел в окно. Над крышами заурядных правительственных зданий едва просматривался белый фаллический шпиль монумента Джорджа Вашингтона. Небо было голубым и безоблачным, январский воздух холоден и свеж.

В такие дни он начинал жалеть, что вообще когда-то согласился перейти на кабинетную работу. С самого начала не надо было соглашаться на это продвижение по служебной лестнице своего министерства; может, он до сих пор бы работал на улице. Снова в Йеллоустоуне, к примеру. Или в Эгейском море. Или на Сионе. Или...

Нет.

Только не в Волчьем каньоне.

Куда угодно, только не это.

Его пробрала произвольная дрожь. Он поерзал в кресле и отвел взгляд от окна. Все равно для такой работы он уже слишком стар. Черт побери, он вообще слишком стар для любой работы. После достижения пенсионного возраста уже миновало два президентских срока, и ему просто повезло иметь достаточно влиятельных друзей в министерстве, чтобы оставаться хотя бы на своей должности.

Расс поглядел на фотографию президента, висевшую в рамочке на противоположной стене. Он попробовал подумать о чем-нибудь ином, но уже не мог, как раньше, контролировать свои мысли. Мозг сам, помимо его воли, продолжал возвращаться к Волчьему каньону.

Это было его первым правительственным заданием. До этого он занимался строительством и бетонными работами, из-за чего его и пригласили возводить одну из крупнейших на Западе плотин. Он проработал там почти десять лет, постепенно – благодаря личным способностям и неожиданным знакомствам – поднявшись в служебной иерархии до начальника смены.

Они ставили плотину на Рио-Верде в нижней части Волчьего каньона. Другая, меньших размеров плотина была возведена в двадцати милях выше по реке, в горловине каньона, лет двадцать назад, и уже спустя десять лет стало ясно, что этого водохранилища недостаточно для обеспечения нужд Аризоны. Требовалась другая, более мощная плотина, способная к тому же обеспечить электричеством как город Рио-Верде" так и другие степные поселения, разбросанные на обширной территории этой части штата. Поэтому пока возводили плотину, реку отвели в другое русло, а на старом месте остался практически слабый ручеек.

В каньоне между двумя плотинами располагался город, небольшое население которого необходимо было эвакуировать по суверенному праву государства на принудительное отчуждение частной собственности. Обитатели, разумеется, категорически не хотели никуда переселяться, слали одну за другой жалобы в Вашингтон, получали отсрочку за отсрочкой, хотя исход битвы был предreshен уже давно и однозначно.

За исключением этого обстоятельства все остальное шло гладко, и Расс с удовольствием занимался строительством. Ему нравилось теплое западное солнце, нравился суровый ландшафт, нравились легкие дружеские отношения, которые установились у него с людьми.

И только потом, когда все уже случилось, его взгляд изменился.

И в душе его поселился ужас.

Всю остальную жизнь он отрицал то, что произошло, избегал любой мысли об этом и, хотя большую часть своей трудовой деятельности провел на Западе и позже, когда его уже перевели в министерство, в Аризону никогда больше не возвращался. Даже чтобы посмотреть Большой Каньон.

Он предпочитал выбросить этот кусок из жизни.

Но с недавних пор начал вспоминать про Волчий Каньон все чаще и чаще. Он объяснял

это себе тем, что становится старше, что уже пора подводить итоги, как-то рассортировывать все события на хорошие и плохие и определять баланс. Это, разумеется, имело место. Но было и нечто иное. Нечто такое, что он не мог объяснить.

И это его тревожило.

По дороге домой с работы Расс завернул в магазин и купил кварту шоколадного молока для Кэмерона. Внук последнюю неделю ходил грустный. Очевидно, ребенок чувствовал, что скоро им опять расставаться. Отец его снова нашел работу, и переезд родителей из дома Расса куда-нибудь в свое место был уже лишь вопросом времени.

Может, шоколадное молоко поднимет ему настроение.

Когда он приехал домой. Лили готовила ужин. Он поздоровался с невесткой, улыбнулся, легонько шлепнул ее по спине и поставил молоко в холодильник.

– А где Кэмерон?

– Играет, – откликнулась Лили. – Где-то во дворе.

– Если увидишь его раньше – скажи, я купил ему шоколадного молока.

– Спасибо, папа, – благодарно улыбнулась женщина.

– Для чего еще нужны дедушки?

Расс ушел в гостиную и уселся у телевизора смотреть местные новости. Но уже через пару минут непрерывная болтовня диктора и череда бессодержательных репортажей вызвала отвращение, и он переключился на Си-эн-эн.

Где-то послышался глухой стук, он обернулся через плечо и увидел, как дверь гаража распаивается настежь, оттуда вылетает Кэмерон и моментально захлопывает ее за собой, словно стараясь не выпустить кого-то, оставшегося внутри.

– В чем дело? – крикнул Расс, вставая с дивана.

– Дедушка! – откликнулся белый как мел внук.

Чувствуя пустоту в желудке и тяжесть в груди, он подошел к задыхающемуся внуку, изо всех сил подпирающему дверь.

– Что такое?

– В гараже кто-то есть! Мне показалось, это монстр!

Ровно в этот момент в дом вошел Том и бросил на столик ключи от машины.

– Кэмерон говорит, в гараже кто-то есть! – сообщил он сыну.

– Монстр! Он хотел на меня напасть!

Том поверх головы ребенка поделился с отцом извиняющимся взглядом – дескать, дети еще не то выдумают, и отодвинул того от двери.

– Не бойся, дружище. Сейчас разберемся и все выясним.

Расс был не столь хладнокровен. Может, потому, что думая о Волчьем Каньоне, он не мог полностью отмахнуться от детских страхов, и его собственные ощущения в тот момент, когда Том открыл дверь и принялся всматриваться в полутьму, были близки скорее к ощущениям внука, а не сына.

В гараже послышался звук падающих пустых банок из-под краски.

У Расса зашло сердце. Он посмотрел на Тома. Сын некоторое время поколебался, затем протянул руку и нащупал длинную рукоятку прислоненной к стене лопаты.

– Отойди, – сказал он сыну. – Мы с дедушкой сейчас разберемся. – Лопату он подал Рассу, а сам взял в руки метлу.

Что-то стеклянное упало на бетонный пол и разбилось. Свет в гараже был включен, но от единственной голой слабой лампочки в центре толку не было. Том щелкнул тумблером, чтобы открыть большие гаражные ворота и впустить свет с улицы, но ничего не получилось. Выключатель, очевидно, испортился.

– Оставь дверь открытой, – продолжал инструктировать сына Том. – А сам уйди в гостиную. И не приближайся.

Мальчик кивнул.

– Что это, как думаешь? – спросил Расс.

– Это монстр! – пискнул Кэмерон.

– Вероятно, опоссум, или енот, или еще кто...

В городе? – хотел воскликнуть Расс, но сдержался. Оба медленно двинулись вперед.

Теперь они уже видели перевернутые жестяные банки и разбитую бутылку из-под кока-колы.

Расс почувствовал, как резко вспотели ладони и стало трудно дышать. Он не понимал, что с ним происходит. Когда только начинал работать в глубинке, в диких местах, где водилась всякого рода живность, ему сотни раз приходилось выгонять разных хищных и не очень хищных тварей из кладовок и подсобок.

Но здесь, он чувствовал, было нечто иное.

– Может, собака забралась, – предположил Том. – Может, унюхала что-то, пока ворота были открыты...

– Возможно, – с сомнением кивнул Рассел.

Но это оказалась не собака.

Это был монстр.

На стопках газет, предназначенных для сдачи в макулатуру, сидело дикого вида создание с человеческими глазами и зубами животного. Смотреть на него было страшно; исчадие ада с отвратительным визгом начало прыгать вверх и вниз по бумагам, при этом лопоча что-то, отдаленно напоминающее речь на непонятном языке.

Том отпрянул. Резко обернувшись, он крикнул в гостиную сыну:

– Бегом из дома! Бегите с мамон из дома к соседям и звоните 911!

Мальчик с широко распахнутыми глазами замер на месте.

– Быстро!

Кэмерон наконец сделал то, что ему было сказано. Дверь в комнату закрылась, отчего в гараже потемнело еще больше. Голая лампочка высвечивала только небольшой участок бетонного пола прямо под ней, не говоря уж о стопке газет в углу.

Том крепче сжал в руках метлу и осторожно, стараясь не делать резких движений, двинулся вперед.

– Может, нам тоже лучше убраться пододру-поздорову? – предложил Расс. – Если обе двери закрыть, оно никуда отсюда не денется.

– Может, здесь еще какой выход? – спросил Том.

И тут чудовище испустило вопль.

Ничего подобного им никогда в жизни слышать не приходилось. Оба отпрыгнули, при этом Расс едва не упал, споткнувшись о старую коробку с книгами. Развернувшись, он уже был готов выбежать из гаража, но краем глаза заметил какое-то движение и повернул голову.

Тварь набросилась на него.

Все произошло так стремительно, что они просто не успели среагировать. Расс попытался избавиться от чудища с помощью лопаты, Том сбивал его метлой, но вихрь мелькающих когтей, зубов и костлявых деформированных конечностей остановить было невозможно.

Расс чувствовал разрываемую на лоскуты кожу, чувствовал острую боль, чувствовал льющуюся ручьями кровь.

Бросив лопату, он начал руками отрывать чудище от себя, но пальцы не могли зацепиться за скользкую чешуйчатую плоть, покрытую каким-то пухом, а в следующее мгновение он уже лишился обеих кистей и повалился на пол. Теряя сознание, он еще зафиксировал, что Том лупит его что есть силы метлой по голове, пытаясь сбить чудовище.

Потом он увидел огромные человеческие глаза, уставившиеся на него, и услышал долгий низкий смех.

Чудище вырвало ему глотку.

Тогда

1

Их уже стало шестеро.

Конечно, это еще нельзя было назвать ни городом, ни даже поселком, но это было сообщество – сообщество шестерых, и начало настоящего поселения.

Уильям закончил набирать воду из колодца и отнес ведро в дом. Отлив немного воды в умывальник, остальное он отнес в маленькое кухонное помещение и поставил ведро рядом с раковиной. В окно ему была видна Мэри, волнами распускающая заклинания над овощами в огороде. Он благодушно улыбнулся.

Они построили три дома. В одном жили две женщины, четверо мужчин занимали два других. Он с Джебом жил в первом построенном ими доме, в самом маленьком, и хотя единственная комната немного стесняла, они привыкли к этому и были готовы мириться с ситуацией сколько потребуется.

Он понимал, что подобное размещение скоро изменится. Оливия с Мартином уже планировали пожениться и начать совместную жизнь. Это означало, что им скорее всего понадобится другой дом – если только Мэри не захочет поселиться с другим мужчиной, в чем он лично имел основания сомневаться.

Впрочем, задачей первостепенной важности сейчас был амбар. Все животные находились при них, удерживаемые силой магии, но было бы неплохо им тоже создать укрытие. Он знал, что лошади уже жаловались на его отсутствие, и он пообещал животным что-нибудь сделать.

Кроме того, им нужно было защищенное от влаги помещение для хранения инструментов и прочей утвари, которой не находилось места в жилых помещениях.

А после амбара и нового дома?

Кто знает? Он лично склонялся в пользу склада, общественного здания, где можно хранить и распределять продовольствие. Сообщество было недостаточно большим, чтобы оправдать подобное строительство, но другие уже были в пути, и он предчувствовал, что склад скоро может понадобиться. Он уже видел тот город, о котором мечтал – с извозчиками и салоном, с библиотекой и театром, с парком, где будут играть дети, и со школой, где они будут учиться. Со временем, думал он, здесь будет настоящий большой город, город с канализацией, водопроводом, с правоохранительными органами и всеми прелестями современной жизни.

И все его жители будут колдунами.

Мэри увидела, что он смотрит на нее в окно, улыбнулась и помахала рукой. Он помахал в ответ.

Дни здесь проходили в работе, в попытке укоренить жизнь в этом каньоне. По ночам они беседовали с духами. Раньше на этой земле жили другие, индейцы, и хотя они не всегда понимали этих духов – носителей иной культуры, их присутствие здесь было добрым и обнадеживающим знаком.

Особенно после прохода по Плохим Землям.

Плохие Земли.

Уильяма пробрала дрожь при одном воспоминании. Ему было известно, что поселенцы называли район вокруг Дэдвуда «плохими землями», но это иное, это просто характеристика плодородия почвы. А земля, по которой прошли они с Джебом...

Вот *то* были *плохие* земли.

Это произошло уже после встречи с монстром в горах, но еще примерно за неделю пути до Территории Аризоны.

Они продвигались почти строго на юг, потом вдруг неожиданно пошли на запад, хотя и никуда не сворачивали. Оба почувствовали это почти сразу и остановились. Уильям огляделся и понял, что здесь вообще *нет* направления.

Конечно, так не бывает. Солнце встает на востоке и садится на западе, и все можно вычислить относительно этого. Только...

Только и солнце здесь было другим. Небо над головой обладало какой-то неопределенной самостоятельной яркостью белесого оттенка, что обеспечивало освещение, но не имело какой-то конкретной формы. Они не могли вычислить положение солнца, следовательно, и не могли определить, в какую сторону двигаться.

Лошадь, идущая сзади, вдруг без предупреждения встала на дыбы, и пока Джеб с Уильямом оглядывались и соображали, она развернулась и умчалась прочь. Уильям звал ее, пытался успокоить, они даже погнались за ней некоторое время, но животное мчалось по полупустыне как обезумевшее и вскоре исчезло из видимости в неопределенном направлении.

Молча, не произнося ни слова, они собрали все, что могли, из тех небогатых припасов, что

свалились со спины взбрыкнувшей лошади, и пошли дальше.

Идти становилось все труднее. Пересеченная, но относительно плоская местность постепенно превращалась в узкие расщелины, и вскоре они уже оказались между каменными стенами высотой в сотни футов, расстояние между которыми было едва достаточным, чтобы пройти одному человеку. Узкие каньоны причудливо петляли, заворачивали, как в настоящем лабиринте, и к вечеру они уже понятия не имели, где находятся и в каком направлении движутся.

Ночь здесь, как оказалось, тоже была другой.

Было полнолуние, но луны они не видели, довольствуясь лишь ее отраженным рассеянным светом, падающим от узкой ленты неба над головой. При этом большая часть света умирала на верхней части бороздчатых каменистых стен, а тот, что попадал на дно ущелья, странным образом преломлялся в рельефе, создавая тени там, где ничего не должно было быть.

Тени.

Они шли медленно, осторожно, молча. Казалось, что тени двигаются по своим собственным законам, казалось, что среди них возникают относительно более темные формы, которые перемещаются с места на место, прячутся – странной формы существа на странных когтистых лапах, которые сливаются с мраком и издают звуки, напоминающие завывания ветра.

Они решили не останавливаться на ночлег, продолжать идти, пытаться найти выход. Оба чувствовали себя здесь недостаточно комфортно, чтобы разбивать лагерь, не то чтобы спать, поэтому двигались дальше. Мимо облитых лунным светом силуэтов, которые напоминали каменистые осыпи, но таковыми не были. Мимо чернильно-темных луж, которые выглядели глубокими, мягкими, но при их приближении начинавших смещаться, обретать массу и объем и даже какую-то пугающую искорку жизни.

Больше всего потрясала Уильяма фундаментальная ненормальность этого места. Если каньон в горах, казалось, источал зло, если монстр, на которого они наткнулись, и мысль о том создании, которое могло его убить, вызывали страх, то ощущения, возникающие здесь, были просто ни с чем не сравнимы. Ибо эти узкие пересекающиеся каньоны были как преддверие ада и по мере углубления в них все труднее было не забыть, что на самом деле они находятся где-то на свободной западной территории Соединенных Штатов. Ужас давил со всех сторон. Они продолжали пробираться по бесконечным похожим одна на другую теснинам, и было такое ощущение, что уже сама земля восстала против них, стремясь запереть их в этом лабиринте навечно.

Через какое-то время каньон расширился, они оказались на площадке, залитой голубоватым лунным светом. Тени исчезли, а вместе с ними и невидимые творения мрака, которые прятались за ними.

Но единственная тень, оставшаяся на закругленной каменистой стене впереди, оказалась еще хуже, чем все, что они видели до сих пор.

Это была тень его матери.

По коже Уильяма пробежали мурашки. Его было не так-то легко запугать – с учетом всех сил, которыми он обладал, но на сей раз ему стало по-настоящему страшно, гораздо страшнее, чем во время казни матери. Тень начала двигаться.

Она начала танцевать.

Его мать никогда не танцевала на публике, никогда на это не осмеливалась, но часто танцевала дома, перед ним. Это была форма ее самовыражения, ее любимый способ колдовства, ее движения были настолько индивидуальны и неповторимы, настолько необычны и характерны, что никому другому, пожалуй, было бы не под силу их повторить.

Но именно так сейчас танцевала ее тень.

Уильям почувствовал, что Джеб тоже испугался, но по иной причине. Спутник вряд ли мог понять всю глубину и основания его собственного страха. Уильям неотрывно смотрел на идеальные очертания ее фигуры, роскошные длинные прямые волосы, которые всегда развевались во время танца. Он застыл на месте, не в состоянии отвести глаз от этого неестественного зрелища.

Он быстро пробормотал заклинание – слова избавления и слова защиты, но извивающаяся

тень не исчезла. И сам он не чувствовал безопасности и защищенности. Он чувствовал уязвимость и страх, слабость и беспомощность.

Джеб взял его за рукав и потащил в сторону, произнося свои собственные заклинания, слова силы, которые Уильям узнал, но был не в состоянии применить.

Какое бы ни таилось здесь зло, он понял, что оно намерено приложить все свои силы, чтобы не дать ему уйти. Он заставил себя отвернуться, сосредоточился и направил всю энергию на то, чтобы парировать мощное направленное на него воздействие.

Давление уменьшилось, злобная сила, направленная на них, определенно ослабла, и они быстро обошли скалу, двигаясь прямо от танцующей тени в направлении, которое они вдруг осознали как юг.

К немалому изумлению, они оказались на открытой местности. Звезды были там, где им полагается быть, луна скатывалась к горизонту, а небо на востоке, где через несколько часов должно взойти солнце, уже светлело.

Впереди, в уже не пугающем мраке, освещенная чистым и невинным лунным светом, паслась одинокая лошадь. Лошадь Уильяма. Они поспешили к небольшой рощице, где их ждало животное. Даже седельные сумки оказались на месте, лишь немного съехали набок.

Уильям отстегнул сумки. Впервые они с Джебом оба уселись верхом, взяли в руки поклажу, и животное быстро понесло их прочь от этой проклятой земли.

Лишь спустя некоторое время, когда лошадь, подустав, перешла с галопа на рысь, Уильям осмелился оглянуться. Сзади была лишь чернильная темнота. Ощувив леденящий холод, он отвернулся. Было полное ощущение, что если бы им не удалось уйти, они бы навсегда остались в этих черных землях, в каньонах, где никогда не кончается ночь и живут лишь одни тени.

Не прошло и недели, как они достигли гораздо более крупного каньона – широкого сурового ущелья, по дну которого текла спокойная река, на песчаных берегах которой сосуществовали сосны и кактусы, а в расщелинах скал щебетали невидимые птицы.

Это была земля, выделенная им правительством, земля одновременно далекая и доступная, суровая и спокойная, и в какой-то момент Уильям подумал, что никогда в жизни не видел ничего более прекрасного. В мыслях он уже видел город будущего, их собственный город, он даже видел, где будут стоять дома. Магазины. Таверны. Общественные здания.

Теперь это стало реальностью. У них был свой собственный поселок, их безопасность и суверенитет гарантированы правительством Соединенных Штатов Америки, и их становилось все больше. Ради этого стоило пройти через все страдания и гонения, пройти через земли кошмаров... Уильям отвернулся от кухонной раковины, вышел на улицу, поднял голову к синему-синему небу и расплылся в улыбке.

2

Прошла зима. Весна. Лето. И осень. Потом еще раз прокатилась зима, и прежде чем он успел заметить, снова наступило лето.

Джеб никогда в жизни не испытывал такого счастья. Работа была тяжелой, все дни были заполнены хозяйственными заботами для обеспечения повседневных нужд, но сама возможность вести такую нормальную жизнь вызывала восторг. Ему не надо было скрываться. Никому не надо было скрываться. Они могли быть самими собой, не оглядываться постоянно через плечо, не беспокоиться о том, что малейший неверный шаг может вынудить спасаться бегством.

И Волчий Каньон рос на глазах.

Он не понимал, как распространяются слухи, тем не менее колдуны с Востока потянулись на Запад, как пилигримы к святым местам. Многие плакали, увидев город. Многие кричали от радости.

Они решили назвать город по его местоположению. В этих местах это было вполне принято, и название «Волчий Каньон» казалось достаточно неброским, чтобы не привлекать излишнего внимания.

Вместе с тем они с Уильямом усматривали тонкий намек в значении слова «волчий» и втайне посмеивались.

Здесь уже было две улицы – главная и поперечная, а через год, пожалуй, появится и еще одна. Все это выглядело как настоящий город, и этот вид – более чем что-либо – всегда вызывал у него чувство глубокого удовлетворения. Он помнил то время, когда Волчий Каньон был всего лишь листом бумаги от правительства и идей в голове Уильяма, и видеть, как он постепенно обретает форму, участвовать в его основании и развитии было воистину вдохновляюще.

Джеб посмотрел на полуденное солнце, потом встал с кресла, потянулся и пошел через пыльную улицу к бару, где заказал себе виски.

– Как дела, Джеб? – поинтересовался бармен, наливая порцию.

– Как обычно, только больше. – Джеб звякнул по стойке монетой.

– Сдачу давать?

– Нет, оставь на потом.

Один из прибывших в прошлом году, старый лозоходец, известный под именем Герман, обследовал район со своим прутиком и заявил, что обнаружил значительные запасы серебряной руды. Они вырыли шахту, нашли людей, которые согласились у них работать, и таким образом впервые в общине появились деньги. Руду они продавали государству, и теперь, вместо того, чтобы заниматься бартером для приобретения товаров и услуг, у них были банкноты, были монеты, они получили возможность пользоваться валютой, как весь цивилизованный мир.

Джеб улыбнулся. Того и гляди, скоро у них появится и оперный театр.

Скрипнули навесные петли двери, и через несколько секунд на соседний стул опустился Симон.

– Мне то же, что и Джебу! – заявил он.

Бармен подал ему стакан, Джеб приподнял руку со своим, приветствуя друга, и они одним махом осушили свои порции.

Теперь у него было много друзей.

Симон. Мартин и Оливия. Клетус. Джордж и Джимми. Хейзл, Джун и Мэри. Мэдсен. Поначалу их сблизила общая судьба, общий опыт угнетения и преследований, и эта связь помогла им пережить первые непростые дни, дала возможность сформироваться чувству общности.

Но теперь они уже *узнали* друг друга. И, что более важно, полюбили друг друга.

Уильям по-прежнему оставался его лучшим другом, и хотя никакой официальной иерархии не существовало, все ответственные решения де-факто принимали они вдвоем – в силу того, что появились здесь первыми. Уильям был главным – в конце концов, благодаря его идее и его инициативе все сдвинулось с мертвой точки, а Джеб – вторым после него. Они обсуждали идею проведения выборов, но реального смысла в этом не было, и в итоге от нее отказались, решив, что лучше все оставить как есть – по крайней мере пока.

Сначала он задумывался, каково будет жить среди таких, как он сам. Не возникнут ли враждебность, ссоры? Не станут ли люди читать мысли друг друга, пытаться колдовством убрать с дороги соперников, разжигать мелочную ревность, которая всегда возникает среди людей, живущих столь тесным сообществом?

К счастью, этого не произошло. И даже если случайный путник забредал в каньон и останавливался у них на несколько дней, он даже не мог догадаться, что находится среди колдунов. Они не прятали свои силы, но и не эксплуатировали их. И он, и другие жили той жизнью, какой всегда хотели жить – как самые обыкновенные люди. Магией пользовались при необходимости, но она была лишь одним из инструментов и применялась только в подходящих условиях.

На улице слышались женские голоса и смех, звук шагов по деревянному тротуару. Группа женщин направлялась в парк, разбитый на окраине города.

Сегодня был День независимости, Четвертое июля, и хотя раньше праздники не имели для Джеба никакого значения, здесь, в Волчьем Каньоне, все оказалось иначе. Наконец-то они обрели свою собственную независимость, наконец-то они получили свободу быть теми, кто они есть. Он первым предложил прервать работы в этот день и отметить праздник, направить все свои таланты на создание самого великолепного торжества, какого еще никому не доводилось видеть.

В прошлом году они отмечали его впервые. Они устроили магические фейерверки, каких не видели даже в Китае, а также шоу духов и впечатляющее зрелище земного свечения, которое они создали совместными усилиями, сосредоточившись на едином эффекте.

В этом году все должно было быть еще лучше. Джеб не знал, что придумал Уильям – его друг хранил это в тайне от *всех*, но разговоры об этом всегда вызывали на его лице улыбку.

– Симон, – обратился он к соседу, – что тебе нравится больше всего на свете?

Симон на мгновение задумался.

– Немытые интимные места взрослой женщины.

Ответ оказался столь неожиданным, что Джеб просто несколько мгновений молча смотрел на него и лишь потом захохотал во все горло. Вскоре смеялись оба, хлопая друг друга по спине, и решили по этому поводу заказать еще по рюмочке.

Потом Джеб вышел на улицу и неторопливо двинулся по городу, чтобы проветрить мозги. Парк был полон народу, Женщины пришли с едой, мужчины – с аппетитом. Из кухни Джун доносился теплый ароматный запах свежего хлеба. Одно из преимуществ колдовства – умение готовить без топлива или огня. Он прошел мимо дома Марты и, увидев ее в окне, помахал рукой. Та как раз выкладывала пирог на подоконник, и он предложил помочь донести его в парк, но она сказала, что пирогу надо немного отлежаться.

Настроение было прекрасным. Мимо прошла пара, держась за руки, и он некоторое время смотрел им вслед. Единственное, что его не совсем устраивало в этой жизни, – то, что до сих пор не нашел себе женщину. Многие мужчины нашли. Многие колдуны обоих полов встретились здесь, образовали семейные пары, и хотя он неизменно радовался за них, не мог не испытывать некоторой жалости по отношению к себе.

Конечно, никто из встреченных особо не интересовал его.

Потому что он до сих пор любил Бекки.

Даже спустя столько времени он часто думал о ней. Ему снилось, что она приходит в Волчий Каньон. Иногда она оказывалась колдуньей, которая лишь сейчас обнаружила в себе силы. Иногда – нет, но проделала мучительный путь через половину континента, потому что соскучилась и хотела быть с ним. Но всегда сны заканчивались тем, что они оставались вместе, и хотя он отдавал себе отчет, что все это не более чем глупые фантазии, это мешало ему начать думать о ком-нибудь другом.

– Джеб!

Он обернулся на звук знакомого голоса и увидел Уильяма, который спешил к нему через пыльную улицу, улыбаясь от уха до уха.

– Я тебя ищу.

– Зачем? – остановился Джеб.

– Нужна твоя помощь.

– В чем?

– Ну, в том, над чем я сейчас работаю, – с улыбкой уклончиво ответил Уильям.

– К вечеру?

– Предпочел бы не говорить об этом здесь. – Положив руку на плечо друга, Уильям продолжил: – Пойдем пока на пикник сходим. Поговорим потом, дома.

Джеб усмехнулся, кивнул, и они двинулись по улице в сторону парка.

Сейчас

1

Предыдущим вечером он позвонил сестре и рассказал ей об отце.

Дольше оттягивать было нельзя, и Майлс не стал ходить вокруг да около, а просто изложил Бонни все, что случилось. Она выслушала в полном молчании, единственный, наверное, раз в жизни не прервала его, а когда он договорил, просто спросила:

– Где он сейчас?

– По-прежнему у коронера. – И, предваряя ее следующий вопрос, добавил: – Они держат его связанным, но он до сих пор... движется.

– Ты уверен, что он мертв?

– Уверен. Мы все уверены. Мы просто не понимаем... что это.

Сестра молчала.

– Думаю, тебе надо приехать, – сказал Майлс.

– На похороны?

– Понятное дело, – начал сердиться Майлс, – дату похорон мы еще не определили, но отец умер, и мне кажется, ты могла бы проявить...

– Хорошо, – быстро ответила Бонни. – Выезжаю. – По голосу можно было понять, что она и раздражена, и растеряна одновременно. Пообещав позвонить, как только закажет билет, сестра положила трубку.

Она перезвонила через час и сказала, что вылетает в Лос-Анджелес дневным рейсом. Он спросил номер рейса и время, но она отказалась назвать и то, и другое.

– Как же я тебя встречу? – удивился Майлс.

– Не надо. Я возьму такси из аэропорта. Мне нужно время подумать.

– А тебе не хватит времени подумать в самолете? Перестань, Бонни, это просто глупо. Зачем тратить деньги на такси, когда я могу запросто за тобой приехать? Аэропорт в пятнадцати минутах от моего дома.

– Я хочу побыть одна.

– Бонни!

– Хватит мной командовать! Мне нужно кое в чем разобраться. Ты это понимаешь?

Она уже была готова бросить трубку – он это понял по тону – поэтому отступил, и они распрощались, если не тепло, то по крайней мере дружески.

Теперь она позвонила ему из такси, сообщила, что все в порядке и уже едет, из чего он сделал вывод, что сестра обзавелась сотовым телефоном. Она никогда об этом не говорила, но они с Гилом были достаточными яппи, чтобы вкладывать деньги в столь очевидные символы собственного положения, и он напомнил себе не докучать ей, не мешать вести себя по-своему. Все-таки это трагедия для них обоих.

Точнее, трагедия – для него.

И неудобство – для нее.

При звуке подъезжающей к дому машины он выглянул в окно и увидел за своим «бьюиком» желтый кузов такси. Поклявшись себе, что не станет ее провоцировать, не допустит ссоры, Майлс пошел встречать сестру.

Она выглядела усталой. Лицо бледное, под глазами – мешки, и он понял, что действительно жалеет ее. Он обнял ее, помог таксисту вынуть вещи из багажника и понес их в дом. Сестра шла следом.

Поставив сумки в комнате для гостей, он вернулся в гостиную.

Бонни сняла пальто и устроилась на диване.

– Хочешь что-нибудь выпить? Воды? Чаю? Коки?

– Нет, спасибо.

Он кивнул и сел в шезлонг справа от дивана.

– Как жизнь?

– Замечательно, – пожала она плечами.

Глядя на сестру, он вдруг понял, что она до боли похожа на мать. Она была худее, движения были другими, но черты лица и особенно мимика были просто копией матери. Это было смешно, потому что у Бонни с матерью никогда не было особо теплых отношений. Возможно, потому что были слишком похожи. Обе очень нервные, эгоцентричные, обидчивые, всегда готовые дать отпор, ни одной никогда не хватало сочувствия или хотя бы терпения для того, чтобы попытаться понять другую. Они так и не нашли общего языка вплоть до смерти матери. Майлс подозревал, что сестра при этом не испытала особого сожаления.

Бонни натянуто улыбнулась, он тоже ответил улыбкой. Он понял, что ему не о чем с ней говорить. Он лихорадочно перебирал в голове общепринятые в таких случаях вопросы, фразы, но все они казались жалкими копиями вульгарных кинокомедий – «Как Гил? Как дети?» Ему

хотелось говорить с ней, общаться по-настоящему, но он не знал как. Она тоже казалась растерянной, в итоге они неловко сидели рядом – чужие родные люди.

Первой нарушила молчание Бонни.

– Так где отец... то есть тело?

– В центре. В офисе коронера.

– Считаешь, мне нужно его увидеть?

– А ты хочешь?

– Не знаю.

– Дело твое.

Снова неловкое молчание.

– Пожалуй, я чего-нибудь выпью, – проговорила сестра. – Воды, пожалуйста.

– Со льдом?

Она кивнула, и он направился на кухню, довольный тем, что можно чем-то заняться и придумать, о чем говорить дальше. Они с сестрой никогда не были слишком близки, но до сего момента он не понимал, какую большую роль играл отец в их беседах, когда они собирались вместе. Налив воды и положив пару кубиков льда, Майлс вернулся в гостиную.

– Спасибо, – кивнула Бонни, отпив глоток. – А что случилось с сиделкой? Ты мне не рассказывал.

– С Одрой? – Майлс пожал плечами. – Она по-прежнему работает в хосписе, но общаться со мной не хочет. Я пытался несколько раз. Думаю, у нее уже новый пациент. – Он вздохнул. – Меня она может избегать сколько угодно, но если с ней захочет общаться полиция – этого ей не избежать.

– Полиция? Она тоже задействована?

– Пока нет, но может, – Он покачал головой. – Кто знает?

Опять молчание.

Майлс задумался. Он был честен с ней по телефону, но оставалась одна тема, которую он еще не затрагивал. Попросив подождать, он сходил в отцовскую спальню и вернулся с картонной коробкой, в которую сложил все предметы из банковской ячейки.

Поставив картонку на кофейный столик, он стал рассказывать ей об отцовских снах, о повторяющемся кошмаре с огромной волной и последующей поездке в библиотеку за книгами по оккультизму. Майлс предполагал, что отец знал, что должно произойти, что он каким-то образом готовился к этому или даже, может, пытался это предотвратить. Потом он объяснил происхождение предметов, находящихся в картонном ящике.

Бонни не выказала ни малейшего удивления тем, что он рассказал, и это вызвало у Майлса подозрения.

– Тебя это не шокирует?

– Отнюдь, – качнула она головой.

– И как ты в таком случае это объяснишь? – указал он на картонную коробку.

– Что «это»?

– Это! – Он извлек склянку с серым порошком и поднес к ее лицу. Потом поставил флакон на место. – Что все это значит? Зачем отец хранил все эти... колдовские причиндалы в банковском сейфе?

– Откуда мне знать?

– Я подумал, вдруг он тебе об этом говорил что-нибудь.

– Мне? Если он мог с кем-нибудь об этом говорить, так только с тобой. Если ты не обратил внимания, у нас с ним были не лучшие отношения.

– Я имел в виду – раньше. Когда мы были маленькими.

– Послушай! – воскликнула она, вставая. – Я ничего обо всем этом не знаю и не понимаю, почему это тебя так волнует.

– Потому что наш отец в морге, он умер, но до сих пор продолжает ходить! Это тебе достаточно ясно?

Бонни опустилась на диван.

Они посмотрели друг на друга – зыркнули, точнее, но во взглядах было больше страха, чем злости, и они не испытывали друг к другу враждебных чувств. Бонни сломалась первой.

Она протянула руку, он принял ее, и они обнялись.

– Прости меня, – пробормотала Бонни.

– И ты меня прости, – откликнулся Майлс.

Они обнялись еще крепче. Она начала плакать. Сначала – всхлипывая, потом – в голос, а он качивал ее и шептал успокоительные слова, пока она рыдала ему в плечо, как ребенок.

* * *

Утром Бонни уже не было. Она оставила длинное извиняющееся письмо, хаотичную статью на шести исписанных с обеих сторон страницах, в которой объясняла, что в настоящий момент не в состоянии с этим справиться, что ей нужно время, что она обязательно приедет на похороны, если таковые состоятся, но в данный момент ей лучше находиться с семьей, с Гилом и детьми, как можно дальше от всего этого.

Он хотел разозлиться на нее, но не смог. Она не была виновата в том, что случилось, и хотя было бы легче возненавидеть ее за трусость, он не мог найти в себе сил осудить ее. После всего, что было сказано и сделано, она все равно оставалась его сестрой, и не было никаких реальных причин сидеть здесь и ждать, пока ее реанимированный мертвый отец перестанет ходить и в конце концов умрет, как ему и положено.

Никому этого не надо.

Майлс отсутствовал на работе с понедельника, поэтому решил, что лучше поехать на службу, чем еще один день просидеть в четырех стенах.

Поднимаясь на лифте, он почувствовал, как вспотели ладони. Он механически выслушивал соболезнования от сотрудников, поблагодарил Хала за предложение стать жилеткой, но лишь устроившись в своем кресле за столом, заваленным кипами бумаг, он наконец смог расслабиться.

Он даже не сознавал, насколько тяжело, оказывается, было находиться дома. Здесь он ощутил облегчение, почти счастье. Такое ощущение, словно огромный груз свалился с плеч, и хотя Наоми сказала, что он может взять еще несколько дней в связи с тяжелой утратой, Майлс был рад, что принял решение выйти. Работа может помочь забыть, отвлечься от личных проблем.

Затем наступило время ленча.

Повинуясь какому-то импульсу, он поехал в Палм-Спрингс, к Хьюберту П. Ларсу, пятому человеку из списка Лиэма, у которого оказался отключенным телефон. Как он и подозревал, дом был пуст, а расспросив соседей, он выяснил, что Хьюберт скончался полгода назад. От естественных причин, сказали ему. Во сне. Но Майлс сомневался в этом. Теперь ему каждая смерть казалась подозрительной и, возвращаясь в Лос-Анджелес мимо полей с гигантских размеров ветряными мельницами, которых было видимо-невидимо на всей продуваемой горячими ветрами пустыне Сан-Горгонио, он пытался придумать какую-то причину или логическое объяснение, которое не включало бы элемент иррационального вмешательства.

Но не смог.

Он опять подумал об отце. Было ощущение, что рухнула стена реальности, словно мир сдвинулся со своей логической, физически объяснимой позиции, которую он знал и понимал.

Никаких сообщений на столе по возвращении он не обнаружил, поэтому решил позвонить Лиэму. За несколько секунд, которые выделил ему старик, прежде чем бросить трубку, Майлс успел выпалить, что Хьюберт П. Ларе умер. Потом послышались короткие гудки, но он не сомневался, что Лиэм услышал и понял его, и надеялся, что новая информация не останется без внимания. Люди из списка были либо уже мертвы, либо умирали, и если у Лиэма осталась хотя бы крупица здравого смысла, ему лучше бы пойти на сотрудничество и начать говорить, если он хочет избежать аналогичного конца.

Конечно, нельзя исключить, что он считает это неизбежным. Лиэм был явно испуган и не хотел умирать, но, возможно, полагал, что судьба его уже решена и грядущее неотвратимо.

Так же, как Боб?

Параллель показалась слишком очевидной для душевного спокойствия, и Майлс постарался отогнать эту мысль. Он хотел заниматься этим делом, но не хотел думать про отца,

поэтому сменил фокус с общего к частному, снова погрузившись в поиск адресов и телефонов.

По дороге домой он думал заехать в офис коронера, но не смог заставить себя это сделать. Он три раза объехал вокруг квартала, пообещав себе, что если найдет, где припарковаться, то расценит это как добрый знак и последует ему. Но когда на третьем круге место действительно освободилось, он не воспользовался им, а, наоборот, прибавив газу, поехал домой.

Разогрев замороженные макароны и сырный пирог, он уселся перед телевизором ужинать. Дом казался пустым и холодным. Неизвестно по какой причине вспомнилась Клер. Странно, но в последние дни он довольно часто думал о ней, думал о том, что надо бы сообщить ей о смерти отца.

Но все время себя останавливал. Конечно, можно уговорить себя и сделать вид, что хочет просто поставить ее в известность, но в глубине души таилась иная мысль – ему просто хочется поговорить с ней, услышать ее голос, и Майлс отказывался использовать трагедию смерти отца в личных целях.

Он не станет звонить Клер.

Но идея застряла в мозгу. Он посмотрел новости, потом – бульварное шоу, потом дешевую комедию, и при этом неоднократно – во время передач и во время рекламных пауз – ловил себя на мысли о том, что думает о ее реакции на это известие, о том, как она расстроится и опечалится...

Он посмотрел на часы. Половина девятого. Клер всегда категорически негативно относилась к тому, чтобы отвечать на телефонные звонки после девяти вечера, мотивируя это тем, что человек, звонящий так поздно, скорее всего сообщит плохие новости, а она лучше поспит спокойно и все узнает наутро.

Надо ли звонить? Нужно ли ей это? Он не был уверен. Она всегда любила его отца, но расставание получилось горьким, было наговорено много резких слов, и почти пять лет Майлс никаким образом не общался со своей бывшей женой.

Он даже не был уверен, есть ли у него ее нынешний телефонный номер.

Но чувствовал себя обязанным хотя бы сделать попытку связаться с ней. Смерть важнее всего остального; она перекрывает все проблемы, существующие между ними.

А такая смерть...

Чтобы найти ее телефон, пришлось порыться в старой записной книжке. Если этот неправильный, можно подключить ресурсы его агентства, чтобы найти новый, хотя Майлс сомневался, что очень этого хочет.

Он набрал номер. В трубке послышался один гудок. Второй. Третий. Посередине четвертого трубку сняли.

– Алло.

Клер.

Тембр голоса показался ему несколько иным, чем он помнил, – мягче, ниже, менее резким, но узнал он его сразу и на одно какое-то странное мгновение показалось, что время вернулось вспять, что они по-прежнему вместе и он просто звонит узнать, как дела.

– Здравствуй. Это Майлс.

Она промолчала. Подавив желание положить трубку, Майлс быстро заговорил:

– У отца месяц назад произошел сильный инсульт. Его почти парализовало. А... а теперь его не стало. Он умер. Я подумал, надо тебе сообщить.

Рука дрожала почти так же, как голос. Он сильнее сжал трубку, чтобы унять дрожь, но колотун лишь усилился. Почувствовав боль в груди, он понял, что давно уже затаил дыхание, ожидая ее ответа, и громко выдохнул; звук эхом отдался в ухе.

– Ой, Майлс, – произнесла она с такой неподдельной грустью, с таким участием, что от этих двух простых слов его просто пронизала боль утраты. Впервые он осознал, насколько ему ее не хватает, и он прикрыл глаза, пытаясь сдержать прилив эмоций, которые грозили выплеснуться через край.

– Сам-то как?

Он глубоко вдохнул и выдохнул.

– В норме.

– Я очень любила твоего отца. Он был замечательным человеком. Я... мне очень жаль.

– Угу, – выдавил Майлс, пытаясь проглотить комок в горле.

В короткой паузе ему показалось, что слышит всхлипы.

– Скажи... – тут всхлип прозвучал уже вполне отчетливо. У нее перехватило дыхание. – Скажи, Боб очень страдал?

– Пожалуй, нет. Но... впрочем, не знаю.

Он хотел объясниться, хотел рассказать ей все, но они больше не были женаты, она больше не составляла часть его жизни, и это были не ее проблемы.

Возможно, в том, что они больше не были вместе, был и один позитивный момент – ей совершенно не обязательно было знать, что на самом деле случилось с отцом.

– Когда похороны? – спросила Клер.

– Мы... э-э... – Майлс замялся. – Мы еще не определились.

Неловкая пауза грозила перерасти в молчание.

– Скажи... а если... – Он слышал волнение в ее голосе, слышал, как она вздыхает, словно набирается решимости – все точно так, как запечатлелось в его памяти. – Ничего, если я приеду?

Он чуть-чуть затянул с ответом.

– Если не хочешь, я пойму, – быстро добавила она. – Мне просто подумалось...

– Да, – ответил он. – Это было бы хорошо.

– Ты хочешь, чтобы я приехала?

– Я бы хотел тебя видеть.

Дальше никто не знал, что говорить, и Майлсу уже показалось, что ничего не выйдет, но тут она проявила инициативу.

– Я подъеду примерно через час. Надеюсь, ты живешь там же?

– Там же.

– Хорошо. До встречи.

Они быстро попрощались, словно стараясь не испортить план. Положив трубку, Майлс принялся лихорадочно прибираться в гостиной и на кухне, пытаясь придать дому до приезда Клер хотя бы подобие порядка. Он едва успел переодеться и причесаться, как раздался звонок в дверь.

С замирающим сердцем и дрожащими потными руками он пошел открывать.

Она выглядела даже лучше, чем запечатлелась в его памяти – словно сознание само, не желая причинять ему дополнительных страданий, приспустило ее на более низкий уровень красоты. Но теперь она стояла перед ним – в полном объеме и великолепных сочных тонах, и казалась ему столь же привлекательной, как в тот день, когда они только познакомились. Искра, от которой воспламенились тогда их чувства, никуда не пропала – по крайней мере с его стороны, и он тупо смотрел на нее, не в состоянии придумать ничего лучшего, чем просто сказать «привет».

Преодолев секундную нерешительность, она протянула руки, обняла его и, положив голову на плечо, расплакалась, приговаривая – «ой, беда... беда...»

Он тоже обнял ее и почувствовал, как по щекам полились слезы. После смерти отца он не плакал ни разу, и только присутствие Клер каким-то образом дало разрешение ощутить горе, и он разрыдался так, как не рыдал с детства.

Они вспоминали отца, и каждое воспоминание сопровождалось новым потоком слез. Воспоминания вызывали боль, но это была хорошая, очищающая боль. Впервые после смерти отца он позволил себе вспомнить давние времена, хорошие времена, времена, когда его еще не поразил инсульт. Он старался сосредоточиться на «здесь и сейчас», опасаясь, что если позволит себе погрузиться в прошлое, то провалится в такую эмоциональную яму, из которой будет не выбраться.

Постепенно его слезы иссякли, а вскоре успокоилась и Клер. Они отстранились друг от друга, сели на диван – впервые после развода.

Он понял, что любит ее по-прежнему и, видимо, будет любить всегда, но об этом они не говорили. Они не говорили ни о своем браке, ни о прошлой совместной жизни, хотя эта тема подтекстом присутствовала во всех сюжетах. Они не говорили о своей нынешней жизни и ближайших перспективах.

Они говорили о Бобе.

Тени стали длиннее, дом погружался во мрак. Они включили свет, но не сделали и попытки куда-то сдвинуться. Майлс не предложил Клер ничего из напитков или еды, а она сама не попросила. Они оставались на одном месте, далеко за полночь вспоминая жизнь человека, которого оба любили.

Было странно, что они ни разу не отклонились от темы, но вместе с тем и хорошо. Майлс догадывался, что любая попытка расширить беседу разрушит чары, помешает осторожному воссоединению, которое создавали оба, а этого никому из них не хотелось, поэтому воспоминания продолжались – хорошие и тяжелые, веселые и грустные – до тех пор, пока оба не высказали все, что хотели сказать.

Обоим утром нужно было на работу, и Клер встала, чтобы попрощаться. Она спросила, как он себя чувствует, не хочет ли он, чтобы она осталась, и он уверил ее, что с ним все в порядке. На прощание она пообещала приехать завтра после работы и даже чмокнула в щеку, прежде чем сесть в машину.

Стоя в дверях, он смотрел вслед отъезжающей машине; потом хвостовые огни исчезли за поворотом, но Майлс еще долго продолжал смотреть на опустевшую улицу.

Клер.

Он не был уверен, что правильно понял то, что произошло. Они не виделись со времени развода – в тот момент она отчетливо дала понять, что больше не желает его видеть, – но узнав о смерти отца, поспешила приехать и даже предложила остаться на ночь, если ему нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. Возможно, это просто доброта. Может, по каким-то причинам она могла подумать, что он склонен к суициду, и проявила по отношению к нему такое же участие, которое проявила бы к любому, переживающему смерть близкого человека. Может, она просто любила своего бывшего свекра и захотела поделиться своими чувствами с тем, кто тоже знал и любил его и мог понять ее.

Возможно.

Но у него было чувство, что за этим кроется нечто большее. Обычно он не позволял себе обольщаться ложными надеждами, но в данный момент он не был уверен, что эти надежды *ложные*, и мысленно был вполне в состоянии представить, что они снова могут быть вместе.

Засыпая, Майлс думал о том, как хорошо было бы снова проснуться рядом с Клер под одним одеялом.

Проснулся он среди ночи от звонков. Сонному мозгу потребовалось некоторое время, чтобы перебрать каталог звуков и сообразить, что это может быть. К тому времени, как он снял трубку, телефон прозвонил уже добрый десяток раз. От того, кому оказалось столь важно позвонить человеку в такой час ночи, не следует ждать хороших новостей. С отвратительным чувством сосущей пустоты в желудке он снял трубку.

– Алло.

– Мистер Хьюрдин?

Сердце трепыхнулось. Официальное обращение – тоже недобрый признак.

– Я слушаю.

– Это Смит Блюм, помощник окружного коронера. У меня ночное дежурство, и меня подключили к делу о вашем отце. – Блюм смущенно прокашлялся. – Боюсь, что произошел... ну, не то что несчастный случай, но... у нас возникли некоторые проблемы с вашим отцом.

– О чем вы говорите? – стиснул трубку Майлс.

– Я говорю, мистер Хьюрдин, – шумно выдохнул собеседник, – что ваш отец ушел. Он ушел отсюда.

2

Лиэму снилось, что он бежит по пустыне, преследуемый толпой бездомных с горящими синими лицами в драных черных одеждах. При этом он постоянно спотыкался и натывался на колючки густо растущих кактусов. Впереди виднелась небольшая хижина, полуразвалившееся строение размером не более кабины истребителя-бомбардировщика, без окон, но дверь была открыта, а в дверном проеме черным силуэтом на фоне желто-оранжевого пламени очага стояла

горбатая старая женщина.

Женщина его пугала, но бегущая сзади толпа пугала еще больше, поэтому он продолжал бежать к открытой двери. По мере приближения он уже более детально мог разглядеть женщину. Было что-то странное во внешности этой старой карги, что-то мистическое в чертах ее лица.

Впрочем, она была его единственной надеждой, и он бежал к ней.

– Впустите меня! – прокричал Лиэм. Обернувшись через плечо, он увидел приближающуюся толпу с синими лицами.

– Съешь яблоко! – Старуха протянула ему сверкающее красное яблоко, и он понял, что впустят его в убежище только в том случае, если он откусит от этого фрукта. Он узнал сцену – из «Белоснежки» в версии Диснея, – но здесь было такое реальное чувство опасности и напряжения, какое Уолт Дисней никогда не вкладывал ни в одну из своих картин.

Ему не хотелось есть яблоко, он даже боялся прикасаться к нему.

– Впустите меня! – закричал он.

– Съешь яблоко.

Старуха протянула фрукт. Выбора у него не было. Толпа уже была рядом. Он укусил яблоко.

И моментально пожалел об этом. Он почувствовал во рту теплую влагу и попытался ее выплюнуть, но она, как живая, обволокла язык и заползла в горло. Он перевел взгляд на яблоко. Яблоко состояло из вен с пульсирующей кровью. Он видел их сквозь белизну мякоти плода, под тонкой кожицей, которая сейчас выглядела как настоящая кожа, человеческая кожа.

Он резко обернулся. За спиной никого не было. Толпа исчезла.

Он понял, что они гнали его сюда. Старуха была главной у этих бездомных, и как только он проглотил кусок яблока, он увидел, что она стала меняться. Она распрямилась, стала выше, возраст словно упал у нее с плеч. Теперь это была восхитительная величественная женщина. Лицо ее из старческого и безобразного превратилось в молодое и прекрасное, только не стало от этого менее пугающим.

– Пора, – сказала женщина с улыбкой, от которой ему захотелось заорать. Огонь у нее за спиной погас. В хижине был полнейший мрак. Она обхватила его за талию, потянула за собой в темноту, и они упали в черную ледяную воду.

Он проснулся, весь дрожа, в холодном поту. Перед сном он оставил открытым окно, и теперь комната была полна сырым морским воздухом. Впрочем, не это послужило причиной кошмара. Он знал, что иногда внешний мир каким-то образом влияет на посещающие по ночам мысли. Иногда он задремывал перед телевизором, и мозг начинал развивать диалоги персонажей очередного сериала. Летом он нередко оказывался на тропическом острове, но сейчас причина была иная, в этом он не сомневался и, хотя не мог сказать почему, был стопроцентно уверен, что толчок этому сну отнюдь не столь безобиден.

Зазвонил телефон, но он побоялся снять трубку. Телефон звонил, звонил и звонил. Потом звонки прекратились.

Он выдернул телефонную вилку.

Почему она играет с ним? Почему не хочет покончить сразу?

Она?

Откуда это взялось? Наверное, из сна, подумал Лиэм, но потом засомневался. Это нечто более существенное. Скорее, нечто такое, о чем он всегда знал, но до сей поры не мог вспомнить, и в сознании возник образ величественной женщины, стоящей на пороге хижины в Волчьем Каньоне.

Волчий Каньон.

Он всегда знал, что это вернется.

Лиэм встал и пошел в ванную попить воды.

Он уже тогда чувствовал, что Волчий Каньон был не просто несчастным случаем или трагической ошибкой, и это чувство с годами не уменьшалось, а, наоборот, крепло. Он чувствовал свою ответственность, да, но он уже в то время понимал – они все понимали, – что суть события глубже, чем простой физический факт. И скудость информации, которую они получили от правительства, и тот факт, что никому не было предъявлено обвинений, что сам

факт события так никогда и не был признан и что ни слова не просочилось в прессу – все это только подтверждало его подозрения.

Тем не менее он знал, что непосредственную ответственность за то, что произошло, несет он сам и члены его команды, и на определенном уровне соглашался с мыслью, что должен понести наказание.

Может, поэтому он так сопротивлялся нанятому Мариной детективу, поэтому не прилагал никаких усилий к тому, чтобы заручиться чьей-то помощью для самозащиты.

Выпив воды, он вернулся в спальню. Повинуясь неведомому импульсу, он подошел к окну и отдернул штору. Он бы не удивился, увидев на газоне банду бездомных или длинный черный автомобиль, припаркованный у тротуара, но ни того, ни другого не было. Он улегся в постель и проспал до утра без сновидений.

Тогда

Он встретил Изабеллу в двух днях пути от Шайенна. Она шла на запад. Ее не казнили, а выпустили из города, где она практиковала, скорее от страха, чем от великодушия.

Уильям первым увидел ее далеко впереди – как маленькую черную точку, и прищипорил коня.

Он догнал ее быстро. Она была красивой – это он понял сразу, как только их лошади поравнялись. Точнее – прекрасной. Но прекрасна дикой, опасной красотой, в чем-то даже пугающей, абсолютно непохожей на красоту женщин, которых ему доводилось встречать раньше. Ее черные волосы были длинными даже по стандартам Территории, и хотя обрамляли лицо спутанным клубком, это выглядело вполне естественно.

Она приветствовала его усталой улыбкой, как бы и не удивившись вовсе – это совершенно обыденное выражение показалось ему даже неестественным относительно потусторонней внешности.

– Я почувствовала другого, – просто сказала она.

– Меня зовут Уильям.

– А я Изабелла.

У женщины не было какой-то определенной цели, она просто ехала на заходящее солнце, прослышав, что дальше на Западе есть более толерантные общины, места, где люди с меньшим предубеждением относятся к тем, кто не такой, как все.

Она ехала из Фолбрука, маленького поселения в трех днях пути к востоку от Шайенна, где жила последние несколько лет, работая городским неофициальным хилером и акушеркой. Там никто особенно не совал нос в ее жизнь и не обращал слишком пристального внимания на то, чем она занимается, – не потому, что ничего не подозревали, а потому, что она была слишком ценным членом сообщества и люди предпочитали не замечать лишнего.

Все изменилось с появлением в городе миссионеров. Три тесно связанные семьи пятидесятников приехали в долину ради спасения заблудших душ и моментально узнали, кто она такая. Горожане демонстрировали полное неведение, оттягивали неизбежное сколько могли, но вскоре им пришлось сделать вид, что глубоко возмущены, а еще через некоторое время их возмущение стало реальностью.

Однажды вечером они нагрянули к ней толпой – пришел почти весь город, вытоптали все травы на огороде и потребовали, чтобы она вышла и покалась в своих грехах.

Изабелла понимала, что им не нужно ее покаяние. Им было нужно, чтобы она поплатилась за свои грехи. Но она к этому была готова. Она разметала их ураганом, пока собирала свои пожитки. Своей лошади у нее не было, пришлось украсть, но мужчина в конюшне обнаружил ее и побежал за подмогой.

Ей удалось сбежать, лишь убив маленькую девочку и пригрозив погубить всех младенцев, наслать мор и болезни на посевы и домашний скот.

Девочка.

Уильяму это не понравилось. Хотя сам он и не мог представить, что способен на нечто подобное, он понимал, что у его соплеменников бывают жестокие времена. Его там не было.

Как он может судить? Кроме того, возможно, он и сам смог бы сделать такое, если бы от этого зависела его жизнь. Возможно. Но он так не думал.

Он бы нашел иной способ продемонстрировать свою силу. Он поглядывал на Изабеллу, едущую рядом по едва различимой тропе. В ней была жесткость – родовая жесткость колдунов, – но и нечто еще, нечто твердое, ледяное и непостижимое, что пронизывало ее до самых основ существования. Она не была похожа на тех, с кем ему доводилось встречаться раньше. Это и настораживало, и привлекало одновременно. Ее загадочность и сила привлекали его не менее, чем ее красота.

– Откуда ты? – спросила Изабелла. – И куда направляешься?

Он рассказал ей про Волчий Каньон, про то, как ему пришла в голову идея получения гранта на государственную землю, как появилось безопасное убежище для таких, как он, как появился шанс на мирную жизнь, в которой не надо бояться разоблачения. Она слушала с широко раскрытыми глазами. Он видел на ее лице то же выражение взволнованного изумления и предвкушения, какое приходилось видеть у многих других, когда они впервые узнавали о существовании сообщества себе подобных.

Он сказал ей, что возвращается из Шайенна, где встречался с представителями правительства. Рудник в Волчьем Каньоне оказался очень прибыльным, и возник вопрос – следует ли правительству выкупать у них серебряную жилу, или оно может просто забрать рудник себе, поскольку дарственная на землю оговаривала права на поселение, а не на минеральные ресурсы. Чиновник, с которым он встречался, подписал документ, дарующий резидентам Волчьего Каньона все права на землю и гарантирующий, что государство будет покупать любое добытое ими сырье по полной рыночной стоимости.

– Ты заставил его подписать? – усмехнулась Изабелла.

– Что? – недоуменно переспросил Уильям, и лишь позже до него дошло, что она имела в виду. – В смысле – применял ли я магию?

Она кивнула.

– Нет. Разумеется, нет.

– А мог бы? В случае необходимости?

– Я об этом не думал.

– Подумай сейчас.

Такой поворот показался ему неприятным, но задумавшись на секунду, он эмоционально воскликнул:

– Нет, я бы не стал применять магию.

Она кивнула, хмыкнув, но не произнесла ни слова, и некоторое время они ехали молча.

Он догадывался, как бы ответила она сама, и хотя это вызывало тревогу, он мог понять ее чувства и не совсем не разделял их.

Вскоре они снова заговорили, и она, разумеется, стала расспрашивать про город. Он пригласил ее составить компанию, посетить, если хочет, остаться, если пожелает, и Изабелла быстро согласилась поехать с ним.

Большинство колдунов даже не сознавали, насколько они одиноки, и буквально каждый проявлял живой интерес к существованию Волчьего Каньона, предлагающего чувство подлинной общности. Изабелла не оказалась исключением. Она продолжала расспрашивать, и Уильям с удовольствием рассказывал ей о земле и людях, представлял ей тех, с кем ей предстояло познакомиться. К тому времени, когда они закончили длинный путь до Территории Аризона, она, наверное, уже знала город не хуже, чем его обитатели.

День прошел быстро. Изабелла оказалась замечательным компаньоном, и чем больше времени он проводил с ней, тем большее впечатление производили на его ум, сообразительность и удивительная красота.

Ближайшей ночью она отдалась ему на земле, под звездами. Была какая-то темная странность в ее желаниях, в стремлении утвердить себя; это вызывало у него некоторое смущение и неловкость, но он охотно с этим смирился.

Она трогала его так, как его еще никто никогда не трогал – в буквальном и фигуральном смысле, и к тому времени, как все завершилось и они лежали на глинистой почве, которая успела превратиться в пыль, он понял, что любит ее.

* * *

Джеба завоевать оказалось не так просто, равно как и большинство других жителей города. Они были вежливы к Изабелле, демонстрировали определенное дружелюбие, но она вызывала подозрения и предчувствия такого толка, каких никогда не было по отношению к прежним поселенцам. Уильям относил это по большей части на счет ревности. В конце концов он был лидером и основателем города и, совершенно естественно, что старые друзья могли почувствовать себя обделенными общением из-за того количества времени, которое теперь он проводил с ней.

Но этим объяснялось не всё, и напряженность, которую, как он чувствовал, испытывали все, находясь рядом с Изабеллой, не совсем, надо признаться, была чужда и ему лично.

Девочка.

Но она была одной из них, и он был готов с легкостью закрыть глаза на то, что в ком-нибудь другом могло стать серьезным основанием для подозрений.

Кроме того, он... любил ее.

Она приехала прямо к нему домой, и хотя он из вежливости предложил ей отдельное помещение, Изабелла прямо поставила его в известность, что они будут спать вместе.

У нее не было периода привыкания. Если она и замечала некоторую настороженность со стороны, то не подавала виду. Она вела себя так, словно родилась здесь, моментально внедрившись в общественную жизнь; она сделала так, что вдоль городских улиц моментально появились цветы, она приложила свои значительные силы к городскому яблоневому саду, превратила дом Уильяма из спартанского жилища холостяка в прекрасное и счастливое гнездышко.

Она гораздо больше, чем другие женщины города, стремилась проявить себя и в этом походила на мужчину, что, по-видимому, тоже нервировало многих жителей. Величественность в манерах и самоуверенность, граничащая с грубостью, тоже выделяли ее из остальных, как бы она ни старалась приспособиться. Поэтому когда она начала брать на себя дополнительные обязательства, это показалось совершенно естественным.

По правде говоря, Уильям был рад появлению рядом человека, с которым можно было разделить груз своего положения. Джеб был его правой рукой, они все обсуждали друг с другом, но окончательное решение всегда приходилось принимать ему лично. Он был благодарен Изабелле, благодарен за то, что появился кто-то более близкий, чем друг или советчик, кто способен понять и разделить его чувства, а зачастую и помочь принять то или иное решение.

Она прожила почти полгода в Волчьем Каньоне, когда впервые решила проявить свою независимость. Поселение располагалось вдали от наезженных дорог, и гости из внешнего мира попадали сюда редко, но все же пару раз такое происходило. На этот раз в город решили завернуть трое мужчин, направлявшихся в Юту.

Как всегда, обитатели проявили максимум доброжелательности. На городских собраниях они неоднократно обсуждали возможность такой ситуации и единогласно решили скрывать все проявления магических сил от посторонних, не желая распространения слухов. Их права были юридически защищены правительством Соединенных Штатов, но эти Территории находились далеко от Вашингтона, и тут юридическая защита и реальная защита зачастую означали далеко не одно и то же.

Поэтому люди на улицах приветливо улыбались и махали руками проезжающим всадникам, делая вид, что не происходит ничего необычного и они сами – самые типичные поселенцы.

Уильям стоял с Джебом у ворот извозчичьего двора, когда услышал возбужденные голоса и обернулся посмотреть, как трое незнакомцев идут через увеличивающуюся толпу горожан. Те явно направлялись в салун в надежде промочить горло, и Уильям почувствовал немалую гордость за то, что у них *есть* место, где путешественники могут запросто выпить виски.

Он посмотрел на Джеба, и оба двинулись вдоль по улице.

– Только ничего не говори, – напомнил Джеб.

– И не собирался.

Мужчины оставили лошадей у коновязи и уже были готовы войти в салун, как вдруг откуда ни возьмись появилась Изабелла и преградила им путь. Мужчина, идущий впереди, здоровяк с курчавой бородой и трехдневным слоем пыли на кожаной шляпе и одежде, резко остановился.

– Пардон, мэм, – пробормотал он, кивнув и прикоснувшись кончиками пальцев к полям шляпы.

Изабелла стояла на месте.

– Простите, – продолжал мужчина с улыбкой, – но мы хотим пройти в салун.

– Не пройдет, – заявила Изабелла. – Лучше вам отправляться туда, откуда пришли.

Слова отчетливо прозвучали в тихом воздухе, и в переговаривающейся толпе воцарилось молчание.

Впервые с того момента, как оказался в Волчьем Каньоне, Уильям растерялся. Он не знал, то ли вмешаться, остановить Изабеллу и извиниться перед мужчинами, то ли пустить ситуацию на самотек. Первым импульсом было желание куда-нибудь скрыться и сделать вид, что вообще ничего не видел – и это его обеспокоило. Он никогда не был трусом и никогда раньше не избегал конфронтации, но сейчас внутренний инстинкт подсказывал, что лучше держаться от этого подальше.

Бородатый мужчина оглянулся на своих спутников, потом опять посмотрел на Изабеллу.

– Простите?

– Прочь! Здесь нет места таким, как вы.

Это было сказано с величайшим презрением, и Уильям не сомневался, что именно в таком тоне ей самой всю жизнь приходилось выслушивать подобные слова в собственный адрес, но что-то здесь всё-таки было обескураживающее. Уильям и на себе испытывал предубеждения – как и все они, – но не ощутил ни малейшего чувства удовлетворения, услышав такие слова из уст одного из себе подобных. Судя по реакции публики, можно было сказать, что большинство горожан разделяют его мнение.

Ему следовало проявить себя в этот момент. В этот момент еще можно было избежать того, что последовало дальше.

Но он этого не сделал.

Вся троица расхохоталась – глубокими, хриплыми, злыми голосами. В этом смехе не было ни грана веселья.

– Прочь с дороги! – рявкнул бородач, протягивая руку, чтобы оттолкнуть Изабеллу.

И был отброшен на улицу, грохнувшись навзничь.

Двое других последовали за ним, сметенные невидимой силой. Изабелла сошла с единственной ступеньки салуна и подошла к ним.

Уильям в очередной раз ощутил ее фундаментальную непохожесть. За то время, которое они прожили вместе, он уже привык к ней, но сейчас он увидел ее такой, какой она предстала перед ним впервые – дикая красота с непостижимой потенциальной силой и явной способностью создать хаос.

– Черт возьми, что происходит? – воскликнул самый мелкий и грязный из троицы, глядя на Изабеллу.

– Мы колдуны, – ответила она с лукавой улыбкой. – Вы попали в наш город.

Мужчина выхватил пистолет, но одновременно с ее взметнувшейся черной гривой оружие вырвалось из его руки, взлетело в воздух и бессильно шлепнулось поодаль.

Все трое, не сводя с нее глаз, неуклюже пытались встать на ноги. Потом бородач обвел толпу диким взглядом и прохрипел:

– Это правда? Вы все – колдуны?

– Теперь вы знаете, – сказала Изабелла. – Поэтому вы должны умереть.

И прежде чем кто-то успел остановить ее, Изабелла уже скандировала и поводила руками в воздухе. Бородач, уже пришедший в себя и потянувшийся за ружьем, внезапно взорвался изнутри. Кишки вылетели из желудка, как окровавленное розовое лассо, развернулись в полете и длинными червяками упали на землю. Мужчина беззвучно открывал и закрывал рот, из которого на бороду текла густая зеленая жидкость. Через несколько секунд он упал лицом в

пыль.

Самый мелкий застыл на месте, трясаясь от ужаса. Руки его вдруг взметнулись над головой, и глаза округлились. Он начал тянуться вверх, начал расти, но процесс был не постепенным. Ноги его, казалось, вросли в землю, а невидимая сила быстро тянула его вверх за руки. Он всё еще трясся, но уже вопил истощенным голосом. Тело действительно заметно увеличилось в росте, прежде чем наконец с громким хрустом костей лопнуло посередине. Вопль оборвался. Ноги упали, торс еще какое-то время продолжал подниматься вверх, а потом тоже упал на окровавленную кучу вывалившихся их тела внутренностей.

В это время третий мужчина, держа двумя руками свой пистолет, принялся лихорадочно палить в Изабеллу. Но при каждом выстреле руки его дергались, и пули уходили либо в небеса, не причиняя никому вреда, либо с треском врезались в деревянные стены построек. Изабелла неторопливо шла ему навстречу. Когда они оказались рядом, мужчина замахнулся, чтобы ударить ее пистолетом, но она перехватила его руку, и тут же пистолет стал таять. Расплавленный металл потек по пальцам, прожигая плоть. Рука задымила. Она прикоснулась к его щеке, приложила палец к его губам, провела ладонью по горлу. И везде, где она прикасалась к нему, кожа мгновенно воспламенялась. Не успела она опустить руку ниже горла, как мужчина повалился на землю. Голова его начала таять, и вскоре он перестал подавать признаки жизни.

Все это произошло очень быстро и закончилось, как бы едва успев начаться.

Уильям остолбенел.

Останки трех тел валялись посреди улицы. Кровь впиталась в пыльную землю и застыла черной коркой. Окружающий мир замер в тяжелом подозрительном молчании. Большинство взглядов по-прежнему было приковано к Изабелле, но несколько человек уже пристально смотрели в его сторону. Но еще сильнее он чувствовал направленные на себя мысли. Он понимал, чего ждут люди. Он был лидером города, а она была его женщиной. Он должен был прекратить, это дело. Но он не знал как и, честно признаться, боялся. Это была не та Изабелла, которую он любил. Он не знал женщину, которая убила этих мужчин. Он даже не был уверен, что *мог бы* с ней что-нибудь сделать. Она явно обладала силой, с которой он и мечтать не мог сравниться.

Впрочем, больше всего напугала его не мощь ее силы. Отнюдь не ее магические способности заставили застыть кровь.

Это было удовольствие, которое она получала от доставления мучений этим людям, наслаждение от самого факта убийства.

Девочка.

Он посмотрел на нее. Она по-прежнему улыбалась; странная безумная улыбка освещала черты ее лица.

Потом она встретила его взгляд – и выражение моментально исчезло.

Она мгновенно залилась слезами. Рыдая в голос, она пробежала между людьми, между салуном и магазином – по направлению к дому. Уильям все стоял, глядя на горожан. Потом развернулся и, опустив голову, поспешил вслед за Изабеллой.

Он нашел ее в спальне, рыдающей на кровати.

Он не знал, что делать. Не было ни малейшего желания обнять ее, но она явно страдала. Несмотря на отвращение и ужас от того, что она сотворила, Уильям всё-таки присел на край кровати и прикоснулся к ее голове.

– Изабелла?..

– Это само... – пробормотала она. – Я не хотела... – Заливаясь слезами и соплями, она не могла говорить.

Он этому не поверил. Она сделала ровно то, что хотела, и даже если сейчас испытывала по этому поводу сожаление, в тот момент она сознательно хотела убить этих путешественников.

И это доставило ей радость.

Он ничего не сказал. Просто не знал, что сказать. Он продолжал гладить ее волосы и ждал, пока утихнут рыдания.

Изабелла перевернулась на спину, вытерла глаза и нос.

– Я узнала этих мужчин, – заявила она, глядя ему прямо в глаза. – Они меня не узнали, но

я знала их по Канзас-Сити.

– Канзас-Сити?

– Там я родилась и выросла. Или, можно сказать, там меня бросили родители после того, как узнали, кто я на самом деле. Меня приютила и вырастила хозяйка борделя. И постепенно я начала... работать у нее. – Она глубоко, судорожно вздохнула. – Там я и встретилась с этими людьми. Они... оскорбили меня. Они заставляли меня делать то, чего я не хотела. А когда я в слезах выбежала из комнаты, то женщина, которая меня вырастила, женщина, которую я считала своей матерью, встала на их сторону, заставила меня вернуться, и они меня избили чуть не до смерти.

После этого я убежала.

И сегодня, когда я шла в огород за овощами, совершенно случайно подняла голову и увидела их. Тех мужчин, которые меня чуть не убили. Я... я не смогла совладать с собой. Не смогла сдержаться.

Уильям опять не поверил ей и отвернулся. Он не сомневался, что такое в принципе могло произойти, – но наверняка не мог утверждать, поскольку был не в состоянии прочесть ее мысли – история казалась ему невероятной. Ему было очень трудно представить Изабеллу, подчиняющуюся чужой воле, представить ее униженной и оскорбленной и не воспользовавшейся своей силой, чтобы оказать сопротивление.

Он даже не был уверен, что верит в историю с бросившими ее родителями. Или в то, что она когда-то жила в Канзас-Сити.

– Прости меня, – проговорила она, снова заливаясь слезами. – Прости.

Он обнял ее, гладил по спине и приговаривал, что все будет хорошо. Но все было совсем не хорошо. Хотя он любил ее и будет любить всегда – с этим он не мог ничего сделать, – содеянное ею поразило его до глубины души. Он начал думать о том, как успокоить город, каким-то образом вернуть ее в рамки и восстановить прежнюю атмосферу.

– Прости меня, – повторила она сквозь слезы.

Он решил принять ее версию и рассказывать всем окружающим. Пусть все узнают – это сделает ее поступок более понятным, более простительным.

По крайней мере для остальных жителей города.

Ночью в постели она была энергичной и изобретательной даже по ее собственным меркам, а когда начала вскрикивать, испытывая оргазм, он посмотрел ей в лицо и увидел то же самое выражение жгучего, яростного возбуждения, которое видел тогда, на улице, когда она убивала этих мужчин. Он закрыл глаза и быстро кончил, не желая этого видеть.

Сейчас

1

Его отец исчез с лица земли.

Невероятно, но все выглядело именно так, и спустя несколько дней, в течение которых ни полиция, ни его агентство не смогли отыскать его следов, Майлс начал сомневаться, удастся ли ему вообще узнать окончательную судьбу отца.

Он все еще ждал появления людей из какой-нибудь сверхсекретной правительственной службы, хорошо одетых личностей в деловых костюмах, в темных очках и маленькими радиопередатчиками в ухе, которые сообщат ему, что вся информация, имеющая отношение к его отцу, засекречена и что ему запрещается вести дальнейшее расследование на основании того, что это представляет угрозу национальной безопасности. Но реальная жизнь не похожа на кинофильмы, по крайней мере здесь, в Южной Калифорнии. Никакие таинственные агенты не появились проинформировать его о том, что его отец был частью некоего секретного эксперимента, и ничего не оставалось, как продолжать вести тупой и слепой поиск ходящего отцовского трупа.

Может, он никогда и не узнает. Может, тело никогда не появится, не будет никаких похорон, и он до самой могилы так и не выяснит, настигла ли наконец отца достойная смерть

или он так и бродит каким-то зомби.

Единственным положительным моментом во всем этом была Клер. Он до сих пор не мог понять принципов их отношений, но она продолжала каждый день появляться после работы, привозить с собой какую-то еду, они ужинали вместе, разговаривали и наслаждались общением. Он был счастлив находиться с ней рядом, как будто она вернулась совсем, и боялся спугнуть это ощущение обсуждением статуса их нынешних отношений.

Он рассказал ей про Боба, рассказал все, и с тем уровнем доверия, который возникает лишь между по-настоящему близкими людьми, она полностью приняла его версию событий. Она была озадачена и озабочена случившимся, но не подала виду, что напугана, и за это он был ей благодарен. Его собственных страхов вполне хватило бы на двоих, и было очень приятно иметь рядом плечо, на которое можно опереться.

Они вместе разглядывали магические принадлежности из банковской ячейки, и Клер высказала предположение, что Боб мог в юности скрестить шпаги с каким-нибудь сатанинским культом или сборищем ведьм и что он пытался применить эти вещи для самозащиты от них.

– Если так, – задумчиво проговорил Майлс, – похоже, что это ему не помогло. Они в конце концов победили.

– Возможно, – согласилась Клер.

Оба отказывались верить, что Боб сам был вовлечен в черную магию и что все эти предметы он каким-то образом приобрел для себя. Они слишком хорошо его знали. Он был человеком не такого склада. Он был хорошим, добрым человеком, любящим отцом, и подозревать его во всем этом – значит, признать, что вся его жизнь была ложью, что он всех вводил в заблуждение относительно своей истинной сущности, и они оба не могли поверить, что это возможно.

Майлса несколько сбивала с толку та легкость, с которой Клер восприняла всю эту ситуацию. Безо всяких доказательств она поверила, что человек может продолжать ходить после смерти. Он даже спросил ее, не сталкивалась ли она ранее с какими-либо сверхъестественными явлениями. С учетом последних событий он бы не сильно удивился, узнав, что все это время она входила в какую-нибудь подпольную группу колдующих жён. Но, к его облегчению, она сказала, что это ее первое столкновение со сверхъестественным и, она надеется, последнее.

Шли дни, о пропавшем теле отца никаких сведений не появлялось, его утренние и вечерние звонки в полицию и в офис коронера становились все менее и менее настойчивыми, все более и более механическими, и Майлс все ждал, когда Клер покинет его, решив, что он уже вполне пришел в себя и в состоянии сам разбираться с этой ситуацией, что пора ей возвращаться к своей обычной жизни, когда она скажет, что с ним было приятно увидеться, но...

Но ничего не происходило.

Более того, по мере неизбежного уменьшения напряженности их отношения становились более тесными.

Они целовались при прощаниях, обнимались при встречах, сидели рядышком на диване, когда смотрели телевизор. Все эти действия можно было истолковывать самыми различными способами. Сам-то он знал, как бы ему хотелось их интерпретировать, но решил из всех сил делать вид, что они просто друзья, взрослые люди, которые знакомы с манерами цивилизованного взрослого мира и не склонны придавать эмоционального значения каждому случайному прикосновению.

В общем, она снова стала частью его жизни, и после долгого перерыва снова возникли какие-то отношения.

В среду они встретились после работы в ресторане. «Матта» – мексиканский ресторанчик, который они посетили при своем первом свидании, где неоднократно встречались позже и который, естественно, считали «своим». Но выбрал он его не поэтому. Ему просто хотелось вывести ее куда-нибудь, сменить место, поблагодарить за ужины, которые она так часто готовила у него в доме в последние несколько недель. Он выбрал «Матта», потому что это было близко, недорого и им обоим в те времена нравилась его кухня. Сентиментальный символизм места пришел ему в голову лишь в тот момент, когда он увидел Клер и их повели в одну из

небольших кабинок в глубине зала – точно как в давние времена. Это сознание негативным образом повлияло на вкус пищи, затормозило общение. Оба почувствовали себя неудобно, быстро поели и поспешили покинуть заведение.

Время еще было не позднее, и Клер поехала к нему домой. Они устроились у телевизора смотреть новости. Неловкость прошла, вернулись былая близость и спокойствие. Они сидели, комментировали события, посмеивались над недалекими ведущими развлекательного шоу, которое шло вслед за новостями.

Майлс сходил на кухню и вернулся с двумя бокалами вина. Один он протянул Клер, та взяла, осторожно пригубила и улыбнулась в знак благодарности.

Некоторое время оба сидели молча. Майлс взял в руки пульт и начал прыгать по каналам, пока не наткнулся на устраивающий его старый фильм с Хэмфри Богартом.

– Знаешь, – сказала Клер, – одному из моих клиентов стоило бы стать твоим клиентом.

– Да? – посмотрел он на нее и не смог удержаться от улыбки.

Он и не подозревал, как он соскучился по этому легкому обмену репликами, по этим непринужденным разговорам о работе каждого, которые у него с ней почему-то получались более доверительными и более интересными, чем с любой другой женщиной. Клер была социальным работником в клинике, и когда они жили вместе, она часто рассказывала ему о пристрастившихся к наркотикам матерях-одиночках, которых она пыталась вывести на путь истинный, угрожая тем, что комиссия по опекунству заберет у них детей, или про умственно отсталых, которых она учила ходить за покупками, чтобы те могли вести относительно самостоятельную жизнь. Ему всегда доставляли удовольствие эти разговоры про работу, они всегда вызывали у него дополнительное чувство близости, и лишь после разрыва, во время горького бракоразводного процесса он осознал, что она расценивала этот аспект, как его стремление отстраниться. Ей хотелось больше сосредоточиться на аспектах совместной, а не самостоятельной их жизни. Для нее эти разговоры были дополнительным доказательством – если были нужны дополнительные доказательства – того, как далеко они разошлись в разные стороны. Но для него они имели ровно противоположное значение, и теперь, когда она заговорила о своем клиенте, заговорила о своей работе, он испытал приятное ощущение deja vu и позволил себе представить, что когда-нибудь они снова будут вместе.

Может, он действительно выбрал «Матта» не только по соображениям удобства.

Клер допила вино и поставила бокал на кофейный столик.

– Ему определили параноидальную шизофрению, он согласился с диагнозом, но по-прежнему убежден, что подвергался преследованиям, хотя и не может привести сколько-нибудь веских подтверждений. Говорит о странных телефонных звонках, о том, что кто-то ходит за ним по улицам, что его не раз пытались сбить какие-то машины. Мы пытались убедить его, что никто его не преследует, что то, что ему кажется серией связанных событий, на самом деле является – если является – случайными совпадениями, но, похоже, он может успокоиться только в том случае, если будет проведено настоящее детективное расследование, которое установит, есть ли за ним какая-то слежка или нет.

По мере того как она рассказывала, Майлс ощутил учатившееся сердцебиение.

– Как его имя?

– А что?

– Подожди минутку. – Он встал, быстро сходил в кабинет и вернулся с копией списка Лиэма. – Посмотри, он здесь есть?

Клер добросовестно просмотрела весь список и покачала головой.

– Нет. А что это значит?

– Ты уверена?

– Естественно.

– Моего нынешнего клиента тоже преследуют, – пояснил Майлс, забирая список. – Телефонные звонки, машины – все, о чем ты только что говорила. Он составил этот список. Люди из него исчезают один за другим. Погибают.

– Этаким списком на уничтожение?

– Типа того. Но убивают не всех. Некоторые умерли естественной смертью. А некоторые умерли... ну, скажем, совершенно необъяснимым образом.

– И ты думаешь, что мой клиент может быть как-то с этим связан?

– Истории похожи.

– Да, – кивнула она. – Похожи.

– Поэтому я и подумал о связи.

– Я понимаю, почему ты так думаешь, тем более после того, что случилось с Бобом, но тут главное – не увлекаться. Иначе ты скоро начнешь бросаться на все события и усматривать связи там, где их и быть не может. Нельзя, чтобы ситуация с отцом оказывала влияние на все остальное.

– Просто этот случай очень похож на дело, которым я занимаюсь. Вот и все. К отцу это не имеет никакого отношения.

– Ты уверен?

– Уверен, – ответил Майлс, складывая листок. – И предлагаю тебе последить за твоим парнем. Мой список безгрешен. То, что фамилии твоего клиента в нем нет, еще не означает, что на него не нацелились. Не отмахивайся автоматически от его страхов.

– Хорошо, – согласилась Клер.

Они помолчали.

– Так что насчет Боба? – вдруг спросила она.

– Разве это не кино было?

– Я серьезно.

– А что насчет него? – вздохнув, переспросил Майлс.

– Ты не думаешь...

– Я не знаю, что думать.

– А что ты собираешься делать?

– А что я могу сделать? – пожал он плечами. – Видимо, ждать, пока не объявится тело.

– Думаешь, появится?

– Должно когда-нибудь.

Впрочем, в душе он сильно сомневался в таком результате и был рад, что Клер оставила эту тему. Она положила руку ему на плечо, и они продолжили смотреть телевизор.

* * *

Наконец.

Один из людей, упомянутых в списке Лиэма, жил в районе Лос-Анджелеса, и с помощью Хала, который не только обладал хорошей памятью, но и постоянным клиентом, который владел магазином для взрослых, Майлс установил рабочий адрес некоего Оуэна Бродски.

Бродски был дистрибьютором порнопродукции, одним из посредников третьей руки, который продавал видео через объявления в сексуальных журналах и вульгарных газетенках. Его офис – штаб-квартира – склад располагались в двухкомнатной арендованной квартирке в Голливуде, в одном из подлежащих сносу зданий, которое начало проседать из-за строительства линии метро по соседству. Строительство подземки было подлинным несчастьем для голливудского туристического бюро, но неожиданным счастьем для мелких бизнесменов типа Бродски, которые никогда бы не смогли арендовать здесь площади из-за цен, далеко превышающих их возможности. Голливудский почтовый индекс имеет огромное значение, и Майлс прекрасно понимал, почему Бродски так жаждал найти себе здесь местечко, тем более при его бизнесе.

На первом этаже в здании Бродски располагался специализированный магазин кинолитературы, закрытый салон татуировок и открытая прямо на тротуар лавка, торгующая пестрыми мексиканскими товарами. К расположенным наверху офисам вела узкая крутая лестница, втиснутая в узкое пространство между дверями в книжный магазин и салон татуировок. Майлс взобрался по ступенькам и двинулся по длинному коридору, пока не обнаружил закрытую дверь с дешевой табличкой «Бродски Продакшнз». Он постучал, ответа не услышал и нажал ручку. Дверь оказалась незаперта, и он очутился в офисе.

Тесное помещение, битком забитое всякой всячиной, скорее напоминало склад, в котором только что произвели обыск, чем служебный офис. Чрезвычайно тучный мужчина, сидящий за

видавшим виды столом, на котором красовалась кучка оберток от венских шницелей, при появлении Майлса поднял глаза, но при этом не перестал перебирать пачку бумажек, похожих на бланки заказов. Майлс огляделся. На столах, шкафах и полу громоздились стопки видеокассет с характерными яркими обложками. В дверном проеме, ведущем в следующее помещение, виднелись картонные коробки и еще большие стопки кассет; на полу в придачу валялись журналы и пожелтевшие газеты.

– Мистер Бродски? – поинтересовался Майлс.

– Кто вы? – прищурился мужчина.

– Частный детектив. Вы – мистер Бродски?

– Да, я мистер Бродски. Чем могу быть полезен?

– Здравствуйте. Я Майлс Хьюрдин. – Майлс протянул руку.

Толстяк проигнорировал рукопожатие, продолжая сортировать бумаги.

– Зовите меня просто Фред.

– Фред? – поднял брови Майлс. – Мне нужен мистер Оуэн Бродски.

– Значит, вам нужен мой отец.

– А вы не подскажете, где я могу его найти?

– На Форест Лоун.

Майлс ощутил сосущую пустоту в желудке.

– Вы хотите сказать...

– Он умер почти год назад. Сердечный приступ. А что? Зачем он вам понадобился?

– Я занимаюсь делом о преследовании человека. Отец моего клиента неоднократно подвергался всякого рода угрозам и у меня есть основания полагать, что его жизнь в опасности. Он составил список имен, довольно большое количество людей из которого скончались при загадочных обстоятельствах.

– Я вам сказал – мой отец умер от сердечного приступа.

– Это я понял. Но я надеялся побеседовать с вашим отцом, если бы он был жив, чтобы выяснить, не обнаружит ли он какой-нибудь связи между людьми из этого списка и не подскажет ли он какую-нибудь причину, по которой они умирают один за другим.

– Наверное, вам следует увидеться с Хеком Тиббертом. Один из давнишних отцовских приятелей. Они были довольно близки. Если кто-нибудь что и знает об этом, так это Хек.

– А вы не подскажете, как мне его найти?

– По телефонной книге, полагаю, – пожал плечами Бродски.

– У вас есть?

– Есть. – С видимым усилием толстяк нагнулся, выдвинул один из ящиков стола и извлек на поверхность здоровенный том «Белых страниц».

Майлс открыл книгу на букву "Т" и быстро пробежал глазами столбцы фамилий.

– Хек – это его настоящее имя? Тут указаны Л. Тибберт из Торранса и Питер Тибберт из Фэйрфэкса, Лос-Анджелес.

– Нет. Хек живет в Монтеррей-парк или в Сан-Габриэле. Где-то в том районе.

– А у вашего отца не было своей телефонной книжки? Куда он мог бы записывать адреса и телефоны друзей и приятелей?

– Ну, дома наверняка есть.

– А мы не могли бы попасть туда и посмотреть?

– Видите ли, я довольно занят, – повел рукой Бродски.

– Двадцать баксов.

– Послушайте, я с вами детей не крестил, – осклабился толстяк. – Я сказал вам, что мне известно, дал вам посмотреть мой телефонный справочник, но на этом хватит. Вам пора.

– Двадцать пять.

– Я и так на вас потратил кучу времени. Убирайтесь к чертовой матери. Разговор окончен.

– Двадцать пять баксов, – посмотрел ему в глаза Майлс, – и я не стану рассказывать об этом золотом дожде, – кивнул он на стопку кассет в розовых обертках, – моему другу Манни Мартинесу из полиции нравов.

Бродски некоторое время смотрел на него, как бы взвешивая серьезность угрозы, затем пожал плечами и с геркулесовым усилием вытащил себя из-за стола. Майлс обратил внимание,

что в ширину он был почти таким же, как в высоту, что придавало всему облику сходство с персонажами мультфильмов.

– Хотите, я вас отвезу? – предложил Майлс.

– Мы поедem каждый на своей машине, чтобы потом заняться своими делами. Без обид, но я не хочу тратить весь день на какую-то чушь.

– Как скажете. – Майлс вышел за ним из офиса в коридор к лифту, который вызывался специальным ключом. Он уже думал, каким образом Бродски удастся преодолевать крутые ступеньки. Торговец порнографией не был похож на человека, который последние десять лет часто пользуется лестницей.

– Где ваша машина? – спросил Бродски.

– Перед зданием.

– Моя сзади. Я объеду квартал, и вы ко мне пристроитесь. Красный «лексус».

Дверь лифта открылась, но Майлс предпочел спуститься пешком. Через несколько минут красный «лексус» Бродски появился из-за угла и медленно пополз по крайней правой полосе вдоль здания, не обращая внимания на нервныe сигналы идущей сзади машины, водителю которой пришлось резко объезжать его слева. Майлс пристроился за автомобилем толстяка, «лексус» рванул вперед и ушел вправо на ближайшем перекрестке.

Они ехали на север. Бродски управлял машиной как маньяк, вкладывая в автомобиль всю резвость, на которую сам не был способен, ныряя с полосы на полосу между машинами на скорости, далеко превышающей разрешенную, словно бросал вызов Майлсу.

Дом его оказался заурядным придорожным сооружением на холмах в Студио-Сити. Толстяку потребовалось несколько секунд, чтобы разобраться в стопке газет и блокнотов, лежащей на столике рядом с телефоном. Затем на свет появился переплетенный в черную кожу органайзер, который и оказался записной книжкой его отца.

Майлс попробовал позвонить сразу, из квартиры Бродски, но телефон не отвечал, поэтому пришлось записать номер и адрес, отстегнуть двадцать пять баксов и поблагодарить торговца порнографией за его великодушную помощь, после чего отправиться в Монтеррей-парк.

Хек Тибберт сидел перед домом в складном кресле на пожухлой лужайке, которая заменяла газон.

Майлс давно не бывал в этом районе; бросилось в глаза заметно возросшее число китайцев. Этот южный район стал крупным Чайна-тауном, настоящим, а не тем, на который приезжают поглазеть туристы. Процент эмигрантов тут был столь велик, что даже американские заведения, такие как банки и бензозаправочные станции, уже дублировали китайскими иероглифами надписи на английском языке.

Должно быть, Бродски дозвонился до Тибберта, потому что тот явно ждал гостя. Ветхий домишко был зажат между обветшалым одноэтажным квартирным комплексом и новеньким, с иголки многоэтажным административным зданием. Старик встал и направился к дорожке, как только Майлс начал вылезать из машины.

– Мистер Тибберт? – спросил Майлс.

– Хек, – откликнулся старик, протягивая руку. – Фредди сказал мне, что вы приедете.

– Прощу прощения, что побеспокоил, – ответил Майлс, пожимая крепкую ладонь. – Я пытался до вас дозвониться, но телефон не отвечал. У меня всего несколько вопросов.

– Не стоит извиняться. В моем возрасте будешь рад любому гостю. – Он покосился в сторону двух симпатичных девчушек-китайок, которые пробежали мимо, весело щебеча о чем-то на своем языке. – Особенно белым. Идемте в дом. Кофе на плите. Посидим, поговорим.

Майлс проследовал за ним по несуществующему двору в дом. В коридоре громоздились стопки старых газет, в гостиной покосившийся кривоногий столик был завален банками из-под пива, но кухня оказалась на удивление чистой. Подчиняясь настойчивым просьбам Тибберта, Майлс присел в одно из ярко-желтых пластиковых кресел, окружающих такой же яркий пластмассовый стол.

Моя две чашки над раковиной, старик выглянул в окно, крикнул кому-то, чтобы они убирались отсюда, и Майлс услышал веселое хихиканье и топот убегающих детских ног.

Тибберт налил кофе и поставил дымящиеся чашки на стол.

– Достали уже эти чертовы узкоглазые. Кому принадлежит эта страна? Я еще помню

времена, когда это был приятный город, здесь можно было жить, а теперь они совершенно вытеснили белого человека.

Майлс постарался изобразить вежливую улыбку. Первой реакцией было дать отпор старому хрычу на его расистские высказывания, но в данный момент настраивать его против себя не имело смысла.

– Оуэн обычно говорил, что китаезы не так плохи, как ниггеры или мексиканцы, но жизнь здесь показала мне, что это не так.

Это был сигнал. Майлс прочистил горло.

– Кстати об Оуэне. Я бы хотел задать вам пару вопросов. – Он вытащил список, быстро проглядел его...

...и увидел фамилию Тибберта.

Майлс с изумлением посмотрел на старика. Почему-то ему и в голову не пришло, что Тибберт тоже может быть в этом списке, а с момента отъезда из Голливуда он не потрудился заглянуть туда.

Майлс задумался. Так и не придумав, как подойти к теме, он просто протянул ему лист бумаги и сказал:

– У меня есть список. Его составил отец моего клиента. Вы с Оуэном тоже в нем есть. Вы не можете сказать, почему вас в него включили или что у вас общего с остальными людьми из этого списка?

Старик вгляделся в листок. Практически не задумываясь, не напрягая память, лишь с некоторым недоумением он откликнулся:

– Конечно. Мы все строили плотину.

Боб, она пришла и за строителями плотины.

Он почти забыл сумасшедшую старуху у торговых рядов, но слова бездомной сами всплыли в этот момент. По спине пробежал холодок; он охватил сердце и покатился дальше – до кончиков пальцев рук и ног.

Он тупо смотрел на Тибберта, не зная, как сказать о том, что сам даже толком не понимал. Безумная старуха у скамейки, ряд неестественных смертей, список, предсказывающий убийство людей, которые когда-то строили плотину, а сейчас живут в разных уголках страны.

Он вспомнил, что Монтгомери Джоунс был убит у плотины.

Это почти обретало какой-то смысл. Почти. Но связь еще была неосознанной, и он бы в жизни не догадался, что происходит.

Впрочем, он уже испугался, и самым пугающим во всем этом было то, что старуха в торговых рядах назвала его именем его отца.

Боб!

Тибберт смотрела в список, водя пальцем по строчкам и беззвучно шевеля губами. Время от времени он бросал вопросительные взгляды на Майлса, но Майлс не знал, что сказать.

Наконец, глубоко вздохнув и сосредоточившись, он положил ладонь на лист бумаги и медленно произнес:

– Некоторые из этих людей были убиты в последнее время. Меня наняла дочь одного из них – Лизма Коннора – выяснить, почему его кто-то преследует, почему были попытки покушения на его жизнь. Список составлен без какого-то определенного порядка, поэтому нет возможности предсказать, что произойдет дальше, поэтому это дело – чистая лотерея. Вот почему я хочу как можно быстрее все выяснить. Я не могу просто остаться в чьем-то доме или поставить у кого-то круглосуточную охрану, потому что просто не знаю, кто будет следующим и будет ли кто-нибудь следующим вообще.

– Лизм Коннор, – кивнул Тибберт. – Я его помню.

– Что вы мне можете сказать про Коннора? Кто, на ваш взгляд, мог бы его преследовать? Почему вообще кто-то охотится за этими людьми?

– Волчий Каньон, – произнес старик.

– Что?

– Это не только название плотины. Это и название города.

– Какого города?

Тибберт внезапно показался ему гораздо старше. В кухонное окно заглянуло солнце,

высветив все морщины и складки на старческом лице, но не это повлияло на его внешность. К грузу прожитых лет добавились переживания.

– Мы перекрывали Рио-Верде, – заговорил Хек Тибберт. – Примерно в двадцати милях ниже существовавшей уже плотины. А между ними был небольшой город. Волчий Каньон. Местные жители бились против проекта зубами и когтями, но проиграли, все суды решали споры в пользу правительства, и плотину начали строить. Когда стройка закончилась, на торжественное открытие приехали губернатор, несколько сенаторов, даже вице-президент... – Он покачал головой. – Все было готово, все было на мази, только Волчий Каньон... город...

– Что случилось? – подтолкнул замолчавшего старика Майлс.

– Он не был эвакуирован, как предполагалось, – подавшись вперед, сообщил Тибберт. – Когда пошла вода, в нем оставались люди.

– Не понимаю, – замотал головой Майлс.

– Мы их убили, – жестко сказал старик. – Мы затопили город и всех погубили.

* * *

Картинка уже начала складываться, хотя он еще не мог сказать, что понимает, в чем дело.

Очевидно, кто-то дал маху и забыл проверить, не осталось ли кого в городе, прежде чем дать команду спускать воду из верхнего водохранилища. Вода затопила новый резервуар, погубив всех, кто не был эвакуирован. Сила ринувшейся вниз воды разметала их по каньону – срывая одежду, ломая кости, – и об этом узнали лишь на следующий день, когда церемония завершилась, все почетные гости разъехались, а водолазы спустились проверить состояние новой плотины и обнаружили на решетках, перекрывающих водосливы, останки тел, смешанных с грязью и мусором. В целом погибло свыше шестидесяти мужчин и женщин.

И теперь некто или нечто мстит за это преступление, вылавливая людей, которые осуществляли проект. Руководителей, как объяснил Тибберт, изучив список. Ответственных.

Старик допил свой кофе и откинулся на спинку кресла. Выражение его лица оставалось непроницаемым, и если за все время он и посмотрел в глаза Майлсу, то лишь на мгновение. Все остальное время он изучал памятный кубок, выставленный на холодильнике.

Да, в этом есть смысл, размышлял Майлс, но это фантастика, и предложенная версия вызвала больше вопросов, нежели ответов. Если это своего рода проклятие – то почему его исполнение началось только сейчас и кто за ним стоит? Может ли это как-то быть связано с верованиями древних индейцев, или это дело рук кого-то из родственников тех, кто погиб под водой?

Майлс встал, формально поблагодарил старика за кофе и ответы на вопросы, сообщил, что, как только получит дополнительную информацию, непременно с ним свяжется, и поспешил покинуть дом. На тротуаре две девочки-азиатки играли в классы, и Тибберт, не сходя с крыльца, крикнул, чтобы они убегали отсюда и играли у себя во дворе. Голос старика вернул Майлса к действительности.

– Будьте осторожны! – крикнул он, обернувшись. – Вы знаете, что происходит. Вы можете оказаться следующим.

– Обо мне не волнуйтесь, – ответил Тибберт, но за бравадой явственно слышался страх. Майлс остановился.

– Хотите, я пришлю вам охрану? А может, вы куда-нибудь уедете, от греха подальше?

Тибберт покачал головой.

– У вас есть к кому уехать?

– Все будет в порядке.

Майлс кивнул. Он не был уверен, что это правильно, сомневался, что и сам Тибберт так считает, но знал, когда не следует давить, и почувствовал, что самое лучшее в данный момент – дать старику собраться с мыслями. Через несколько часов надо будет ему позвонить, проверить. За это время тот как следует осмыслит ситуацию и, возможно, решит, что делать дальше.

Майлс сел в машину, завел двигатель, бросил последний взгляд на Тибберта и выехал на дорогу.

Магия. Проклятия. Таинственные смерти. Дикость, но он поверил во все это

безоговорочно. И первым толчком к этому, как он понял, было появление пожилой леди в торговых рядах.

Боб, она пришла и за строителями плотины.

Сумасшедшая женщина ошиблась, приняв его за отца, назвав его отцовским именем. Означало ли это, что Боб тоже имеет к этому какое-то отношение? Майлс отказывался в это верить. Он мог согласиться, что некая сверхъестественная сила может быть использована для мести за трагедию, произошедшую много лет назад в Волчьем Каньоне, но связывать это с отцовским... воскрешением не имело никакого смысла.

Или имело?

В глубокой задумчивости он покинул Монтеррей-парк и выехал на шоссе Помона.

2

Лиэм Коннор сдвинул в сторону стеклянную дверь и оказался в патио. Даже после отъезда Марины он стеснялся курить в доме, поэтому выходил на задний дворик. Глубоко вдыхая вечерний воздух, он смотрел на звезды.

Было что-то странное в этом вечере. Что-то его нервировало. Это уже была пятая сигарета за вечер, хотя он поклялся ограничивать себя тремя в сутки.

Задний двор был просторным, но ночная темень раздвигала его границы еще больше. Свет из дома падал на крыльцо и частично на газон, но остальные цветочные клумбы, кусты и деревянная изгородь, означавшая пределы его владений, полностью терялись во мраке, который стирал все границы.

Вечер был тихим, и океан казался неправдоподобно близок. Шум на шоссе был таким четким, что можно было различить звук мотора каждой проезжавшей машины. Так же отчетливо слышались мужские и женские голоса проходящих по тротуарам мимо бара и магазинов людей. Плеска отдельных волн он, конечно, не слышал, но слышал крики чаек, и воздух был полон соленым запахом моря.

Вдруг он подумал, что стоит на самом краю континента. Далее начинается вода, она простирается на половину земного шара, а на другом берегу этого водного пространства уже наступило завтра.

Вода.

Он вспомнил про Волчий Каньон.

За освещенным участком патио в кустах послышался какой-то звук, треск веток, от которого он вздрогнул, чуть не выронил сигарету, но в последний момент поймал ее и немедленно поднес ко рту, чтобы сделать глубокую успокаивающую затяжку.

Из темноты выкатилось яблоко.

Тут уже по всему телу пробежали мурашки, а волосы на руках встали дыбом. Он пристально вгляделся в то место, откуда предположительно могло выкатиться яблоко, и спустя пару секунд оттуда же быстро выкатилось второе. Пущено оно было с такой силой, что прокатилось по газону и остановилось, лишь ударившись о бетонное крыльцо. Тут же послышался смех – негромкое хихиканье, едва различимое на фоне внезапно подувшего ветра.

Лиэм бросил сигарету, растер ее подошвой и взялся за ручку двери. Однако дверь не поддавалась, словно застряла. Он дергал ее из стороны в сторону изо всех сил, но дверь оставалась на месте, словно ее заперли изнутри.

Вот оно, подумал Лиэм. В эту ночь ему суждено умереть.

Он хотел закричать, но горло перехватило. Он бросился бежать вокруг дома. Если удастся, можно будет попробовать укрыться у кого-нибудь из соседей. Или прыгнуть в машину и уехать.

Но он даже не успел покинуть патио, как вылетевшее из темноты очередное яблоко попало ему в голову. От удара он споткнулся, резкая боль в глазу тут же вызвала слезы. Он посмотрел на яблоко. Оно разбилось на мелкие части, которые быстро поползли с бетонной площадки в траву и начали зарываться в землю.

Сердце бешено колотилось. Необходимо было куда-нибудь деться отсюда, пока не появилась она, пока не вышла из мрака и не напала на него.

Она? Откуда он знает, что это она?

Потому что это *она*, точно как во сне, и в ушах зазвучал женский голос, достававший его по телефону.

Я вытащу тебе член через задницу.

Он снова подумал, что должен ее знать, что он должен понимать, почему все это происходит и почему она пришла за ним.

Опять раздался смех, на этот раз злобный, неестественный, но голос был безусловно женским. Прижав ладонь к горящему левому глазу, он ринулся по траве мимо окна своей спальни за угол дома.

Она выплыла навстречу ему из мрака.

Она возникла из той точки, куда он стремился, а не из кустов, стреляющих яблоками, и Лиэм остановился как вкопанный. Уже оба глаза слезились, но это не помешало ему разглядеть, сколь страшна была появившаяся перед ним женщина. Она была полностью обнаженной, все женские прелести на виду, но при этом ничего даже отдаленно сексуального или возбуждающего в ней не было. Кожа выглядела мертвенно-бледной. Его поразили дико торчащие, словно вывернутые, кости верхних и нижних конечностей. Да и голова на плечах располагалась как-то неестественно. Несмотря на застилавшие глаза слезы, он смог различить жуткое выражение лица, неопишутые гнев и ярость, которые совершенно непонятным образом сочетались с грустной, даже печальной улыбкой. Его мгновенно охватило омерзение, и он инстинктивно попятился.

Но она приближалась.

В руке она держала яблоко, но не предлагала его. Коварно хмыкая, она подплыла еще ближе и, не говоря ни слова, изо всей силы втиснула фрукт ему в рот.

Голова Лиэма дернулась от толчка. Он почувствовал и одновременно услышал, как рушатся передние зубы. Упав на колени, он взвыл от боли, пытаясь схватить ее за руку, отплеываясь кровью, осколками зубов и яблочными крошками.

Он до сих пор не мог понять, кто она и зачем это делает, но был уверен в одном – это из-за того, что произошло в Волчьем Каньоне. Несмотря на распухший язык и разбитые губы, он попытался прошамкать:

– Это был нешшашный шлучай... мы не жнали... никто не жнал!..

Выкрикивая эти слова, он понимал, что их недостаточно, что это не вся правда. Они действительно не знали, пуская воду, что в городе остались люди, но узнали об этом позже и не сделали ничего. Никто из них не выступил, не взял на себя ответственность, а правительство, в свою очередь, тоже никого не обвинило в происшедшем. Вся история оказалась замята и забыта, хотя он уже тогда соображал, что это неправильно. Именно поэтому, понял Лиэм, настал час расплаты.

Но кто она такая?

Ему не суждено было это узнать. Ему суждено было умереть в неведении.

Ее прикосновение к лицу оказалось холодным как лед; холод проник в окровавленную рот и застыл в горле.

Он даже не успел вскрикнуть, как невидимая сила подхватила его и утащила в ночную тьму.

Тогда

1

Джеб сосредоточенно смотрел в зеркало.

Ничего.

Он опустился обратно на кровать. Голова болела. Что-то происходило с его силой. Она будто вытекала, или кто-то высасывал ее из него. Он обратил на это внимание несколько месяцев назад, но лишь в последнюю неделю результаты стали настолько очевидны, что пора

было беспокоиться.

Теперь он даже не мог создать обыкновенное альтернативное отражение в зеркале.

Рядом перевернулась с боку на бок Харриет. Открыв один глаз, она расслабленно улыбнулась и стянула простыню, демонстрируя обнаженное тело. Он опустил взгляд на ее большие колыхающиеся груди, потом – на треугольник густых черных волос между полных ног.

– Иди сюда, – проговорила она. – Ты же заплатил за всю ночь, можешь этим воспользоваться.

Джеб заставил себе улыбнуться в ответ и устроился рядом, положив голову на подушку, предоставив ей возможность накрыться, если пожелает. Он так до сих пор не нашел себе ни жены, ни постоянной женщины, но с тех пор, как в городе открыли свое заведение проститутки, он редко оказывался без компаньонки, когда возникало желание.

А желание возникало довольно часто.

Они с Уильямом были поражены, увидев разнообразие занятий и интересов, к которым оказались склонны представители их рода. В начале это были простые поселенцы – трудолюбивые мужчины и женщины, готовые делать все что угодно, чтобы образовалось новое сообщество и можно было начать новую жизнь. В те времена их концепция будущего города была достаточно идеалистической: они представляли себе альтруистичных, старательных, увлеченных колдунов, таких же, как они сами, каждый из которых был готов выполнять любые работы и обязанности, чтобы Волчий Каньон превратился в настоящее содружество. Но мир полон разнообразия, и вскоре стали появляться менее преданные и не просто миролюбивые гонимые личности, заинтересованные в создании альтернативного общества.

Теперь здесь жили и пьяницы, и шлюхи, и любители помахать оружием, и жулики. В мире колдунов оказалось не больше равноправия, чем в мире обычных людей, и хотя их всех принимали с радушием, всем было гарантировано поселение просто по праву принадлежности к роду, теперь даже Уильяму стало ясно, что некоторые из них не столь желанны, как другие.

Джеб повернулся на бок, чувствуя, как волшебные пальцы Харриет взяли его мужское достоинство и вновь возродили его к жизни. Он так и не понял, то ли ее сила дает ему возможность так быстро воспрянуть, то ли она просто вытягивает силы из него, но так или иначе ее руки возбуждали его быстрее, чем руки любой другой женщины в городе, точнее – любой другой женщины, за исключением...

За исключением Бекки.

Только Бекки не надо было прикасаться к нему, чтобы он испытал возбуждение. Видеть ее, быть с ней рядом, просто разговаривать с ней – все это безумно возбуждало его и в чисто животном, и в глубоко духовном плане.

– Давай, – сказала Харриет. – Иди ко мне.

Он устроился сверху, она направила его, и он начал двигаться, совершая вращательные движения бедрами, прижимаясь к ней животом, постепенно ускоряя ритм. Вскоре магия захватила обоих, перетекая от нее к нему, от него – к ней. Он почувствовал, что ее возбуждение достигает пика, и начал двигаться сильнее, резче, стараясь приблизить кульминацию своего собственного наслаждения.

Она ритмично выгибалась ему навстречу, плотно прижимаясь всем телом, и это простое жадное желание привело к взрыву. Он кончил в нее, совершив еще несколько быстрых движений, пока не почувствовал полное опустошение, но она задержала его в себе, растягивая собственное удовольствие... Потом, глубоко выдохнув, отпустила его и с улыбкой заметила:

– Может, это мне надо было бы тебе заплатить...

Он заснул счастливый, удовлетворенный, и только во сне к нему вернулись дневные тревоги. Ему приснилось, что он замерзает в снегу перед горой веток, но даже не в состоянии создать огонь.

Утром он поехал на шахту, где остановилась работа, потому что шахтеры требовали повышения зарплаты. Вспомнились первые дни, когда не было ни зарплат, ни денег. Каждый вносил посильный вклад в общее дело и каждый получал поровну от щедрот общества. С тех пор они прошли долгий путь, и Джеб сомневался, что это был путь прогресса. Стало возникать слишком много распрей. Дух альтруизма, который когда-то объединял их, уступил место эгоистическому индивидуализму, который угрожал подорвать общие цели жителей города.

Джеб спрыгнул с лошади и привязал ее к стволу хлопкового дерева. Несколько человек жарко спорили у входа в шахту. Один крепкий бородатый мужчина размахивал кулаком перед носом другого, который снял шляпу и утирал вспотевший лоб. Уильям послал Джеба уладить споры, потому что у него были хорошие отношения с большинством шахтеров. И действительно, при его приближении дискуссия притихла. С этого расстояния он уже узнал в бородаче Лайла Сидонса, а в стоящем перед ним мужчине со шляпой – Уэйда Смита.

– Привет, – заговорил Джеб. – Главное – успокоиться. Нет ничего, о чем мы не смогли бы договориться, если будем опираться на здравый смысл.

На самом деле найти приемлемое решение оказалось даже легче, чем он думал. Главным яблоком раздоров явилось то, что операторы буровых машин решили, что им следует платить больше, поскольку их работа была единственной, в которой практически нельзя было применить магию. Проходка туннелей могла быть осуществлена только с помощью традиционного горного оборудования, и они решили требовать компенсацию за тяжелый ручной труд. Джеб согласился, и несмотря на протесты некоторых других, заявлявших, что в их операциях использование магии является не менее изматывающим занятием, подтвердил, что все будут получать стандартную плату, а за дополнительные нагрузки полагается дополнительная. Фраза о «дополнительных нагрузках» со временем получит превратное толкование, и он не мог предположить, что ее отнесут к дополнительному использованию магии так же, как к дополнительному физическому труду, но в данный момент он счел требования удовлетворенными и заявил, что всем пора возвращаться к работе.

Публика еще немного поворчала, но машинисты были в восторге, и на их фоне жалобы остальных звучали скорее по инерции. Честно говоря, каждый считал, что несет «дополнительные нагрузки», каждый мог надеяться на увеличение зарплаты в будущем, поэтому Джеб оставил шахтеров гораздо более довольными, чем встретил.

Вернувшись в город, он решил заглянуть к Уильяму. Он проголодался, хотелось промочить горло, но он знал, что Уильям жаждет узнать результаты переговоров как можно раньше, чтобы потом вести переговоры с теми, кто занимался продажей руды правительству.

Подъехав к дому Уильяма, он увидел Изабеллу, ковыряющуюся в огороде. Она подняла голову, щурясь на солнце, и улыбнулась.

Джеб в знак приветствия прикоснулся пальцами к краю шляпы.

Джеб никогда не признавался Уильяму, но в тот день, когда Изабелла разобралась с тремя чужаками перед дверями салуна, он почувствовал легкий прилив гордости и легкий сладкий привкус отмщения. Возможно, те были неплохими людьми, в обычном смысле этого слова, но они были невежественны и нетерпимы, они были воинственными фанатиками, они были из тех, кто многие годы подвергал гонениям их род, и было приятно видеть, когда они наконец испытали это на своей шкуре.

Уильям, разумеется, был шокирован и возмущен, разрывался в своих реакциях, хотя и был беззаветно предан своей жене. Но в этом был весь Уильям. Джеб был более амбивалентен, менее строг в правилах морали и, хотя, как обычно, сочувственно выслушивал Уильяма, втайне поддерживал действия Изабеллы.

Жена Уильяма явно превосходила мужа. Джебу она поначалу не понравилась, в этом он мог признаться, но, в отличие от большинства горожан, он смог оценить ее необычное очарование. Он полагал, что это из-за того, что они с Уильямом действительно были очень близки. Он был единственным, кому удалось узнать ее близко, и теперь он понимал, что нашел в Изабелле его друг. Она была не только красива, но и умна, а также не боялась высказывать прямо свои мысли и действовать, подчиняясь внезапным импульсам. Этим он восхищался.

Большинство других видели ее иначе. Для них она была узурпатором, искусительницей, которая соблазнила их друга ради осуществления своих нечестивых замыслов. То, как она разобралась с тремя странниками и при этом осталась ненаказанной, даже без замечаний – при том, что главной стратегией Уильяма всегда было по возможности меньше привлекать внешнее внимание, служило этому дополнительным подтверждением.

Джеб мог понять их озабоченность. Но на самом деле больше она не совершила ничего такого, что могло вызвать недоверие или подозрительность у горожан. Она им просто не нравилась, они не принимали ее именно из-за того, что она в столь короткий срок установила

столь тесные отношения с Уильямом, и Джеб не мог не думать, что они просто ведут себя так, как самые обыкновенные люди – с предубеждением и полнейшей незаинтересованностью в истине.

Может, это неизбежно. Может, так всегда бывает, когда люди начинают жить вместе. Черт, может, вообще для всех было бы лучше, если бы они продолжали перемещаться с места на место всю жизнь и вести кочевой образ жизни, как раньше.

Джеб спрыгнул с лошади и привязал ее крыльцу.

– Уильям! – громко позвал он.

Стук в окно кабинета привлек его внимание. Уильям знаками позвал его заходить. Джеб кивнул, вошел в дом и потащился через гостиную в комнату друга.

Уильям стоял у своего стола. Он его ждал, и Джеб подробно пересказал ему свой визит на шахту, подчеркнув, что машинисты буровых машин хотят получать компенсацию за работу, которая предполагает применение ручного труда, а не обращение к магии.

Обращение к магии.

Впервые со вчерашней ночи он вспомнил, что его собственные способности обращаться к магии заметно иссякли. Он даже сделал паузу в повествовании, и Уильям выжидающе бросил на него вопросительный взгляд. Мелькнуло даже желание рассказать об этом странном и неуклонном уменьшении силы. Он посмотрел в лицо Уильяму, подумал, что друг бы его понял, а может, даже и подсказал какой-нибудь способ выхода из этой ситуации. Он уже чуть не открыл рот, но в этот момент услышал, как хлопнула входная дверь, услышал стук каблуков по полу, потом гортанный голос Изабеллы поинтересовался, не хотят ли они что-нибудь выпить, и передумал. Возможно, это какая-то временная ситуация и незачем бросаться в панику. Возможно, его магия сама вернется. Возможно, это естественное явление. Возможно, силы прибывают и убывают, как прилив и отлив. Не исключено, что они просто убывают с возрастом.

Порыв исчез так же быстро, как возник, Джеб молча сел на диван, Уильям попросил жену принести бутылку и пару стаканов. Когда она покинула комнату, он продолжил рассказ о поездке на шахту.

2

Десять лет.

Волчий Каньон готовился отметить свою десятую годовщину, Уильям задумал в честь такого события устроить нечто особенное. Праздник. Ему хотелось привлечь к участию весь город – от первых поселенцев до самых последних прибывших, но одновременно хотелось устроить сюрприз. Это было то, что он хотел сделать *для города*; ему казалось, что было бы неплохо поразить их чем-нибудь неожиданным.

Тем не менее самому ему было не под силу исполнить задуманное, и в силу необходимости пришлось привлечь Джеба и Изабеллу – двух самых близких ему людей. Он мог быть уверен, что они не проговорятся. Изабелла моментально со всей энергией подключилась к разработке планов, полностью проникшись духом предстоящего события, в то время как Джеб, казалось, занят чем-то иным. Он вел себя отстраненно и был не похож сам на себя. Уильям несколько раз спрашивал, что с ним, даже пытался прочесть его мысли, но друг упорно оставался замкнут. Больше всего его беспокоило то, что за недавно появившейся скрытностью Джеба явно таилась какая-то тревога.

Уильям уже не первый раз посмотрел вдоль улицы, потом достал карманные часы. Они должны были встретиться с Джебом у пробирной палаты, но тот уже опаздывал на четверть часа. Уильям начал беспокоиться. Джеб редко опаздывал, а когда такое случалось, причины всегда оказывались серьезными.

Он прошел по узкой дорожке между пробирной палатой и пожарным депо на Заднюю улицу – убедиться, не ошибся ли Джеб и не ждет ли его с обратной стороны здания, но и на этой улице никого не было, за исключением Гровера Фарлэнда, подметающего деревянный тротуар перед своим магазинчиком.

Уильям подошел к галантерейщику.

– Привет, Гровер. Сегодня утром не видел Джеба?

– Пожалуй, нет, – откликнулся мужчина, прекратив подметание. Потом почесал бороду и уточнил: – Ты его ищешь?

– Мы должны были с ним встретиться...

Утреннюю тишину разорвал пронзительный крик Изабеллы. Былое любопытство мгновенно сменилось ощущением фатального ужаса, и Уильям изо всех сил рванулся на голос. Крик, точнее, вопль повторился, и он уже бежал, не чуя ног и не разбирая дороги, по Центральной улице к своему дому. Он подбежал сбоку. Крик слышался со двора.

Джеб лежал на заднем крыльце.

Точнее, то, что когда-то было Джебом, лежало на заднем крыльце.

Ибо иссохшее белое тело, распростертое на старых досках, имело лишь отдаленное сходство с человеческой фигурой. Тело было обнажено, но все половые признаки были попросту уничтожены какой-то силой, которая высосала его изнутри. Сморщенная молочного цвета кожа обтягивала скелет. Черты лица и фигуры тоже каким-то образом оказались размыты, стерты почти до неузнаваемости. Он напоминал того монстра, на которого они когда-то наткнулись в каньоне. В первые мгновения ярость и боль бушевали в сердце, но затем на их место пришел животный страх, вытеснил их и завладел всем существом Уильяма.

Изабелла снова издала истошный крик.

– Что случилось? – запыхавшись, крикнул Гровер, показываясь из-за угла дома. За ним уже собралась значительная толпа любопытствующих и сочувствующих горожан, среагировавших на истерические крики Изабеллы.

Уильям молча покачал головой и посмотрел на Изабеллу. Та оторвала взгляд от недвижимого тела Джеба. Их глаза встретились. Она побежала к нему через грядки, не глядя под ноги, топчa цветы и растения, потом бросилась ему на шею и обвила руками за плечи. Руки ее дрожали.

– Что это? – приглушенно спросил кто-то из толпы.

– Это Джеб, – ответил Уильям. Высвободившись из объятий Изабеллы, он подошел к крыльцу, наклонился над телом, потрогал его, открыл себя ему, попытался его прочесть.

Ничего. Народ все прибывал. Все замирали у дома, стоило им увидеть опустошенное тело Джеба. Словно невидимый щит удерживал их от проникновения во двор, и Уильям не мог не заметить, что все с тревогой и подозрением посматривают в сторону Изабеллы.

– Что случилось? – обернулся он к ней. – Ты видела, что произошло?

Она покачала головой, потом медленно, словно подбирая слова, заговорила:

– Я вышла в огород нарвать морковки с редиской... и обнаружила его. Вышла через заднюю дверь – и он тут лежал. Я даже сначала не поняла, кто это или что это. Потом увидела, что это Джеб... И закричала. И ты прибежал.

– И ты... ничего не слышала? – спросил Уильям, глядя на бесцветное иссохшее тело. – Ничего не видела? Ничего не почувствовала?

– А ты?

Он покачал головой. Они не выходили на заднее крыльцо со вчерашнего дня. Джеб мог быть убит и брошен здесь и несколько часов, и несколько минут назад. Этого узнать не дано.

Но кто мог убить его? И кто мог сделать с ним... такое?

Кто?

Или *что*?

Он облизнул губы. *Что*. Ибо ни один человек, даже колдун, не мог сотворить такое с человеком, обладающим такой силой, как Джеб.

Изабелла, похоже, прочитала его мысли.

– Мне приходилось об этом слышать, – проговорила она. – Мне мать рассказывала.

– О чем?

– В Европе, – продолжала она, – их называют вампирами.

Вампиры.

Он оглядел молчаливую толпу.

Это слово никому из них не было знакомо, но что-то в этом было похоже на правду, каким-то образом объясняло реальность, которой они могли не знать, но которая тем не менее

существовала.

– Это монстры. Создания, которые высасывают сущность людей и этим поддерживают собственное существование.

– Кровопийцы, – сказала Сюзен Клемент.

– Да.

Уильяму доводилось слышать рассказы об этих существах; он вспомнил, как мать рассказывала о монстрах, которые питаются человеческой плотью, о существах, способных менять облик, которые пьют кровь и живут вечно.

– Как они выглядят? – спросил он.

– Тот, кто их видит, – покачала головой Изабелла, – не успевает никому ничего рассказать.

Уильям обошел двор в поисках каких-нибудь знаков, осмотрел землю, ища отпечатки ног, попытался почувствовать психический след, но и крыльцо, и двор оказались чисты. Что бы это ни было, оно оказалось способно скрыть следы своего существования даже от опытных глаз.

– Они могут летать? – подозрительно спросил Гровер.

– Говорят, что могут, – кивнула Изабелла.

Уильям подумал, что здесь, на Западе, могут быть вампиры. Вполне вероятно. Этим можно объяснить того опустошенного монстра, которого они с Джебом нашли в каньоне. Этим можно объяснить то, что случилось с Джебом сегодня. Единственное, чему он не мог найти объяснения, – каким образом никто из них не почувствовал их присутствия. Значит, они могут проникать в город и исчезать как ветер.

Или они все еще здесь.

Прячутся.

Выжидают.

Он вспомнил про Плохие Земли. Зло там было очень сильным. Не исключено, что именно там и обитают вампиры. Спустя столько времени он уже сомневался, что сможет найти это место, но одновременно хотелось немедленно организовать экспедицию, собрать всю магию, которая есть в их распоряжении, и атаковать эти земли, подвергнуть свои силы самому сложному испытанию, направив их не просто на изменение или переделку, но на полное уничтожение.

Впрочем, это нереально. И против всех его принципов. Если в Волчьем Каньоне появились вампиры, они должны их найти, выследить и уничтожить. Но нельзя нападать на некоего невидимого противника или начинать войну против врага, который еще неизвестно, существует или нет, руководствуясь исключительно жаждой мести за погибшего друга. Они должны защищать себя, но не должны проявлять агрессию.

Уильям еще раз обошел двор и опять оказался у крыльца, глядя на высохшее белое тело, которое было его другом. Мысли путались, и он признался себе, что не знает, что делать.

Изабелла начала вытеснять со двора публику, и он был благодарен ей за это. Он был лидером города, но Джеб был его правой рукой, вторым лидером, и мысль о том, что это придется продолжать одному, действовала угнетающе. Кроме того, в данный момент он не очень ощущал себя лидером, не хотел поступиться своими личными чувствами ради спокойствия остальных. Он хотел быть свободным для горя, хотел хотя бы в этот момент поставить свои личные нужды выше общественных.

Гровер, уходивший последним, спросил, не нужна ли какая помощь, но Уильям просто покачал головой, поблагодарил и сказал, что попозже днем позовет всех на городское собрание.

Галантерейщик ушел. Уильям склонился над недавно покрашенным крыльцом, поднял безжизненное и почти неузнаваемое тело друга и перенес его в дом. Тело было невероятно легким даже для этих иссохших останков, словно даже кости утратили свою тяжесть. Уильяму не составило труда одной рукой открыть дверь, удерживая тело другой.

Он положил тело на кушетку в своем кабинете и посмотрел на него с печалью, жалостью и глубокой душевной болью.

– Джеб, – произнес он негромко, дотронувшись до его руки, похожей на скелет. – Старина Джеб...

Когда вошла Изабелла, он уже плакал.

* * *

На похороны пришли все. К Джебу хорошо относились, если не любили, все горожане без исключения. Люди пришли просто по зову сердца, из дружеских чувств.

Вся церемония прошла для Уильяма как в тумане. У них не было каких-то особенных похоронных ритуалов, перенимать христианские традиции они, разумеется, не собирались, поэтому пришлось изобретать свои собственные. Получилась достойная церемония, во время которой они пытались войти в контакт с духом Джеба, прежде чем молча предать его тело земле.

До сего дня у них не было кладбища, для этих целей даже не было отведено специальное место, поэтому Уильяму пришлось самому определять, где положить начало последнему месту упокоения бранных останков горожан.

Джебу суждено было стать здесь первым. Каждый, кто чувствовал потребность, по очереди обращался к нему, высказывал свои чувства, говорил о том, как много он для них значил. Потом все вошли в молчаливый контакт, выразив одновременно заранее предопределенное пожелание поддержки, которую они оказывают его бестелесному духу.

Самое странное было в том, что никому не удалось войти в контакт с ним. Ни в этот день, ни на следующий, ни позже. Они могли входить в контакт с духами индейцев, которые жили здесь раньше, но Джеба словно никогда не существовало. Дух его был недостижим.

— Может, вампир поглотил и его душу?

Этот вопрос не давал покоя Уильяму. Ужас, который он испытал, как только увидел иссохшее тело друга, так и не прошел окончательно, и полное отсутствие признаков посмертного существования Джеба убеждало его в том, что эти страхи небеспочвенны.

Они прочистили город, каньон и даже вершины скал. Поиски велись больше месяца, люди ходили группами и по отдельности, но никто не обнаружил никаких признаков аномалий. Нападений больше не происходило, не было даже подозрительных смертей животных, и все выглядело так, что гибель Джеба не была случайной, что за ним охотились специально, выследили его, убили и исчезли навсегда. По городу поползли слухи, и хотя в лицо Уильяму их никто не высказывал, он был в курсе того, о чем говорят люди, и это его тревожило.

Неожиданно обременительными стали сексуальные отношения с Изабеллой. Они всегда вели очень активную половую жизнь. Изабелла была исключительно чувственной женщиной, и все, что она делала, было невероятно энергично и смело, включало в себя действия, которые даже большинству колдунов могли показаться неестественными и извращенными, но после смерти Джеба ее энергия возросла десятикратно.

Однажды днем, после одного особенно убийственного акта, они лежали в постели, восстанавливая силы и давая отдых уставшим мышцам. Потом Изабелла встала, оглядела себя в зеркало и обернулась к нему.

— Они боятся меня, Уильям. Я это чувствую. Они думают, что это я убила Джеба, но ты же понимаешь, что я никогда не могла бы такого сделать. Я не могу вернуть того, что сделала с теми тремя мужчинами в первые дни моего появления здесь, но я не хочу страдать всю жизнь за то, что мог бы сделать каждый из них, оказался он на моем месте.

Она застала его врасплох; Уильям не был готов к такому разговору. Сознание пребывало в состоянии оцепенения, в размышлениях о том, чем они только что занимались, поэтому пришлось сесть и встряхнуть головой, чтобы прийти в себя.

— Что?

— Все только об этом и говорят. Весь город. Я слышу, как они шепчутся за моей спиной. Они думают, что я убила Джеба. Они обвиняют меня в его смерти.

Уильям встал и босиком подошел к ней.

— Это неправда, — солгал он, обнимая ее и прижимая к себе. Он надеялся, что это удастся утаить от нее.

— Правда, — повторила она. — И они боятся меня.

— Нет.

— Может, они и должны бояться, — упавшим голосом заметила она.

– Изабелла!

Она вздохнула и отстранилась. Выражение лица ее было непроницаемым и лишь подчеркивало ту дикую красоту, которая так очаровала его при первой встрече. Он вдруг понял, что не может сказать, что за все это время узнал ее лучше. Он любил ее, но не знал ее.

– Люди боятся, – заговорил Уильям. – Они не понимают, что могло погубить Джеба, это их пугает, что в общем-то вполне понятно. Они расстроены.

– Настолько расстроены, чтобы разрушить все, что ты для них сделал?

– О чем ты говоришь?

– Они больше не доверяют тебе из-за того, что ты женился на мне.

– Это чужь.

– Некоторые даже помышляют об отъезде.

Фраза ударила его; он сел на кровать, не желая верить услышанному, но инстинктивно признавая вероятность такого факта. Уильям опустил голову. Рушилась его мечта. Юбилей города прошел неотмеченным, все его планы на торжества смяла смерть Джеба. Теперь люди угрожали разломать все, что они создавали в течение этих десяти лет – исключительно на основании страхов, подозрений и необоснованных обвинений. В душе образовалась пустота. Он уже был готов признаться себе, что, возможно, сама идея города, где подобные ему смогут жить в мире и покое, без страха и гонений, была изначально обречена на оглушительный провал.

– Это неправильно, – заговорила Изабелла. – Мы не можем позволить, чтобы решения, основанные на лжи, уничтожили все, ради чего мы работали. Их страх от смерти Джеба превратит всю его жизнь в бессмыслицу, если мы не будем держаться вместе.

Она была права, и он снова почувствовал гордость, почувствовал решимость удержать Волчий Каньон от распада. Он был не прав, игнорируя слухи и разговоры. Лидер так поступать не должен. Он должен успокоить людей, должен дать четко понять, что, невзирая на все внешние угрозы, они будут держаться вместе и он останется их лидером.

– Да, – сказал Уильям.

– Нам нужно убедить их остаться. Это в их собственных интересах. Это в наших общих интересах. Мы должны держаться вместе, иначе нас всех повесят поодиночке.

– Ты права, – улыбнулся Уильям. – Мы убедим их остаться.

– А те, кто не захочет остаться, – придвинулась к нему Изабелла, – предатели. Если мы отпустим их, если дадим им возможность сбежать, они предадут нас. Мы должны удержать их здесь.

– Это свободная страна, – покачал головой Уильям, – и свободный город. Поэтому мы его и создали. Нам не нужны те, кто не хочет жить здесь.

– Они *уже* живут здесь. Настало время им нести некоторую ответственность за свои действия, поддерживать тех из нас, кто хочет жить здесь.

– Я соберу городской митинг, – сказал Уильям. – Я поговорю с каждым. Я постараюсь убедить их остаться.

– А если мы не сможем убедить их, значит – придется заставить.

Уильям поднял голову.

– Мы их заставим, – более жестко повторила Изабелла. Эта фраза его напугала, но он тем не менее согласно кивнул.

Сейчас

1

Майлсу снилось, что он плавает в бассейне, а вода вокруг постепенно темнеет. Он поднял голову из воды и увидел, что уже не в бассейне, а в озере. Конечности устали, до ближайшего берега оставалось несколько сотен ярдов, и он понял, что если не поплывет немедленно, то не доплывет никогда. Он поплыл изо всех сил, но когда снова поднял голову, обнаружил, что

берег исчез. Земли не было. Он плыл в океане, и вода стала черной. Небо над головой было серым, но безоблачным. Он почувствовал какое-то прикосновение к ноге, почувствовал что-то скользкое под животом. Потом чьи-то руки схватили его за ноги и потащили под воду, цвет которой сменился с черного на густо-красный цвет крови. Легкие уже были готовы разорваться от недостатка воздуха, он непроизвольно открыл рот, чтобы вздохнуть, но вокруг была лишь красная вода, которой он набрал полные легкие, и понял, что умирает.

Очнувшись, он почувствовал руку на животе, открыл глаза...

...и увидел лежащую рядом Клер.

Улыбнувшись, он потянулся и прикоснулся к ее щеке. Она пошевелилась во сне и перевернулась на бок.

Клер пробыла у него до ночи, и они пошли спать вместе. Они занимались любовью. Об этом он думал едва ли не с того момента, как позвонил ей, и до сих пор не мог поверить, что это произошло. Он испытал огромное волнение и в то же время легкость – с такой комбинацией ему до сих пор сталкиваться не приходилось. Их нынешнее поведение в постели обеспечивалось знанием из прошлого, что дало удивительную свободу, и весь процесс оказался просто восхитительно приятным.

Они до сих пор так и не обсудили своих отношений, не определили, настоящее ли это возвращение к совместной жизни или просто небольшой эпизод, ностальгическое временное путешествие в прошлое. Они говорили обо всем, причем с такой откровенностью, которая была совершенно немыслима в годы супружеской жизни. И тем не менее тему своих чувств друг к другу каким-то образом удавалось обходить. Словно оба боялись нарушить словами хрупкое волшебство.

Майлс поглядел на часы у прикроватного столика.

Семь пятнадцать!

Сбросив простыню, он выпрыгнул из постели и потряс Клер за плечо. Вчера он забыл поставить будильник, и теперь, если они хотят успеть на работу вовремя, обоим придется собираться как сумасшедшим.

– Вставай! – сказал он. – Уже четверть восьмого!

Информация о времени побудила ее к активным действиям гораздо эффективнее, чем прикосновение к плечу. Минут пять они носились по спальне, собирая разбросанную одежду, натягивая ее на себя и при этом едва не сталкиваясь лбами – словно в какой-то немой комедии положений. Клер собралась быстрее. Ей достаточно было расчесать волосы и забрать их в конский хвост на затылке, а Майлсу пришлось бежать в ванную, мочить голову и причёсываться. Пока он чистил зубы, она чмокнула его в щеку, попрощалась и пообещала вернуться после работы. Он еще не успел выплюнуть пену, как она уже выскочила на улицу, хлопнув дверью.

Пробки на дорогах были, как всегда, кошмарными, и у Майлса, застрявшего в бесконечной веренице машин, стремящихся попасть в центр города, было достаточно времени на размышления. Он рассказал Клер про свое посещение Хека Тибберта, рассказал историю Волчьего Каньона, даже про бездомную женщину в торговых рядах; сказал, что не исключает какой-то причастности ко всему этому и отца. Она предложила сходить еще раз в торговый центр или просто побродить по улицам – может, эта старуха встретится вновь. Большинство бездомных держатся на какой-то определенной территории, так что и эта женщина может до сих пор обретаться где-нибудь поблизости.

Он лично считал более продуктивным как следует еще раз прижать Лиэма, прихватив с собой на этот раз Тибберта. Лиэм явно знает гораздо больше, чем говорит. Очень вероятно, что ему известно, что стоит за всем этим, и если Майлс сможет свести двух стариков вместе и разговорить их, то из этого вздорного старикана удастся выдавить какую-нибудь дополнительную информацию.

Наконец он приехал к офису, припарковался и поднялся к себе на службу. Как только он вышел из лифта, Наоми замахала рукой, подзывая к себе.

– Где ты был? Твоя клиентка все утро тебя разыскивает!

– Все утро? Сейчас половина девятого!

– А она звонит каждые пять минут с половины восьмого, как только я вошла. Не

удивлюсь, если у тебя еще пятьдесят сообщений на голосовой почте. – Она протянула ему стопку розовых листков, на которых обычно записывают фамилии звонивших. – Держи.

Майлс бросил взгляд на верхний.

Марина Льюис.

В желудке возникло уже знакомое ощущение. Такое же было, когда позвонил помощник коронера сообщить, что отец ушел. Майлс быстро прошел в свою секцию, проигнорировал мигающий глазок телефона, информирующего о наличии сообщений, и немедленно набрал телефон Марины в Аризоне.

– Алло! – послышалось в трубке на первом же гудке.

– Это Майлс Хьюрдин. Мне передали ваши сообщения. Что случилось?

– Отец. Кажется, с ним что-то случилось.

Он почувствовал, как Марина явно придерживает дыхание, стараясь говорить ровно и не дать волю эмоциям. Голос, вначале звучавший твердо, сорвался на рыдание, и, вполне возможно, сейчас начнется истерика. Она явно все утро, а может, и всю ночь находится в стрессовой ситуации. Майлсу очень не хотелось оказаться тем, кто сорвет эту эмоциональную планку, поэтому как можно спокойнее предложил:

– Рассказывайте.

– Я не могу с ним связаться! – В голосе уже звенели панические нотки. – Он со вчерашнего вечера не подходит к телефону. Я знаю, что он никуда не выходит, а если и вышел, то к утру-то должен был вернуться! Что-то случилось. Вы не могли бы съездить к нему и проверить?

– Разумеется, – ответил Майлс. – Прямо сейчас и поеду. Мне на дорогу потребуется полчаса, максимум минут сорок пять, в зависимости от состояния на шоссе. Не волнуйтесь. Уверен, с ним всё в порядке. Позвоню вам оттуда.

– Спасибо.

Майлс положил трубку. Внутренний голос подсказывал, что с Лиэмом Коннором отнюдь не все в порядке. Лиэм Коннор скорее всего мертв.

Дорога до Санта-Моники показалась бесконечной. Движение оказалось не столь интенсивным, как можно было ожидать, но тем не менее грозило застопориться в любую секунду, и при каждом светофоре или малейшей задержке он яростно колотил ладонью по баранке. Если что-то случилось, все равно уже слишком поздно, но оставалось какое-то иррациональное чувство, что если приедет вовремя, как обещал, то это может спасти старику жизнь.

Он подъехал к дому Коннора ровно в девять часов, согласно информации новостного радио, работавшего в автомобиле, и поспешил к входной двери.

Майлс нажал кнопку звонка. Подождал.

Позвонил еще раз.

Подождал.

Потом постучал кулаком.

– Лиэм!

Ответа не было.

Это дурной признак. Что бы ни произошло, это дурной признак.

Майлс подергал дверь, но, как и предполагал, она оказалась заперта. У него были инструменты для преодоления такого рода непредвиденных препятствий, но сейчас он их с собой не захватил. Он решил обойти дом, проверить заднюю дверь, а потом попробовать проникнуть через окно. Быстрым шагом он миновал кусты гортензии, заросший кусок газона с пожухлой травой и поднырнул под колючие ветки низкорослого лимонного дерева.

– Лиэм! – снова позвал он старика.

Старик оказался на заднем дворе.

На заборе.

Если у Майлса и были какие-то сомнения относительно сверхъестественных аспектов этого дела, относительно силы проклятий, колдовства, вуду или чего-то подобного, в этот момент они рассеялись окончательно.

Ибо Лиэм Коннор не просто висел на заборе; он представлял с ним *единое целое*. Его

обнажённое тело, распростертое, как на кресте, практически сливалось с досками; сквозь кожу проступала текстура дерева, под волосатой поверхностью конечностей можно было разглядеть даже сучки. В тех местах забора, где отсутствовали штакетины, тело Лиэма заполняло пустое пространство, приобретая форму досок, но при этом сохранило окраску человеческой кожи. Соединение было настолько тонким, что просто невозможно было определить, где кончается Лиэм и начинается забор.

Лишь голова избежала этого синтеза. Голова свисала вперед, на грудь, и не соприкасалась с досками забора даже в районе шеи. На навсегда застывшем лице запечатлелось выражение ужаса и неопишуемой боли; широко распахнутые остекленевшие глаза невидяще уставились в землю.

От потрясения Майлс просто не мог сдвинуться с места. В памяти всплыло видение разорванного тела Монтгомери Джоунса, хотя тот случай, при всей его жестокости, и не мог сравниться с этим безумием. Представив, с какой могучей силой, способной не просто убить человека, но и *преобразовать* его плоть в нечто абсолютно нечеловеческое, ему пришлось столкнуться, Майлс внезапно ощутил чувство полнейшей безнадежности.

Возникло дикое желание подойти к забору и потрогать слившееся с досками тело, но страх, пронизавший его до мозга костей, не позволил сделать и шагу вперед, хотя Майлс и был практически уверен, что в данный момент ему лично ничто не угрожает. Не в состоянии больше находиться на заднем дворе, он развернулся и побежал обратно.

Его сотовый телефон остался в машине. Распахнув дверцу, он схватил аппарат, лежавший на пассажирском сиденье. Майлс сознавал, что прежде всего следует позвонить Марине, но просто не знал, что сказать, не представлял, каким образом донести до нее такую новость. Вместо этого он дрожащим пальцем набрал 911 и вызвал полицию. Сообщая самую существенную информацию, он обнаружил, что голос звучит гораздо тверже, чем можно было бы ожидать, и пообещал женщине, принимавшей сообщение, что останется на месте происшествия до приезда представителей власти.

Разговор с диспетчером помог ему собраться с мыслями, дал шанс пройти, так сказать, предварительный забег, поэтому Майлс сразу после звонка в полицию, пока мужество его еще не покинуло, набрал номер Марины Льюис и сообщил, что ее отец умер.

2

Дженет Энгстрем боялась за своего дядю.

Она пыталась объяснить себе, что это страх смерти, что это потому, что его состояние ухудшается, потому что он, очевидно, скоро умрет и поэтому ей просто страшно находиться с ним рядом. В конце концов гибель родителей в автокатастрофе нанесла тяжелую психологическую травму, и с тех пор не проходило и дня, чтобы она не вспоминала, как они выглядели, когда ей пришлось приехать для опознавания трупов.

Но боялась она за своего дядю не по этой причине. Нет, причина была в том, что он начал изменяться, начал превращаться в незнакомого ей человека.

Странно, но с дядей у нее всегда были самые близкие отношения из всей семьи, не исключая родителей. Он был единственным, которому она призналась в том, что была изнасилована в раннем подростковом возрасте. Это случилось, когда родители устраивали вечер Хэллоуина. Она рассказала, как слышала в своей спальне громкие голоса веселящихся гостей, как в какой-то момент проскользнула в ванную комнату и только устроилась на унитазе, как в помещении появился человек, одетый клоуном. Она попыталась натянуть пижамные штанишки, попыталась крикнуть, но клоун в одно мгновение оказался рядом, одной рукой накрыл ей рот, другой — не дал одеться, а потом уронил ее на пол, раздвинул ей ноги, взгромоздился сверху, потом проник в нее... и все быстро кончилось. Ей показалось, что это был мистер Вудроу из соседнего дома, но за клоунским одеянием утверждать это наверняка было невозможно, а позже она засомневалась и в своем предположении.

Дядя выслушал, дал ей выплакаться на плече, убедил, что она ни в чем не виновата, что не надо постоянно думать о себе как жертве жестокого насилия, что когда-нибудь она встретит мужчину своей мечты и все это если не забудется совсем, то станет смутным и далеким

воспоминанием.

Мужчину своей мечты она так и не встретила, тем не менее выросла здоровой, нормальной, уравновешенной женщиной, и если жизнь и не стала сказкой со счастливым концом, то не из-за волнового эффекта насилия. Можно сказать, всем своим здравомыслием и счастьем она была по большей мере обязана влиятельной поддержке дядюшки.

Поэтому, узнав, что у него обнаружили неоперабельный рак, она немедленно вернулась в Сидэр-Сити, поклявшись посвятить себя заботе о нем. Она даже была готова уйти с работы, но Универмаг сумел перевести ее в свой филиал в Сидэр-Сити и даже помог найти жилье. Дядя говорил, что она может жить с ним, но ей хотелось – до того момента, когда ему станет совсем плохо и потребуется круглосуточный уход, – иметь свое отдельное жилище, чтобы время от времени побыть одной.

В течение четырех последних месяцев она готовила ему, убирала квартиру, возила на сеансы химиотерапии, составляла ему компанию и в целом была сейчас для него тем, кем он сам когда-то был для нее. Другие родственники позванивали раз-другой в неделю, кое-кто даже приезжал в Сидэр-Сити на выходные, но она была единственной, кто находился при нем неотлучно, день за днем. Это эмоционально изматывало, она испытывала печаль и злость, подавленность и чувство вины – все самые обычные чувства, посещающие людей, которые видят, как умирает любимый человек, и знают, что ничего сделать не в силах.

Но теперь она стала испытывать страх.

Потому что теперь он начал ходить.

Она не понимала, с чем это связано и не знала, что делать. Он быстро угасал. Больше всего это было заметно по цвету лица – изможденному, мертвенно-бледному. Но теперь он начал ходить по периметру своей комнаты – при том, что последние шесть дней вообще не вставал с постели. Это был почти живой труп, и контраст между телом, нещадно пожираемым раком, и энергичной целеустремленной походкой, которая, казалось, происходила не по его воле, а как бы навязана извне, некой силой, заставляющей его тело двигаться в этом агрессивном, нечеловеческом ритме, пугал ее бесконечно.

В больнице существовали группы поддержки для родственников раковых больных, в них работали врачи и психологи, которые всегда были готовы оказать помощь, дать совет, но Дженет исключала саму мысль о том, что к ним можно обратиться по поводу *такого* случая. На работе она думала рассказать Донис, единственному человеку в универмаге, с кем у нее были хорошие отношения, но Донис хватало своих проблем, да и отношения были не столь близкими, нагружать подругу еще и этим.

Вероятно, нужно связаться с его врачами. Тут дело не об ощущениях или эмоциях. Это вполне физическое, конкретное действие, которое можно увидеть, измерить и задокументировать. Его нужно показать профессионалу, она просто обязана позвонить в больницу и сообщить об этом.

Но ей этого не хотелось.

Ей было страшно.

Он начал ходить позавчера и, насколько можно было судить, с тех пор не останавливался ни на секунду. Разумеется, это было плохо для его состояния, но побеспокоить врачей она никак не могла решиться. У нее было ощущение, что это никак не связано с его болезнью, что причина этого – вне пределов всего, с чем ей когда-либо приходилось сталкиваться, и что ни один врач на свете не сможет объяснить ей, что происходит.

Ей не хотелось этого слышать.

И ей не хотелось знать, что скрывается за таким внешне простым, логическим и совершенно ординарным явлением.

Честно говоря, ей хотелось, чтобы дядя умер.

В этом непросто было признаться, но в данный момент она искренне считала, что смерть – лучший выход для него, для нее и для всей семьи. Впереди у него ничего не было, кроме усиления болей и ухудшения качества жизни.

После работы она поехала напрямик домой. Еще с дороги она обратила внимание, что у дома собралась толпа мальчишек, и неприятная слабость в желудке подсказала, что это как-то связано с дядей. Действительно, оказалось, что теперь он ходит вокруг дома – в одних

пижамных штанах. Мальчишки кричали, смеялись и кидались в него комьями грязи. Один комок попал ему в лицо, другой рассыпался, ударившись в обнаженную грудь, но он, не обращая на это ни малейшего внимания, продолжал идти, даже не сбившись с шага.

Дженет резко остановила машину у дома и выскочила, полная ярости. Мальчишки при ее приближении бросились врассыпную, она закричала вслед, что все расскажет родителям.

Дядя исчез за восточной стороной дома. Она побежала за ним и настигла его во дворе.

– Дядя Джон! – закричала она, но тот не остановился, не замедлил шаг. Он продолжал идти – мимо низкорослого можжевельного куста – к противоположной стороне дома. Подбежав, она схватила его за руку.

– Стой! Пойдем в дом!

Кожа оказалась холодной, резиновой на ощупь; мышцы дряблыми и абсолютно расслабленными.

Он был мертв.

Она поняла это инстинктивно и в тот же миг с отвращением и ужасом отпрянула, бросив руку. Он продолжал идти, не обращая на нее внимания. Его мертвые глаза застыли на какой-то небесной точке, немного отвисшая челюсть обнажала зубы и торчащий между ними язык.

Она прошла за ним до входной двери, поднялась на крыльцо, вошла в дом и заперла за собой дверь.

И только здесь завывала в голос.

Тогда

1

В каньоне всюду гудел зимний ветер.

Уильям лежал в темноте под лоскутным одеялом, чувствуя уютное тепло спящей рядом Изабеллы. Во сне ее тело было таким гладким, таким мягким, но внутри, как он давно понял, в ней был словно железный стержень. Непонятна была лишь его природа – твердость характера или сила, которой она обладала. Она, очевидно, была одарена очень мощной силой, возможно, более могущественной, чем его собственная, но судить он об этом мог лишь со слов и по наблюдениям. Она рассказывала ему о колдовствах, которые осуществляла, и он сам видел, как она осуществляла магические действия, превышавшие возможности любого из обитателей Волчьего Каньона. Но он ее не *чувствовал*. Он не ощущал ее силы, был не в состоянии *прочитать* ее либо каким-то иным способом объективно измерить ее возможности. Она оставалась для него тайной – как и для всех остальных, вероятно, – и уже возникали моменты, когда он сожалел о том, что когда-то привел Изабеллу в Волчий Каньон.

Но он любил ее, любил глубоко, страстно, до одержимости, и это стоило всех сомнений и вопросов, перекрывало все сожаления.

Он закрыл глаза, стараясь уснуть. Завтра он собирался съездить вверх по каньону. По словам Джозефа, который только что вернулся из Прескотта, где покупал крупный рогатый скот, в горловине каньона у реки остановилась семья с фургоном. Обычно это не вызывало проблем, но Джозеф сказал, что, судя по всему, семейство собирается там поселиться. У мужчины есть всё необходимое оборудование для промывки золота, лотки и все такое; он явно хочет застолбить за собой этот участок.

Изабелла хотела поехать с ним, но Уильям удержал ее и сказал, что сам займется решением этой проблемы. Она поняла, почему он не хочет ее брать, но лишь посмотрела на него своим тяжелым взглядом и произнесла:

– Надеюсь, ты действительно решишь ее.

– Обязательно, – пообещал Уильям.

Больше всего он жалел, что Изабелла никак не может подарить ему ребенка, что даже их совместных сил оказалось недостаточно, чтобы произвести новую жизнь из своего лона. Но сейчас он впервые подумал, что это, может, и к лучшему. Он не знал, какой матерью она могла

бы стать, и совсем не был уверен, что хочет увидеть, что за ребенка она могла бы произвести.

К середине ночи ветер постепенно начал стихать, но он так и не смог заснуть естественным путем. Пришлось накинуть на себя заклинание, включающее сон и гарантию просыпания на рассвете.

Быстро позавтракав стейком с яичницей, он собрался в путь. Изабелла еще раз напомнила, что лучше всего избавиться от непрошенных гостей, и он еще раз заверил ее, что все будет в порядке.

До начала каньона было полдня пути. Он ехал вдоль русла реки, мимо узких заболоченных ущелий, поросших папоротниками выше человеческого роста, мимо обширных песчаных отмелей, где каньон раздавался вширь; в этих местах деревья и кустарники жались к скалам, а остальное открытое пространство, за исключением самой прибрежной кромки, оставалось сухим и безжизненным.

Цели своей поездки он достиг почти в полдень.

Действительно, в горловине каньона расположилось семейство – мужчина, женщина и ребенок. Судя по всему, жили они в фургоне, но у небольшой рощицы хлопковых деревьев уже была расчищена площадка для фундамента хижины, из чего следовало, что они действительно намерены здесь поселиться.

Женщина что-то делала, склонившись над доской, уложенной на пару камней, а мальчик наблюдал за ней, устроившись на макушке большого валуна рядом. Крупный бородатый мужчина с обнаженным торсом и босиком стоял у реки, намереваясь столкнуть в воду большую конструкцию из металла и дерева.

– Привет! – громко воскликнул Уильям, спешиваясь.

Все трое резко повернулись в его сторону, бородатый мужчина нахмурился, бросил свое сооружение и схватил ружье, лежавшее под кустом. Уильям направился напрямик к женщине, которая встала, вытирая ладони о платье. Мальчик спрыгнул со своего камня и подбежал к матери. Мужчина поспешил к ним.

– Что вам нужно? – агрессивно спросил бородач, наводя на Уильяма ружье.

Уильям снял шляпу и отвесил поклон женщине.

– Я просто решил заглянуть с дружеским визитом. Меня зовут Уильям. Я живу ниже по каньону, в городе.

– В городе?

– Да. Город Волчий Каньон. Я его мэр. На самом деле, поэтому я к вам и приехал. Если вы хотите разбить тут лагерь на несколько дней...

– Какой лагерь? Мы здесь собираемся жить. Это будет наш дом.

– Если вы хотите разбить лагерь и постоять несколько дней, – как ни в чем не бывало повторил Уильям, – милости просим. Но жить здесь вам нельзя.

– Кто это сказал?

– Как ваше имя, сэр? – посмотрел на мужчину Уильям.

– Я не обязан называть вам свое имя.

Мужчина явно начал проявлять признаки нервозности, но Уильям постарался говорить спокойно и убедительно.

– Вам придется уехать. Эта земля не свободна. Она принадлежит нам.

– Кому это «вам»? – воинственно воскликнул мужчина.

– Городу Волчий Каньон.

– Да?

– Мы – колдуны, – улыбнулся Уильям.

Мужчина и женщина испуганно переглянулись. Мальчик ухватился за юбку матери. Реакция была вполне ожидаемой, и Уильям не смог не почувствовать некоего удовлетворения, увидев, как напускная бравада на лице мужчины уступает место страху.

– Вы *кто*?

– Мы все – колдуны. Все до единого в Волчьем Каньоне.

– Это вас отсюда гнать надо! – Мужчина, подбадривая себя, сделал шаг вперед и вскинул ружье. Женщина потянула его за штаны. – В Библии сказано: «Истребляй колдунов, как увидишь их!» Советую убираться отсюда подобра-поздорову, пока я не пристрелил вас на

месте!

– Нам передана эта земля по решению правительства Соединенных Штатов, – проговорил Уильям.

– Так ее отберут у вас по...

Азартная речь бородача прервалась, потому что в этот момент ружье вырвалось у него из рук, пролетело несколько ярдов и упало, ударившись о стенку фургона. Уильям пристально посмотрел в глаза мужчине, давая понять, кто стал причиной этого явления. Потом перевел взгляд на берег реки. Послышался раскат грома, и с такой тщательностью приготовленное оборудование для промывки золота взлетело на воздух вместе с тучей песка. Отдельные детали со всплеском попадали в воду.

– Убирайтесь, – низким угрожающим тоном произнес Уильям.

Было искушение подкрепить угрозу, сказать мужчине, что если он не поторопится, следующими станут его жена и сын.

Изабелла именно так бы и сделала.

Но именно поэтому он и приехал сюда один. Он не любил разбрасываться угрозами, осуществлять которые не имел желания. Он бы не стал убивать ни женщину, ни мальчика – он мог бы убить только мужчину, если бы пришлось так поступить в целях самообороны. Его задачей было лишь напугать семейство, чтобы они уехали.

– У вас время до заката, – сообщил он.

Они уже испугались. Он сел в седло и неторопливо поехал в обратную сторону. Прежде чем скрыться за поворотом, Уильям остановился, развернул лошадь и несколько секунд наблюдал, как семейство быстро собирало свои пожитки и торопливо забрасывало их в фургон. Удовлетворившись тем, что они действительно намерены уехать, он пустил лошадь рысью вдоль каньона по направлению к дому.

* * *

Вопль Кейт он услышал раньше, чем приблизился к коралю на окраине города. Хлестнув лошадь, он помчался галопом по пыльной улице, держа направление на голос.

У коттеджа Кейт уже собралась небольшая толпа. Лицо молодой женщины было покрыто красными пятнами и исполосовано кровавыми царапинами. Ее огромная грива моталась из стороны в сторону и казалась такой же дикой, как ее взгляд.

– Я ждала этого ребенка! – навзрыд вскрикнула она и бросилась к Изабелле.

Изабелла улыбнулась. В одной руке она сжимала окровавленного младенца, не подающего признаков жизни. Даже издавек Уильям мог определить, что эта кровь – не от родов, а от длинных порезов, покрывающих все маленькое тельце.

Она легко отступила в сторону, и Кейт упала, растянувшись на земле. Схватив ее за волосы, Изабелла подняла ее в воздух и швырнула обратно, по направлению к Рэндольфу, ее мужу. Затем еще сильнее сжала ребенка, и Уильям увидел, как между ее пальцев потекла кровь.

По спине пробежал холодок. Спрыгнув с лошади, Уильям поспешил к ней.

– Что происходит? – требовательным голосом произнес он.

– Она убила моего ребенка!

– Сто, – спокойно произнесла Изабелла. – Магическое число.

– Что?

– У нас в городе сто жителей. До тех пор, пока кто-нибудь не умрет или не покинет нас, никаких новых членов, никаких новорожденных.

– Я бы уехала! – воскликнула Кейт.

– Тогда нас осталось бы девяносто девять.

– Будь ты проклята! – Кейт попыталась снова броситься в бой, но муж удержал ее. И он, и все окружающие выглядели сильно испуганными.

– Тесс, – жестко произнес Уильям.

– Сто – это наше число, – повторила Изабелла, бросив в его сторону взгляд, не допускающий споров. Мертвого младенца она прижала к груди. Белая ткань платья быстро пропитывалась кровью.

* * *

Они исчезли ближайшей ночью, Кейт и ее муж. Изабелла хотела броситься за ними в погоню, преследовать, как диких зверей, но на сей раз Уильям настоял на своем. Не будет никаких преследований, никакого возмездия.

Он сделал так, что все жители города поняли, что они с Изабеллой не заодно, что способен поступить по-своему, что по-прежнему является главным.

Однако уже было поздно. Он растерял всю репутацию, которой пользовался когда-то среди обитателей Волчьего Каньона, а если все еще оставался их лидером, то лишь потому, что сам назначил себя на этот пост, а не потому, что они хотели его таким видеть.

Он стал тираном.

Он с Изабеллой.

Это было не то, к чему он стремился, и если бы мог знать заранее, во что это выльется, он бы даже близко не подошел к правительству со своей просьбой. Его мечтой было создать дом для себе подобных, а не основать собственное феодальное владение. Он хотел освободить свой народ, а не поработить их.

Но вернуть все назад было уже слишком поздно. Нравилось ему это или нет, но колеса завертелись и обратного хода не было.

Он опять пожалел, что нет рядом Джеба. С Джебом можно было все это обсудить. Джеб всегда был идеальным резонатором в вопросах управления... и в вопросах сердечных.

А сейчас Уильям нуждался в совете и с той и с другой стороны.

Ибо он больше не хотел возглавлять народ Волчьего Каньона – но ему приходилось это делать. И он больше не хотел любить Изабеллу – но любил.

Он даже не знал, что сделала Изабелла с новорожденным младенцем. И не был уверен, что хочет это знать.

А что, если, подумал он, благодаря какому-нибудь чуду, она обнаружит, что сама ждет ребенка? Сможет ли она его тоже убить?

Это был очень неприятный вопрос, из тех, на которые – как и на многие другие в последние дни – он не мог найти ответа.

2

Мэри исчезла среди ночи. Джозеф – двумя неделями позже, среди бела дня, когда все занимались делами. Оливия умерла от загадочного заболевания крови, перед которым даже магия оказалась бессильна. Мартин упал в колодец.

Прошло немало времени, прежде чем Уильям осознал, что не стало всей первой волны поселенцев. Теперь в Волчьем Каньоне жили мужчины и женщины, которые прибыли сюда позже.

Он понял, почему Мэри и все остальные ушли. Они ему об этом не говорили, но в этом и не было необходимости.

Изабелла.

Им не понравилось, во что стал превращаться Волчий Каньон. Он был полностью с ними солидарен. У него самого возникали тяжелые предчувствия по поводу всего происходящего. Он представлял себе все это совершенно иначе, и никакого чувства обиды по отношению к сбежавшим у него не было.

А другие, погибшие?

Несчастные случаи, говорил он себе и заставлял себя в это верить.

Уильям сидел на лошади и обозревал Волчий Каньон с верхней тропы. Отсюда все казалось совершенно не изменившимся, но на самом деле вся жизнь города стала иной. Изабелла была не одинокой в своей ненависти и гневе по отношению ко всем, кто не был колдуном. Многие горожане, особенно из недавно прибывших, испытывали такие же чувства и не стеснялись высказывать свое мнение на публике. Он понял, что уже происходили некоего рода собрания в здании школы, где вырабатывалась стратегия отношения к «нормальным», как

принято было говорить здесь, обнаружившим существование Волчьего Каньона. Его не приглашали на эти собрания, но Изабелла, как он предполагал, была там.

Он не спрашивал ее об этом. Он не хотел знать.

Если бы у них была демократия, а Изабелла – женщиной и имела право занять руководящий пост, Уильям сильно сомневался, что смог бы одолеть ее на честных выборах.

Он послал лошадь вперед, к городу, надеясь, что Изабелла дома, на кухне, готовит обед.

Но чувствовал, что это не так.

* * *

Первого фермера они убили в канун Дня Всех Святых.

Тот человек не сделал ничего плохого. Он даже не подозревал, что они – колдуны. Но Клит, возвращаясь домой после временного пребывания на Востоке, заметил убогую лачугу поселенца и загон для скота, и быстро информировал об этом Изабеллу.

Не его.

Изабеллу.

Налетчики отправились в путь ближайшей ночью. Все вырядились в черные одежды. Единственным их вооружением была магия. Изабелла ничего ему не сказала, ее просто не было дома, когда он вернулся после долгого дня, осуществляя контроль за прокладкой нового туннеля в шахте, но Уильям узнал, куда она отправилась, узнал, что она делает, и переполнился такой неопишуемой яростью, что тряслись руки. Он ехал по темному городу; гнев его все нарастал при виде безлюдных улиц и опустевшего бара. Многие горожане составили ей компанию. Он решил, что по возвращении пора употребить власть. Это его город, черт побери, и жена или не жена, она должна считаться с его волей, как все прочие. Все считались.

Однако, когда она вернулась, вся в крови, пропахшая дымом, его решительность испарилась. Одежда на ней висела ключьями. Она спрыгнула с лошади и расплылась в победоносной улыбке.

– Мы это сделали!

Во рту у Уильяма пересохло. Слова, которые он собирался сказать, разнос, который он собирался ей учинить, – все забылось.

– Это было великолепно! – восторженно воскликнула она. – Мы появились из ночи, как демоны, и он, похоже, решил, что так оно и есть, поскольку начал стрелять раньше, чем нас увидел. – Она улыбнулась еще шире. Уильям увидел ее окровавленные зубы. – Сначала мы взяли за скотину. Исушили у него на глазах корову, зажарили живьем свинью, превратили его цыплят в навозные кучки. Он продолжал стрелять, и мы спалили ему загон и подожгли хижину.

А потом появились сами.

Она прикоснулась к его лицу, и Уильям увидел всю сцену ее глазами. Увидел, как пули отлетают обратно к стрелку. Увидел, как Изабелла заставила взорваться Библию фермера, когда тот упал на колени и начал молиться в ожидании конца. Он проклинал ее. Проклинал их всех, и тут они применили магию, Изабелла – первой, вырывая один за другим его пальцы. За ней – Дэжнизл, который ослепил его на один глаз. Томас превратил зубы мужчины в травянистую массу.

И так далее, и так далее.

Изабелла отняла руку, и Уильям отпрянул, чувствуя, как в голову бросилась кровь. Вопреки собственной воле он почувствовал такое же удовлетворение, что и она, такое же праведное чувство справедливости, но не мог понять, его ли это ощущения или это она внедрила в него свои.

Она искупалась в реке, после чего они занялись любовью на открытом воздухе, как в старые добрые дни. То, что она требовала от него, могло заставить нормальную женщину рыдать от стыда и унижения, но Изабелле это нравилось и ему тоже. Их тела сплетались самым немыслимым образом, и окружающий мир перестал для него существовать. Как бы это ни было ужасно, он осознал, что не в силах противостоять никаким поступкам своей жены – до тех пор, пока будет сохраняться эта страсть.

Она читала его. Она понимала это.
И это было началом очищения.

Сейчас

1

Майлс находился в своей секции, устроившись полулежа в крутящемся кресле, и смотрел на Дилберта – совершенно несмешного персонажа из мультика, которого кто-то из компьютерных фанатов офиса прицепил к комнатной перегородке для собственного развлечения.

Дело закрыто.

Марина Льюис организовала транспортировку того, что осталось от тела ее отца, в Аризону для захоронения, как только коронер завершил аутопсию, а полиция оформила все необходимые документы, после чего и сама отбыла вместе с мужем. Майлс сказал, что она ничего не должна ему, и отпустил без счета, хотя и не был уверен, каким образом сможет оправдаться перед Перкинсом. Он просто чувствовал, что так надо, что это – единственно правильное решение. Он не смог обеспечить защиту ее отцу, и хотя, строго говоря, это не входило в его полномочия, он сам от себя не ожидал этого, а потому испытывал некоторое чувство вины перед Мариной.

Майлс медленно повернулся вместе с креслом. Он пребывал в растерянности, потому что не хотел оставлять это дело. На очереди были другие дела, целая толпа новых клиентов, из которых можно было выбирать, но ему хотелось заниматься этим.

Потому что оно имело отношение к его отцу.

Да, к этому все и пришло. Да, его беспокоила безопасность Хека Тибберта и других людей из списка Лиэма. Да, он отчаянно хотел выяснить, что стоит за этими смертями, хотел положить этому конец раньше, чем они получают свое продолжение – если все это возможно. Но именно включенность в это дело собственного отца придавала ему дополнительное эмоциональное измерение, персонализировала его и переводила в разряд неотложных.

Полиция обещала продолжить расследование – после того, как они получили предупреждение об опасности, угрожающей Лиэму Коннору, после того, как им вручили список, после того, как Лиэм, как и было предсказано, пал очередной жертвой, можно сказать, прямо у них под носом. Но Майлс сомневался, что они до чего-нибудь докопаются. Слишком много других, требующих срочного расследования, преступлений. Лос-Анджелес – вечный фонтан правонарушений, из которого ежедневно бьет поток убийств, изнасилований, ограблений. Полиции успеть бы справиться с новыми преступлениями, не говоря уж о «висяках».

Но *он* может это сделать. Он *хочет* продолжить это расследование. Это его моральный и этический долг. Что он за детектив, что он за человек, в конце концов, если не пойдет дальше, не применит все свои знания и опыт?

Разве что его уволят за использование служебного времени и ресурсов для продолжения расследования дела клиента, который его даже не оплатил.

Гиблая ситуация.

Майлс почувствовал, как в плечо уткнулся заостренный карандаш, и обернулся. Это Хал, дотянувшись к нему рукой из соседней секции, решил рассеять его мрачное настроение.

– Что бы ты предпочел, – поинтересовался он, – поиметь в зад страдающего недержанием Рональда Рейгана или съесть свою собственную сестру?

Майлс не сдержал улыбки. Это была игра, которую они изобрели несколько лет назад, когда бизнес частных детективов испытал глубокий спад и они все торчали в офисе, подолгу не имея никакой работы. Начиналось все очень просто – с вопросов друг другу, с кем из своих сослуживиц они бы с большим или меньшим желанием вступили в интимные отношения, но постепенно игра перешла в более скандальную фазу, разрослась в огромных пропорциях по

мере того, как они все жестче начали испытывать толерантность друг друга к оскорблениям и откровенности. Игра опиралась на тот постулат, что при двух гнусных вариантах всегда один менее неприемлемый, чем другой. У игры не было названия до того момента, когда однажды Хал попытался увильнуть от ответа – Майлс спросил, предпочтет ли он отсосать у Клинта Иствуда или отдаться раком Тому Крузу – и в результате сказал: «Ни то, ни другое. Лучше умереть».

– Смерть – не выбор, – сказал тогда Майлс.

– Вот оно! – восхищенно воскликнул Хал.

– Что «оно»?

– Название! «Смерть не выбор»!

Они пообсуждали, полусхуя, возможность предложить «Смерть не выбор» в качестве телевизионной игры-шоу на Эйч-Би-Оу или какой другой кабельный канал, где не придерживаются лексической строгости.

– Можно еще добавить нудизм, – сказал Хал, – для повышения рейтинга.

С тех пор игра стала ритуалом, и хотя неоднократно высказывалась мысль о подключении к ней других, например Трэна, она так и осталась их собственным частным развлечением.

Майлс внимательно посмотрел на него и улыбнулся.

– Я бы, наверное, съел сестру.

Хал удовлетворенно хмыкнул; несмотря на давность игры, он до сих пор получал наслаждение, выслушивая подобные ответы.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Уверен?

– Я же говорю – нормально.

– Я просто спросил, – поднял руки Хал, отступая.

Его попытка поднять дух была, как всегда, неловкой, но, странным образом, Майлс находил это приятным. Ему всегда становилось легче от общения с другом. Может, все-таки найдется способ продолжить расследование. После всего, что случилось с ним за последние пару месяцев, Перкинс, не исключено, даст возможность взять некоторое время за свой счет, если, конечно, он попросит.

– Никаких известий о теле отца? – словно прочитав его мысли, спросил Хал.

Майлс покачал головой.

– Как думаешь, что могло случиться?

Он объяснил Халу и всем остальным, что тело отца украли, не желая раскрывать истинное положение дел и будучи уверен в том, что ему все равно не поверят. Разумеется, офис коронера тоже держал это в строжайшей тайне. У них за последнее время и так случилось достаточно скандалов. В данной ситуации им только не хватало, чтобы просочился слух, что они теряют покойников, потому что покойники сами встают и уходят восвояси.

– Не знаю, – признался Майлс.

– Надеюсь, это не какой-нибудь сексуальный маньяк.

– Спасибо. Об этом я как-то не успел подумать.

– Извини. – Голова Хала скромно спряталась за перегородкой, а Майлс начал перебирать стопку папок с делами, которые принесла Наоми. Шестнадцатилетняя девочка, сбежавшая с сорокалетним менеджером из фирмы «Тако Белл», в которой она и работала; женщина, подозревающая своего мужа в любовной связи с другим мужчиной; некая вдова, желающая разыскать своего украденного пуделя, потому что полиция отказывается заниматься розыском собаки; мужчина, подозревающий одного из своих работников в курении марихуаны, при том, что тот благополучно прошел несколько тестов на употребление наркотиков. Ни одно из потенциальных дел ему не приглянулось. Подумав немного, он отправился к Наоми узнать, не сможет ли она организовать ему встречу с мистером Перкинсом сегодня во второй половине дня.

Он собирался попросить на некоторое время освобождение от работы.

Две недели без оплаты.

Это было на неделю меньше, чем он просил, но на неделю больше, чем рассчитывал, и оставалось надеяться, что этого ему хватит. К концу дня он подчистил некоторые незаконченные мелочи и договорился с Халом ежедневно вступать в контакт, чтобы каждый был в курсе происходящего.

Еще не войдя в дом, он услышал телефонный звонок. Пробежав в гостиную, он схватил трубку.

Это звонила Клер, сообщая, что задержится. После встречи с последним на сегодня клиентом ей еще предстоит встреча по поводу бюджета с боссом, его боссом и представителями окружного совета инспекторов. Она предложила Майлсу поужинать самому и пообещала приехать не позже девяти.

Напомнив, чтобы была осторожнее за рулем, он положил трубку. Впереди – долгий вечер без нее. Майлс поплелся на кухню, уже страдая от одиночества. Открыв холодильник, он заглянул внутрь, но увидел сплошные голые полки, не считая полупустого пакета молока, пачки масла и бутылки кетчупа.

Он сообразил, что не делал никаких серьезных закупок с тех пор, как отец... умер.

Тишину в доме нарушал лишь звук электромотора холодильника, но в голове вдруг зазвучало эхо отцовских шагов. Стук каблуков по паркетному полу. Было что-то холодно-безликое в этом жестком ритмичном стуке, и от одного воспоминания ему снова стало страшно.

Весь дом вдруг показался гораздо мрачнее, гораздо неприятнее.

Захотелось сбежать отсюда, и поездка в магазин за продуктами была вполне достойной причиной. Включая по дороге весь свет, чтобы вернуться потом в освещенный дом, Майлс торопливо выбрался на улицу и быстро запер за собой дверь. Только здесь, на открытом воздухе, избавившись от замкнутого помещения, вызывающего клаустрофобию, он наконец смог свободно вздохнуть и расслабиться.

Он посмотрел на прекрасный закат, созданный дымкой от загрязненной атмосферы Лос-Анджелеса; может, сейчас под этим самым небом где-то шагает отец.

Он приехал к Ральфу, *тот самый магазин, где с отцом случился удар*, взял большую тележку для продуктов, но на большие закупки не было настроения. Страх улетучился, оставив после себя неприятное чувство меланхолии. Майлс решил купить только самое необходимое на вечер и на утро и побыстрее убраться отсюда.

Со всей доступной скоростью он покатиł телегу вдоль заваленных продуктами прилавков. Он взял замороженную пиццу, галлон молока, галлон апельсинового сока, батон хлеба и небольшой кусок ветчины.

К кассам тянулись хвосты очередей, но поскольку у него оказалось менее десяти наименований, можно было воспользоваться экспресс-линией, и Майлс пристроился за пожилой леди в слишком ярком платье, которое, вероятно, ей очень шло, когда покупалось в середине шестидесятых. Взгляд упал на стойку с новыми выпусками таблоидов.

И сердце мучительно сжалось.

МОЙ ДЯДЯ УМЕР... НО ПРОДОЛЖАЕТ ХОДИТЬ!

Схватив газету, он уставился в набранный крупными буквами заголовок. Под ним помещалось крупнозернистое черно-белое фото типичного дома представителя среднего класса. Реклама следующей статьи заявляла, что Большая Нога – потомок древних астронавтов. Руки Майлса тряслись, он даже не заметил, что пожилая дама, стоявшая впереди, давно прошла, и очнулся лишь от намекающего толчка тележки в спину. Он быстро начал выкладывать свои покупки на черную резиновую ленту транспортера, не отрываясь от газеты.

Он развернул ее и быстро перелистал в поисках нужного материала. Статья оказалась размером на целую полосу, с одной некачественной фотографией женщины совершенно оглушенного вида. Читать ее времени не было, поэтому он просто пробежал глазами несколько абзацев. В статье говорилось, что некая женщина из города Сидэр, в штате Юта, однажды вернулась домой с работы и обнаружила, что ее дядя умер, но при этом ходит кругами вокруг дома. Потребовались усилия шестерых мужчин, чтобы задержать его, привязать к носилкам и

доставить в морг.

Услышав негромкое покашливание, Майлс поднял голову. Оказывается, кассир, давно уже подсчитавший его покупки, ждал, станет ли он приобретать газету либо отложит ее в сторону и просто расплатится за товары. Майлс расплатился за все и поспешил к выходу, где немедленно плюхнулся на скамейку перед магазином и прочитал всю статью от начала до конца.

А потом – еще раз.

Подробности пережитого этой женщиной до боли совпадали с его собственными впечатлениями. Если этой статье можно было верить, некая Дженет Энгстрем недавно приехала в Сидэр-Сити, чтобы взять на себя уход за ее дядей Джоном, умирающим от рака. Однажды, вернувшись домой с работы, она увидела, что ее дядя, одетый в одни пижамные штаны, ходит вокруг их двухэтажного дома, а соседские мальчишки бросают в него комья грязи. Подбежав к нему, она обнаружила, что дядя мертв. По ее словам, дядя начал ходить ещё дома, за несколько дней до смерти, но она никому не стала сообщать, потому что не знала, что с этим делать. Шестеро мужчин – трое санитаров из офиса коронера, сам коронер и двое полисменов – с трудом смогли уложить мертвого на растяжку и привязать, чтобы доставить в морг. По словам «источника, близкого к расследованию», коронеру еще долгое время не удавалось прекратить движения трупа, чтобы провести аутопсию, и что тело подвергли кремированию, чтобы предотвратить возможность заражения других умерших «болезнью ходячей смерти» в этом районе южной части штата Юта.

Очевидно, Дженет Энгстрем вышла на «Инсайдер», потому что не могла выяснить, что случилось с ее дядей. Офис окружного коронера скорее всего не выдал никакой информации ни ей, ни другим родственникам и категорически отрицал тот факт, что в смерти Джона Энгстрема было что-либо необычное. Так же как и полиция. Даже родители тех мальчишек, которые швырялись комками грязи в ходячий труп, наверняка предпочли удовлетвориться заключением экспертов, нежели свидетельствами очевидцев – собственных детей, и теперь в один голос объясняли Дженет, что она просто страдает от «нервного стресса».

Майлс приехал домой, позвонил в информационную службу Сидэр-Сити и, к его удивлению, номер Дженет Энгстрем оказался в списке. Впрочем, дозвонившись до нее, он услышал в ответ механический голос автоответчика, сообщившего, что абонент недоступен. Возникло подозрение, что телефон отключен сознательно – из опасения получить лавину звонков от психов со всей страны, прочитавших эту газетную статью. В статье не было указано место работы и даже род деятельности, поэтому нельзя было позвонить на службу. Он снова вышел на информацию, попросил номер телефона местной больницы, но, как и ожидалось, там никто не проявил желания сообщить что-либо относительно Дженет или Джона Энгстрем. Офис коронера и местная полиция тоже не проявили ни капли дружелюбия.

Но Майлса уже ничто не могло остановить. Он чувствовал странное возбуждение. Если бы он верил в экстрасенсорное восприятие, он бы сказал, что данная ситуация сама обратилась к нему на этом уровне, что она взывает к нему.

Но верит ли он в экстрасенсорное восприятие?

Он пытается ухватиться за сюжет из таблоида о ходячем трупе, но сомневается в существовании простого экстрасенсорного восприятия?

Несмотря на ужасающие обстоятельства, он рассмеялся и впервые почувствовал некий оптимизм, словно ответы и решения уже находились на расстоянии вытянутой руки.

Он понял, что нужно сделать. Нужно поехать в Сидэр-Сити и поговорить с этой женщиной. Он не думал, что ей угрожает опасность – как он сам, она была свидетельницей, а не участницей, – но было невозможно предугадать, как будут развиваться события дальше. Люди, имеющие отношение к этой ситуации, похоже, мерли как мухи, и ему хотелось услышать ее, пока еще он в состоянии это сделать.

Майлс понятия не имел о величине Сидэр-Сити, но не сомневался, что туда можно добраться на самолете. Включив компьютер, он вышел на сайт бюро путешествий и принялся изучать расписание. Компания «Америкэн эрлайнс» имела прямой рейс до Лас-Вегаса со стыковочным рейсом до Сидэр-Сити, который вылетал из Лос-Анджелеса в шесть утра. Таким образом, он мог попасть в Сидэр-Сити в восемь и даже получить пятнадцатипроцентную

скидку в компании «Авис» на аренду автомобиля. Заказав себе билет с помощью номера кредитной карточки «Виза», он зашел на сайт еще раз для подтверждения.

Сделано.

Тут же мелькнула мысль, не следовало бы сначала дожидаться Клер и переговорить с ней, не захотела ли бы она поехать с ним, но он убедил себя, что поступил правильно. Она к этому не имеет отношения. Вне зависимости от того, пожелала бы она поехать с ним или нет, он должен сделать это сам, пускай это покажется проявлением тупоголового мачизма – *мужчины должны делать мужские дела*, – но если экстрасенсорика еще подталкивает его, она и подсказывала, что это путешествие он должен совершить в одиночку.

Ну, может, не в одиночку...

Он позвонил Хеку Тибберту. В рубке прозвучало три гудка, десять, двадцать.

Он положил трубку, убеждая себя в том, что Тибберт вышел в магазин, или в кино, или в лавку Фреда Бродски, но понимая, что старик скорее всего мертв. Возбуждение, которое его охватило, пропало, на его место вернулся привычный ужас, который был его неизменным спутником в течение последних двух месяцев.

Подумав немного, он позвонил в офис коронера. К счастью, Ральф еще не ушел домой, и Майлс рассказал другу о своей находке и о том, что намерен делать. Коронер не проявил особого скептицизма в отношении статьи из таблоида, равно как и ранее, но одновременно и не был убежден, что информации можно доверять стопроцентно.

– Ты уже звонил Грэму? Что он думает?

– Нет, я с ним не разговаривал.

– Если я помню, ты специально предупреждал его, чтобы это не просочилось в газеты?

– Мы говорили про «Уикли Уорлд ньюс». А это «Инсайдер».

– Но ты сообщишь ему об этом?

– Возможно. Когда вернусь.

– Значит, позвонил спросить моего благословения?

– В основном да.

– Ну что ж, – вздохнул Ральф, – поступай так, как считаешь нужным, но будь готов ко всему. Если вдруг в этом что-то есть и ты добудешь какую-нибудь информацию, как только вернешься, немедленно звони мне. В нашем положении буду рад чему угодно.

– Как думаешь, надо ли мне звонить в полицию? Поставить их в известность?

– погоди, пока не узнаешь, что там на самом деле. А кроме того, если они хоть чуть-чуть шевелятся, у них есть свои детективы, которые отслеживают публикации в бульварной прессе.

– Смеешься?

– Хотел бы.

Клер приехала вскоре после девяти, и Майлс посвятил ее в свой план. Она притихла, но не стала напрашиваться в компанию, и тот факт, что она инстинктивно поняла его желание поехать одному, в очередной раз дал ему понять, насколько счастлив он от того, что она снова возникла в его жизни. Даже спустя столько времени, спустя столько лет жизни врозь они очень хорошо понимали друг друга.

– Будь осторожнее, – сказала она.

– Обещаю, – ответил Майлс.

Возникла пауза. Потом Клер нашла его взгляд.

– Я тебя люблю.

Майлс крепко обнял ее, чувствуя теплую мягкость ее груди и хрупкую тонкость ключиц под ладонями. Он не мог вспомнить, когда она последний раз произносила эти слова, и, несмотря на ситуацию, расплылся в глупой улыбке.

– Я тоже тебя люблю.

2

Дэн Дэйсон смеялся.

Потому что если бы не смеялся, он бы заорал.

Дэн положил руку на привязанную ногу покойника и почувствовал, как под кожей

пульсируют, напрягаясь и расслабляясь, мышцы, от чего обнаженная мошонка трупа слегка подрагивала и качалась из стороны в сторону.

Это было неслыханно. Прошла неделя, а тело Джона Энгстрема все еще пыталось ходить. За все это время не было заметно ни малейшего ослабления усилий, ни секунды передышки. Впрочем, труп также и не начал разлагаться. От плоти не исходило и намека на запах гниения. По всем правилам уже должно было начаться разложение. Конечно, помещение охлаждалось, но процесс бальзамирования не проводили, никаких иных способов консервации тоже не применялось, с телом вообще ничего не делали, за исключением того, что его крепко привязали к анатомическому столу.

Но разложение не начиналось.

И мышцы ног продолжали сокращаться.

Дэн уже десять лет работал окружным патологоанатомом, а до того – восемь лет помощником судебно-медицинского эксперта, но ничего подобного в его практике еще не встречалось. Он уже проштудировал море специальной литературы, пытаясь обнаружить хотя бы отдаленно сходный случай, но тщетно.

Придется все-таки связываться с ФБР и Центром контроля заболеваний, потому что совершенно непонятно, что делать. С тех пор как в начале недели эта история появилась на страницах несчастной газетенки, его офис заполнили телефонные звонки и факсы от всяких психов со всего мира, причем многие из них давали омерзительные советы, как поступать с ожившим трупом. Некоторые даже предсказывали, что это – первый знак грядущего Апокалипсиса.

Слава Богу, в газете написали, что тело кремировали. Ему даже не хотелось думать, какая поднялась бы истерика, если бы публика пронюхала, что тело Джона Энгстрема до сих пор существует и, более того, продолжает ходить.

Или – ходило бы, если бы не было привязано.

Дэн звонил за помощью коронеру Солт-Лейк-Сити, коронеру Лас-Вегаса, звонил своему другу Дэйву Френчу, который читал курс патологии в университете Сидэр-Сити, но никто не мог подсказать ничего путного. Все находились в таком же недоумении, что и он, только ему надо было принимать какое-то решение и какие-то действия. В конце концов, отчаявшись, он связался и с ФБР, и с Центром контроля заболеваний в Атланте. Медикам из ФБР, вероятно, больше, чем кому бы то ни было в мире, приходится иметь дело с неестественными смертями. И хотя он сомневался, что это может быть связано с какой-то болезнью. Центр наверняка пришлет кого-нибудь посмотреть. Дополнительное мнение не повредит.

Дэн отошел от анатомического стола и еще раз принялся проверять, все ли необходимые инструменты на месте и под рукой. Сколь бы неловко ни было в этом признаться, ему было страшно входить в это помещение.

Привыкание не рождало спокойствия, и спустя неделю он испытывал больший страх перед этим трупом, чем в первый день. Он держал постоянно включенным радио, настроенное на волну кантри, потому что при отсутствии посторонних звуков он бы слышал звуки, издаваемые ногами Энгстрема, – легкое потрескивание привязных ремней, аритмичное постукивание напрягающихся мышц о металлический стол.

Свет он тоже постоянно держал включенным. На этой неделе ему неоднократно снились кошмары. Ему снилось, что он приходит на работу, открывает дверь прозекторской, включает свет и обнаруживает, что тело исчезло. Или стоит прямо перед ним, освободившееся от пут, и тянет к нему руки, чтобы убить.

Однако врач из Центра и агент ФБР должны были появиться пять минут назад. Дэн уже собрался уйти и дожидаться их снаружи, поскольку совершенно не знал, чем себя занять, и не имел ни малейшего желания продолжать находиться в одном помещении с этим дергающимся трупом, но тут распашные двери прозекторской открылись, и вошли двое – в комбинезонах и хирургических масках.

– Доктор Дэйсон, я полагаю?

Дэн кивнул, не очень поняв, кто из них задал вопрос.

– Я – доктор Ховард из Центра. – Мужчина поменьше ростом кивнул и подошел к столу. – А это доктор Бригэм из Бюро.

Дэн глубоко выдохнул, чувствуя почти физическое облегчение. Он даже не понимал, в каком, оказывается, напряжении все это время находился. Возможность переложить ответственность и уступить власть дала возможность почувствовать себя значительно свободнее.

Все трое обменялись рукопожатиями, и Дэн кратко посвятил их в суть дела. Оба познакомились с докладами и документами, которые он пересылал им по факсу, поэтому сосредоточился преимущественно на событиях последней недели в офисе coronera, на некоторых тестах, которые он проводил, пытаясь понять причину столь упорного и пока необъяснимого возвращения к жизни.

Ховард хотел немедленно приступить к аутопсии, что вызвало у Дэна некоторое замешательство. Он не мог решиться взять в руки скальпель, потому что тело... до сих пор казалось как бы живым.

И это была правда. Даже хирурги работают с неподвижными людьми, находящимися под анестезией, а сам он лично вообще никогда не резал живое тело. Перспектива вскрытия грудной клетки умершего человека, чьи ноги продолжают двигаться, вызвала у него тошнотворную реакцию.

– Я начну, – заявил Ховард.

– Я ассистирую, – кивнул Бригэм.

Из этого следовало, что Дэн останется на подхвате и, возможно, даже не примет участия во вскрытии, останется наблюдателем. Это его очень даже устраивало.

Они вымыли руки, натянули перчатки, включили видеокамеры и магнитофоны. Ховард придвинул поднос с инструментами ближе к столу и, комментируя свои действия, сначала измерил тело, тщательно изучил внешний вид, а потом взял в руку скальпель. Сокращения мышц, похоже, не смущали его. Без малейшего колебания он сделал первый разрез и ввел катетер.

Дэн молча стоял рядом с врачом из Центра; в ушах пульсировала кровь. Руки в латексных перчатках неприятно вспотели.

Кровь откачали, но никакого заметного изменения в движении ног трупа не произошло. Мышцы, удерживаемые ремнями, по-прежнему поочередно напрягались – левая нога, правая нога, левая, правая... Когда грудная клетка уже была вскрыта и Ховард начал извлекать внутренние органы, взвешивать их и упаковывать, неутомимые мышцы нижних конечностей продолжали сокращаться по-прежнему. От этого зрелища по коже Дэна побежали мурашки. Это было самым противоестественным зрелищем, какое он когда-либо видел, и даже в этом залитом светом помещении, в окружении самого современного медицинского оборудования и двух врачей, его охватил страх.

– Мы намерены ампутировать ноги, – под конец произнес Ховард, когда уже был вскрыт череп, а мозг извлечен и также помещен в специальный сосуд. Тело представляло собой не более чем распотрошенную оболочку, но ноги продолжали двигаться.

Некоторое время они обсуждали, что делать с конечностями, кто возьмет их на исследование. Была договоренность, что Ховард и Бригэм возьмут фрагменты от каждого органа, а сами внутренние органы останутся в морозильнике под охраной службы coronera до того момента, пока все три агентства не придут к согласованному мнению относительно ситуации, но ноги – это нечто иное, поэтому Дэн быстро дал понять, что лучшим вариантом будет, если Центр возьмет для исследования одну, а ФБР – другую. Бригэм и Ховард, посоветовавшись, согласились с этим предложением, и Дэн извлек из шкафа два герметичных пластиковых мешка величины достаточной, чтобы ноги Энгстрема поместились в них целиком – от ступни до бедра.

В этот момент оба врача наконец-то проявили некоторое волнение. Руки Ховарда, когда он вставлял новое лезвие в дисковую пилу, действовали не столь уверенно, как раньше, а Бригэм, рассматривая ноги и нанося линии разрезов на напряженной коже, выглядел озадаченным.

– Ампутация левой ноги в паху, – произнес Ховард в микрофон, прежде чем включить пилу, в воющем визге которой уже ничего слышать было нельзя.

Диск пилы прошел кожу, плоть, мышцы, кость. Дэн почти был готов к тому, чтобы

услышать крик Энгстрема, увидеть, как тело начнет вырываться из пут или даже порвет их, как Франкенштейн, и вскочит на ноги, но ничего такого не произошло, а неподвижная челюсть и незащищенные глаза оставались такими же открытыми и мертвыми.

Левая нога была отрезана. Ховард отрезал последний слой кожи.

Нога продолжала двигаться.

Столь дикого зрелища Дэну никогда в жизни видеть не приходилось, и первым импульсивным желанием было порубить ампутированную конечность на куски или сжечь ее в кремационной печи. Но тут же возникла картинка мелко порубленных осколков, каждый из которых продолжает двигаться сам по себе, подчиняясь неведомой силе, и обугленных костей, прыгающих среди пепла.

Отделенная от тела, нога выскользнула из-под удерживающих ремней, упала на пол и, лежа на боку, продолжала сгибаться и разгибаться в колене, описывая круг по линолеуму в тщетной попытке ходьбы.

В его обязанность входило запаковать ногу, но лишь втроем им удалось усмирить конечность, поднять и упрятать ее в мешок. Дэн отнес ее в морозильную камеру, где уже находились другие части тела Энгстрема. Нога продолжала биться в пластиковом мешке, и он очень надеялся, что с Божьей помощью мороз как минимум замедлит ее движения, если не прекратит их окончательно.

Потом он вернулся к столу, где производилось вскрытие.

И они повторили всю операцию еще раз.

Лишь почти в три часа дня, спустя шесть часов после того, как в прозекторской появились Ховард и Бригэм, все было закончено, стол вычищен, видеокамеры и магнитофоны выключены. Пока все трое отдыхали в кабинете Дэна, выпивали, обменивались бумагами и обсуждали процесс аутопсии, были сделаны копии видеопленок и аудиозаписей. Ховард признался, что ничего подобного ему видеть не приходилось и что он бессилен объяснить такую посмертную активность. Именно длительная, непрекращающаяся природа этой деятельности, столь четкой и целенаправленной, более всего заинтриговала Бригэма. Он не мог представить, как это могло произойти, но специфичность этой деятельности предполагала причину и цель. При этом в причине смерти Энгстрема никто не сомневался – раковые опухоли были настолько ярко выраженными и метастазирующими, что можно было счесть почти чудом, что тот продержался столько, сколько продержался, – но причина его *жизни после* смерти оставалась вне постижения.

Они расстались, так ничего и не решив. Ховард и Бригэм оба пообещали подключить мощные ресурсы своих уважаемых организаций и обменяться мнениями через неделю.

Сотрудник Центра взял одну ногу, сотрудник ФБР – другую. Остальное тело принадлежало ему, и оно было абсолютно и безусловно мертвым. Таким образом, проблема была решена. Дэн напечатал отчет о проведенной аутопсии и разрешил передать то, что осталось от Джона Энгстрема, в морг, определенный семьей покойного.

Он проследил, как работники морга переложили укрытое в мешок тело – или то, что от него осталось, – на растяжку, помещенную на носилки. Рука еще помнила движение сокращающихся мышц. Сегодня утром он, находясь один в прозекторской, смеялся этому ощущению, но сейчас он даже не мог вспомнить, что его так рассмешило.

Его передернуло.

Это было не смешно.

Всё это было совершенно не смешно.

3

Он оказался у него на столе утром в понедельник. Доставленный анонимно, как и предыдущие.

На наклейке было напечатано название: ВОЛЧИЙ КАНЬОН.

Прежде чем вскрыть, Маккормэк некоторое время разглядывал большой конверт из плотной желтой бумаги. Последний раз он получал такой два года назад. В нем было сообщение, что Тодд Голдмэн, его правая рука и связующее звено с местными представителями

власти Волчьего Каньона, покончил с собой.

Волчий Каньон.

Именно он возглавлял расследование. Или то, что *официально* именовалось «расследованием». Ибо для установления истинных причин происшедшего никаких особых усилий и не предпринималось. Никто не был заинтересован в выяснении того, почему не были эвакуированы жители города или, тем более, кто несет за это ответственность. Главной задачей было сохранение тайны, умолчание о самом факте существования этого поселения и полная гарантия того, что ни одно слово не просочится наружу – тем более в прессу – о том, что правительство Соединенных Штатов не только приютило, но и активно поддерживало целое сообщество колдунов.

Выражение «убедительное опровержение» еще не было высказано, но смысл, стоящий за ним, был актуален определенное время, а это и было их истинной целью – если какая-то информация о Волчьем Каньоне каким-то образом вдруг всё-таки всплывет, сделать так, чтобы все лица, находящиеся выше определенной ступени служебной иерархии, могли и перед судом заявить о своем полном неведении. Суть же была в том, что тогда, в начале «холодной войны», действующий президент никаким образом не мог быть ассоциирован с бандой безбожных колдунов. Хватало одних язычников-комми, ибо поддержка тайного общества любителей заклинаний здесь, дома, на доллары налогоплательщиков, могла вполне стать основой для импичмента.

Операция прошла с полным успехом. Не только никто ничего не узнал про колдунов – даже сами строители плотины, – но и ни пресса, ни широкая публика ничего не узнали про затопление. Никто из имеющих отношение к Волчьему Каньону не выступил с публичными заявлениями и не обладал достаточными сведениями, чтобы представить их на слушания в Конгрессе – за закрытыми дверями или как-то иначе. *Эта* плотина выдержала.

Но у него самого остались вопросы. Несмотря на то, что он сам возглавлял расследование, Маккормэк так и не смог установить, было затопление случайным или преднамеренным. Их истинной миссией было подавить все слухи, а не докопаться до правды, и они следовали своему предписанию буквально: посещали место события, обследовали трупы, беседовали с рабочими и тихо закрывали папки с делами. Нельзя было исключить, что кто-то где-то из верхних слоев администрации Эйзенхауэра прознал о существовании Волчьего Каньона, проявил политическую благонадежность и решил, что город следует уничтожить, а населению заткнуть рот. Сама по себе идея возведения второй плотины в такой близости от первой была весьма необычной, и хотя доводы выглядели убедительными, он не исключал и наличие высшего мотива в решении, направленном на нейтрализацию того, что могло бы стать политической атомной бомбой в те времена гонений на коммунистов.

А может, тут вообще не обошлось без нечистой силы.

Прошло много времени, и он начал заниматься неофициальными поисками. По мере того как он поднимался по ступеням служебной лестницы, былая осмотрительность уступала место любопытству, и он давал понять некоторым надежным людям из различных агентств, что интересуется всеми новостями, имеющими отношение к Волчьему Каньону.

И вот пришел очередной конверт. Маккормэк сидел и перебирал копии присланных документов. По мере знакомства с материалами настроение портилось. Как и ранее, здесь не было ничего конкретного, но даже косвенное отношение к Волчьему Каньону накладывало на них зловещую тень, которой в ином случае никто бы и не почувствовал.

Он прочитал одно свидетельство о смерти и результаты вскрытия.

Второе.

Честно говоря, он никогда всерьез не верил в колдунов. Нет, он верил, что они сами считают себя колдунами, но что касается магических порошков, мистических ядов и прочих фокусов-покусов мумбо-юмбо, то это, на его взгляд, было полнейшей чушью. Наследие семнадцатого века, а отнюдь не то, к чему можно серьезно относиться в конце второй половины века двадцатого.

По крайней мере он так думал до недавних пор.

Сейчас он в этом уже сомневался.

Несколько недель назад Расс Уинстон, один из заместителей министра министерства

внутренних дел, был убит здесь, в округе Колумбия, в своем собственном гараже, весьма «необычным», как было сообщено прессе, способом. На самом деле это было очень мягко сказано. Он был разорван пополам, а его сын и внук рассказали следователям, что на него напало мелкое создание, волосатая зубастая тварь, которая затаилась в ожидании Уинстона и мгновенно исчезла после того, как все произошло.

Монстр.

Монстры и колдуны.

Это персонажи детских сказок, а не явления, которые следует всерьез воспринимать государственному агентству. Но государство отнеслось к этому серьезно и вновь сделало все возможное, чтобы уберечь общество от информации, с которой, по его мнению, его граждане совладать не в состоянии.

Он знал Расса Уинстона по Волчьему Каньону. В ходе расследования он брал у него интервью. Расс был одним из начальников смен и показался ему более сообразительным, более толковым, более наблюдательным, чем многие его коллеги, и неудивительно, что тот постепенно оказался в Вашингтоне. В течение многих лет они поддерживали ни к чему не обязывающие контакты, которые возникают между случайными знакомыми, но никто из них ни разу больше не заговаривал про Волчий Каньон, и сейчас Маккормэк жалел об этом. У него всегда было впечатление, что Расс чувствует себя виноватым за затопление и так и не смог смириться с этим. Это была одна из причин, по которым Маккормэк никогда не затрагивал эту тему при их редких возможностях для общения. Сейчас ему оставалось лишь теряться в догадках – знал ли бывший начальник смены и замминистра больше, чем говорил, и основано ли было его чувство вины скорее на этом знании, нежели на ошибочно взятой на себя ответственности.

Другое сообщение касалось человека из Юты, бухгалтера, умершего от рака. Бухгалтера ничто не связывало с Волчьим Каньоном, но местный коронер обратился к ФБР и Центру контроля заболеваний, потому что человек продолжал ходить после смерти.

Очевидно, тот, кто доставил ему этот конверт, решил, что какая-то связь существует.

Маккормэк тоже так думал, поэтому внимательно прочитал всю информацию, включая две статьи – из местной газеты штата Юта и одного таблоида. Из них следовало, что признаки жизни после смерти проявлялись в ногах. Сейчас их изучением занялись большие люди из Бюро. Южная Юта не так далеко от Аризоны и Волчьего Каньона, и не требовалось большого усилия предположить, что некая связь действительно существует.

Но правда ли всё это?

Постоянно циркулировали слухи о том, что Советы занимаются изучением экстрасенсорики, психокинеза, эффекта Кирлиан и тому подобного. Если подобные психические феномены действительно существуют, возможно, Соединенным Штатам следовало бы пойти в масть. Возможно, надо было бы дать возможность Пентагону проникнуть в Волчий Каньон, использовать тамошних колдунов как дополнительный ресурс, а не уничтожать их самих и все следы их существования под рукотворным озером.

Но было ли это результатом несчастного случая или обдуманных действий – сейчас уже слишком поздно что-либо изменить.

Он позвонил Грегу Росситеру из Бюро. Росситер имел некоторый опыт общения с паранормальными явлениями и так или иначе считал себя специалистом в этом вопросе. Недавно ему удалось выбить из тайных бюджетных источников финансирование на установку новой базы данных, чтобы систематизировать незавершенные дела по основаниям потенциальных сверхъестественных явлений. Росситер мог бы стать посмешищем для всего ФБР, если бы не тот факт, что ему действительно удалось распутать множество нераскрытых убийств за последние несколько десятилетий. Доказав, что все они были совершены одним и тем же убийцей, а убийца этот был вампиром и скрывался в Аризонской пустыне. Он был в составе той группы, которая выезжала по делу о монстре, и хотя тело не было обнаружено, косвенных доказательств и показаний очевидцев было достаточно, чтобы подтвердить его гипотезу. Не все поверили в историю Росситера про вампира, но среди высокопоставленных лиц хватило и других, благодаря чему он перебрался из Феникса в Вашингтон. Маккормэк знал его по многочисленным курсам и семинарам, и хотя Росситер не относился к тем, с кем бы он

захотел поделиться своими предположениями по поводу Волчьего Каньона, похоже, настало время посвятить агента в это дело.

Росситер прибыл после ленча. Обменявшись краткими неформальными приветствиями, Маккормэк передал агенту папку и попросил ознакомиться с представленными материалами. Росситер сел и начал листать документы.

– Я знаю этот район, – заметил он, подняв голову. – Аризона. Я там вырос.

– Читайте дальше.

Маккормэк смотрел на потоки машин за окном. Тишину кабинета нарушало лишь негромкое гудение вентиляции, наполняющей комнату теплым воздухом, да периодическое шуршание перелистываемых агентом страниц.

Дочитав до конца, Росситер встал и принялся энергично расхаживать по кабинету, из чего Маккормэк мог сделать вывод, что информация его очень взволновала.

– Какова подоплека всего этого? В чем здесь ваш интерес? Я увидел здесь некоторые документы Бюро, стало быть, у вас есть определенные связи, снабжающие вас подобной информацией, но зачем? И почему вы обратились ко мне?

Маккормэк сделал ему беглый обзор дела под названием «Катастрофа в Волчьем Каньоне», как они собирались назвать его, если какая-то информация просочится в прессу. Он объяснил, каким образом возникло поселение колдунов, где они могли избежать гонений, и каким образом после завершения строительства второй плотины в Волчьем Каньоне город был затоплен, хотя эвакуация была проведена не полностью и погибли шестьдесят три человека. В то время он работал в министерстве юстиции и возглавлял расследование по личному распоряжению Генерального прокурора.

Им удалось полностью избежать утечки информации о том, что произошло, и через две недели расследования он закрыл дело, определив происшествие как несчастный случай. Однако в этой ситуации оставалось немало неясного, и он до сих пор сохранил к ней интерес, все эти годы отслеживая материалы, имеющие отношение к Волчьему Каньону.

– Могу предположить, – заметил Росситер, – что вы по сей день сохранили интерес именно потому, что вам не дали возможности прийти к истинным заключениям. Вашей задачей было не расследование, вашей задачей было скрыть соучастие, подготовить доклад, который бы освободил все ветви государственной власти от обвинений в причастности к этим смертям.

Маккормэк посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Я понимаю, вы не можете этого сказать. Естественно. Вероятно, это и помогло вам оказаться там, где вы находитесь в настоящее время. Но должен отметить, на основании того, что вы мне рассказали и что я вычитал в этой папке, это не просто некий городишко, населенный чудаками, которые считали, что могут летать на метле и общаться с дьяволом. В этом месте была какая-то сила, она до сих пор существует и распространяется. – Росситер покачал головой. – Я знаю, что обо мне думают наверху. Я знаю, что далеко не для всех я являюсь образцом идеального агента. Но я также знаю, что я видел, что испытал на себе лично. Я представляю, что там происходит. Мы с вами живем не в черно-белом мире, и если Бюро не начнет специальную программу, мы окажемся отброшенными назад гораздо дальше, чем в настоящее время. Нам необходимо активно заниматься подобными инцидентами, а не складывать их под сукно и изобретать идиотские объяснения, которые успокоят власть имущих. Нам необходимо разработать стратегию поведения в подобных ситуациях.

– О чем вы говорите?

– Я хочу съездить туда. Я знаком с местными властями, знаком с этим районом. Не знаю, известно вам или нет, но я довольно долго прожил в этой части Аризоны и должен заметить, там происходит много странного. Думаю, мне удастся выяснить то, что вы хотите узнать.

– Блестящая мысль. Честно сказать, я очень надеялся, что вы так скажете. Поэтому я к вам и обратился. Я хотел, чтобы вы познакомились с этим.

– Впрочем, мне потребуется ваша помощь, – скептически посмотрел на него Росситер.

– Моя помощь? Почему?

– Потому что вы можете придать этому делу официальный характер. Вы можете позвонить в Бюро и сделать специальный запрос, чтобы я возглавил специальную комиссию или расследовательскую группу. Если поступит запрос из министерства юстиции, они не

откажут.

– Почему вы сами не можете это сделать? – заартачился Маккормэк. – Бюро уже исследует ногу того бухгалтера. Это открытое дело. Подключитесь к нему.

– Во-первых, я не могу просто подключиться. Меня должны подключить. Во-вторых, я не самый уважаемый сотрудник ФБР в этом смысле. Если вы вдруг не обратили внимания, несмотря на мои признанные успехи, несмотря на то, что мне говорят и обещают, в настоящее время я на очень коротком поводке и не могу вот так запросто взять и выписать себе билет.

Он подался вперед, и Маккормэк увидел в глазах молодого человека блеск азарта, смешанного с амбициями.

– Тут вы мне и нужны. Мне нужна легитимность. Мне нужен тот, кто меня подтолкнет. Человек с безупречной репутацией. Уважаемый, властный и влиятельный человек, который будет стоять за моей спиной.

– Я не...

– Что «не»? Не хотите ввязываться? Вы уже ввязались. И если вы хотите когда-нибудь все-таки выяснить, что произошло – что в действительности произошло, – вы поддержите меня. Это редчайшая возможность. В вашем положении это не грозит ни особенным взлетом, ни падением. Победа, поражение или ничья – вы останетесь тем же. Вы находитесь так близко, что ваше восприятие искажено, но, поверьте мне, это не взрыв в Оклахома-Сити. Это не самое крупное дело. Это всего лишь завершённое расследование сорокалетней давности, некоторые из второстепенных участников которого недавно отошли в мир иной. Никто не обратит внимания, если вы тихо распорядитесь начать новое расследование происшедшего на основании этого факта.

– Не знаю, – облизнул Маккормэк внезапно пересохшие губы.

– Да чего тут не знать? Вы позвали меня посоветоваться. Я изложил вам свое мнение. Вы можете воспользоваться своей властью, чтобы открыть новое расследование, совпадающее с делом, которое ведет ФБР, и потребовать назначить меня главным.

– Я... Я не могу взять на себя такую ответственность.

– У меня было предчувствие, что вы так скажете, – кивнул Росситер и, бросив папку на стол, добавил: – Только потом не жалуйтесь мне, что вам так и не удалось узнать правду.

Маккормэк встретился с ним взглядом, но промолчал.

Агент выждал некоторое время, как бы ожидая окончательного ответа, после чего направился к двери.

– Если передумаете – знаете, где меня искать.

Маккормэк хотел что-нибудь сказать, хотел задержать Росситера, но мысленно увидел раздувшиеся от воды тела мужчин и женщин, которых им удалось выловить из озера.

И испугался.

Он смотрел на дверь еще несколько минут после того, как она закрылась.

Возможно, подумалось ему, что он на самом деле не хочет знать правду.

Включив измельчитель бумаг, расположенный рядом со столом, он взял папку и начал вкладывать в машинку листы из нее – один за другим.

Тогда

1

Мир изменился.

Территории стали штатами, тропы, караванные пути и дороги испещрили когда-то девственные земли Дикого Запада. В городах появились технические устройства, называемые телефонами, с помощью которых друзья и родственники могли на огромных расстояниях разговаривать между собой.

Люди больше не боялись чудес.

Наука превратила чудеса в повседневность.

Уильяму не нравился этот новый мир. Появляясь в городах, чтобы продать или купить товары, посещая Феникс, Альбукерк или Солт-Лейк-Сити, он с тяжелым чувством наблюдал обыденное отношение к тому, что ранее вызвало бы вздох изумления. Даже давние обвинения в ереси, богохульстве и сношениях с дьяволом казались предпочтительнее этого скучного неверия, и оставалось лишь сокрушаться по поводу опошления чудодействий.

Наука узурпировала роль колдунов. Люди теперь могли сами творить чудеса. В Денвере он слышал дискуссии об ученом по имени Дарвин, который постулировал «выживание самых приспособленных» и, судя по всему, полагал, что природа сама обеспечивает все, что нужно, и отбрасывает лишнее, и с помощью «естественного отбора» определяет, каким видам животных суждено жить дальше.

Возможно, он сам способствовал вымиранию своего рода тем, что изолировал их, обеспечил безопасное существование в укромном месте. В них больше не было необходимости, они больше не несли никакой полезной функции. Они просто существовали и, не имея перед собой большой цели, просто откололись от основного потока жизни на земле, превратились в тихое умирающее болото на берегу великой и могучей реки.

Он лежал в постели, глядя в темноту, испытывая потребность опорожнить кишечник, но не имея ни малейшего желания выходить в укромное место по такому холоду. Подобные сомнения всегда посещали его по ночам, но в последнее время они стали возникать все чаще и чаще.

Такого развития событий он не мог вообразить. Его намерения были благородны, помыслы – чисты, и в те давно минувшие дни, когда его изгнали из последнего города и он направился на Запад в тщетных поисках мира, которого не существовало, ему даже себя удалось убедить в том, что он – великий человек, которому пришла в голову великая идея, которая способна навсегда изменить жизнь его народа.

Однако время показало ложность этой идеи, и теперь он уже думал, что лучше бы ему было никогда не оказаться в этом месте и не предпринимать попытки основать город.

И никогда не встретить Изабеллу.

Да. Об этом он сожалел больше всего. Она оказалась источником всех его проблем, и если бы он никогда с ней не встретился, все могло бы пойти иначе.

Он повернулся на бок, потом сел и поморщился. Ныли и болели все мышцы. Он становился старым и дряхлым. Силами он был крепок как никогда. Более того, с годами они лишь возрастали. Но тело слабело. Он уже не мог ходить без боли, и если не наводил на себя подкрепляющее заклинание, руки тряслись даже тогда, когда он держал предмет не тяжелее ручки для письма.

Изабелла не изменялась.

Он посмотрел на нее, лежащую рядом на старой медной кровати. Она оставалась такой же юной, как всегда, кожа была гладкой, как алебастр, лицо сохраняло ту прежнюю дикую красоту, которая так покорила его на дороге в районе Шайенна много лет назад. Во сне она стянула с себя покрывало, подставив свежему ночному воздуху обнаженные груди – округлые, идеальной формы, с гордо торчащими сосками... Ему до сих пор не приходилось встречать столь удивительно выглядящей, женщины.

Он уже понял, что она не такая, как он. В ней было нечто отличное, нечто большее.

Нечто злое.

Ему потребовалось немало времени, чтобы признать это. Даже после того, как она избавилась от большинства его первой группы, даже после того, как умерли другие, он упорно не хотел возлагать на нее вину. Он любил ее. Или думал, что любит. А вместе с любовью возникало не только инстинктивное желание защитить ее, но и добровольная слепота к ее недостаткам, которая мешала ему увидеть то, что было очевидно для многих других.

И когда нормальные люди попадали в их регион, когда она начинала чистки и гонения, когда она начала устраивать сожжения на костре, он все еще отказывался признавать, что происходит, хотя в ночные часы, которые проводил в одиночестве, без нее, страшно мучился всем этим, теряясь в догадках, является ли та Изабелла, которую он видит, настоящей, или это просто идеализированный образ, который застит ему глаза и не дает признать правду.

Последние десять лет были просто сущим адом. Фермеров и поселенцев, прибывавших

осваивать близлежащие территории, систематически убивали или изгоняли прочь, методично терроризировали, с помощью магии или без оной, а он лишь беспомощно стоял в стороне и наблюдал, как Изабелла по всей земле сеет смерть. Многие из колдунов способствовали ей в этом. По крайней мере на первых порах. Они одобряли действия Изабеллы и поддерживали ее. Они сами и их семьи сами подвергались гонениям большую часть жизни, поэтому с легкостью ухватились за возможность отомстить тем, кто в свое время поступал с ними аналогичным образом. Зуб за зуб. Некоторые, впрочем, относились к этому отрицательно, но эти инакомыслящие, кто остался, а не предпочел скрыться из города среди ночи, чтобы поискать счастья где-нибудь в другом месте, хранили молчание, запуганные растущим авторитаризмом правления Изабеллы.

Он тоже испытывал страх.

Изабелла открыла один глаз, поглядела на него и похотливо подмигнула, словно напоминая о том, чем они занимались вечером, перед сном – за что теперь расплачивалось его больное тело.

– Все в порядке, дорогой? – улыбнулась она.

– Все прекрасно, – заставил себя улыбнуться Уильям и опустил голову на подушку.

* * *

Его отношение менялось постепенно. Каждый новый акт насилия подтачивал его доверие к собственной жене, но лишь на другой день подлинная сущность Изабеллы предстала перед ним во всей полноте.

Все утро он провел один дома, как это часто бывало в последнее время, но когда Изабелла не появилась, чтобы приготовить ленч, и когда еще несколько часов прошло без малейших известий о ней, он решил отправиться на поиски. В душе уже возникло дурное предчувствие, и хотя за все прошедшие годы он так и не смог научиться читать Изабеллу, интуиция его никогда не подводила.

Ее не было ни в баре, ни в торговых рядах, ни в библиотеке, ни у галантерейщика. Ее не было в городе. Он не чувствовал ее присутствия ни в одном из домов, поэтому оседлал лошадь, укрепил усталое тело заклинанием и направился по северной дороге.

Он нашел ее в верховьях каньона, поблизости от первой шахты заброшенного рудника. Она весело потрошила длинным зазубренным ножом маленькую девочку. Девочка молчала – либо потеряв дар речи от ужаса происходящего, либо пораженная молчанием с помощью магии, и лишь дикие судороги и конвульсии ее расчлененного тела выдавали невыносимую боль, которую она испытывала. После последнего рейда, проведенного против поселенца, прошло немало времени, и старые шрамы на лице и ногах девочки убедили его, что Изабелла оставила ребенка в живых, чтобы использовать как игрушку.

Девочка.

Изабелла обернулась, посмотрела на него, улыбнулась, вырвала из груди девочки сердце и впиалась в него зубами. Судороги прекратились.

До этого момента он всегда мог найти оправдания ее действиям. Но этот образ Изабеллы, забавляющейся с невинным ребенком, потряс его до глубины души. Она была не просто колдуньей, сверххревносно оберегающей себя и своих людей от возможной беды. Она была монстром.

Нечто злое.

Только сейчас он понял то, что следовало понять гораздо раньше: именно она убила Джеба и иссушила его тело.

Она была вампиром.

Только она была не совсем вампиром. После смерти друга он познакомился с кое-какой литературой на эту тему, и помимо того, что она не старела и, по всей видимости, обладала способностью извлекать флюиды из человеческого тела, она не обладала никакими характерными признаками вампира. Ей не требовалась кровь для поддержания собственного существования, она не была недееспособна днем и не воодушевлялась лишь по ночам. Она не боялась креста и любила чеснок.

Нет, Изабелла была чем-то иным, и самое большее беспокойство вызывало то, что за все эти годы совместной жизни она так и осталась для него полной загадкой.

Насколько он мог понять, она была единственной в своем роде. За всю совместную жизнь она ни разу не упомянула о каких-нибудь людях из своего прошлого – за исключением той истории о борделе в Канзас-Сити, в которую он никогда не верил. Она никогда не показывала, что скучает по семье или какому иному обществу, никогда не показывала, что ожидает появления кого-то другого.

Он вспомнил про монстра, на которого они с Джебом наткнулись в каньоне.

Он вспомнил про Плохие Земли.

Может, она была последней из вымирающей породы. Может, существа, которые населяли эти земли до появления здесь человека, вымерли, а она оказалась единственной, кому удалось выжить благодаря уму.

Опять Дарвин.

Кажется, все в эти дни сводится к Дарвину.

Если бы он обладал достаточной силой, он бы убил ее на месте. Он бы остановил ее сердце или расплавил его, или взорвал ее, но он не обладал ее силой, никогда не обладал ее силой, и она это знала. Она отбросила маленькое растерзанное тельце на камни. Он отвернулся от шахты, чувствуя приступ слабости, и пустил лошадь в галоп в обратную сторону. Вернувшись в город, он спрятался в собственном доме.

Изабелла вернулась много часов спустя – чистая, свежая и явно довольная. Они ни словом не обмолвились о встрече в каньоне, и он понял, что она рассчитывает, что он не станет предпринимать никаких действий.

Они молчали за ужином и после.

Он ушел спать один.

Среди холодной ночи он опять проснулся с непреодолимым желанием облегчиться. Хотя он ушел спать один, Изабелла улучила момент забраться в кровать вместе, и теперь ее голова покоилась на соседней подушке. Одной рукой она мягко обхватила его гениталии. Он сел, посмотрел на нее сверху вниз, и от выражения извращенной удовлетворенности на ее лице у него буквально все перевернулось внутри. Изначально он не собирался ничего предпринимать в связи с тем, что увидел в каньоне. Вернувшись домой, он испытал нечто вроде морального паралича. Но теперь, вспомнив, что она сделала...

что ОНИ сделали

...и увидев ее вот так спящей, забывшей об осторожности, уязвимой, он внезапно обрел силу сделать то, что сделать было необходимо.

Он убил ее во сне.

Он убил ее, но она не умерла.

Он накрыл ей лицо подушкой, прижал и давил до тех пор, пока не заломило руки, а когда снял...

Она дышала по-прежнему и спала по-прежнему.

И улыбалась.

Холод, который охватил его, был не от воздуха с улицы, просачивающегося между щелей оконных ставен, не от ревматизма, постоянно досаждающего его костям. От попятился от кровати. Руки тряслись, во рту пересохло. Он ждал, что вот сейчас она сядет, откроет глаза, оценит его попытку покушения на ее жизнь и отомстит каким-нибудь образом. Но она оставалась недвижимой, сонной, и лишь по ехидной улыбке на лице можно было понять, что она знает, что он с ней делает.

Он набросил быстрое заклятие на кровать и все, что в ней, сдерживающее заклятие и принялся метаться по комнате в поисках оружия, решительно намеренный довести до конца начатое дело.

Он отрезал ей голову ее собственным ножом – ножом с длинным зазубренным лезвием, которым она потрошила девочку. Кровь брызнула и хлынула ручьем. Он остановил кровь порошком жабы, отделил голову от тела, но она все равно жила. Глаза мигнули и открылись; рука поднялась и спокойно почесала щеку.

Он понял, что она играет с ним.

Она посмотрела не него и покачала головой – существующая отдельно от тела голова наклонилась из стороны в сторону на подушке, грубо отсеченные артерии болтались в шее, как живые красные черви.

Он был весь в крови, равно как и простыни, одеяло и пол. Никогда в жизни ему еще не было так страшно. Больше всего пугало понимающее выражение ее глаз, ибо он хотел покончить с ней мгновенно, чтобы она не поняла, что случилось, и не успела осознать его предательства.

Но задуманное не получилось, и широко открытые глаза внимательно следили за его суетивными и неловкими попытками убить ее. Сознание того, что она знает, что происходит, наполнило его совершенно незнакомым и диким страхом, страхом, которого он *не* переживал никогда в жизни.

С криком он ухватился за край подушки, дернул на себя, и голова скатилась на пол. Затем он расчленил тело надвое, произнес быстрое и грязное заклинание и вывалился на улицу, глубоко дыша, заполняя свои старые усталые легкие чистой свежестью холодного ночного воздуха и стараясь избавиться от вкуса и запаха крови, забившего рот и ноздри.

Он надеялся сохранить ее смерть в тайне, по крайней мере на какое-то время, и потом объяснить ее естественными причинами. Но, видимо, пробой в силе был таким ощутимым, что десятки людей в ночных колпаках и наброшенных на плечи одеялах уже столпились у изгороди. Он оглядел лица присутствующих, ожидая противостоять возмущению тех, кто поддерживал ее в ее «чистках». Но то, что он увидел, наполнило сердце радостью.

Облегчение.

Благодарность.

Они были рады, что ее не стало, благодарны за то, что он убил ее.

Пошатываясь, он сошел с крыльца, пересек маленький дворик, вышел за ворота и попал в объятия Ирмы Кейхорн и Сюзен Джонсон.

К этому моменту глаза его уже были так полны слезами, что он ничего не видел перед собой.

* * *

Они решили не дожидаться утра.

Несколько мужчин вошли с ним в дом. Мэттью, Джошуа, Клетус и Рассел вынесли две половины тела, произнося нараспев заклинания, отгоняющие злобу, и заклинания, защищающие их самих. Уильям нес голову, засыпав ее порошком из костной муки, чтобы предотвратить ее воскрешение. Несмотря на раздирающие его чувства, Уильям не сомневался, что поступил правильно.

К этому времени перед домом собрался уже почти весь город. Жители молча сопровождали мужчин, несущих останки Изабеллы, по всей Главной улице и далее, в сторону каньона. Дорога, ведущая из города в темноту, перешла в тележный тракт, потом – в конскую тропу.

Уильям чувствовал, что ему следовало бы объяснить, что он сделал и почему, но не знал, как это выразить, да и, по правде говоря, слова были здесь ни к чему. Горожане и так что-то поняли, а он, улавливая настроение толпы, не чувствовал ничего, кроме поддержки.

Они продолжали свой путь во мраке.

Пещера находилась в начале каньона, в болотистом районе, поросшем папоротниками.

Он с самого начала намеревался захоронить ее здесь. Пещера была далеко от города, но все же в пределах Волчьего Каньона, и располагалась в достаточно уединенном месте, дающем возможность надеяться, что ее не обнаружат. Его волновало не то, что кто-нибудь сможет причинить ей вред, а то, что она бы не могла причинить вред другим. У него не было никакой уверенности, что смерть привела ее в полностью бессильное состояние, и хотелось быть уверенным, что сделал все возможное для обеспечения выхода ее из строя навечно.

Он шел во главе процессии, с трудом переставляя ноги по грязи, продираясь сквозь кустарники, густо разросшиеся на этом участке реки с относительно слабым течением. Под нависающим выступом скалы, среди густых зарослей папоротника, навсегда укрытых от солнца

и питаемых журчащим ручейком, стекающим откуда-то сверху, зиял вход в пещеру – низкое, узкое отверстие, за которым скрывалось достаточно просторное помещение. Они вошли туда один за другим, и кто-то быстро создал песочного цвета огонь для освещения.

– Мы оставим ее здесь, – сказал Уильям. – Положите тело по разным углам.

Тут он ощутил под руками какое-то движение, отталкивающее неестественное шевеление, и от неожиданности выронил голову. Она упала с глухим стуком, покатилась и замерла уставившимися вверх открытыми блестящими глазами. Он почти ожидал чего-то подобного, и тем не менее оказался застигнут врасплох. Он глядел на голову, не имея ни малейшего желания поднимать ее, боясь к ней прикоснуться. Глаза моргнули, лицевые мускулы дернулись, и он понял, что ни костная мука, ни заклятия не в состоянии заблокировать ее волю.

Он сделал шаг назад. Мужчины, несшие две половины тела, разложили их по углам и присоединились к остальным, сгрудившимся у огня. Все взгляды были прикованы к нему.

Уильям услышал шепот и увидел, как шевельнулись губы Изабеллы. Глаза посмотрели прямо на него, потом повернулись в сторону толпы. Температура внезапно упала; от ледящего воздуха даже потускнело пламя огня.

Несмотря на отсутствие тела и легких, с губ отрезанной головы слышался громкий и ясный голос Изабеллы:

– Никто из вас не уйдет, когда воды придут. Я проклинаю вас. Я проклинаю вас и ваших потомков, и я пожру души ваши, ибо такова будет месть моя за смерть мою. И горе тому, кто встанет между нами, и горе тем, кто принесет воды...

Она продолжала произносить литанию мрачных обещаний, которым, казалось, не будет конца. Уильям передернул плечами. Холод между лопатками возник не из-за ее проклятий. Скорее, от слов, которые она произносила, и архаичного строя речи. Теперь он на эмоциональном уровне ощутил то, что раньше подсказывало сознание: она была другой, она была не такой, как они. Она была гораздо старше, чем он, и настолько иной по своей структуре, что никто из них этого не мог даже вообразить.

– ...и когда я восстану к жизни от жизней ваших и потомков ваших, я буду сильнее, чем вы можете представить себе. Армии склонятся предо мной. Так было предсказано, и так будет.

Мэри, Ингрид и еще несколько человек уже тихонько пятились из пещеры, стараясь не привлекать к себе внимания. Гробовое молчание всех, кто был свидетелем этой сцены, сказало ему ярче любых слов о том страхе, который они все испытали от проклятий, произносимых головой Изабеллы.

Уильям огляделся, потом нагнулся, поднял большой камень и с размаху опустил его на говорящую голову.

Голос прервался, лишь звук последних слов эхом отдавался в стенах пещеры. Здоровенный обломок песчаника полностью накрыл ее лицо; лишь с одной стороны торчали извивающиеся жилы, а с другой – спутанным комком лежала дикая черная грива волос. Брызнувшая во все стороны кровь булькала и быстро впитывалась в песчаную почву.

Уильям произнес несколько слов, усилив интенсивность огня. Собрав все свои знания и мастерство, накопленные почти за семь десятилетий пребывания на земле, он приковал ее к этому месту, огораживая от вмешательства извне и запирая то, что от нее оставалось, в этой пещере.

– Выходите! – громко приказал он остальным. – Быстро. Ждите меня у реки.

Он присоединился к ним двадцать минут спустя с ощущением полной опустошенности и безумной слабости. Они замуровали гробницу; совместными усилиями вызвали оползень, который накрыл вход в пещеру, и к тому времени, как небо на востоке начало розоветь, они уже тяжело двигались в сторону города.

2

Все годы, которые оставалось ему жить, Уильям пытался забыть об этом инциденте, старался избегать воспоминаний об Изабелле, но это оказалось невозможно. Она слишком глубоко врезалась в его жизнь, слишком тесно оказалась связана с историей этого места, и даже сознательное избегание мест, вызывающих наиболее сильные ассоциации с Изабеллой,

вынуждало думать о ней.

Не остался ли ее дух до сих пор здесь, в каньоне, в доме, где она умерла? Уильям не знал этого, потому что не делал и малейшей попытки войти в контакт с ней. Этого, насколько он знал, не делал и никто другой. Такой контакт мог быть опасен, об этом они все слишком хорошо знали, и даже в Волчьем Каньоне магия, которой ранее пользовались совершенно свободно, стала применяться все реже и реже, поскольку они сознательно наложили на себя эти ограничения, стараясь избежать повторения недавнего прошлого.

Город увядал. Кое-кто покинул его, на их месте появились новые люди. Дни гонений и преследований, казалось, миновали. Волчий Каньон пережил свое основное практическое предназначение. Глядя на него сейчас, глядя объективно, Уильям не мог не признать, что в первую очередь их свел друг с другом страх; страх, а не чувство общности или товарищества позволил им создать в дикой местности некое подобие общества. Его мечта об утопическом селении, где он и ему подобные смогут жить мирно и счастливо, вдали от зла и пороков так называемой цивилизации, оказалась именно тем, чем и была, – мечтой. Глупые желания самонадеянного и чрезмерно эмоционального молодого человека.

Однако некоторые остались, у многих родились дети.

Постепенно бегство остановилось и уровень населения стабилизировался.

В окрестностях города селились другие люди, не гнушающиеся тяжелого труда, обзаводились фермами, ранчо. Их никто не прогонял, не терроризировал, к ним относились приветливо, как к соседям. Уильям не имел возможности выяснить, знают они или нет, что население Волчьего Каньона состоит из колдунов. Убив и захоронив Изабеллу, он снял с себя все притязания на власть и даже не принял участие в голосовании, когда город впервые демократическим путем выбирал себе мэра и шерифа.

Он уже слишком долго прожил, и когда здоровье серьезно "ухудшилось", он испытал только облегчение. Он был более чем готов к уходу.

На смертном одре ему было видение – образ из будущего, который, по словам Изабеллы, она видела довольно часто, но ему не доводилось никогда. Он лежал один. Кто-нибудь из женщин города навещал его ежедневно, приносил по утрам еду, но он ясно дал понять, что в компаньонах не нуждается и желает, чтобы его оставили в покое.

В видении было рукотворное озеро со стеной из гладкого камня, возвышавшейся на сотни футов над вершинами каньона. Стена эта царила над водной гладью.

Теперь он понял смысл проклятия Изабеллы. Городу суждено исчезнуть под водой. Он понял, что все колдуны, живущие в нем, обречены остаться здесь навсегда, утонуть, в полном соответствии с ее предсказанием. После смерти Изабеллы несколько семей покинули город, и он знал, что они тем самым надеялись нейтрализовать проклятие, хотя она и предрекала, что никому не будет позволено скрыться. Но смысл зачастую постигается не сразу. Только сейчас он понял, что она говорила о том, что все, кто будет находиться в Волчьем Каньоне в тот момент, когда будет создано озеро, погибнут.

Он хотел сообщить об этом остальным, хотел эвакуировать город и наложить отпугивающее заклятие на это место, чтобы никто больше даже не осмелился селиться в Волчьем Каньоне, и тем самым навсегда разрушить планы Изабеллы.

Но он никому не мог этого сказать.

Воздух застрял в горле. Он начал задыхаться. Дыхание остановилось.

Он умер в одиночестве.

А когда он оставил позади эту жизнь и перешел на другую сторону...

Она ждала его там.

Сейчас

1

Сидэр-Сити располагался у подножия гряды зеленых холмов. Или столовых гор. Он не

мог судить наверняка, потому что низкая облачность затянула вершины однородной серой массой. Здесь было холоднее, чем в Калифорнии, и более сыро. Вся обильная местная растительность была тоже однообразного мрачного черно-зеленого цвета, что вполне гармонировало с окружающим днем.

Майлс спустился по трапу небольшого самолета местных авиалиний и рысцой направился к сереющему сквозь туман небольшому зданию, исполняющему функции вокзала. Как он и предполагал, арендованной им машины на стоянке не оказалось, поэтому пришлось звонить в фирму «Авис» и напоминать о сделанном им заказе.

Ничего не оставалось, как ждать заказанной машины в здании аэровокзала. Он сел в одно из пятнистых неудобных кресел лицом к окну. Потом достал листок бумаги с двумя адресами, найденными им вчера вечером, и развернул карту города, которую ему дала женщина за стойкой. Город был маленьким, улицы легко находимыми, поэтому Майлс через небольшой промежуток времени сложил карту и уставился в покрытое мелкой моросью окно.

Спустя десять минут к подъезду вокзала подрулил побитый пикап, везущий на буксире красный «пontiак Гранд Ам». Лысый, печального вида мужчина, вышедший из «пontiака», был одет в белую куртку с надписью «Авис». Майлс собрал свои бумаги и вышел на улицу. Грустный мужчина переписал номер водительской лицензии и кредитной карточки, передал Майлсу ключи и быстро направился к другой машине. Грузовичок рванул с места, разбрызгивая лужи. Майлс бросил портфель на пассажирское сиденье и поехал в центр города.

Он попал в нужное место с первой попытки.

Дженет Энгстрем оказалась довольно изможденной женщиной, выглядящей явно старше своих лет. Она жила одна в выходящей окнами на улицу квартире одноэтажного жилого комплекса, расположенного напротив колледжа. Наверное, следовало предварительно договориться по телефону, но, поскольку он этого не сделал, Майлс просто подошел к двери и нажал кнопку звонка.

– Вы Дженет Энгстрем? – спросил он женщину, которая открыла дверь.

– Да, – устало кивнула та.

– Я бы хотел поговорить с вами о вашем дяде.

– Мой дядя умер. Извините. – Тень набежала на ее лицо, и она сделала попытку закрыть дверь.

– Я знаю. Поэтому я и приехал.

Что-то в его голосе, видимо, привлекло ее внимание, потому что она остановилась.

– Его тело исчезло, да?

– Нет.

– Нет?

– Мы похоронили его в воскресенье.

Тем не менее дверь оставалась открытой, и Майлс расценил это как добрый знак.

– Вы не позволите войти? Я бы хотел с вами поговорить.

– О чем?

– О вашем дяде. Я прилетел ради этого из Лос-Анджелеса.

– Вы не журналист?

– Нет, – быстро заверил ее Майлс. – Ничего подобного. Я просто... хочу поговорить.

– Вы знаете, – бесцветным голосом произнесла она.

Он кивнул.

На секунду она встретилась с ним взглядом, потом отвела глаза и сделала шаг в сторону, приглашая в дом. Квартира имела странный вид. Она выглядела довольно обжитой и в то же время оставляла ощущение, что жильцы до сих пор толком не распаковали все вещи.

Она тяжело опустилась на диван. Черты лица оставались неподвижными, застывшими, но Майлс заметил набухающие на глазах слезы.

– Вы знаете, – повторила она снова.

– Да, – подтвердил Майлс, присаживаясь рядом. – Знаю.

Первая слезинка прорвала невидимый барьер, за ней из-под длинных ресниц по щекам покатались другие. Он потянулся, чтобы стереть их, но женщина отстранилась и тонким изящным пальцем сама остановила поток.

– Извините.

Она кивнула, и от этого движения опять покатились град слезинок.

– Просто... просто у меня давно не было возможности поговорить с кем-нибудь... с тех пор, как... – Она прервала себя и сделала попытку улыбнуться. – Вы видели статью в «Инсайдере»?

– Поэтому я вас и нашел. Я частный сыщик.

Женщина мгновенно напряглась и даже отодвинулась от него на край дивана.

– Нет, это просто моя профессия, – поспешил пояснить Майлс. – Я приехал не по работе.

– А почему?

– Я хочу выяснить про вашего дядю. И про своего отца. – Он глубоко вздохнул. – С ним случилось то же самое.

На лице ее отразилась целая гамма чувств – от боли до облегчения, от испуга до сочувствия, от раздражения до понимания.

– Я поняла, что вы знаете, и поняла, что у вас к этому какое-то личное отношение, – призналась женщина. – Поэтому я вас и впустила. Вы меня сразу расположили. – Внимательно посмотрев на него, Дженет добавила: – Ну так что же случилось с вашим отцом? Он умер?

– Да, – кивнул Майлс. – В ноябре у него был инсульт, он упал прямо в супермаркете. Мне сказали, что полностью он уже не восстановится, но мне хотелось верить, что он проживет еще некоторое время, хотя бы и в таком состоянии. Я нанял сиделку, которая занималась им в то время, пока я был на работе, обеспечивала его лекарствами и всем прочим, возила на физиотерапию. – Некоторое время он помолчал, размышляя. – Все произошло совершенно внезапно. Однажды я вернулся с работы, обнаружил, что сиделки нет, а дверь в комнату отца забаррикадирована мебелью. Он был там. Начал ходить.

– Кругами?

– Да, по периметру своей спальни. Причем кровать, шкаф и все остальное оказалось сдвинуто к центру комнаты. Не потому, что он сознательно их сдвинул. Он просто протискивался между ними и стенками. Я это понял по синякам и кровоподтекам на теле – там, где он наткался на острые углы.

– И что произошло потом? Что вы сделали?

– Я позвонил в офис coronera. Там работает мой друг. Ему удалось остановить хождение, вколов мощный релаксант. Он забрал моего... забрал тело. Он хотел его исследовать, понять причину, почему отец продолжал двигаться после смерти. Они поместили его в морг, накачали тело препаратами, думаю, что и связали, но... в какой-то день он исчез. Коронер искал его, я искал его, полиция искала, и мы все пришли к выводу, что он куда-то ушел, но найти его не смогли. Ни малейших следов. А вчера увидел статью в «Инсайдере». И вот я здесь.

Реакцией Дженет на его историю стало полное отсутствие какой-либо реакции. Она словно отключилась. Постепенно поняв, что она не собирается задавать никаких вопросов и не планирует ничего рассказывать о себе, Майлс вынужден был подтолкнуть ее.

– Ваша очередь.

– Это долгая история.

– У меня есть время, – усмехнулся Майлс.

Она мрачно кивнула.

– Хорошо. Кстати, не хотите чего-нибудь выпить? – спросила она, облизнув губы. – Воды? Коки? Вина?

Он отрицательно покачал головой.

– А я, пожалуй, выпью. – Женщина встала, прошла на кухню и через некоторое время вернулась с высоким бокалом, наполненным красным вином. Присев снова на диван, она прокашлялась и сделала большой громкий глоток.

Майлс терпеливо ждал.

– Я очень любила дядю Джона, – наконец заговорила она, покачивая бокал. – На самом деле он начал ходить еще до смерти. Вы, наверное, знаете из статьи, что у него был рак. Он долго болел. Он был практически прикован к постели, видимо, как ваш отец. Может, это в каком-то смысле связано с тем, что с ними случилось. Впрочем, не знаю. Но за три дня до смерти он вдруг встал и начал ходить. По комнате, как ваш отец. Причем всю неделю до этого

он практически не вставал с постели и едва мог двигаться. А тут вдруг встал и начал ходить, как лунатик. – Она сделала паузу и отпила глоток вина. Потом еще один. – И в этом тоже было что-то странное. В его ходьбе, я имею в виду. Он был почти как кукла или как робот...

– Как будто его что-то направляет, – вставил Майлс.

– Вот именно.

– Мне тоже так показалось.

– Так вот, это продолжалось трое суток, и я просто не знала, что делать. Я хотела кому-нибудь сказать, но не знала кому. И мне было страшно. Потом, на третьи сутки, когда я вернулась с работы, он уже ходил на улице, вокруг дома, в одних пижамных штанах. Уже набегали соседские мальчишки, которые кидались в него комками земли, я их шуганула и побежала за отцом. Я думала, он бредит, и решила затащить его домой. – При этом воспоминании ее передернуло. Дженет осушила бокал до дна. – И тут я обнаружила, что он умер.

Майлс кивнул. Все было понятно. Воспоминание о прикосновении к отцовской холодной пористой коже он не сможет забыть всю оставшуюся жизнь.

– Ну вот и все, – пожала плечами Дженет. – Приехала полиция, приехал коронер. Отца забрали, сделали вскрытие, и... И все.

– Вот видите, – улыбнулся Майлс. – Не такая уж долгая.

– Я изложила сокращенную версию, – нерешительно улыбнулась она в ответ.

– Значит, он перестал ходить после того, как его забрали? – помолчав, уточнил Майлс.

– Видимо, да. – Она неловко подвинулась на сиденье. – На самом деле я не спрашивала. Решила, что лучше мне этого не знать. Когда они его забирали, он продолжал двигаться. Только с помощью нескольких полисменов, причем крепких парней, его удалось задержать и привязать к... как это называется... не рас пьлка, а...

– Растяжка.

– Да. Они привязали его к растяжке, и после этого я его больше не видела.

– Но когда вы его хоронили, он перестал ходить?

Она кивнула.

– Гроб был открытым? Вы его видели?

Дженет глубоко вздохнула.

– Мы его кремировали, чтобы... чтобы он не вернулся. Мы захоронили пепел.

– Вы уверены, что это был его пепел? – чуть настойчивее продолжал Майлс. – То есть вы действительно видели тело после аутопсии?

– Не знаю, – покачала она головой. – Мне сказали... мне сказали, что нам лучше его не видеть. Что от него мало что осталось узнаваемого.

– Кто предложил кремацию? Это была ваша идея?

– Нет, – призналась женщина. – Это предложили в морге. Впрочем, в данных обстоятельствах мне показалось это здоровой идеей. Мне уже тогда стали сниться кошмары, как дядя вылезает из могилы и идет ко мне через весь город. Кремация должна была исключить такую возможность. – Она посмотрела Майлсу в глаза. – Вы считаете, что он ушел, как ваш отец, а мне подсунули чье-то чужое тело?

– Не исключено, – пожал плечами Майлс. – Я не говорю, что именно так и произошло, но я чувствовал бы себя более уверенно, если бы вы действительно видели тело дяди и убедились, что оно перестало двигаться.

Повисла неловкая пауза. Дженет встала.

– Мне нужно еще выпить. Вам принести что-нибудь?

– Может, воды, – согласился Майлс.

Через несколько минут она вернулась, держа в одной руке высокий стакан с водой, в другой – свой, опять полный до краев.

– Знаете, – заговорила она, протягивая ему воду, – мне не дает покоя одна мысль. Постоянно крутится в голове.

– Что именно?

– Его последние слова. Или последние слова, которые он сказал мне. Я кормила его ужином. В это время он уже почти не мог говорить, от голоса остался один шепот, мне

приходилось наклоняться к нему. И после этого, примерно через час, как я провела с ним его вечерний туалет, он начал ходить. И с тех пор не произнес ни слова.

– Что он вам сказал?

– Последними его словами перед тем, как он встал и пошел, были: «Она здесь».

– Она? Кто такая «она»?

– Не знаю. Может, он уже бредил, у него были какие-то видения.

– Но вы так не думаете.

– Нет, – твердо ответила Дженет.

Она здесь.

А-а-а-а... е-е-с-с-с-ь...

Майлс вспомнил звуки, мучительно выдавливаемые отцом в больнице и явным образом адресованные ему лично. *Она здесь.* Это ли пытался выговорить Боб?

– Я миллион раз думала об этом после того, как его увезли. Крутила так и эдак, но не могла найти никакого смысла. Просто не понимала, что это значит. Понимаю, он хотел мне что-то сообщить, но не представляю, что именно. С нами в комнате никого не было, и с тех пор не появилось ни одной женщины, если не считать фотографа из «Инсайдера». Я ждала, надеялась, что это как-то выяснится – или *не* выяснится, – но увы.

Она здесь.

Было что-то угрожающее в этой короткой фразе. Майлс в несколько глотков выпил свою воду. Он уже не сомневался, что именно эту фразу пытался выговорить отец. Он вспомнил напряжение, граничащее с паникой, с которым отец парализованным языком пытался выговорить эти слова. Он явно боялся.

– Скажите, а ваш отец не был... не показался вам испуганным, когда произнес эту фразу?

– Поэтому я и никак не могу забыть ее, – кивнула Дженет. – Поэтому она и не выходит у меня из головы. Меня не оставляет чувство, что это имеет отношение к его... ходьбе.

Бездомная женщина в торговых рядах тоже предупреждала его о «ней».

Она пришла и за строителями плотины.

Он пытался понять, что это может значить, но факты не складывались, не возникало никаких предположений, на основании которых можно было попытаться идентифицировать эту... женщину? Девушку? Ведьму? Богиню?

– У вас осталось что-нибудь от дяди? – спросил он. – Дневники, какие-нибудь предметы, которые могли бы натолкнуть нас на мысль?

– Например?

– Например, колдовские атрибуты.

– Откуда вы знаете? – уставилась на него Дженет.

– Я нашел такие предметы, – невесело усмехнулся Майлс, – в отцовской банковской ячейке. Понятия не имею, для чего они и как ими пользоваться, но могу с уверенностью сказать, что они предназначены для колдовства. Например, высушенная сплюснутая лягушка, куча порошков и корешков в бутылках. – Он помолчал. – А еще ожерелье из зубов. Из человеческих зубов.

– У моего дяди стоял ящик в шкафу. Я заглянула, но испугалась, переложила все в пластиковый мешок для мусора и с тех пор не открывала его. Он у меня в холле, в шкафу. Хотите посмотреть?

– Может, попозже, – покачал головой Майлс.

– Ожерелий там нет, зато есть плечевая кость с привязанными к ней перьями. И тоже много склянок с порошками и... ядами, я полагаю.

– Значит, никаких дневников? Тетрадей?

– Мой дядя был не из тех, что ведут дневники.

– Мой отец тоже.

Они хмуро посмотрели друг на друга.

– Вы что-нибудь знаете про эти колдовские штуки? Дядя вам ничего не рассказывал? Вы ничего не можете вспомнить?

Она медленно покачала головой.

– А ваши родители?

– Они умерли.

– Другие родственники есть?

– Да, но они давно отстранились от него. Я была для него самым близким человеком. Если бы он собирался кому-нибудь об этом рассказать, то в первую очередь мне.

– Друзья у него были?

– Не знаю.

– Где он работал? Где и когда родился? Если у меня будет какая-нибудь базовая информация, я смогу заняться проверкой, восстановить биографию.

– Я знаю, что он родился в Аризоне.

– В Аризоне?

– В местечке под названием Волчий Каньон.

Неприятные мурашки поползли по шее, вниз по позвоночнику.

Волчий Каньон.

Все сходится в одно место.

Майлс вдруг подумал, что не знает места рождения собственного отца, и хотя никогда раньше об этом не задумывался, сейчас поразился странности этого факта. Может, Бонни знает? Появилось желание срочно позвонить сестре и выяснить, но вслед за ним возникла уверенность, что он уже знает ответ.

Он решил следовать интуиции.

– Ваш дядя не рассказывал о каких-нибудь снах, которые видел незадолго до смерти?

Повторяющиеся сны про...

– ...огромную волну и конец света.

– Да, – кивнул Майлс.

– После его смерти мне тоже начали сниться сны, не огромная волна, но... вода.

– Мне тоже, – признался Майлс.

– Что это значит? Что происходит? – Дженет, похоже, снова была готова расплакаться.

– Не знаю, но это явно не все. Полагаю, вы захотите еще вина, – кивнул он на пустой бокал. – Мне многое надо вам рассказать.

Он начал с самого начала. Марина Льюис и ее отец. Монтгомери Джоунс и другие люди из списка. Бродски и Хек Тибберт. Бездомная старуха в торговых рядах. Лиэм на заборе.

– Значит, – медленно заговорила она, – этот город, Волчий Каньон, был...

– Затоплен водохранилищем.

– Вы думаете, именно туда ушел ваш отец?

– Уверен, – кивнул Майлс. – И ваш дядя тоже, если ему удалось вырваться, и они от вас это утаили.

– Но зачем?

– Не знаю, – глубоко выдохнул Майлс. – Давайте поедem и посмотрим.

* * *

Он позвонил Клер на работу рассказать, что удалось выяснить, и сообщить, что собирается отправиться в Волчий Каньон. Сообщение ее явно не обрадовало, а когда он добавил, что хочет отправиться туда с женщиной, чьего дядю постигла такая же судьба, как его Отца, он почувствовал напряжение на другом конце провода. Мелькнула мысль позвать ее с собой, но на самом деле он не хотел этого и придержал язык за зубами. Она не была причастна к этому – непосредственно, кровно...

Кровь... и ему хотелось удержать ее как можно дальше от Волчьего Каньона. Это наверняка небезопасно, и он бы не смог жить, если бы из эгоизма, по небрежности или глупости позволил, чтобы с ней что-нибудь случилось.

– Что ты собираешься там делать? – спросила Клер. – Будешь стоять и смотреть на озеро? Ждать, пока проснется твое шестое чувство и внезапно все объяснит?

– Не знаю, – честно ответил он и понял, что дело может оказаться серьезнее, чем кажется. Клер права. У него нет плана и – логически – ему нечего делать в Волчьем Каньоне. Эмпирическим путем от обозрения того места, где расположен затопленный город, он ничего

не выяснит. Но позыв отправиться туда был силен, и то, что он первоначально воспринял как логично родившуюся мысль, на самом деле было гораздо ближе к внушенной мысли, к алогичному плану, который вызрел из случайного представления в осознанное желание. Он считал, что сам пришел к этой мысли, но одновременно крепло ощущение, что его тянет туда помимо собственной воли – как кусок железа к мощному магниту.

– Почему эта женщина должна поехать с тобой?

– Не знаю, – ответил Майлс. Он действительно не знал.

Клер промолчала.

– Поверь мне, – заговорил Майлс. – Я не понимаю, что происходит, но... – Слова застряли в гортани, потому что он вдруг понял, что не знает, что ей сказать.

– Что «но»?

– У меня есть ощущение, что это правильно, – наконец сказал он. – Я могу не понимать, что я делаю и почему, но я знаю, что мне *положено* это делать.

– Ты меня пугаешь.

– Я сам себя пугаю.

Клер глубоко вздохнула, успокаивая себя. Потрескивание в трубке лишь подчеркивало, как далеко она сейчас находится.

– Ты действительно думаешь, что Боб ушел туда?

– Да.

– Что ты намерен делать, если найдешь его?

– Не знаю.

– Неужели тебе не нужен какой-нибудь план? Что, если... – Она вздохнула. – Черт побери, кто же знает, как с этим бороться? Если бы мне месяц назад сказали, что мы снова окажемся вместе, а какое-то проклятие начнет губить всех, имеющих отношение к какой-то плотине в Аризоне, куда отправился твой умерший отец... О Господи, Майлс! Зачем ты в это ввязался?

– Я никуда не ввязывался. Оно само пришло. Я не хотел этого. Я этого не просил.

– Я понимаю, но как... как ты собираешься с этим бороться? Каким образом ты намерен пресечь хождение твоего отца и дать ему спокойно умереть? Вампира можно остановить, вогнав ему кол в сердце. Оборотня можно убить серебряной пулей. Но здесь же нет ничего такого конкретного. Это же... просто какая-то огромная мешанина, и остановить ее нет никакой возможности. Представь – только вы вдвоем с какой-то женщиной против... Бог знает чего!

– Понимаю, – сказал Майлс. – Но мне нужно выяснить. Я не могу составить план, потому что не знаю, чего я не знаю. Я просто должен вести расследование и действовать по ситуации.

– Думаю, отчасти ты получаешь от этого удовольствие, – не преминула съязвить Клер. – Признайся честно, Майлс. Ты ведь всегда в душе мечтал о каком-то большом экзотическом деле, как в кино, которое тебе удастся раскрыть.

– Мне слишком страшно, чтобы получать удовольствие. Но ты права. Может, это и придает мне силы, удерживает от того, чтобы отказаться.

– Только будь осторожен, – мягко напомнила Клер. – Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. И я всегда осторожен.

– Ты взял свой сотовый телефон?

– Черт, забыл.

– Все равно позвони, когда вы окажетесь там. Найди обычный телефон. К этому времени я, вероятно, уже буду дома, но если нет – звони по этому номеру. Только обещай позвонить обязательно.

– Обещаю.

– Я тебя люблю, – повторила она.

– Я тоже.

Они распрощались. Легкий стук пластика телефонной трубки, улегшейся в свое гнездо, придал ощущение окончательной завершенности разговора.

Повернув голову, он увидел, что Дженет принесла из коридора ящик и поставила его на кофейный столик.

Их глаза встретились. Дженет первой отвела взгляд.

- Это ящик с дядиными колдовскими принадлежностями. Может...
- Обязательно! – прервал ее Майлс. – Никто не знает, что нам может понадобиться.

2

Клер ушла с работы пораньше, заехала в магазин за продуктами и направилась напрямик домой. Уезжая, она всегда плотно задергивала занавески, и сейчас, поставив две туго набитые сумки на кухонный стол, первым делом решила впустить в дом солнечный свет.

И чуть не выпрыгнула из собственной шкуры.

Непроизвольно вскрикнув, она отшатнулась и плюхнулась задом на диванчик. Прямо перед окном стояла какая-то оборванка, с безумной ухмылкой разглядывая ее и упираясь ладонями в окно. Потом она провела языком по стеклу, оставив мутный след слюны.

Клер мгновенно поняла, кто это – та самая бездомная женщина, с которой встретился Майлс в торговых рядах перед Рождеством, – и это перепугало ее гораздо больше, чем какой-нибудь обычный псих, случайно забредший во дворик. Каким образом женщина нашла *ее* дом – этого Клер понять не могла, но не сомневалась, что это не случайное совпадение, а потому испугалась еще больше. Входя в дом, она ее не заметила. Проявила ли она элементарную ненаблюдательность или женщина пряталась от нее, присев, например, за кустами?

Нет, она не даст себя запугать. Преодолев первую непроизвольную реакцию, Клер собралась с духом и решительным шагом вышла на улицу.

– Кто вы и что вы делаете на моей территории? – Голос, слава Богу, смог передать ту степень властности, к которой она и стремилась.

– Он отправился туда, да?

– Кто? Кто куда отправился?

– Сын Боба. Он отправился в Волчий Каньон.

У Клер пересохло во рту. Это было уже слишком. Она уставилась в это морщинистое грязное лицо, которое казалось одновременно бесстрастным и лукавым. Что бы это ни было – оно было выше ее понимания. Клер почувствовала себя мелкой, беспомощной и ошеломленной могуществом и возможностями человека ли, демона или силы, которая могла воскресить тело Боба и труп умершего человека в штате Юта, убивать строителей плотины по всей стране и привести эту бездомную женщину к ее жилищу. Она боялась за Майлса больше, чем за себя, и хотя инстинкт подсказывал, что надо бежать как можно быстрее и как можно дальше, либо запереться в доме и срочно звонить 911, Клер осталась на месте.

– Кто вы? – повторила она вопрос.

– Мэй. Я здесь, чтобы помочь тебе. – Женщина конфиденциально подалась вперед и добавила: – Я тоже из тех. Как Боб.

Клер ничего не понимала. Либо она отупела с возрастом и не в состоянии устанавливать какие-то широкие логические связи, необходимые для начального разговора с незнакомыми людьми, либо просто не чувствует масштаба происходящего вокруг, и без общего плана это понять попросту невозможно.

– Из каких таких, как Боб? – переспросила она.

– Из колдунов.

Ну что ж, какой-то смысл стал проясняться.

Образ предельно земного отца Майлса пока не соединялся в сознании с мистическим могущественным магом-волшебником, но это уже объясняло коллекцию порошков и снадобий, тайну его ходящего мертвого тела. И если она готова принять идею колдовства, то надо принимать ее целиком и полностью, начинать верить в добрых колдунов и злых, в белую магию и черную магию.

Боб, безусловно, был добрым колдуном.

Но почему он никогда не говорил об этом Майлсу... или кому-то еще, кстати сказать? И как ему удалось всю жизнь держать это в тайне? Мысленно она уже нарисовала образ, как он дожидается, пока уснут дети, после чего принимается воспевать хвалу дьяволу.

Нет, это не Боб.

На самом деле она и не знала Боба. Если эта женщина говорит правду – а Клер была уверена, что так оно и есть, *никто* из них не мог знать его.

– Он у озера? – спросила Мэй.

Клер непроизвольно кивнула.

– Сам он не будет знать, что делать. Боб никогда не учил его.

– Не учил чему?

Мэй взмахнула подолом грязной юбки и расплылась в улыбке.

– А я никаких трусов не ношу!

Клер вздохнула. Отлично. Как многие бездомные, эта женщина, безусловно, страдает серьезными нарушениями психики, и предстоит нелегкая задача отделения здравого смысла от бреда в ее речах – тем более непростая, когда дело касается сверхъестественных явлений.

– Майлс... – начала Клер.

– Вот его имя! – прищелкнула пальцами Мэй. – Майлс!

– Майлс думает, что его отец ушел в Волчий Каньон. Его отец умер, но продолжал ходить после смерти, а несколько недель назад сбежал из морга.

– Он возвращается. Они все возвращаются, когда умирают. Или, лучше сказать – мы все возвращаемся, когда умираем. Это часть ее проклятия.

– Чьего проклятия?

– Телетайп перетак! Телетайп перетак! – хихикнула женщина. – Трах Корнелиуса в зад!

О Господи...

– Изабелла, – произнесла вдруг она четким голосом, затмение явно прошло. – Она прокляла нас после того, как была убита, но до того, как ее захоронили. – Старуха улыбнулась. – У тебя красивый дом. Можно мне войти?

– Нет. – Клер почувствовала, как начинает разбалчиваться голова.

– Изабелла обещала вернуться.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите. Вы не могли бы начать по порядку? Кто вы? Кто такая Изабелла? И какое все это имеет отношение к Бобу и Майлсу?

Вдруг налетел ветер – на удивление локальный вихрь, который начал крутиться по двору, взметая листья и пыль. При этом на улице и в соседних дворах все было спокойно. Мэй стояла в центре этой миниатюрной бури, ее волосы дико развевались – как будто так и было задумано. Клер сообразила, что это она сама сделала, таким образом намекая, что неплохо было бы все-таки перейти в дом. Вихрь превратился в узкого длинного пыльного дьявола и перепрыгнул через забор на соседний участок. Клер смотрела, как он понесся вдоль улицы. Водитель проехавшего «лендровера» не обратил на него внимания.

Несмотря на полную взъерошенность, Мэй вдруг стала совершенно серьезной, нормальной.

– Волчий Каньон, – заговорила она, – это город колдунов, который был основан в середине девятнадцатого века человеком по имени Уильям Джонсон. Колдуны, как и многие религиозные и этнические группы, в те времена подвергались всяческому преследованиям. Нас вешали, топили, сжигали на кострах, и Уильям решил последовать примеру мормонов, которые ушли на Запад, чтобы основать там собственную общину.

Тут она широко улыбнулась, запустила обе руки под юбку и принялась яростно драть себя ногтями.

– Жопа чешется! Жопа чешется!

И так же внезапно вернулась в нормальное состояние.

– Уильям встретил женщину по имени Изабелла и женился на ней. Изабелла была колдуньей, но она была больше чем колдуньей. – Мэй понизила голос. – Она была злом. Она начала прибирать к рукам власть в городе, перестраивать его по своему образцу. Несогласных наказывала. Одних прогоняла, другие загадочным образом умирали. В конце концов они не выдержали. Уильям к тому времени был уже стариком, но силой он обладал еще крепкой. Он убил ее во сне. Он отрезал ей голову, и люди похоронили ее в пещере в верховьях каньона. Но прежде чем замуровали вход, ее голова начала говорить. Она прокляла людей Волчьего Каньона. Она поклялась вернуться еще более сильной и отомстить всем другим колдунам и колдуньям, уничтожить их всех. Она сказала, что никому не позволено покидать Волчий

Каньон и что весь город поглотит стена воды, которая убьет их.

Мэй уставилась в пространство, словно впав в транс. Клер передернуло.

– Мы с Бобом родились в Волчьем Каньоне, хотя и уехали оттуда рано. Я даже не помню город – только по рассказам родителей. Времена Изабеллы давно прошли, и никто не верил, что ее проклятие когда-нибудь сбудется. Множество людей уезжало из города, возвращалось и снова уезжало, и им ничто не препятствовало. Но наши родители рассказывали нам про Изабеллу, предостерегали, и мы выросли в страхе. Мы жутко боялись, что она вернется и начнет мстить.

Мы все собрались вместе, когда была построена плотина. Я тогда жила в Нью-Джерси. У меня был муж, собака, дом и хорошая жизнь.

И тут я почувствовала, я ощутила вопль всех тонущих душ, словно плотину прорвало, хлынула вода, их всех затопило и проклятие Изабеллы сбылось. Я бросила мужа, бросила дом, бросила собаку и вернулась в Волчий Каньон. Нас всех туда потянуло – всех, кто избежал воды, и на берегу рядом с плотиной я встретила Боба, оказалось, что у нас обоих было одинаковое видение, мы обсуждали, что случилось. Нас было несколько десятков, мы все стояли на берегу. Она звала нас оттуда – снизу, смеялась над нами, и мы поняли, что она очень долго ждала этого и может ждать дольше. Она будет ждать столько, сколько потребуется, чтобы выйти на свободу.

Мы поклялись бороться с ней и не дать ей возможности выбраться. Какое-то время мы поддерживали связь друг с другом, но потом перестали, как и наши родители до нас, и, возможно, это тоже было частью ее проклятия. У каждого началась новая жизнь, и большинство старалось избегать даже думать про Изабеллу, не говоря уже о магии. Некоторые из нас... некоторые из нас стали...

Мэй покачала головой и попыталась улыбнуться. Секунду казалось, что она опять готова выпалить какой-нибудь бред, но продолжила вполне трезво.

– Несколько месяцев назад это началось снова. Я ощутила тягу, мне приснилась Изабелла, и я поняла, что она набирает силу. Она набирает ее от тех из нас, кто умер за последние годы, но остается еще здесь, наверху. Она накапливает силу и ждет, когда окрепнет настолько, чтобы применить ее. Она приходит и за строителями плотины, за теми, кто затопил каньон, и убивает их одного за другим, использует свою силу, чтобы искать их и убивать. От них она тоже набирает дополнительную силу, хотя до сих пор находится под водой, в пещере.

Мэй замолчала. Клер подождала продолжения, но его не последовало. История закончилась.

Теперь старуха улыбнулась, и Клер поняла, что ее безумие – результат огромного умственного напряжения, под которым она постоянно находится. Возможно, тут присутствует и шизофрения, но взрывы Мэй были тоже частью защитного механизма, способом, благодаря которому она сохраняла знания, которыми была вынуждена обладать. Все это ни в малейшей степени не действовало успокаивающе, но по крайней мере каким-то понятным образом объясняло ее эксцентричное поведение.

– Грязная морда в кресле дождя! – изо всех сил прокричала Мэй и закинула голову к небу. – Бросай перья молчания!

Клер внимательно смотрела на нее. Если опыт общения Мэй с Волчьим Каньоном мог превратить жительницу Нью-Джерси в... в это, то что станет с Майлсом?

Это больше всего тревожило Клер, и она еще раз посмотрела в глаза женщины, но не увидела ничего, кроме страха, – и это отражение, похоже, передалось ей самой.

Обе стояли на газоне, глядя друг на друга. Мимо проехала машина. С улицы доносились голоса детей, играющих в баскетбол на чьем-то заднем дворе. Над головой протарахтел вертолет.

– Мы должны вернуться! – воскликнула Мэй, хватая Клер за руку. Клер безуспешно попыталась вырваться. Она чувствовала зловонное дыхание женщины. – Мы должны пойти с Бобом!

С Бобом.

Ты имеешь в виду Майлса, чуть не произнесла вслух Клер, но была не до конца уверена, что старуха действительно путает отца и сына. Скорее, Мэй имела в виду именно то, что

сказала.

Майлс тоже думал, что его отец возвращается в Волчий Каньон.

И опять она ощутила собственную малость и незначительность, оказавшись в центре таких событий, смысл которых понимала лишь весьма приблизительно.

Выврав наконец руку из цепких пальцев женщины, она почувствовала странное покалывание на коже. Может, это тоже результат проклятия какой-то мертвой колдуньи? Совершенно не исключено, но, странное дело, эта мысль вселила надежду. Главным и основным источником всего происходящего, судя по всему, является конкретное существо с конкретным планом действий, а с этим бороться все-таки легче, нежели с неопределенной силой, которой противостоит, как он думает, Майлс.

Возможно, Мэй права. Возможно, они могут помочь Майлсу.

– Стойте здесь! – приказала она женщине. Та кивнула, пробормотав нечто неразборчивое.

Клер влетела в дом и схватила беспроводной телефон, чтобы позвонить Майлсу на работу. Она назвалась, попросила позвать Хала и стала ждать, не сводя глаз с женщины на газоне. Через несколько секунд в трубке раздался голос Хала.

– Клер!

– Привет, Хал.

– Как я рад тебя опять слышать! Черт побери, как ты живешь?

– Отлично.

– Очень приятно, очень приятно. Я был так рад за Майлса, когда он сказал мне, что вы снова вместе... – тут он смущенно закашлялся, вдруг осознав, что, возможно, сказал больше, чем следует.

Клер улыбнулась.

– На самом деле...

– Что, вы не вместе? – встревоженно отреагировал Хал. – Это были лишь благие мечты?

– Нет-нет, вместе.

– Тьфу ты! Прямо перепугала меня. Ты же знаешь Майлса; я уж подумал, что его планы опережают развитие событий.

– Нет. То есть... то есть я не знаю, как мы, если честно сказать. Но мы общаемся.

– Ну, я рад, что ты вернулась.

– Спасибо.

– Так чем я могу тебе помочь в данный момент? Майлса нет...

– Я знаю. Поэтому и звоню. Он взял две недели, чтобы съездить в Аризону и выяснить, что случилось с его отцом.

– Нашли тело Боба? Почему же он мне не сказал?

– Нет, – ответила Клер. – Не так. Видишь ли, тут что-то происходит. А не сказал Он тебе ничего, вероятно, потому, что опасался, что ты не поверишь.

– Выкладывай.

– Пожалуйста.

Она вкратце изложила Халу все, что рассказал ей Майлс и свидетелем чему была лично – про Боба, Лизма Коннора и женщину из Юты, и закончила загадочным визитом Мэй и их намерением поехать в Волчий Каньон. Она обернулась и увидела, что бездомная опять приткнулась к окну и упирается в стекло обеими ладонями.

– Черт побери, – присвистнул Хал.

– Угу. Не сомневаюсь, что многому ты просто не поверишь...

– Не вычеркивай меня. Несколько лет назад Майлс интересовался моим отношением к сверхъестественным явлениям, я сказал ему тогда и могу повторить сейчас: мой разум открыт. Я автоматически не отвергаю ничего.

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, – с сомнением продолжала Клер, – но, как думаешь, ты не мог бы поехать с нами? – Понизив голос, она добавила: – Мне бы не хотелось ехать одной с этой женщиной. Она ненормальная, и я ее боюсь. Говорит, что она колдунья, а кроме того, у нее явные проблемы с психикой. Я заплачу, – быстро добавила Клер. – По любой ставке. Я могу нанять тебя...

– Иди к черту. За кого ты меня держишь? Я что, чужой вам, что ли? У меня накопилось

такое количество отгулов, что не грех и использовать несколько дней. Как думаешь, надолго это может растянуться?

– День туда, день обратно. Двое суток. Трое – максимум.

– Нет проблем. Собираюсь и еду к тебе. Ты где? У Майлса?

– Тебе не надо с кем-нибудь договориться сначала?

– Нет.

– А как же Перкинс? Он не должен быть в курсе?

– Смеешься? У него не голова, а канализационная система. Он даже не заметит, что меня нет. А кроме того, в крайнем случае Трэн прикроет.

– Я у себя дома, – сказала Клер и продиктовала адрес. – Можешь взять с собой сотовый телефон?

– У меня «Америкэн Экспресс», – ответил он. – Я без него из дома не выхожу.

– Значит, увидимся через час, да?

– Или раньше. Не думаю, что тебе хочется лишнее время быть наедине с этой калошей.

– Конечно, – согласилась Клер, глядя в окно.

– Ну, я выезжаю.

Тогда

Изабеллу никто не забыл.

Лейланд Хьюрдин стоял в своем дворе на окраине города и смотрел на север, в сторону плоских холмов, разделяющих восточный и западный гребень каньона. С тех пор как замуровали Изабеллу, прошло почти двадцать лет, но она по-прежнему отбрасывала заметную тень на жизнь города. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из стариков не вспомнил о том или ином ее злодеянии или кто-нибудь из детей не принялся пугать сверстников возможностью ее возвращения. И никто не мог спокойно пройти мимо заброшенного дома, где когда-то жили они с Уильямом.

Где-то там, наверху, находилась замурованная пещера; Лейланд точно не знал места ее расположения, но, как и все остальные в городе, знал скалу, в которой она находится, и в тех редких случаях, когда приходилось проезжать в том районе, всегда пришпоривал лошадь, норовя побыстрее миновать недоброе место.

Его отец, Гровер, был одним из первопоселенцев Волчьего Каньона и единственным галантерейщиком, которого знал город. Лейланд несколько лет назад подхватил семейный бизнес, и хотя отец был еще жив и даже еще был в состоянии по особым случаям делать шляпы своим старым друзьям, дело он целиком и полностью передал в руки сыну.

Шляпы и Изабелла.

Две темы, на которые мог разговаривать старый Гровер.

Времена изменились. Почти никто в городе больше не пользовался магией; люди хранили свои силы в тайне. Никакого официального решения по этому поводу никогда не принималось, но все негласно согласились как бы отказаться от своего прошлого, сделать вид, что они – самые обыкновенные жители самого обыкновенного поселения, в котором никогда не происходило ничего необычного.

Это тоже произошло из-за Изабеллы.

Как неоднократно рассказывал отец, эта женщина погубила рай, который они решили строить совместными усилиями. «Я был одним из первых, кто увидел старину Джеба Фримэна, из которого она высосала жизнь, и этого зрелища я никогда не забуду, – повторял Гровер с тех пор, как Лейланд себя помнил. – Джеб был очень сильным человеком, и того, кто мог сотворить с ним такое, оставить от него лишь пустую оболочку, действительно следовало очень опасаться. Нам не нравилась Изабелла, никому из нас, но после этого мы стали ее бояться. Ей все еще удавалось пудрить мозги Уильяму, а кое-то даже перешел на ее сторону. Но я – никогда. Я знал, кто она есть».

Далее начиналась литания грехов, которую отец никогда не уставал перечислять, и Лейланд вырос со страхом перед Изабеллой и ее очевидно непреодолимыми силами. Теперь у

него рос свой сын, Роберт, и его отец хотел внушить ребенку, вбить ему в сознание с младых ногтей такой же страх перед местью Изабеллы, с которым жил сам.

– Почему мы до сих пор не уехали? – начал он спрашивать, как только научился думать самостоятельно. – Зачем мы тут сидим? Другие уехали. Почему нам нельзя?

– Потому что это наш дом, – всегда яростно отвечал его отец. – Мы отвоевали этот дом у дикой природы, и я не намерен позволить какому-то *монстру* изгнать нас отсюда.

Ходили слухи, что кое-кто ее видел – глухой ночью в каньоне возникали видения, от которых лошади в ужасе бросались в бегство, а даже самые крутые фермеры цепенели в пароксизме страха. Все знали, где находится пещера, и специально старались избегать этого места. Оно находилось в самой широкой части каньона, где между стенами было несколько миль, и хотя путь получался длиннее, люди предпочитали ездить другой стороной болота, ближе к западным холмам, чем пользоваться старой тропой мимо замурованной пещеры.

Лейланд отошел от изгороди, поглядел на подсолнечники Хэтти, только-только начинающие поднимать головки к своему небесному тезке после того, как несколько первых недель существования упорно смотрели в землю. Завтра ему предстояло отправиться за материалами в Рэндолл – сотни миль сурового пути, проходящего по самым разнообразным территориям, далеко не все из которых благоприятные. Но на самом деле единственная часть, которая всерьез его беспокоила, – это путь по каньону.

Путь мимо пещеры Изабеллы.

Это было глупо и по-детски, но у него до сих пор сохранилось чувство, что она поджидает его там, следит за ним, что она каким-то образом может видеть сквозь камни и землю, накрывающие пещеру, мимо которой предстояло проехать – даже притом, что новая тропа проходила в нескольких милях от нее. Казалось, что существует какая-то линия поперек всей ширины каньона, и она знает, когда кто-либо пересекает ее.

Прошлой ночью ему приснился сон, будто он едет по дороге в Рэндолл, и его лошадь обо что-то спотыкается, и это оказывается головой Изабеллы. Волосы грязные, в паутине, кожа сгнила, глаз нет, но кровавый рот сохранился великолепно. Голова взлетает в воздух и начинает пронзительно верещать.

Хотя он и был склонен приписать этот сон влиянию отца, после такого сна Лейланд все равно испытывал некую дрожь при мысли о необходимости пересечь проклятое место.

Он вошел в дом и крикнул Хэтти, которая возилась в кухне, что идет к Сэмюэлу – навестить его и выкурить трубочку.

– Скоро будет ужин! – крикнула в ответ Хэтти.

– Вернусь через двадцать минут. – Лейланд поглядел на карманные часы и направился к двери. Жена еще что-то сказала в спину, но он не расслышал, да и не придавал значения. Даже если и задержится, ужин будет его ждать.

Кое в чем магия очень даже была кстати.

Сэмюэл Хокс сидел на крыльце, курил трубку и наблюдал за медленно садящимся солнцем, которое через несколько минут должно было опуститься ниже кромки облаков, а потом скрыться за гребнем каньона. Кивком головы он пригласил Лейланда устраиваться рядом.

Жена Сэмюэла Морин приглядывала за Джоном, младенцем соседей Энгстремов, которые отправились на рынок, и громкий непрекращающийся плач был слышен даже изнутри дома. Сэмюэл протянул руку за спину и закрыл окно. Лейланд устроился на качелях рядом с креслом-качалкой друга.

– Думал, ты уехал.

– Завтра.

– Когда назад? Через неделю?

– Примерно. – Лейланд достал свою трубку, набил ее табаком и закурил. – Приглядишь пока за Хэтти и Робертом?

– За Хэтти приглядывать не нужно, – хмыкнул Сэмюэл. – Эта женщина себя в обиду не даст. – Помолчав, он спросил: – Каким путем поедешь?

– В Рэндолл? Туда только один путь.

Сэмюэл ничего не сказал, глядя на далекие холмы.

Лейланд прокашлялся.

– Ты там что-то замечал, да? Над пещерой Изабеллы?

Сэмюэл медленно кивнул, не прерывая молчания. Потом затянулся и выпустил клуб дыма.

– Знаешь, ничего особенного. Ни призрака, ни привидения. Не помню, что я тебе говорил раньше, но я скорее это *почувствовал*, нежели видел.

– Мне казалось, ты говорил, что что-то видел.

– Видел, видел. Это было далеко не самое страшное, если можно так выразиться. Перепугало меня до мозга костей не то, что я видел, а что почувствовал.

– Так что ты увидел? Повтори.

Сэмюэл молча курил, и Лейланд уже было решил, что друг не намерен распространяться на эту тему, но тот наконец снова открыл рот.

– Я собирался поехать на рыбалку вверх по реке, за рощей сикомор. Дело было весной, еще не стемнело, насколько я помню, хотя было облачно. – Очередная затяжка и клуб дыма. – И в районе болота у меня начались видения. Может, что-то случилось с мозгами, но мне показалось, что слышу голоса, и я на секунду остановился. – Он покачал головой.

– И что?

– Я почувствовал, как она на меня смотрит. Полный бред, конечно, но какое-то время мне казалось, что она смотрит *сквозь* меня. Все стало как-то ярче. Или темнее. Короче, иначе. Было четкое ощущение, что я смотрю чьими-то чужими глазами, хотя уже понял, что это *она* смотрит *моими* глазами. Потом снова почувствовал ее взгляд уже на себе, и куда бы я ни повернулся – отовсюду на меня смотрели глаза. Они пряталась в болоте, в траве, на скалах. Должен сказать, я здорово струхнул.

А потом увидел это – над стенкой каньона, рядом со старой каменной осыпью, которая, видимо, прикрывает вход в ее пещеру.

– Что?

– Тень. Но такой тени я не видел никогда в жизни. Она была в человеческом облике, можно даже сказать – женском, только двигалась как-то неправильно. Она словно извивалась внутри себя, а не шла, как человек. Никогда не видел такой мерзости. Потом она, так же извиваясь, двинулась ко мне, и тут я дал деру. С тех пор на рыбалку я не ходил. И вообще в той части каньона больше не был. – Поглядев многозначительно на Лейланда, он добавил: – На твоём месте я бы тоже держался оттуда подальше.

– У меня нет выбора. Мои материалы – в Рэндолле, и до тех пор, пока к Волчьему Каньону не проложат железнодорожный путь, придется возить их на себе.

Оба замолчали, попыхивая трубками и глядя на медленно темнеющие небеса.

– Есть и другой путь в Рэндолл, – сказал Сэмюэл. – Если ехать по каньону на юг и выходить на новую дорогу от Рио-Верде. Это, конечно, лишний день пути, но, поверь мне, оно того стоит.

Лейланд не ответил.

– Оно того стоит.

Возвращался Лейланд в еще более смутном расположении духа, чем отправился из дома, хотя, возможно, именно этого он и хотел, именно поэтому прежде всего и решил навестить Сэмюэла.

К его приходу ужин был готов. Он решил скрыть свои чувства ради Роберта, поэтому ел молча, предоставив Хэтти возможность разговаривать с мальчиком и отвечать на его почти бесконечные вопросы. Единственным, с кем следовало бы обсудить это, был отец, но он заранее знал все, что может сказать Гровер, и, несмотря на душевное спокойствие, которое мог бы принести этот разговор, Лейланд решил, что старика лучше не беспокоить. Он поговорит с отцом, когда вернется из Рэндолла.

Если вернется из Рэндолл.

Ну это уже просто глупости.

На следующий день он выехал рано утром, но не так рано, как первоначально планировал. В преддверии осени дни становились короче, и когда Хэтти встала, чтобы приготовить завтрак, за окном было еще темно. До той части каньона, где находилась пещера Изабеллы, было

примерно час пути, но он не хотел рисковать и оказаться там до восхода солнца, поэтому медлил, оттягивал время до того, как над восточной стеной каньона уже вовсю заголубело небо.

На пути туда проблем не возникло. Несмотря на все опасения, он проехал почти всю самую страшную часть каньона, полностью погруженный в размышления о своих галантерейных делах, и к тому моменту, когда сообразил, что на противоположной стороне болота где-то скрывается Изабелла, оказалось, что он уже миновал линию ее пещеры.

Пришпорив лошадь, он помчался вперед – до тех пор, пока эта часть каньона не скрылась за изгибом ландшафта.

Остальной путь оказался совершенно ничем не примечательным. День и ночь в Рэндолле прошли успешно, он легко нашел все необходимое.

Однако со временем на обратный путь он просчитался. Еще не добравшись до горловины каньона, он уже понял, что в районе болота на линии запечатанной гробницы он окажется в темноте. Мелькнула мысль остановиться, разбить лагерь и продолжить путь утром, но Хэтти и Роберт ждут его сегодня, и ему не хотелось их волновать. Вдобавок он отошел от дел на шесть суток, и пропускать лишний день было крайне нежелательно. Работа есть работа.

А кроме того, он ехал по противоположной стороне каньона – как и на пути из дома.

Лейланд, поскольку рос в послеизабелловские времена, никогда специально не учился магическим искусствам, тем не менее инстинктивно накинуд на себя защитное заклинание, которое, пусть и не будучи совершенным, могло обеспечить некоторую безопасность в пути.

У него была собой керосиновая лампа, но в изобилующей пещерами средней, самой широкой части каньона она могла осветить небольшой участок тропы непосредственно под ногами, отчего окружающее пространство погружалось в еще больший мрак. Хотелось приписать охвативший уже страх игре воображения, но лошадь тоже вела себя беспокойно, а по мере продвижения далее во мрак, в резко холодающую ночь, становилось все труднее даже делать вид, что ничего неординарного не происходит.

Он вспомнил про Сэмюэла Хокса.

Я скорее это почувствовал.

Лейланд тоже это почувствовал, и хотя уже сообразил, что никогда не сможет описать это состояние, вполне понял, что имел в виду друг. Ибо ужас, охвативший его, казалось, пронизывает его до костей. Ничего более кошмарного ему не приходилось переживать ни разу в жизни. Само ощущение воздуха, приводимого в движение небольшим ветром, было каким-то неестественным. Нападению подверглись все его чувства. Во мраке он видел фигуры, слышал мягкие звуки, каких здесь не должно быть, воспринимал неприятные, совершенно незнакомые запахи, во рту появился густой могильный привкус.

А потом появилась она.

Ее пещера находилась в нескольких милях, у восточных холмов, но стало каким-то образом ясно, что ее владениями является вся полоса, пересекающая каньон поперек, и она возникла перед ним, когда он пытался пересечь ее на пути к дому.

Сначала это был свет – не зеленоватый, каким светятся большинство духов, но красный, похожий на кровь. Он начал спускаться над болотной травой и зарослями рогоза и медленно сгущаться, превращаясь в фигуру, почти человеческую по очертаниям, но не совсем. Он хлестнул лошадь, заорал на нее, пытаясь заставить ее двинуться вперед, но животное отказывалось подчиняться, словно его приковало к земле какое-то заклятие. Красная фигура поплыла к нему, завывая самым жутким образом. Каким-то образом этот вой преобразовывался в сознании в яркие картины:

– Мертвая, расчлененная Хэтти, лежащая среди вывернутого содержимого отхожего места.

– Голый Роберт, лежащий в песке с раздвинутыми ногами; его колени и почва под ним залиты кровью, а его гениталии пожирает голова Гровера, без туловища, но на лапах енота.

Собственная голова призрака отделилась от бесплотной фигуры и постепенно стала чернеть. Ему казалось, что не может быть ничего темнее ночного каньона, однако голова оказалась именно такой, причем, несмотря на полнейший мрак, можно было разглядеть все ее пугающие черты. Он мог различить лицо прекрасной женщины в обрамлении длинных вьющихся волос – самое совершенное лицо, которое ему приходилось когда-либо видеть.

И самое злое.

Смех, сорвавшийся с черных до неразличимости губ, прозвучал как звон колокольчиков.

Лейланд спрыгнул с лошади и бросился бежать. Если коняга настолько глупа, чтобы оставаться, – это ее дело, но он лично не собирался жертвовать собственной жизнью из-за остолбеневшего животного.

Он бежал по тропе в направлении города, зажав в руке керосиновую лампу. Все товары остались в седельных сумках. Он слышал вой, но изо всех сил орал сам, стараясь заглушить этот звук и выбросить из головы страшные образы. Краем глаза он увидел, как черная голова и красное туловище воссоединились.

Никогда в жизни он не бегал так быстро. Он ждал, что в любой момент может быть схвачен сзади или даже подброшен в воздух. Однако ничего такого не произошло, и к тому времени, когда он уже совсем не мог дышать и вынужден был, хрипя и кашляя, остановиться под раскидистым паломверде, ни впереди, ни сзади не было ничего необычного. Даже лампа, казалось, стала освещать больший участок земли, и ночь уже стала не такой черной и не такой холодной, как это было на болоте.

Он постоял некоторое время, оглядываясь по сторонам и надеясь, что сейчас из мрака выйдет и лошадь, но никаких признаков животного не появилось, и он понял, что лошади суждено было стать жертвой.

После этого со всей скоростью, какую позволяли сорванные легкие и болящие мышцы, он пошел в город. С меня хватит, думал Лейланд. Пускай он сын своего отца, но не сам отец, и – дом или не дом, но как только он вернется в город, вернется к Хэтти и Роберту, они соберут вещи и на рассвете уедут из Волчьего Каньона к чертовой матери – как можно быстрее и как можно дальше.

Навсегда.

Он больше не желает видеть это место.

Сейчас

1

Майлсу доводилось летать на Восточное побережье и на Средний Запад, но в этой части страны он не был ни разу. Он был удивлен, насколько кинематографичен оказался Южный Запад, насколько близко он напоминал величественные перспективы, которые любят показывать в фильмах-вестернах. Он обнаружил, что ему нравится здесь ехать, и несмотря на скудную растительность и почти полное отсутствие следов человеческого обитания, он вполне мог представить, как можно жить здесь, выйдя на пенсию, прикупив пару акров земли и построив небольшой домик.

Путь был долгим; поначалу они чувствовали некоторую неловкость по отношению друг к другу, но когда отказало радио, пришлось начать разговор, и где-то между Канабом и Пэйджем беседа приняла уже вполне комфортный характер.

– Кто вам больше всего нравится из «Битлз»? – спросила Дженет, когда они проезжали мимо выветрившихся, напоминающих Джорджию О'Киф холмов, свидетельствующих о приближении к озеру Пауэлл.

– Что?

– Это один из лучших тестов Роршаха на данный момент. Вы можете узнать все необходимое о человеке по тому, кого из ансамбля «Битлз» он предпочитает. Согласны?

– Джон, – ответил Майлс.

– Удачный выбор, – улыбнулась она.

– А вам?

– Пол. Но мне нравятся мужчины, которые выбирают Джона.

– Хочу заметить, – повернул голову Майлс, – у меня сейчас есть дама. Та, которой я звонил из вашей квартиры.

– Я на вас не претендую. Просто хочу сказать, у меня, как правило, складываются лучшие

отношения с мужчинами, которым нравится Леннон. А поскольку нам предстоит долгий путь, полагаю, это кстати.

– Я обманул, – сказал Майлс. – Ринго.

Она рассмеялась.

Легкий, ни к чему не обязывающий разговор продолжался. По невысказанному обоюдному согласию они избегали обсуждать то, ради чего отправились в путь. Это бы слишком удлинило дорогу, создало необязательное напряжение и вообще могло лишить желания довести до конца начатое дело. Нужно было отвлечься от этого на некоторое время, поэтому беседа плавно текла от кинофильмов к телевидению и подобным безобидным сюжетам.

Ближе к концу дня они достигли поворота, у которого стоял небольшой коричневый дорожный знак с надписью: «Озеро Волчий Каньон – 22 мили».

За последний час им не попалось ни одной машины, ни одного поселения после Уиллиса – маленького городка в Центральных горах Аризоны, где заправили машину, освежились и приобрели огромных размеров бутылки с питьевой водой в удивительно современном автомате.

Он чувствовал некоторое напряжение, оказавшись так далеко от цивилизации...

от помощи... и пожалел, что не захватил с собой сотовый телефон, но кто знает, стал бы он работать в таком богом забытом районе?

Теперь они ехали молча. К озеру вела двухполосная дорога, как шоссе, но полосы были уже, а сами линии – более бледными. Асфальт тоже выглядел хлипким, а огромные выбоины, судя по всему, многолетней давности, вынуждали Майлса постоянно крутить руль из стороны в сторону.

Они миновали гряду мелких песчаных холмов и оказались в плоской голой пойме. Далеко впереди и в стороне от дороги, в направлении едва заметных скал, шел человек – черный силуэт на светлом фоне песка. Он узнал эту походку – даже на приличном расстоянии, этот неестественный ритм, неизменную скорость, и в груди екнуло.

Дженет тоже обратила внимание на фигуру.

– Неужели это... – Она не закончила фразу, а он не ответил. Они быстро догоняли идущего.

Глаза лишь подтвердили то, что он уже понял заранее.

Это был Боб.

Его отец целеустремленно шагал по гравийной обочине, не пытаясь привлечь внимание, но и не стараясь спрятаться. Он просто шел вперед – голова неподвижна, руки опущены вдоль туловища. Майлс не знал, что делать – то ли остановиться, то ли притормозить, и в панике просто промчался мимо. От ветра, поднятого машиной, волосы Боба взметнулись, а одежда, превратившаяся в лохмотья, затрепетала на костлявом теле.

После этого Майлс притормозил, но не остановился, и посмотрел на Дженет. Та сидела с белым как мел лицом. Он понял, что она подумала о своем дяде. Он прекрасно помнил потусторонность движений отца и полную невозможность вступить с ним в какой бы то ни было контакт, не говоря уж о разговоре.

Он понял, что не хочет останавливать машину. Он ничем не мог помочь Бобу, и лучшим выбором было либо следовать с ним рядом, либо уехать вперед и дожидаться его у озера, а там посмотреть, что будет дальше.

Майлс решил подождать у озера. Идея ехать рядом с отцом его совершенно не привлекала.

Зачем отец идет к озеру?

Что произойдет, когда он до него доберется?

Он продолжал ехать, поглядывая в зеркало заднего вида, пока равнина не сменилась холмами и идущая фигура в лохмотьях не пропала из виду.

Далее им попалось еще шестеро – мужчин и женщин – один за другим, на расстоянии нескольких миль.

Все мертвые.

Все идущие.

– Это как в Нью-Мексико, – приглушенным голосом заговорила Дженет. – Там есть

небольшая церковь в пригороде Санта-Фе, к которой приходят за исцелением. Она построена на так называемых чудодейственных грязях, и на каждую Пасху католики со всех краев совершают к ней паломничество. Их можно видеть на шоссе от самого Альбукерка. Они проходят сотни миль лишь для того, чтобы прикоснуться к этой грязи и помолиться в церкви. – Она посмотрела в окно и передернула плечами. – Вот что мне это напоминает. Люди, совершающие паломничество.

– *Мертвые* люди, совершающие паломничество.

– В Волчий Каньон.

Они переглянулись, и Майлс ощутил незнакомое покалывание в районе солнечного сплетения. Это было странное ощущение, и в какой-то момент даже показалось, что это начало сердечного приступа, потому что одновременно за грудиной началось какое-то трепыхание. Но вскоре все прошло, и он отнес явление на счет страха и стресса. Возможно, это так называемый панический сердечный приступ.

Впрочем, кому еще впадать в панику, как не ему.

Впереди начался небольшой уклон, и уже показалось озеро. Водная гладь переливалась на солнце. Асфальт кончился, далее шла узкая грунтовая дорога, точнее, две пробитые колесами колеи, которые тянулись зигзагом мимо скудной пустынной растительности к самой воде. Помимо нескольких сагуаро и паломре, все остальные растения были низкими, бледно-серыми. Машина, переваливаясь с кочки на кочку на весьма посредственных рессорах, постепенно докатилась до грунтовой же площадки для стоянки автомобилей в небольшой бухте на самом северном окончании озера.

К его удивлению, рядом с длинной деревянной жердью, напоминающей коновязь, стоял старый джип. Майлс поставил машину на небольшом отдалении, потом выключил зажигание и сообщил Дженет:

– Вот мы и приехали.

– И что дальше?

– Не знаю, – признался он.

– Думаю, надо выйти и оглядеться, – предложила она и, открывая дверцу машины, добавила: – Пока они не пришли.

Они вышли из машины и подошли к деревянному ограждению. Впереди почти до самого горизонта простиралось озеро Волчий Каньон, окаймленное высокими скалами и покатыми холмами из песчаника. Когда они уезжали из Сидэр-Сити, было облачно, и Дженет не захватила темные очки, поэтому сейчас, глядя на солнечные блики воды, ей приходилось прищуриваться. Где-то внизу, подумал Майлс, находится город-призрак, в котором, возможно, до сих пор остались тела людей, которые не смогли или не захотели dostat.

Может, трупы людей на дне тоже ходят. Как его отец.

Может, именно туда и идет отец.

Но почему?

Она здесь.

С того места, где он стоял, южного берега не было видно, но можно было предположить, где именно находилась прежняя плотина.

Она пришла и за строителями плотины.

Смысл оставался совершенно неясен. В сознании зияли огромные лакуны. Если бы удалось заполнить эти лакуны, появилось хотя бы приблизительное понимание того, что происходит, но в данный момент можно было строить лишь предположения, опираясь на некоторые разрозненные и случайные аспекты происходящего и не имея никакой возможности сложить целостную картину.

– Давайте спустимся вниз, – предложил Майлс. Он перешагнул через невысокое ограждение и помог перебраться Дженет. Они двинулись вниз по едва заметной тропинке, плавно спускающейся к кромке воды.

Только оказавшись на песчаном берегу озера, Майлс заметил, что они здесь не одни. Он заметил периферийным зрением какое-то движение справа и, повернув голову, увидел молодого человека, сидящего на камне у воды. Перед ним на песке лежали рюкзак, скатанный спальный мешок и снаряжение для подводного плавания. Очевидно, он и был владельцем

джипа. Мужчина встал и настороженно посмотрел в их сторону.

– Добрый день, – поспешил подать голос Майлс, направляясь к нему. – Как дела?

– Нормально.

С близкого расстояния человек выглядел не таким уж и молодым. Просто он был чисто выбрит и коротко стрижен, что придавало лицу юношеский вид, однако под глазами набухли мешки, а в самих глазах застыло мучительное выражение. Майлс прикинул, что ему может быть от двадцати пяти до тридцати пяти лет.

– Занимаетесь подводным плаванием? – спросил Майлс, кивая в сторону акваланга. – На мой взгляд, вода тут довольно грязная.

– Под водой все нормально видно.

– Прошу прощения, – произнес Майлс, увидев подошедшую спутницу. – Это Дженет Энгстрем. А я – Майлс Хьюрдин.

– Гарден. Гарден Хокс. – Молодой человек оглядел обоих. Очевидно, по лицам можно было прочесть их мысли, потому что он без обиняков заметил: – Вы знаете. Поэтому и приехали.

– О чем знаем?

– О ходаках.

Ходоки.

От одного этого слова по спине пробежал холодок. Временный пузырь нереальности, который окружал его, который давал возможность не думать об истинной причине, по которой они оказались в этой бухте, лопнул. Дженет судорожно вздохнула.

– Я так и понял, – кивнул Гарден. – Приятно сознавать, что ты неодинок. А то уж подумал, что просто схожу с ума.

– А вы... – запнулась Дженет. – Вы откуда узнали?

– Мой дед там, под водой.

– А мой отец – на пути сюда, – подхватил Майлс. – Обогнали его по дороге.

– Двое пришли сюда за то время, пока я здесь. Я наблюдал за ними из джипа.

– Что они делали?

– Ушли в воду, – пожал плечами Гарден.

– Так же, как ваш дед?

– Да. Он и под водой продолжает ходить. А вы? – обратился молодой человек к Дженет. – Вы просто с ним или?..

– У меня дядя. Умер и продолжал ходить.

– Он здесь?

– Мы не знаем, – ответил за нее Майлс. – Мы не видели его по дороге, и, говорят, его кремировали, но... – Он пожал плечами. – Мы не знаем.

– Понятно.

Повисла неловкая пауза.

Гарден посмотрел на свой акваланг, потом – на них.

– Скажите, у вас есть какой-нибудь план?

Майлс медленно покачал головой.

– А у вас? – спросил он, заранее зная ответ.

– Нет. Я собирался придумать что-нибудь по ходу дела.

– А вообще кто-нибудь из нас понимает, что происходит? – озвучила Дженет вопрос, который не давал покоя всем.

Еще одна неловкая пауза.

– Давайте начнем с того, что нам известно, – предложил Майлс, переводя взгляд с Дженет на Гардена.

Он рассказал свою историю.

Потом Дженет – свою.

Гарден слушал молча, изредка кивая. Когда она закончила, он долго смотрел на озеро, потом на свой акваланг, потом глубоко вздохнул и заговорил:

– Мой дед ушел туда двадцать лет назад. Ситуация была примерно такая же, как ваши. Он заболел воспалением легких, потом начал ходить, потом умер, после чего ушел в воду. Мы

жили неподалеку, в соседнем каньоне. Он начал ходить вокруг дома. Ходил неделями, ему ни ветер, ни дождь, ни солнце не были помехой. Нас было трое – я, мой отец и мой дядя. Никто не знал, что делать. Насколько я помню, сначала отец с дядей установили дежурство и следили за ним, но это продолжалось несколько недель. Тогда он еще был жив, умер он уже во время ходьбы, и я помню, что ужасно этого испугался. Я не думал, что он может убить меня или еще что, я просто... перепугался страшно. Даже не могу сказать почему. Ну, потом меня отправили спать, но я слышал, как отец с дядей говорили про ящик – так же, как вы рассказывали, который остался от деда, – с магическими порошками, ядами и прочими причиндалами. Впрочем, я лично его так и не видел.

А утром, когда я проснулся, его уже не было. Мы направились за ним следом к озеру и оказались тут как раз в тот момент, когда он начал уходить под воду. Отец кричал ему, но дед не реагировал, просто шагал и шагал, пока не скрылся совсем.

С тех пор мы никогда больше не возвращались к озеру, делали вид, что его просто не существует, но я никогда об этом не забывал, а когда вырос и поступил в колледж, занялся подводным плаванием. Думаю, понимаете почему. На каникулы я приехал домой и сообщил отцу, что хочу сделать. И он, и дядя были против.

Но я все равно совершил спуск. – Гарден облизнул губы. Воспоминания, несмотря на всю их давность, явно его растревожили. – Вода была грязной, мутной, но я все равно увидел его. Дед продолжал ходить. И он был там не один. По тому самому городу-призраку, что покоится на дне озера, ходило несколько человек. – Он вздрогнул. – Видимо, они жили там.

– С тех пор больше не возвращались? – спросил Майлс, потрясенный смелостью мальчика.

– Нет. – Гарден опять посмотрел на акваланг. – Пока еще нет.

– А где сейчас ваш отец и ваш дядя? – спросила Дженет.

– Дядя умер пару лет назад. Отец живет на станции Апач, но мне не хотелось, чтобы он знал, что я поехал сюда, поэтому просто не стал ему говорить, обманул его, сказав, что уезжаю на выходные охотиться в Сан-Карлос.

– И за все эти годы вы никому не говорили? Ни один из вас?

– А кому говорить? – покачал головой Гарден. – И что мы могли рассказать? В те годы тут неподалеку жила старая колдунья, мы звали ее матушка Лизабет. Поначалу хотели рассказать ей, но почему-то этого не сделали. Сегодня утром, когда приехал, я попробовал ее разыскать, но не нашел ни ее хижины, ни следов ее пребывания. – Он окинул взглядом окружающие окрестности. – Похоже, тут все вымерли.

– Кто еще?

– Нет, никого конкретно я не имею в виду. Просто тут, в каньонах и на холмах, были небольшие поселения. Может, сейчас тут сделали зону отдыха или нечто в таком духе и всех повыгоняли, но выглядит все очень странно, словно брошенное.

– Словно проклятое, – прошептала Дженет.

– Я не хотел произносить это слово, – сухо усмехнулся Гарден, – но... да. Похоже на то.

– Что вас заставило вернуться сюда? – спросил Майлс. – Именно сегодня? Одновременно с нами?

– Не знаю, – пожал плечами Гарден. – Меня ничто сюда не звало, если вы это имеете в виду. Я не видел никаких знамений или чего-то в таком духе. Думаю... думаю, дело в том, что нынче – двадцать лет с тех пор, как дед ушел под воду. Может, не с точностью до дня, но почти. – Он посмотрел на озеро. – Ну, и еще недавно мне приснился сон про это место, про озеро. Может, это тоже меня подтолкнуло.

Майлс вспомнил отцовский сон – тот самый кошмар, когда он стоит в кухне, словно вросший ногами в пол, а гигантская волна обрушивается на дом. Не это ли испытали обитатели Волчьего Каньона? Так ли они стояли, не в силах сдвинуться с места, когда вода из водохранилища за верхней плотиной понеслась вниз, на них?

Майлс огляделся. Где была верхняя плотина? Слева от бухты в озеро впадала речка, истоки которой терялись в холмах, и он предположил, что плотина и примыкающее к ней озеро располагались где-то в том направлении.

– У нас тоже были сны, – подала голос Дженет.

Майлс кивнул.

– О том, как мы уходим под воду.

– Я тонул во сне, – негромко произнес Гарден.

– Что это значит? – спросила Дженет. – Может, это какое предчувствие? Может, нам суждено здесь утонуть? – Она с опаской посмотрела на воду.

– Не думаю, – сказал Майлс.

– Как вы можете знать?

– Наверняка – нет. Но я так *не чувствую*. Сон моего отца скорее был похож на воспоминание о прошлом, затопление Волчьего Каньона, увиденное как бы чьими-то чужими глазами, хотя и происходило все в нашем доме. А у меня сны были другими. Не такими буквальными, не такими реалистичными, и я не думаю, что они связаны с каким-то конкретным событием. Скорее, я могу их трактовать как некое закодированное послание, которое мне нужно интерпретировать, только не знаю как.

Дженет понимающе кивнула, хотя Майлс и сам не очень понял смысл сказанного.

– Вы действительно думаете, – обратилась она к Гардену, – что ваш дед по-прежнему там? Вы не думаете, что он... что его тело уже разложилось?

– Нет, – твердо ответил Гарден, глядя ей прямо в глаза. – Он там. Ручаюсь.

Майлс не сомневался, что он прав, но сама мысль показалась пугающей. Он тоже посмотрел на воду. Не нравилось ему это озеро. Даже сейчас, в теплый выходной день, оно было пустынным. В отличие от Пауэрла, Рузвельта и других озер, мимо которых они проезжали. Волчий Каньон не привлекал ни загорающих, ни купальщиков, ни лодочников, ни лыжников, ни любителей гидроциклов. Вода в пустыне обычно притягивает людей, но Волчий Каньон, похоже, наоборот, отталкивал всех. Противоположный берег, вместо того, чтобы радовать глаз зарослями хлопковых деревьев, жожобы и представителями обычной пустынной фауны, был практически голым, не считая редких пятен высохшей оранжево-бурой сорной травы.

Вероятно, единственными обитателями озера являлись «ходоки», как назвал их Гарден – колдуны, вернувшиеся в подводный город.

И в нескольких милях от него – новые ходоки.

Как его отец.

Далеко ли еще Боб, подумал Майлс. Извинившись, он быстро поднялся к площадке для машин. Отца еще не было видно, но двое других ходоков уже появились. Видно было, как они целеустремленно продираются сквозь низкие кустарники. Вот женщина наткнулась на сагуаро, но, судя по всему, не обратила внимания на острые колючки кактуса и продолжала движение, хотя и чуть изменив направление, к берегу озера.

Майлс поспешил вниз.

– Еще двое идут, – крикнул он. – Уже почти у автостоянки.

– Вы уверены, что вам нужно спускаться под воду? – спросила Дженет Гардена, положив ему руку на плечо. – Кто знает, сколько их там?

– Я уже передумал, – бесхитростно признался молодой человек. – Я как раз начал собирать снаряжение, когда вы пришли.

День подходил к концу. Солнце уже скрывалось за западными холмами, и хотя небо над головой оставалось по-дневному светлым, западный берег и прилегающие к нему территории погрузились в тень. В начинающихся сумерках возникли две идущие фигуры. Они не замедлили ход на склоне, не проваливались в песок, они шли твердо, без видимых признаков усталости – прямо к воде.

Майлс слышал рядом с собой взволнованное, напряженное дыхание Дженет, но это было единственным, что нарушало тишину в то время, как у них на глазах два трупа – мужчины и женщины – тем же ровным шагом ушли в озеро.

– Что им там нужно? – спросила Дженет. – Как вы думаете, что они там делают?

– Ходят, – ответил Гарден.

Потом Майлс с Дженет помогли Гардену отнести его вещи к джипу. На дороге показалась еще одна фигура идущего человека.

– Вы по-прежнему собираетесь ночевать здесь? – спросил Майлс.

– Ну, не у самой воды, – откликнулся Гарден. – Вон там площадка для пикников, – показал он рукой в сторону. – Там даже столы есть. А вы?

– Наверное. Похоже, отелей тут не предусмотрено.

– Предлагаю держаться вместе, – сказала Дженет. – Не думаю, что нам следует разделяться. Тем более на ночь.

– Фургоны в круг, – кивнул Майлс.

Они обсуждали условия ночевки и прочие практические детали, стараясь не приближаться к основной теме, к тому факту, что они не знали, что делать, а потому вынуждены просто болтаться беспцельно в ожидании каких-нибудь событий.

Перед самой темнотой в районе автомобильной стоянки появился последний из ходоков.

Боб.

Поток чувств, захлестнувший Майлса, напомнил ему о детских страхах – только на самом деле в детстве ему никогда не приходилось испытывать столь сильного страха. Он стоял, словно парализованный, и смотрел, как отец – человек, который его вырастил, человек, благодаря которому он стал таким, как есть, человек, рядом с которым он прожил всю жизнь, шагал прямо по кактусам и кустам полыни.

– Отец! – крикнул он.

Боб не повернул головы, не замедлил шаг. Той же ровной походкой он спустился вниз по склону, вышел на берег, вошел в воду, погрузился по колени, по грудь, по горло. Вода не подняла его, он не поплыл, а просто шел по дну озера, как водолаз в ботинках со свинцовыми подошвами.

Спусти мгновение от него не осталось и следа.

Он ушел, но Майлс все смотрел в ту точку, где он исчез, смотрел до тех пор, пока не померк дневной свет и небо не стало таким же темным, как вода.

2

Грег Росситер взял неделю из будущего отпуска и полетел в Феникс.

Он понимал, что это неправильно, даже глупо, понимал, что в своем нынешнем положении не имеет права позволять себе всяческие выкрутасы, что пора становиться командным игроком. Но старые привычки отмирают с трудом, и он бы не достиг того, чего достиг сейчас, играя по правилам.

Он достиг этого благодаря игнорированию их.

Или нарушая их.

Кроме того, устоять перед этим просто было невозможно. Очередное «сверхъестественное» дело в районе Рио-Верде? Насколько это странно?

Если бы он верил в знамения, он бы сказал, что это – знак, что некая невидимая сила специально подкинула ему это дело, чтобы помочь продвинуться по карьерной лестнице.

Черт. Кого он пытается обмануть? Он верит в знамения. Почему не признать это? После всего, что ему довелось увидеть и узнать, он просто имеет на это право. На самом деле сразу же после разговора с Маккормэком он уже понял, что поедет в Волчий Каньон. Это дело захватило его с первых же минут, и если бы этот трусливый Маккормэк воспользовался хотя бы немногими из тех возможностей, которые у него имелись, а не пугался бы собственной тени и крутился бы вокруг Вашингтона, как виноватый хорек, Росситер мог на самых законных основаниях, а не втайне, как сейчас, заниматься этим делом.

Впрочем, может, это и к лучшему. Если бы появилось законное распоряжение, ему скорее всего не дали его возглавить, он бы оказался одним из членов команды, а не лидером команды и не получил бы права довести его до конца лично. А так он снова может оказаться тем, кто его раскроет, сможет возложить на себя всю ответственность и, вне всякого сомнения, поднимется еще на одну ступеньку в иерархической лестнице ФБР.

Но что это за дело?

Этого он не знал. Не совсем. Некий человек в Юте превратился в ходячий труп, помощник министра внутренних дел был убит в собственном гараже неким монстром – и сорок лет назад инженеры, выполняя правительственный заказ, построили плотину, в результате чего оказался

затоплен город колдунов. Как ни крути, дело крупное. Может, не столь крупное, как было в Рио-Верде, но достаточно крупное, и если то, что ему удалось вычитать между строк из секретного доклада Маккормэка, окажется правдой, вполне возможно, что очень скоро могут грянуть серьезные события.

Он взял такси из аэропорта Феникса до местного отделения ФБР, где выписал себе машину. Энгельс, его старый начальник, был на работе, но Росситер не потрудился увидеться с ним. Между ними никогда не было особенно теплых отношений, а перебравшись в Вашингтон, он и подавно утер нос. Энгельсу, так что скорее всего начальство затаило на него злобу.

Быстро перекусив в забегаловке под названием «Что За Бургеры!», он двинулся в путь – мимо станций Меса и Апач – на открытое пространство. Как большинство автомобилей ФБР, эта машина была оборудована антирадарным устройством, что избавляло от риска быть остановленным за превышение скорости и необходимости объясняться с каким-нибудь тупым местным дорожным патрулем. Как только появилась такая возможность, Росситер вдавил в пол педаль газа и понесся по двухполосному шоссе, окаймленному голой чапарралем, загнав стрелку спидометра за сотню миль. Даже на такой скорости до места назначения ехать было не меньше двух часов, и он включил автомобильный сканер, слушая всегда любопытные переговоры неотесанных представителей власти этого дикого Дикого Запада.

* * *

Он подъехал к плотине с юга, через Рио-Верде. Это вызывало не всегда приятные воспоминания. Проезжая мимо китайского ресторана на пути к центру города, он подумал о том, чтобы заглянуть в местный полицейский участок и нанести неожиданный визит своему старому приятелю шерифу Картеру. Росситер улыбнулся. Такой щипок был бы забавным – он знал, что Картер не имеет ни малейшего желания его видеть, – но как бы ни хотелось лишний раз поддеть этого жирного ублюдка, нужно было спешить на озеро. Он понятия не имел, что там происходит и происходит ли вообще, слишком рано или слишком поздно он торопится на праздник, но все равно прежде всего нужно оказаться там и оценить ситуацию.

Может, на обратном пути.

За границей Рио-Верде шоссе шло вдоль реки. Через двадцать миль к северу дорога раздваивалась. Одна уходила по пустыне в сторону Нью-Мексико, другая, петляя между холмами и возвышенностями, вела к озеру. Трасса обогнула скалистый утес, потом сузилась до одной полосы, проходя по плотине: Его машина была единственной, но Росситер ехал аккуратно, сознавая ненадежность перил, которые отделяли его от водной глади справа и отвесной кручи тела плотины слева. За плотиной уже была грунтовая дорога, которая упиралась в небольшую засыпанную гравием стоянку для машин, окруженную покосившимися старыми столами для пикника.

Он вышел из машины, потянулся и подошел к берегу озера. Оглядел плотину, берег, водное пространство.

Он не знал, что ожидает увидеть, но чего-то все равно ждал.

Росситер огляделся по сторонам. Насколько хватало глаз, в окружающей пустыне не было ни машин, ни людей, ни вампиров – ничего необычного или неординарного. Послеполуденный воздух был тих, за исключением присвистывающего гула от вырывающейся из-под плотины воды, что неслась в Рио-Верде.

Боже, как же он возненавидел этот штат за то время, что вынужден был работать здесь! Два срока в столице ничуть не уменьшили уровень антипатии. Какой идиот захочет жить в такой Богом забытой дыре, кроме тупой вырождающейся деревенщины?

Он вздохнул и пошел осматривать плотину.

Уже закралось подозрение, что он совершил ошибку и отреагировал слишком поспешно. Совершенно незачем было сюда мчаться. Даже если в этом месте и присутствует какая-то сила, нельзя было надеяться изгнать ее одним собственным появлением. Сверхъестественное явление – это не дрессированная обезьянка, прыгающая через обруч по его расписанию и показывающая свою личность тогда, когда ему это удобно.

Впрочем, теперь ничего не оставалось, кроме как следовать намеченному плану. Росситер

еще раз оглядел плотину и пошел вдоль берега, жалея, что забыл захватить какие-нибудь кроссовки.

3

Ночью тихо шептались.

Майлс узнал мягкий шелест, едва различимые звуки, которые слышал в доме перед возвращением отца из больницы. Эти звуки тогда его здорово напугали, но сейчас – еще больше. Его спутники спали – Гарден в спальном мешке на земле, Дженет на заднем сиденье машины, и Майлс испытал желание разбудить их, чтобы они тоже услышали и подтвердили, что это не его собственные галлюцинации, но не был уверен, смогут ли они правильно оценить подобную манеру поведения и не посчитать его трусливым дураком, лишаящим людей сна лишь потому, что услышал какие-то шорохи.

Впрочем, звуки были пугающими, особенно в данных обстоятельствах, и он уже сомневался, будут ли винить его Дженет или Гарден за нежелание их слушать в одиночестве.

Он лежал и смотрел в звездное небо. Звуки слышались отовсюду – из-за дерева, с близлежащих камней, с черной поверхности самого озера. Как и раньше, ему казалось, что различает слова, имена – *Мэй. Лизабет.*

Майлс устроил себе ночлег на столе для пикника. Сложенная куртка Гардена служила подушкой. Спасаясь от неожиданно холодной ночи, он закутался наподобие мумии в грязное одеяло из багажника джипа.

Мэй.

Что это могло значить? Он не знал и не хотел знать. Это было то, ради чего он приехал, из-за чего их всех потянуло в Волчий Каньон, но сейчас, оказавшись здесь, когда ответы, которые он искал, сами давали о себе знать, он понял, что на самом деле боится их.

Мэй, – снова послышался тот же шепот, за ним – несколько неразборчивых слов, среди которых он мог различить лишь два. Мэй. Лизабет. Лизабет Мэй...

Если бы Гарден или Дженет проснулись, было бы не так страшно, но он по-прежнему не мог позволить себе сдаться и разбудить их. Вместо этого он закрыл глаза, повернулся набок, натянул одеяло на голову и начал мычать себе что-то под нос, чтобы заглушить посторонние звуки.

Постепенно он заснул.

И ему приснился сон.

Он был в Лос-Анджелесе, на стадионе Доджера. Стояла глубокая ночь. Стадион был пуст, все прожектора выключены; единственным источником освещения был оранжеватый смог на небе, отражавший огни большого города.

На автомобильной стоянке перед стадионом он увидел небольшую фанерную хижину – сложенное на скорую руку из отходов строительных материалов жилище. В открытом дверном проеме хижины стоял человек, старик, одетый в пропылившееся платье и кожаные ковбойские краги на манер пионеров Запада. Он молча курил, и было что-то зловещее в том, как двигалась его рука, поднося сигарету к губам и опускаясь, в то время как вся фигура оставалась неподвижной, как мраморная статуя.

Старик отбросил сигарету, развернулся и вошел в помещение. Майлс понял, что ему следует, идти за ним. Он не хотел этого делать, боялся и старика, и хижины, и темноты, но, будучи не властным над собой, покорно потащился вслед за скрывшейся в хижине фигурой.

Внутри строение оказалось очень большим – гораздо большим, чем это можно было себе представить по внешнему виду. Старик провел его по захламленному помещению к столу, на котором стояла зажженная керосиновая лампа, ваза для фруктов с отрезанной головой женщины. На дне стеклянной вазы можно было различить ломтики очищенных фруктов – апельсинов, персиков, груш. Голова покоилась сверху; из шеи выступали обескровленные жилы и похожие на струны вены. Мужчина взял старую ржавую ложку, зачерпнул ею сахарного песка с одного из двух расположенных рядом с вазой блюдец и посыпал им голову. Затем из другого блюда зачерпнул полную ложку листьев мяты и тоже высыпал ее сверху.

– Это сохраняет голову свежей, – пояснил он, взглянув на Майлса. Голос оказался

высоким, надтреснутым – совсем не таким, как ожидал Майлс.

Майлс кивнул, не зная, что сказать.

Мужчина взял керосиновую лампу и пошел с ней через другой проем в следующее помещение, выглядевшее не менее просторным, чем сам стадион Доджера. Мерцающий огонь освещал лишь небольшое пространство, моментально обступившее их. На земляном полу были разбросаны голые фарфоровые куклы с нарисованными грудями и лобками. Майлс прошел за старым ковбоем мимо кукол и остановился перед огромным отверстием в земле. Широкая настолько, что в нее можно было бы поместить поперек легковой автомобиль, яма уходила в чернильную пустоту непостижимой глубины.

– Я вырыл эту дыру, – признался мужчина. – Она ведет в Китай.

– Чем вы ее рыли? – спросил Майлс.

– Ложкой для мяты.

– Где вы ее взяли?

– Мне дал ее карлик.

Разговор казался бессмысленным, но за отсутствием буквального смысла чувствовалось какое-то глубинное значение. Майлс глубокомысленно кивнул, словно ожидал услышать именно это.

Старик положил Майлсу на плечо холодную руку. Потом приблизил к нему лицо, и Майлс ощутил запах табака, кофе и чего-то еще, сладкого и весьма неприятного.

– Здесь я поместил ее тело, – произнес старик. – Когда голова будет готова, она тоже отправится сюда.

* * *

Майлс проснулся с рассветом. Теплые лучи восходящего солнца уже разогнали ночной холод. Дженет и Гарден еще спали. Откинув одеяло, он сел, спустил ноги со стола и, стараясь не шуметь, встал на землю.

Утренняя пустыня была прекрасна. Окружающий ландшафт еще не приобрел свой дневной монохромный цвет, и каменистые холмы и скалы купались в оранжевом восходе; четкие тени подчеркивали все трещины, выступы и углубления. Среди валунов стояли высокие сагуаро с поднятыми и распростертыми руками, как сдающиеся в плен солдаты. Глубокое безоблачное небо переливалось всеми цветами радуги от оранжевого на востоке до фиолетового на западе. Над вершиной ближайшего холма лениво кружил коршун.

Само озеро было черным.

Это была игра света – так должно было быть, – но эффект тем не менее оказался тревожным. Майлс с облечением услышал, как за спиной открылась дверца машины и Дженет вышла наружу, потягиваясь и зевая.

Звук дверцы разбудил и Гардена. Он выбрался из спального мешка и огляделся. Все неловко молчали, не зная, что сказать.

– У кого-нибудь есть еда? – поинтересовался Майлс.

– У меня есть пирожки, – кивнул Гарден. – С голубикой. Надеюсь, они вам понравятся, потому что до ближайшего ресторана ехать далековато.

Он принялся рыться в багажнике своего джипа. Майлс с Дженет терпеливо ждали, пока он найдет коробку с пирожками.

Завтракая, все трое смотрели на озеро.

– Никого... – прокашлялась Дженет, – никого ночью не появилось? Ходоков больше не было?

– Я не слышал, – откликнулся Гарден.

– Если и были, мы их проспали, – добавил Майлс.

Тишина.

Пирожки кончились.

– И что мы будем делать дальше? – спросила Дженет, отряхивая с рук крошки.

– Не знаю, – признался Майлс. – Проблема в том, что мы на самом деле не знаем, хорошо все или плохо. Я имею в виду – может, из происходящего вообще ничего не следует. Ясно одно

– много лет назад, даже десятилетий здесь жил и люди. Кто сказал, что теперь происходит что-то плохое?

– Потому что я это чувствую, – прищурился Гарден. – И могу поспорить, вы тоже.

Он был прав, и Майлс неохотно кивнул. Здесь действительно что-то было, некое неопределимое чувство дурного предзнаменования, и оно давило с огромной тяжестью. Он еще в нем толком не разобрался, но ощущал его с первого момента появления на озере. Только сейчас Майлс понял, что у него на самом деле *есть* план: ждать, что будет происходить, и после этого реагировать.

Но что дает ему основание думать, что он – любой из них – сможет отреагировать адекватно?

Ничто.

Единственное, что он знал, – они должны попытаться.

– Майлс! – услышал он обеспокоенный голос Дженет, обернулся, проследил за ее взглядом и увидел, что по берегу идет человек – одетый совершенно неподходящим образом в нечто напоминающее черные слаксы, белую рубашку и вполне стандартный деловой пиджак. Черные очки от солнца придавали ему вид секретного агента, и это несоответствие внешнего вида моментально зажгло красный фонарь в мозгу Майлса. Что-то в облике незнакомца выдавало человека из силовых структур, и с тянущим ощущением в желудке Майлс подумал, что сейчас их выставят вон отсюда, объявив, что весь район закрыт и подлежит эвакуации.

Мужчина, очевидно, тоже увидел их периферийным зрением, поскольку резко изменил направление и, не поднимая головы, двинулся вверх по склону.

Через считанные секунды он уже оказался на вершине и выставил перед собой всем известный значок.

– Агент Росситер, – представился мужчина. – ФБР.

– Ну? – откликнулся Гарден.

– Могу я спросить, что вы делаете на озере?

– Спросить можете, но отвечать я вам не обязан. Разумеется, если я не арестован или в таком роде.

Агент обернулся к Дженет. Та бросила скрытный взгляд на Майлса.

Внимание Росситера переключилось на него, и Майлс вздохнул. Он не понял ничем не спровоцированной грубости Гардена, но нервозность Дженет была вполне понятной реакцией на представителя власти. Майлс решил взять разговор на себя.

– Агент Росситер? – кивнул он. – Я Майлс Хьюрдин.

– Мистер Хьюрдин. Могу я узнать, зачем вы здесь?

Майлс уже был готов ответить, сочинить какую-нибудь правдоподобную и безобидную ложь, но тут небо резко изменилось. Сплошная облачность не наполнила, она просто появилась мгновенно, полностью перекрыв голубое небо, превратив солнечный свет в слабое сероватое свечение над сразу же почерневшими горами.

По воде прошла рябь – движение началось на середине озера, направилось к югу и так же внезапно исчезло, словно лох-несское чудовище вдруг решило подняться на минутку из глубин. Они все увидели это, и по непроизвольно напрягшемуся выражению лица агента Майлс все понял.

– Думаю, мы *все* знаем, зачем мы здесь, – ответил он.

– Что вы знаете? – прищурился Росситер.

– Вы первый.

Майлс ожидал сопротивления, но, к его немалому удивлению, агент ФБР деловито сообщил, что прибыл сюда расследовать серию загадочных смертей, на которые обратили внимание в Вашингтоне и которые явно имеют непосредственное отношение к Волчьему Каньону, бывшей поддерживаемой правительством колонии колдунов, которая нынче покоится на дне озера.

Колония колдунов.

Это многое проясняло; фрагменты головоломки уже начали складываться в его мозгу в целостную картину. Теперь стали понятны и существование магических атрибутов, и сверхъестественные аспекты смертей. Тем не менее это никак не объясняло источник недавней

активности. Колдуны погибли, когда город был затоплен, и теперь наступила пора возмездия. Но от кого? Живы ли колдуны до сих пор, или они восстали из могил, чтобы покарать тех, кто совершил с ними такое?

Тут же вспомнился отец. Майлс не мог поверить, что Боб мог иметь к этому какое-то отношение, что его отец был колдуном.

– Ваша очередь, – кивнул Росситер, завершив свой рассказ.

Майлс, выступая за всех троих, вкратце описал ситуации со своим отцом, с дядей Дженет и дедом Гардена. Заодно сообщил агенту, что является частным сыщиком, и рассказал про список Лиэма.

– У вас есть копия? – быстро спросил Росситер.

– В машине.

– Я хочу взглянуть.

Майлс кивнул.

Небо между тем продолжало темнеть. Завеса странных облаков продолжала стучаться. Черная поверхность озера была неестественно гладкой. Его не тревожили ни ветерок, ни птица, ни рыба. С исчезновением солнца не перестало теплеть, и сочетание полярного неба с аризонской температурой полностью соответствовало ледяным мурашкам, которые уже побежали по мокрой от пота спине Майлса.

– И каков ваш план? – спросил Росситер. – Что вы собирались делать? Зачем вы приехали?

Майлс перевел взгляд с Дженет на Гардена, не зная, что сказать.

– Не знаю, – решил он наконец сознаться. – Мы как раз это обсуждали перед вашим появлением.

Агент открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут озеро снова пришло в движение. Снизу пошли пузыри, сопровождаемые высоким острым звуком. Все обернулись, и Майлс почувствовал, что инстинктивно сделал пару шагов назад, подальше от склона.

Вода расступилась, не так впечатляюще, как киношное Красное море, но дешево, как на студии «Юниверсал», восстанавливающей событие для своих автобусных туристических групп. Ближайшая к ним часть озера расступилась узким клином.

Они начали выходить по двое, друг за другом – все, кто когда-то ушел туда. Самые последние вышли первыми, включая отца Майлса. Уставившись перед собой невидящим взглядом, они маршировали – причем более осмысленно и контролируемо, чем той походкой, которая привела их сюда. Можно было подумать, что срочность пропала, что они больше не стремятся во что бы то ни стало достичь цели, что они обрели ее, и теперь действуют, подчиняясь иным командам. Они были похожи на рабов, трусливых, избитых, покорившихся... При виде своего отца Майлс почувствовал не страх, а жалость.

Идущие впереди были одеты в мокрые, рваные одежды; на тех, кто шел сзади, одежды не было вовсе. Они выходили обнаженными на песок, но двигались не вверх, к автостоянке, а вдоль берега – в сторону.

– Я не вижу моего дядю, – повторяла Дженет шепотом маленькой девочки. – Я не вижу моего дядю.

– Я вижу своего дядю, – с ужасом произнес Гарден. – И деда вижу.

Росситер ничего не говорил, но Майлс видел, что агент достал револьвер, и хотя сомневался, что это может помочь, все равно почувствовал некоторое облегчение.

Из расступившихся вод выходили все новые и новые мужчины и женщины.

И наконец появилась *она*.

Она здесь.

Он мгновенно понял, что это именно та, о которой говорили и его отец, и дядя Дженет. Та самая личность, о которой пыталась предупредить его женщина в торговых рядах.

Она вышла из воды, обнаженная. Лицо было в потеках грязи, спутанные, свисающие прядями волосы позеленели от тины и водорослей, но, как и у остальных, кожа осталась не тронутой разложением. Можно сказать, что для столь длительного пребывания в воде она прекрасно сохранилась. Голова ее кренилась под странным углом, словно шея была сломана. Бесспорно прекрасное, лицо ее вместе с тем имело отпечаток какой-то дикой чуждости,

нездешности, и это вызывало непреодолимый страх. Он не понимал, кто она такая, но от нее исходила осязаемая аура силы.

Изабелла.

Имя пришло само, ниоткуда, но он мгновенно понял, что это – ее. И чувство, что за всем происходящим стоит именно она, окрепло.

Она повернула склоненную набок голову, взглянула в его сторону...

И он оказался на перекрестке дорог под луной, глядя глазами Изабеллы, которая приблизилась к телу повешенной ведьмы. Обнаженное тело женщины – настоящей карги с дикой гривой седых волос – покачивалось на толстой растрепанной веревке, прикрепленной к суку разбитого молнией дуба. От колдуньи исходило слабое сияние – остатки силы, несомненно, невидимые обычному глазу, и именно это было нужно Изабелле. В окрестностях этого проклятого места не было ни души, и даже огней отдаленных поселений не было видно – настолько поздним был час. Невидимая, она свободно подкралась к дереву, взобралась на него, чтобы сбросить тело, а когда то упало, прыгнула на него сверху и впилась губами в открытый рот трупа. Она начала впитывать в себя оставшуюся энергию, а вместе с ней – высасывать и кровь, и желчь, и остатки непереваренной пищи. Это была энергия, в которой нуждалась Изабелла, которую она желала, и он чувствовал, как она укрепляется по мере поглощения темной силы колдуньи, извлекаемой единственно доступным способом.

А затем он оказался в селении анасази. Изабелла перед собравшейся толпой проводила некую церемонию с шаманом племени. Она иссушала пожилого человека через ладони его вытянутых рук, испытывая потребность исключительно в его жизненной энергии, но заодно, для вящей убедительности его соплеменников, забирала и его кровь. Голая Изабелла постанывала, кровь брызгала на ее груди, живот, густую шерсть лобка. Публика, наблюдающая за этим, скандировала благодарственные молитвы. Наконец Изабелла вобрала в себя последние капли жизненной сущности человека, и мощные волны оргазма сотрясли ее лоно.

Затем селение исчезло, а он оказался в темной хижине, в которой человек силы демонстрировал свое искусство. Человек стоял на коленях перед вырезанной им статуей – статуей бога в форме стручка спаржи. На земле вокруг него лежали мертвые женщины, обнаженные, с раздвинутыми ногами, и у каждой в интимных местах торчали пучки спаржи. Была поздняя весна, сезон спаржи, и снаружи мужчины собирали урожай этого растения, в то время как их жены и дочери, запертые в бамбуковых клетках, извивались, верещали и умоляли выпустить на волю.

Это была другая земля, очень древняя земля – потому что ландшафт не был похож ни на что, существующее в настоящее время; горы на горизонте были слишком высокими и странной формы, небо и почва полей отличались по цвету от того, каким им следовало бы быть.

Изабелла недавно насытилась, потому не было оснований отвратить силы этого мужчины. Наоборот, она опустилась рядом с ним на колени, и они заговорили в унисон, вознося молитву этому древнему богу. Потом она поползла туда, где лежали приготовленные тела. Встав на четвереньки перед первой из мертвых женщин, она произнесла Слова, просунула голову между холодных ляжек и принялась поедать спаржу.

Затем он оказался в огромной черной пещере с обнаженными мужчинами, женщинами и странными созданиями, которые никогда не видели дневного света, монстрами, которых никогда не изображала человеческая рука, которые никогда не возникали даже в самых необузданных фантазиях самых богохульствующих иллюстраторов мира. Под ногами была жидкая грязь – земля, смешанная скорее с кровью, нежели с водой. Изабелла стояла в центре пещеры, раздвинув ноги и воздев руки, и завывала. Мужчины и женщины тряслись перед ней от страха. Она нагнулась, подхватила с земли пытавшуюся убежать мелкую тварь и сожрала ее. Зубы с хрустом раздирали склизкую белесую шкурку и пережевывали мерзкую плоть. Она опять взвыла, схватила другого маленького монстра, разорвала зубами на две части и проглотила его сущность. Потом вскрикнула – это был нечленораздельный вопль голода и боли – и на сей раз напала на более крупного монстра – дольчатого, многоногого, многоротого, многоглазого чудовища, которое запищало от ее прикосновения и попыталось

сопротивляться. Она без труда убила его, вцепившись зубами в резиноподобную шкуру у него на хребте.

И опять взвыла.

И тут видения оборвались. Он снова оказался самим собой. Майлс быстро огляделся. Прошло не больше секунды. Он стоял на том же самом месте, ничто не сдвинулось, ничто не изменилось. Он почувствовал легкое головокружение. Он не очень сознавал, что произошло, но между ним и этой женщиной явно установилась какая-то связь. Он не знал, как и почему, но она дала ему возможность мельком увидеть... что? Ее воспоминания? Ее фантазии? Ее планы? Ее прошлое?

Быстрый взгляд на Дженет, Гардена и Росситера убедил его в том, что никто из них не испытал ничего подобного. Что бы это ни было за явление, оно предназначалось исключительно ему лично.

Изабелла полностью вышла из воды и уже шла по песку. Она опять посмотрела в его сторону, на губах появилась леденящая улыбка...

И вновь его озарило видение.

Плотину прорвало, вода из озера Волчий Каньон хлынула гигантской волной высотой в несколько сотен футов – вырываясь из горной теснины на пустынные пространства внизу, полностью смыв небольшой город и разметав по равнине сотни трупов.

Гибельное опустошение прокатилось по всей земле.

Феникс оказался погребен под гигантской пыльной бурей, которая охватила весь юго-запад, поглотив также Альбукерк и Лас-Вегас. Нью-Йорк был весь в огне; улицы переполняли обезумевшие толпы людей, которым некуда было бежать. Чикаго провалился под землю, воды озера Мичиган ринулись в гигантскую воронку и затопили ее. Лос-Анджелес сотрясали бесконечные землетрясения, которые, казалось, готовы были сравнять с землей каждое сооружение штата...

Как и раньше, он увидел это ее глазами, и в мгновенной вспышке озарения он понял, что она жила в Волчьем Каньоне. Она была среди тех колдунов, которые оказались погребены на дне озера после затопления города.

Видение растаяло.

Он пошатнулся. Мелькнула мысль броситься к ней, схватить ее, но ее полная глупость оказалась быстро подавлена здравым смыслом и добрым старомодным страхом. В отличие от других идущих, Изабелла не была автоматом. Она не следовала приказам. Она была той, кто отдавал их, осуществляя свои хорошо продуманные планы.

Теперь он понял. Наконец он обнаружил узловую точку зла, которое распространялось от этого места, которое оказалось способно дотянуться до любой точки страны, чтобы убить всех этих людей, которое каким-то образом воскресило его отца, дядю Дженет и родственников Гардена... и в итоге собрало их всех здесь.

Изабелла.

Она желала не меньшего, чем полная месть. Ее сила будет расти с каждой утраченной жизнью – до тех пор, пока ее уже ничто не сможет остановить.

Конец света наступит не в результате Божественного вмешательства или космического инцидента, а от мелкой жгучей ненависти рассерженной колдуньи.

Майлса трясло. От страха – да, но и от психической перегрузки, ошеломленности тем, что ему только что пришлось ощутить.

Он чувствовал ее злобу, эту раскаленную добела ненависть, которая распаляла ее ярость, но ярче всего он ощущал испытываемое ею одиночество, перед которым любые моральные императивы бледнели и превращались в несущественные мелочи, которыми можно было пренебречь или отбросить в сторону. Он вспомнил, как ребенком наблюдал по телевизору запуски «Аполлонов». Наибольшее впечатление на него тогда произвел «Аполлон-8», на борту которого американские астронавты впервые облетели обратную сторону Луны. В течение всей предшествующей недели он пытался представить, каково оказаться на их месте, вообразить то, что они увидят, испытать то, что они почувствуют. Главное, что приходило ему в голову, – одиночество. Все, что они знали – вода, небо, облака, земля, растения, животные, горы, люди, дома, жуки, – находилось на расстоянии миллионов миль, заключенное в сфере, которая

проплывала у них перед глазами на фоне космической черноты, в то время как они сами находились в тесной металлической коробочке, окруженной абсолютной пустотой. А когда они облетали обратную сторону Луны, когда их радиопередатчики на этот период орбиты прекратили работу, они были лишены даже этого, оставшись лишь наедине с собой и молчанием космоса, лишены возможности даже издали видеть их родной голубой глобус. Они были одни, абсолютно одни.

То, что Майлс ощутил, глядя глазами Изабеллы, было вполне сопоставимым чувством одиночества, схожей отчужденностью от течения жизни. Только это было хуже, потому что оставалось ему непонятным. Ее эмоции и мыслительный процесс были ему настолько глубоко чужды, что он просто оказался не в состоянии их истолковывать, не в состоянии сделать никаких предположений относительно ее действий в прошлом или будущем. Единственное, что он понял, – ничто не может сбить ее с выбранного пути, она будет абсолютно непреклонна в исполнении задуманного, и ни он, ни кто другой не в состоянии это изменить.

Изабелла посмотрела на них, мимо них, и продолжила идти по берегу озера вслед за другими.

Она не знала, что он *видел!*

Сердце учащенно забилося. Лишь секунду назад находясь на грани отчаяния, запуганный до крайности ее внушительной силой, теперь он увидел лучик надежды. Какого бы рода связь ни установилась между ними, она об этом не подозревала. Каким-то образом ему удалось без ее ведома проникнуть в ее намерения.

Не очень большое преимущество, но все-таки. Тот факт, что она не знала, что он получил доступ к ее мыслям, означал, что она сама не совершенна, не всесильна. Выйдя из воды, она смотрела в их направлении, но если даже увидела их или просто обратила внимание – они были для нее не больше, чем жуки или растения, не имеющие абсолютно никакого значения.

Постоянное покалывание в области солнечного сплетения слабело одновременно с тем, как Изабелла скрывалась от них за деревьями паломверде, направляясь от берега в глубину суши. Теперь остальные идущие перед ней казались Майлсу просто гонимым вперед стадом.

Он понял, что если существует какая-то возможность остановить ее, то именно им предстоит совершить это. Каким образом – другой вопрос. Он оглянулся на своих спутников с желанием рассказать о том, что только что пережил, но понял, что не в состоянии подобрать слов.

Росситер по-прежнему сжимал в руке револьвер, хотя и не пустил его в действие, а по лицу агента Майлс понял, что тот находится в состоянии полной прострации. Дженет остановившимся взглядом смотрела на воду.

– Что это было, черт побери? – Гарден первым обрел дар речи.

– Не знаю, – откликнулся Росситер.

– Изабелла, – услышал свой голос Майлс.

Все одновременно уставились на него.

– Это колдунья, которая жила в городе, когда его затопили. Каким-то образом ей удалось выжить. Именно она стоит за всем этим. Она старая, гораздо старше, чем мы можем себе представить, и очень зла на то, что с ней сделали. Я не знаю, погибла ли она и потом каким-то образом вернулась к жизни, или впадала в какой-то анабиоз, но до сего момента она набирала силы. Она оказалась в состоянии дотянуться до строителей плотины – до ответственных лиц, до самих строителей, до тех, кто наблюдал за строительством, – и убивать их. Еще она собирала вокруг себя людей из Волчьего Каньона – других жертв. Типа вашего деда, – кивнул он в сторону Гардена. Потом глубоко вздохнул и добавил: – И моего отца. Думаю, они стали ее своеобразной армией, и она намерена использовать их для...

Для чего? Для уничтожения мира?

Нет, это звучит слишком глупо, по-детски и мелодраматично.

– ...чтобы взять реванш, – сбивчиво закончил Майлс.

Росситер кивнул, но это оказалось единственной реакцией. Никто не задал ни единого вопроса, и полная иррациональность этого факта дала ему возможность осознать, насколько безумна ситуация, в которую они попали. На самом деле оставалось множество вопросов. Почему Изабелла и все ходоки спустя столько лет вдруг покинули озеро? Куда они двинулись?

Возможно, его спутники просто не хотят ничего этого знать. Возможно, они на каком-то инстинктивном уровне поняли, что он говорит правду, и этого им достаточно.

Дженет непонимающе покачала головой.

– Вы видели своего отца? – обратилась она к Майлсу.

– Да, – кивнул он.

– А вы дедушку? – спросила она Гардена.

– И дядю тоже.

– А дяди Джона не было, – с некоторым облегчением констатировала Дженет. – Может, мы действительно его похоронили? Может, он покоится в Сидэр-Сити и не имеет к этому никакого отношения.

– Возможно, – согласился Майлс. На самом деле он отнюдь не был уверен в столь милосердной судьбе дяди Джона, ему просто хотелось облегчить ее страдания. Она этого не заслужила. Он уже сожалел, что взял ее с собой, но сам понимал, что единственным основанием для такого сожаления было то, что сейчас с ними были Гарден и Росситер. Честно сказать, он взял ее с собой лишь потому, что не хотел ехать один. Теперь же ему хотелось, чтобы Дженет осталась в Юте.

Гарден смотрел туда, где между холмами исчезли дорожки,двигающиеся в сторону пустыни. След взбитого ими песка было отчетливо заметен.

– Что нам делать, как вы думаете?

– Преследовать! – заявил Росситер, но в голосе не было убежденности, а лицо его выдавало полное отсутствие желания делать нечто подобное.

Майлс покачал головой. Логически рассуждая, таков должен быть их план, но что-то ему казалось неправильным. Он *не чувствовал*, что так надо, хотя подобное возражение было, разумеется, слишком расплывчатым.

– Нет, – сказал он.

Почувствовав вызов своей власти, Росситер моментально напрягся.

– Они уйдут! Если вы правы, их необходимо остановить. И мы единственные, кто их видел. Мы единственные, кто знает, где они сейчас.

– Это слишком опасно, – произнес Майлс. Он не понял, почему так сказал, но не сомневался в этом.

– Вы идете? – обратился агент к Гардену.

Молодой человек смущенно отвернулся, взглянул на Майлса и облизнул губы.

– Прекрасно, – заявил Росситер. – Я иду один. Я не могу позволить им скрыться из виду. – Агент рысцой направился вниз, к береговой линии, расставив руки для сохранения равновесия.

– Стойте! – крикнул ему вслед Майлс и сам удивился силе своего голоса.

– Я должен! Они уйдут!

– Пускай. Мы пойдем за ними позже. Нам нужно обсудить, обговорить план...

– Нечего обсуждать! Не нужны никакие планы. Слабаки. Оставайтесь здесь! Я пошел. – Через некоторое время его фигура уже мелькала за первыми деревьями паломверде, направляясь к похожим на колонны стволам сагуаро.

– Может, нам тоже следует? – проговорил Гарден.

Дженет яростно замотала головой.

– Майлс прав. Это опасно. Вы же их видели.

– Я видел моих деда и дядю.

– Это уже не они, – пояснил Майлс. Взглянув в глаза Гардену, он увидел, что лишь констатировал то, что молодой человек понял и без него.

Росситер исчез в пустыне.

– Что мы будем делать? – спросил Гарден.

Майлс не знал. Он знал, чего делать нельзя, но не знал, что нужно. Изабеллу необходимо остановить. Но он не знал, как это сделать, хотя казалось преступным и безответственным просто стоять тут в ожидании озарения, вместо того чтобы предпринимать активные действия.

– Что с ним будет? – проговорила Дженет, глядя вслед ушедшему агенту ФБР.

– Надеюсь, ничего.

– Но вы так не думаете.

Майлс покачал головой. Пока Дженет не поставила его перед фактом, он не осознавал, что не надеется больше увидеть Росситера. Он даже удивился полному отсутствию собственных эмоций по этому поводу и лишний раз поразился столь причудливому повороту событий, выходящих за все разумные границы.

– Как вы думаете, куда они идут? – спросил Гарден. – Может, нам имеет смысл вызвать полицию? Я не знаю, насколько сильна эта Изабелла, но, может, ее можно одолеть? Может, если собрать большую группу и совместными усилиями... – Он недоговорил фразы. – Честно сказать, я не знаю, что делать, но, может, мы можем что-то сделать?

Майлс кивал с отсутствующим видом. Он ждал звука выстрелов. Росситер должен был уже настичь ходоков и, загнанный в угол, пустить в ход оружие.

Но стрельбы все не было, и уже начала закрадываться оптимистическая мысль о том, что агентов ФБР специально обучают поведению в таких ситуациях. Может, ему удалось незаметно сесть им на хвост. Может, он что-то понял или увидел такое, что поможет им остановить Изабеллу.

Однако надежда умерла, не родившись, как только он увидел показавшегося из-за кустов Росситера. Тот шел, волоча ноги по песку, руки бессильно свисали вдоль туловища, белые от ужаса глаза были широко распахнуты, а рот застыл в гримасе вечного изумления.

Лицо его было цвета вареного рака.

Стук сердца Майлса перешел в барабанную дробь, способную заглушить все звуки внешнего мира. Росситер выглядел так, словно все его тело было обрызгано красной краской, но по мере его приближения, по мере того, как тот начал подниматься по холму, Майлс понял, что эта краснота связана с трансформацией самой кожи – подобной исключительно сильному солнечному ожогу. Агент поднял голову и начал говорить, но звуки, исходящие из рта, не были похожи ни на один звук, когда-либо издававшийся живым существом – человеком или животным.

Росситер достиг автомобильной площадки и начал опускаться на гравий. Ноги сами сложились в позу лотоса.

Гравий.

Голос его напоминал звук высыпаемого из кузова гравия.

Как только ягодицы Росситера коснулись земли, он замолчал. Тревожащие звуки прекратились. Росситер поднял голову к небу и... застыл.

Майлс вспомнил про горгону Медузу, которая, согласно греческому мифу, могла превратить в камень любого человека, кто посмотрит на нее.

Не это ли произошло сейчас?

Что именно увидел Росситер?

Майлс сомневался, что хочет узнать это.

Он смотрел на неподвижную фигуру агента. За спиной, со стороны дороги, послышался звук автомобильного двигателя и шорох шин.

– Кто-то приехал, – сказала Дженет. Голос ее оказался слабым и непривычно писклявым.

Майлс обернулся. Машина уже заруливала на площадку.

– Я знаю эту машину, – сказал он. – Это из моей фирмы.

4

Это была самая долгая поездка в ее жизни.

Даже без непрестанной бессмысленной болтовни Мэй на заднем сиденье Клер от волнения не смогла бы ни на секунду заснуть. Обычно в долгих поездках ритм движения укачивал ее, и она задремывала. Но бездомная старуха все время что-то бормотала про себя и время от времени выкрикивала бессмысленные фразы, добавляя нервозности и в без того напряженную атмосферу.

Клер упорно смотрела перед собой.

Хал был поклонником прогрессивного рока и взял с собой безумное количество кассет, которые и гонял всю ночь, – «Триумвират», «Эмерсон, Лэйк и Палмер», «Йес», «Джентл Джиант», «ПФМ». Она лично предпочитала спокойный джаз, считая себя слушательницей

нью-эйджевской эпохи, и спустя некоторое время обнаружила считанное количество нот и вымученный набор стилей. Хотелось чего-то более спокойного, расслабляющего, но это была машина Хала, и он оказался настолько любезен, что согласился ее отвезти, так что Клер предпочла промолчать.

Она молилась за то, чтобы с Майлсом все было благополучно и чтобы он не нашел Боба. Или Изабеллу.

Они ехали всю ночь и к утру оказались на двухполосном шоссе, которое, если верить карте, вело к озеру Волчий Каньон. Мэй это тоже подтвердила, но Клер не знала, насколько можно доверять навигационным способностям старухи, и перестала сомневаться лишь в тот момент, когда впереди блеснула полоска водной глади.

Подъезжая к озеру по грунтовой дороге, которая упиралась в место для стоянки автомобилей, они увидели две машины и группу из трех человек, смотрящих на воду. Что-то в их позах, в их поведении говорило о неудаче и страхе. Среди них Клер узнала Майлса.

Перед ним на земле в неестественной позе сидел человек в костюме и смотрел в небо.

– Хал, – сказала она.

– Вижу, – хмуро откликнулся спутник.

Последние несколько миль небо было затянуто плотными клубящимися штормовыми темно-серыми облаками, похожими на надвигающийся торнадо. Странно. В Аризоне не бывает торнадо.

Машина, прошуршав колесами по гравию, остановилась. Майлс поймал ее взгляд за стеклом пассажирского места. Клер выскочила из машины и бросилась к нему в объятия. Он от всего сердца прижал ее к себе движением человека, который уже никогда в жизни не ожидал увидеть никого из близких.

– Я тебя люблю, – прошептала Клер.

– Я тоже тебя люблю.

Отстранившись, она принялась его разглядывать. В этот момент хлопнула вторая дверца.

– Кого я вижу! – послышался громкий голос Хала, и на лице Майлса отчетливо проступило чувство облегчения. Но поприветствовать друга он не успел, так как увидел, что из машины выкарабкивается еще и Мэй.

– О мой Бог, – только и смог вымолвить Майлс.

– Я нашла ее, – пояснила Клер. – Или, точнее, она меня нашла. Она ждала меня у дома, когда я вернулась с работы. Поэтому мы и здесь. – Клер взяла его за руку и крепко сжала. – Майлс, она хочет тебе кое-что рассказать. Думаю, ее следует выслушать.

Старуха тем временем разглядывала озеро, словно что-то искала.

– Мэй! – окликнула ее Клер.

Та обернулась и, разметав грязные юбки, побежала к ним.

– Мэй? – повторил Майлс, словно уже слышал это имя. – Лизабет Мэй?

Старуха остановилась перед ним и улыбнулась. Майлс выглядел потрясенным.

– В чем дело? – спросила Клер.

Он покачал головой.

– Привет, Гарден, – кивнула пожилая женщина стоящему рядом с ним молодому человеку и улыбнулась. – Сны, – сказала она, обращаясь уже к Майлсу. – Мы всегда должны прислушиваться к своим снам. Они нас учат.

– Ага, – саркастически хмыкнул подошедший Хал. Внимательно оглядев женщину, молодого человека и застывшую на земле фигуру, он поздоровался и поинтересовался: – Что тут у вас происходит?

Клер только сейчас обратила внимание, что у сидящего на земле мужчины в деловом костюме лицо ярко-вишневого цвета.

– Что с ним?..

– Не знаю. Сел вот так за пару минут до вашего приезда. Он преследовал... – Майлс покачал головой. – Долго рассказывать. Но вернулся вот такой – весь красный. Потом сел и с тех пор не шевелится.

– Живой, – констатировала Клер, проверив пульс на шее. – Надо послать кого-нибудь за помощью. Мэй? – обратилась она к старухе.

– Это сделала Изабелла. Ему ни одна больница не поможет.
– Вы знаете Изабеллу? – с тем же изумлением переспросил Майлс.
– Я знаю *про* нее. Мы все знали. Боб, Джон Хокс, – кивнула она в сторону молодого человека, – Джон Энгстрем, – кивнула она женщине.
– Ты не познакомил нас со своими друзьями, – напомнил Хал.

Майлс выглядел растерянным, занятым своими мыслями, словно на автопилоте. Клер помнила его таким по прошлому: это означало, что он думал, мозг перерабатывал информацию. Обычно это бывало, когда он восстанавливал детали расследуемого дела – и слишком часто дома, за ужином, в спальне – короче, в любое время, которое якобы считалось личным и принадлежало им двоим. Майлс повел рукой в сторону своих спутников.

– Знакомьтесь. Гарден Хокс, Дженет Энгстрем. Дядя Дженет умер и продолжал ходить, как мой отец. Я привез ее с собой сюда из Сидэр-Сити. То же самое случилось с бабушкой Гардена много лет назад. Мы встретились с ним на озере. – Он обернулся. – Гарден, Дженет, это мой друг Хал. Мы работаем вместе. А это Клер, моя... бывшая жена. А это женщина, с которой я встретился накануне Рождества. Очевидно, ее зовут Мэй. Надеюсь, мне объяснят, почему она здесь.

– Это та самая колдунья, про которую я вам рассказывал, – шепнул Гарден.

Майлс отстраненно кивнул.

– А это кто? – спросил Хал, показывая на сидящего на земле.

– Агент Росситер. ФБР.

– Кроме шуток? – присвистнул детектив. – Ты влез во что-то серьезное.

– Угу.

– Кстати сказать, считай, что я тоже.

– Извини.

– Не стоит. – Хал покачал головой. – Господи, Майлс, когда ты перестанешь играть в Одинокого Рейнджера? За один час общения с Клер в Лос-Анджелесе я узнал больше, чем от тебя за три месяца. Если мы с тобой действительно друзья, ты должен подключить меня к этому. Я приехал сюда, я понятия не имею, что тут происходит, но на сей раз тебе не удастся все делать одному. Другие тоже имеют к этому отношение.

Клер прекрасно понимала Хала и была полностью с ним согласна, но считала, что сейчас не время и не место для этого, и по напряженному лицу Майлса и стиснутым челюстям понимала, что он замкнулся.

– Что произошло с Бобом? – решила она сгладить обстановку. – Ты нашел его?

– Да. Нашел, – устало кивнул Майлс. Глубоко вздохнув, он вкратце описал все, что произошло с ним после отъезда из Калифорнии. Хал время от времени задавал вопросы, Майлс отвечал, Гарден и Дженет давали уточнения.

Пока Майлс рассказывал, Клер не могла время от времени не бросать взгляд на озеро. Где-то в глубине этих черных вод находился затопленный город, в котором на протяжении десятилетий ходили утонувшие колдуны и куда стремились недавно умершие. Она ощущала физический страх – такой же материальный, как температура воздуха или скорость ветра.

Майлс договорил и с силой сжал ее потную ладонь, словно ища поддержки. Она чувствовала, что он что-то недоговаривает, и именно это его тревожит больше всего. Хал, похоже, тоже это почувствовал. Взглянув ему в лицо, она увидела под маской натушной иронии отражение собственных страхов и тревог.

– Итак, – театрально произнес Майлс, обращаясь к Мэй, – полагаю, самое время послушать, что вы скажете по этому поводу. Полагаю, вы понимаете, что происходит. Полагаю, поэтому вы здесь.

– Да. – Мэй повторила все, что рассказывала Клер, описала то, как она, будучи домохозяйкой в Нью-Джерси, оказалась *притянута* сюда исключительно силой воли Изабеллы – как мотылек на огонь. – Разумеется, я тоже была колдуньей. Поэтому я все знаю про Изабеллу.

– Она колдунья? – переспросила Дженет.

– Нет, не колдунья, – сказала старуха. – Точнее, и да, и нет.

– Бред какой-то! – всплеснул руками Гарден.

– Не бред, – возразил Майлс. – Слушайте дальше.

– Изабелла – хищник, паразит, создание, живущее за счет себе подобных. Она питается колдунами, поглощает их силу. Да, она сама по себе, но одновременно больше, чем это. По крайней мере нам так казалось.

– И она погибла, когда был затоплен город? – уточнил Майлс.

– О нет, – покачала головой Мэй. – Изабелла была убита задолго до этого. Возможно, она и стала причиной того, что произошло. Дело в том, что она возникла в Волчьем Каньоне, когда он только начинался. Она стала женой Уильяма Джонсона, основателя города. Никто не знал, откуда она появилась. Думаю, просто попала ему на глаза, и Уильям, так сказать, попал под ее чары. Она оказала на него дурное влияние. После ее появления в городе начались загадочные смерти, исчезновения, убийства. Весь город стал другим. Они изгоняли обыкновенных людей с прилегающих к городу земель, начались разбирательства и наказания тех из колдунов, кто проявлял несогласие с действиями Уильяма и Изабеллы. Она оказалась злобным существом, сеющим страх и ненависть, и постепенно даже Уильям это понял. Никто толком не знает, как все произошло, но только однажды ночью, когда она спала, Уильям убил ее, отрезал ей голову. Они захоронили ее в пещере за городом, замуровали и запечатали заклятиями, чтобы она оттуда не могла выбраться. Она умерла, но голова ее сохранила способность говорить, и она прокляла Волчий Каньон и всех его обитателей, поклявшись отомстить. Она пообещала, что все они утонут и погибнут и что будут страдать даже после смерти. Так и произошло.

Она собирала их назад после того, как они покидали сей мир, всех, кто принимал участие в захоронении ее тела, кто жил в Волчьем Каньоне в то время. Насколько мы понимали, она питалась ими, использовала их энергию для того, чтобы пробиться обратно. Уже тридцать лет назад она была настолько сильна, что смогла добраться до меня на Восточном побережье, а с тех пор стала еще сильнее. С каждым годом ее сила лишь крепнет – по мере того, как умирают дети Волчьего Каньона и она потребляет их энергию.

– А когда она набрала достаточно сил, – кивнул Майлс, – она смогла дотянуться и до тех, кто строил плотину, и начать убивать их. Только мне не понятно зачем, если они сделали именно то, что она и хотела.

– Возможно, они ее опередили. Может, она разозлилась, что они сделали то, что она сама еще была не в силах. Может, и нет. Кто знает? Иногда просто нет объяснений.

– Где во всем этом вы? – спросил Майлс.

– Она убила младенца, – усмехнулась Мэй. – Давно, в самом начале жизни города. Она решила, что население достигло некой магической цифры, и не хотела, чтобы она изменялась – чтобы никто не появлялся и не уходил. Поэтому, когда у одной пары родился ребенок, она убила его. Точнее, не его, а ее. Девочку. Родители потом сбежали из города, спасаясь от тирании Изабеллы. Через несколько лет у них снова родилась девочка. Эта девочка стала моей матерью. Ее родители рассказали ей, а она мне, про город и про все, что там происходило. Твой отец тоже знал. Он родился в Волчьем Каньоне. Он прожил там лет до десяти, пока родители его не перебрались в Лос-Анджелес. Это было гораздо позже Изабеллы, но намного раньше плотины. Когда я приехала из Нью-Джерси, я встретила его у плотины. Я шла по берегу... и наткнулась на твоего отца. Думаю, он тоже был призван. Он приехал сюда удостовериться, что Изабелле не удалось выбраться и что она по-прежнему здесь. Джон Хокс, – кивнула она Гардену, – твой дед, так и не уехал. Он покинул город, но построил себе дом на вершине плато. – Она показала на плоскую макушку скалистого холма. – Именно он рассказал нам про людей, которые не уехали, не смогли выбраться, и мы все решили, что это она удерживала их здесь, чтобы они утонули. Нас было несколько человек, мы какое-то время поддерживали постоянные контакты. Мы знали, в чем дело, и ждали, не сможет ли она вернуться. Но шли годы, она не возвращалась, и мы постепенно расстались, каждый стал жить своей жизнью.

– Я вас помню, – сказал Гарден. – Мы чуть было не обратились к вам, когда дед умер, но... но почему-то этого не сделали, а потом вы исчезли.

Клер внимательно смотрела на старую женщину. Было такое ощущение, что все свое безумие она выплеснула во время поездки, потому что теперь Мэй была само здравомыслие.

– Ты говоришь, что она вышла из озера, – продолжила Мэй. – Со всеми остальными. Сколько их было?

– Десятки. Может, даже сотни, – пожал плечами Майлс. – Я не считал.
– Вы тоже призваны, – сказала Мэй, пристально глядя на Майлса.
– И каков наш план? – спросил Гарден. – Что мы будем делать дальше?
– Мы должны поймать ее, – жестко заявила Мэй. Клер почувствовала, как по телу побежали мурашки.
– И мы убьем ее раз и навсегда.

5

Майлс смотрел на старуху, которая внезапно оборвала разговор и принялась вертеться на месте, вскинув руки и закрыв глаза, как маленькая девочка, старающаяся вызвать у себя головокружение. С того места, где он стоял, старуха и обездвиженный агент ФБР оказались на одной прямой, и видеть их обоих было довольно тяжело.

Мэй принялась издавать безумные нечленораздельные вопли, запрокинув голову к темному небу.

– Даже удивительно, как долго она продержалась, – прошептал Хал. – В машине она и двух минут не провела без психических выходов.

Клер сжала руку Майлсу и шагнула вперед с намерением успокоить безумную женщину.

Мэй.

Лизабет Мэй.

Он вспомнил шепоты в ночи и задумался, кто бы мог произносить их. И почему.

Он слышал, как тот же шепот произносил имя отца, и отец умер.

– Надо было тебе сказать мне раньше, – обратился Хал к Майлсу. – И Трэну тоже. Мы могли бы тебе помочь. Я-то думал, что твой отец просто пропал, я не знал всего этого...

– А ты бы поверил?

– Ну, возможно, не сразу. Но я привык следовать за фактами. Куда бы они меня ни вели. Ты это прекрасно знаешь. – Наклонившись, он еще тише добавил: – И мне было бы гораздо спокойнее, если бы здесь был Трэн, а не Клер и прочие гражданские.

Майлс был готов согласиться с ним. За исключением...

За исключением ощущения, что так было правильно, и он в очередной раз столкнулся с незнакомым желанием больше полагаться на свои ощущения, нежели на факты. Хотя в данных обстоятельствах это и не выглядело странным.

– Изабелла, значит? – покачал головой Хал.

– Да.

– А интересно, у этой суперведьмы есть фамилия?

– Это имеет значение?

– Пожалуй, нет. – Хал поглядел на Росситера и вздохнул. – Знаешь, не перестаю думать о том, как эта сука в считанные минуты смогла превратить агента ФБР в вареного безмозглого рака и в состоянии управлять целой армией зомби. Не нравится мне такое соотношение сил. Не нравится. Но я не против, нет, – спохватился Хал. – Я ни от чего не отказываюсь.

– Ты просто боишься.

– Не то слово!

– Слабак, – усмехнулся Майлс.

– И не стыжусь в этом признаться. А ты рад, что я здесь, скажи честно?

– Да, – кивнул Майлс. – Рад.

– Уже немало, приятель. Уже немало.

Мэй внезапно замолчала. Клер стояла с ней рядом, прижимая руки старой женщины к туловищу, как та вдруг дернулась и часто замигала, словно выходя из транса.

– Как давно ушла Изабелла? – спросила она.

Майлс посмотрел на Гардена, потом на Дженет.

– Не знаю, – ответил Гарден. – Минут пятнадцать назад.

– Десять – пятнадцать, – уточнила Дженет.

Майлс согласно кивнул.

– Значит, она уже далеко. – Мэй что-то пробормотала про себя, потом снова подняла

голову. – Талисманы, амулеты, яды! Ваши семьи были колдунами, у них все это было. Вы их взяли с собой? Есть у вас с собой материалы?

Майлс тупо кивнул. Он не понимал, каким образом главенствующая роль перешла к этой женщине, у которой явные проблемы с психикой, но какой бы она ни была сумасшедшей, она имела дело со всем этим гораздо дольше, чем любой из них. Ничего не оставалось, как подчиняться.

– У нас в машине есть коробка с предметами дядюшки Дженет.

– Я принесу. – Явно обрадованная, что нашлось какое-то дело, Дженет быстро пошла к автомобилю за дядюшкиными колдовскими причиндалами.

– Мэй сказала, чтобы я взяла твои предметы, – сообщила Клер. – Слава Богу, ты не упрятал их снова в банковский сейф или еще куда, а то бы я не смогла их достать. Коробка в багажнике.

– Ключи у меня, – быстро откликнулся Хал. – Сейчас принесу.

Мэй обернулась к Гардену.

– Я никогда их не видел, – пожал тот плечами. – Только слышал. Не знаю, что с ними случилось.

Старуха нахмурилась и пробормотала что-то про себя.

Вернулись Хал и Дженет. Майлс взял в руки коробку с отцовскими вещами, Хал предложил помощь Дженет, но та покачала головой и, не выпуская картонку из рук, пошла вслед за Мэй, которая уже спускалась к берегу озера.

К этому времени странное небо уже неистовствовало. Облака были не темно-серыми или свинцовыми, как при буре, а просто черными – как вода в озере. И несмотря на глухую черноту, можно было различить, что массы клубятся, постоянно меняя форму под воздействием потоков воздуха.

Чувствуя сдавленность в груди, Майлс поставил коробку на песок. Дженет сделала то же самое. Мэй присела на корточки и принялась быстро перебирать предметы. Широко улыбнувшись, словно обретя давно желанное сокровище, она извлекла ржавую ложку.

Ложка из его сна.

Сдавленность в груди усилилась.

Она достала большой кувшин с крышкой, фарфоровую куклу с нарисованными грудями и лобком, керосиновую лампу.

Он видел все эти предметы во сне. Теперь уже просто холодная петля обхватила его сердце. Ложка была среди отцовских предметов, он ее видел, поэтому ничего удивительного, что она могла присниться. Но кувшин, куклу и лампу этим не объяснишь – они принадлежали дяде Джекету, и он никак не мог знать об их существовании.

Мэй отложила в сторону эти предметы и принялась перебирать другие. На свет появились ожерелье из человеческих зубов и пластиковый пакет с плоской засушенной лягушкой.

– Это носят для защиты, – сказала Мэй. Она простерла руки над ожерельем и принялась совершать в воздухе некие странные чувственные движения, которые показались Майлсу знакомыми, хотя он видел это впервые. Потом осторожно взяла его в руки. У Майлса не было ни малейшего желания подставлять шею, но она поймала его взгляд и не отводила до тех пор, пока он, невольно содрогнувшись от отвращения, не надел ожерелье на себя.

Далее она исполнила аналогичные движения над лягушкой, вынула ее из пакета и передала Гардену.

– Храни ее в левом переднем кармане брюк.

Гарден хотел было оказать сопротивление, но смолчал и сделал то, что от него требовалось.

Дженет получила кольцо из кости, Хал – резной деревянный фетиш. Клер – браслет, сплетенный, по внешнему виду, из сухой травы. Сама Мэй открыла одну из баночек и вдохнула щепотку некоего пахнущего тленом порошка.

– Теперь... – произнесла она, но договорить не смогла. На фоне темных клубящихся облаков в полной тишине возникла яркая желтая молния. Она не полыхнула мгновенно, как обычно, а медленно и целеустремленно прошла сквозь наэлектризованную атмосферу и ударила в голову Мэй. Та успела ее увидеть, но не сделала ни малейшей попытки избежать

попадания. Как только молния коснулась ее волос, лицо старой женщины застыло в маске агонии, и она упала навзничь. Руки и ноги несколько раз спазматически дернулись, что при окаменевшем лице выглядело очень странно.

– Кто-нибудь сделайте что-нибудь! – воскликнула Клер, но никто не шевельнулся, а Майлс схватил ее за талию, чтобы удержать от прикосновения к электрически заряженному телу.

Молния убралась так же лениво, как появилась – просто ушла обратно во взбаламученное небо, как сматываемая леска. Клер высвободилась из объятий, опустилась на колени перед уже застывшим телом и положила пальцы на шею Мэй, проверяя пульс.

– Она умерла.

– Только без искусственного дыхания! – крикнул Майлс, оттаскивая ее обратно.

Она не сопротивлялась, и по этому Майлс понял, насколько она испугана. Клер была прирожденной благодетельницей, всегда помогала людям, никогда не жалела ни времени, ни денег, чтобы помочь тем, кто попал в беду. К тому же она имела хорошие навыки в оказании первой помощи. Если Клер оказалось так легко отговорить от помощи Мэй, значит, дело серьезно.

– Минус два. Их осталось пятеро, – решил схохмить Хал, переведя взгляд с Мэй на Росситера, застывшего на вершине холма, и обратно.

– Не смешно, – отреагировал Майлс.

– Кретин, – буркнул Гарден.

Клер вдруг буквально отпрыгнула, чуть не сбив с ног Майлса, не ожидавшего столь резкого движения.

– Что?.. – хотел спросить он, но слова застряли в горле.

Все тело Мэй начала сотрясать мелкая дрожь, хотя это было совершенно не похоже на возвращение к жизни. Руки и ноги оставались изогнутыми в неестественных позициях, застывшая маска лица не изменилась.

Затем по телу прошла мощная волна.

Она встала.

И пошла.

Майлс понял, что происходит, и понял, куда она движется. На принятие решения оставались считанные секунды, и он взял командование на себя.

– Собирайте вещи! Мы идем за ней! – Он подхватил ложку, кувшин и лампу; куклу уже брать было неудобно, и она осталась на песке. – Воды! Захватите всю воду, что у нас есть! Мы идем в пустыню!

Гарден метнулся вверх по склону к машине; вслед за ним – Хал.

Мэй шагала прочь, запрокинув голову к небу. Ноги сами несли ее по пути, проложенному Изабеллой и другими ушедшими. Майлс вновь мысленно увидел медленную молнию, спускающуюся с небес, чтобы поразить Мэй, увидел Росситера, возвращающегося из своей попытки преследования с красной головой и мертвыми мозгами – физические доказательства силы, которой они собирались противостоять, но он чувствовал, что все делает правильно, и, повинаясь инстинкту, неотрывно следил за удаляющейся женщиной, готовый броситься за ней, если та скроется из виду.

Но тут уже появился Гарден с упаковкой из шести банок «Доктора Пеппера» и Хал, перепоясанный двумя флягами.

– Пошли! – крикнул Майлс. – За ней!

– А ты отправляйся за помощью, – сказал он Клер, целуя ее в щеку. – Езжай в город, обратись в полицию, к шерифу, ко всем, кого найдешь.

– Нет! – воскликнула Клер, хватая его за руку. – Я иду с тобой!

– Я поеду за подмогой, – произнесла Дженет. – Или лучше останусь. Или... – Она закрыла глаза. – Я просто не хочу идти за ней. За ними. Я не хочу идти с вами.

Майлс понял ее желание. Ее дяди среди ушедших не было, любая личная заинтересованность, какая могла быть, пропала, и женщина и так уже находилась на грани нервного срыва. Он подумал, что ей следовало бы пойти с ними, что факт происхождения ее семьи из Волчьего Каньона должен иметь определенное значение для нынешней ситуации, но

не было времени ни на обсуждение, ни на уговоры и споры, а без твердой убежденности от нее всё равно не было бы никакой пользы.

Майлс передал Клер керосиновую лампу, пошарил в кармане и достал ключи от машины.

– Езжайте за помощью. Расскажите им про этого парня из ФБР. Это заставит их шевелиться побыстрее.

Дженет заговорила что-то в ответ, но ему было некогда слушать. Мэй уже исчезала за большим паломником, и Майлс, схватив за руку Клер, побежал, крикнув остальным, чтобы не отставали.

Они погнались за ней в пустыню.

* * *

Теперь они держались за ней на расстоянии нескольких ярдов – на всякий случай. Мэй безошибочно следовала по пути, проложенному другими ходами, обходя заросли кустарников и кактусов с точностью автомобильчика в парке аттракционов. Покинув берег. Изабелла прошла между двух невысоких холмов, а потом – по узкому размытому каньону. Сначала дорога показалась легкой, но песок становился все глубже, все мягче, напоминая дюны, и ноги уже начали утонуть в нем.

А также дожимала жара. Небо было по-прежнему мрачным, но отсутствие солнца не способствовало снижению температуры, наоборот, воздух стал более душным и влажным. Гарден переместил флаги на плечи, снял насквозь пропотевшую рубашку и обмотал ее вокруг талии. Хал сделал то же самое. Майлс тоже хотел последовать их примеру, но Мэй шла слишком быстро, и просто некогда было останавливаться, ставить кувшин и раздеваться. Он боялся ее потерять. Клер, идущая рядом с керосиновой лампой в руке, обходилась носовым платком.

Они уходили все дальше в безлюдную пустыню.

Сейчас было самое подходящее время обсудить происшедшее и постараться выработать общую линию поведения.

Но они этого не сделали.

Бесшумное движение Мэй и неестественная тишина пустыни делали звучание человеческой речи просто кошмарным. Они молчали от страха, и единственными звуками, нарушавшими эту тишину, было тяжелое хриплое дыхание забывших, что такое физическая форма, людей.

Минут через двадцать Хал передал Майлсу и Клер банку «Доктор Пеппер», которую они с благодарностью осушили до последней капли. Майлс бросил пустую банку слева от себя по ходу движения. Он не имел ни малейшего представления, где они находятся и в каком направлении движутся, а потому имел все основания полагать, что найти дорогу назад будет нелегко, и пометки в стиле Гензеля и Гретхен весьма пригодятся на обратном пути.

Если у них будет обратный путь.

Они прошли мимо зарослей огромных кактусов сагуаро, напоминающих настоящий лес, потом – по узкой ложбине, так густо заросшей окотильо, что приходилось держаться непосредственно за Мэй, чтобы не потерять ее из виду. Между тем плавные склоны покатых холмов постепенно уступали место более суровым и высоким скалам.

У Майлса уже болели ноги. Он не сомневался, что Клер тоже устала. Все идущие впереди были мертвыми – а потому не знали усталости, – и оставалось лишь надеяться, что путь этот не будет бесконечным. В ином случае им его не пройти никогда.

У него не было никакого плана, никакой идеи о том, что делать, когда и если они наконец настигнут Изабеллу. Он даже не взял с собой револьвер Росситера. В качестве защиты при нем были лишь жалкие колдовские причиндалы, выбранные Мэй. Предположим, эти предметы окажутся действенными, и что тогда? Ему надо будет наброситься на Изабеллу, повалить ее на землю?

Внезапно он ощутил странно холодное прикосновение ожерелья к разгоряченному телу и задумался – чьи это могли быть зубы, с какой целью оно сделано, зачем отец хранил его. И прежде всего, где его взял отец? Сделал ли он его сам? Извлекал ли он зубы у покойников или у

людей, которых убивал сам?

Несмотря на все происшедшее, он до сих пор не мог представить себе того отца, которого он знал всю жизнь, как члена некоего подпольного общества любителей ужасов – с заговорами и ядами, с проклятиями и убийствами. Он представлял себе отца скорее жертвой, нежели участником и, хотя Боб несомненно обладал колдовскими причиндалами и прилагал специальные усилия, чтобы скрывать этот аспект своей жизни от окружающего мира, было также понятно, что он не особо знаком со своим наследством.

Черт побери, отцу даже приходилось ездить в библиотеку, чтобы установить значение повторяющихся снов.

Поэтому рассказ Мэй вызвал у него немало вопросов. Она заявила, что знает отца, сказал, что они оба, так же как и дед Гардена, родились в Волчьем Каньоне и знали про Изабеллу и ее проклятие. Возможно. Но оставались не стыкующиеся детали.

Это произошло неожиданно.

С тех пор как ландшафт стал более дружелюбным, а растительность менее интенсивной, они шли вслед за Мэй на определенном расстоянии. Вдруг она остановилась на ровном песчаном русле высохшей речки и резко упала ничком, плотно прижав руки к туловищу и сдвинув ноги. Без секундного промедления Мэй начала ввинчиваться в землю головой вперед.

Майлс в ошеломлении не мог поверить своим глазам. Рот Мэй продолжал оставаться открытым. И было полное ощущение, что она просто пожирает песок, и челюстями, как ковшом экскаватора, вырывает яму в земле. Все это было совершенно неправдоподобно и просто физически невозможно, но через несколько секунд и лицо, и вся голова Мэй уже скрылись в песке. Затем под землю ушли шея, плечи, грудь, живот...

И все прекратилось.

Он посмотрел на Хала и Гардена и увидел выражение страха и изумления на их лицах, зеркально отражающее его собственное состояние. Ладонь Клер нашла его руку, и он крепко сжал ее, пытаясь внушить уверенность, которой не чувствовал и сам.

Они стояли и ждали, затаив дыхание, но больше ничего не происходило – ни звука, ни движения, ни малейшего признака того, что Мэй когда-нибудь снова пошевелится. Казалось, что та сила, которая недавно приводила в движение ее тело, внезапно истощилась, иссякла, оставив после себя мертвую ненужную оболочку – безжизненную, как обычный труп.

Майлс подошел, соблюдая осторожность и готовый к внезапному возобновлению деятельности – взрывному движению ярости, которое обычно возникает в такие моменты в фильмах ужасов. Но это было не кино, и ничего не произошло. Он без помех приблизился к телу Мэй. Нижние конечности торчали вертикально вверх. Он прикоснулся к загрубевшей грязной ноге и почувствовал холодную кожу, пористую мертвую плоть. Грязные юбки упали, открывая густую темную растительность в паху.

Майлс поднял голову к небу, потом посмотрел по сторонам. Сама ли Мэй могла так сделать, совершив своеобразный бунт, чтобы убить себя окончательно, навсегда и тем самым положить конец власти Изабеллы над собой? Или это Изабелла по какой-то причине заставила Мэй вгрызаться в землю, лишь в последнюю минуту почему-то оставив свой замысел на полпути?

Этого он не мог знать, но в любом случае недвижимое тело старой женщины напомнило ему сломанную деталь сельскохозяйственного механизма, выброшенную ржаветь прямо там, где она сломалась.

Может, заклинание ослабло? Может, магия имеет географические пределы. Может, Изабелла ушла так далеко вперед, что Мэй оказалась вне зоны ее влияния.

Возможно.

Сдавленность в груди прошла, зато вернулось покалывание в районе солнечного сплетения. Майлс подумал, не является ли это ощущение физиологической реакцией организма на воздействие какой-то силы, которой он подвергается.

– Вы... ничего не чувствуете? – обратился он к Гардену. – В организме, я имею в виду. Никаких необычных физиологических ощущений?

– Кроме того, что мои яйца ужались в горошину и подкатили под горло от страха, – ничего, – вмешался Хал.

- Спасибо за информацию, – сухо откликнулась Клер.
- Извини.
- Не понимаю, о чем вы, – покачал головой Гарден.
- Нет ли какого покалывания в области желудка? В груди не давит?
- Вроде бы нет.
- Сдавленность в груди? – всполошилась Клер. – Это признак сердечного приступа.
- Нет у меня никакого сердечного приступа.
- Мы сейчас никак не сможем быстро доставить тебя в больницу...
- Нет у меня сердечного приступа!
- Я же волнуюсь! С тобой все в порядке?

Они обменялись яростными взглядами, и за злостью Майлс увидел подлинную тревогу, поэтому быстро подошел к Клер, извинился и поцеловал в щеку.

- Я просто о тебе беспокоюсь, – повторила Клер.
- Понимаю.
- Я не чувствую ничего странного, – повторил Гарден.

Майлс кивнул. Он смирился с тем, что никто, кроме него, не испытывает подобных ощущений, но не мог отказаться от мысли, что эти симптомы имеют определенное значение. Впервые он задумался, не обладает ли он сам – поскольку в его жилах так или иначе течет колдовская кровь – некоторыми экстрасенсорными способностями. Это могло бы объяснить его новообретенную восприимчивость и подтвердить достоверность внутренних реакций организма.

Они не стали задерживаться на песчаном русле; никто и слова не сказал о возможности прекращения преследования и поворота в обратную сторону. Молча обойдя успокоившееся тело Мэй, они двинулись дальше по следам в направлении длинного низкого холма. Майлс шел впереди.

Теперь они оказались предоставлены сами себе, но ни ветер, ни дождь не потревожили следов на песке, оставленных Изабеллой и ее зомби, поэтому выдерживать нужное направление не составляло труда. Хал откупорил очередную банку «Доктора Пеппера».

– Последняя на некоторое время, – предупредил его Майлс. – Мы не знаем, как долго нам предстоит идти, и нужно оставить кое-что на обратный путь.

Они достигли холма и обошли его. Песок сменился камнем. Теперь им приходилось пробираться между огромными валунами. Через некоторое время путь им преградил огромный овраг, прорезавший равнинную местность, как гигантская лиана.

Майлс подошел к обрыву и заглянул вниз. Глубина оврага была не меньше двухэтажного дома. Следы подходили к краю и пропадали. С того места, где он стоял, Майлсу не было видно ни малейшей тропинки, по которой можно было бы спуститься, и оставалось предположить, что они прошли, не останавливаясь, и просто попадали вниз. Разумеется, внизу не было ни одного тела. Майлс внимательно оглядел овраг вдоль и поперек, пытаясь определить, в каком направлении они могли двинуться дальше; но сверху понять это было нельзя.

- Что будем делать? – спросил Гордон.
- У нас всего два варианта: вниз или назад. Совершенно ясно, что *они* не возвращались.
- Эй! – окликнул их Хал, отправившийся на разведку вдоль обрыва.
- Что там?
- Похоже, я нашел спуск!

Это действительно оказался спуск – узкая, но не слишком крутая тропа по краю вертикальной расщелины склона вывела их прямо на дно оврага. Майлс хотел предложить помощь Клер, но та оказалась в гораздо более лучшей форме и даже опередила его при спуске.

Здесь уже под ногами были сплошные камни, и определить по следам, в каком направлении Изабелла погнала свое стадо, стало невозможно. Впрочем, Майлс чувствовал, что *правильно* идти на юг, и в очередной раз не стал спорить с собственной интуицией.

- Сюда! – махнул он рукой.
- Клер шла рядом. С другой стороны пристроился Хал.
- Ты знаешь, что у меня есть оружие?
- Нет, – покачал головой Майлс.

– Так знай. На всякий случай решил поставить тебя в известность.

Известие не прибавило Майлсу ни капли дополнительной уверенности; на самом деле у него было ощущение, что *здесь* вещи подобного рода бесполезны, но если детективу так спокойнее и он чувствует себя лучше с оружием – что ж, Майлс против этого ничего не имеет.

Хал действительно был верным другом, и он уже сожалел, что не открылся ему раньше. Иногда две головы действительно лучше, чем одна, и возможно, им вместе удалось бы избежать чего-то, если бы подумать заранее. Возможно, и Мэй осталась бы жива.

– Как ты себя чувствуешь? – повернулся он к Клер.

– Прекрасно, – игриво откликнулась та.

Овраг шел бесконечными изгибами. Это была территория, подверженная резким паводковым наводнениям, и Майлс молился Богу, чтобы не начался дождь, пока они здесь. Небо по-прежнему было мрачным, облачным, и если внезапно хлынет ливень – естественный или вызванный магическими силами – у них будет очень мало времени, чтобы найти путь наверх, прежде чем потоки воды и грязи собьют их с ног. В голову пришла мысль, что это ловушка, в которую их заманила Изабелла. Майлс постарался быть предельно внимателен, но ничего не произошло.

Через час с небольшим овраг вышел на равнину. Сзади, как теперь сообразил Майлс, находилось приподнятое плато. Впереди же, на уровне дна оврага, простиралась пустыня, разительно отличающаяся от той, через которую они прошли раньше. Здесь не было ни кактусов, ни кустарников, ни деревьев, ни травы. Одни голые камни. И песок. В отдалении, плохо различимые из-за колышущихся слоев разогретого воздуха, виднелись выпуклые холмы и высокие, странной формы столовые горы, превращающие весь ландшафт в некое подобие картины Сальвадора Дали «Долина монументов». Непосредственно впереди равнина раскалывалась на ряд бурых каньонов, глубоко врезавшихся в почву.

– Кажется, мы выбрали неверный путь, – проговорил Гарден, – не думаю, что Изабелла могла пойти сюда.

– Нет, – негромко возразил Хал. – Она была здесь.

Слева, куда показал рукой Хал, из жесткой каменистой почвы виднелись ноги мертвых ходоков – торчащие в воздухе наподобие ряда огромных раздвинутых ножниц. Они располагались в два ряда, образуя своеобразную весьма широкую аллею. Так же, как Мэй, мужчины и женщины были по пояс врыты в землю головой вниз.

Одна пара ног, без сомнения, принадлежала дяде Гардена. Другая – его деду.

Одна принадлежала Бобу.

В воздухе едко пахло паленым, хотя ни дыма, ни огня нигде не было видно. Сера, решил Майлс, но даже не захотел думать, что бы это могло значить.

– Давайте уйдем отсюда, – заговорила Клер. Голос ее звучал сдавленно. – Нам нужна помощь. Полиция, Национальная гвардия... кто угодно. Нам вчетвером, самим, с этим не справиться.

– Я согласен, – подхватил Хал.

Майлс промолчал. Он пошел вдоль торчащих из земли ног, как по жуткому проходу, поглядывая слева направо и пытаясь определить, какая из пар ног принадлежит отцу и какая – Изабелле.

Но было чувство, что ее здесь нет.

Действительно, посмотрев вперед, он увидел единственную пару следов, цепочкой убегающих вдаль.

Только это были не совсем следы ног.

У них было слишком много пальцев, которые оставляли в почве маленькие округлые отверстия – наподобие когтей.

Она где-то в каньонах, подумал Майлс, глядя вдаль. Она ждет их там.

Она хочет, чтобы они пришли.

Эта мысль ужаснула его. Он не мог понять, зачем созданию, обладающему столь устрашающей силой, нужно ждать, играть в прятки с какой-то жалкой кучкой плохо оснащенных, плохо подготовленных преследователей, когда у нее в голове явно гораздо более масштабные замыслы. Но искать во всем этом смысл бесполезно; все это было полностью

иррационально с самого начала, и ему не составляло труда спокойно воспринимать все, что она делает.

Спутники Майлса постепенно догнали его. Хал осторожно потрогал подошву ноги одного из ходоков. Клер отказалась идти между рядами торчащих ног мертвых колдунов и обошла его с другой стороны.

– Предлагаю повернуть оглобли, – с явной тревогой в голосе произнес Хал.

– Поворачивайте, если угодно, – откликнулся Гарден. – Вы нам не нужны.

– Черта с два! Я единственный среди вас с оружием.

– Думаете, здесь это имеет какое-то значение?

– Нет, я не намерен вас тут оставлять. Мы уходим все. Незачем больше заниматься этим безумием.

– Да кто вы такой? – возмутился Гарден. – Взялся неизвестно откуда и еще решил давать указания! Козел!

– Прекратите оба! – рявкнул Майлс.

Гарден с вызовом встретил его взгляд, хотя казалось, что молодой человек готов расплакаться.

– Я приехал сюда по собственной воле, один, и вполне могу действовать один и дальше. Мне никто из вас не нужен...

– Мой отец тоже здесь, – напомнил Майлс.

Это угомонило Гардена.

Некоторое время все стояли молча, разглядывая торчащие ноги в поисках неопровержимых доказательств.

Майлс увидел узкую женскую ногу и лодыжку, увидел волосатую ногу со сросшимися пальцами. Увидел темную кожу, покрытую пятнами...

Отцовские ноги.

Он не мог сказать, каким образом он опознал их, но опознал, и даже узнал – несмотря на пострадавшую в воде ткань – штаны, в которых был Боб. Те самые штаны, которые Боб купил в «Сирсе», а он помогал выбирать. Майлс опустил голову. Средняя часть туловища уже была скрыта в земле.

Его переполнял гнев. Ненависть. Отец ничем не заслужил столь возмутительного, оскорбительного к себе отношения после смерти. Он имел право упокоиться с миром. Столь жестокое обращение с телом Боба привело Майлса в ярость и более всего укрепило в желании поймать Изабеллу. Ко всему этому примешивались и печаль, и страх, но основной мотивацией, основным стимулом были ярость и ненависть.

Вероятно, они были врыты в землю одновременно, рассуждал Майлс. Вероятно, с Мэй произошло это тогда же, когда и с остальными. Из этого следует, что Изабелла находится в полутора-двух часах впереди.

Она могла двигаться быстро, увеличивая расстояние, пока они медлили и спорили, теряя время.

Он поставил кувшин на землю и посмотрел на часы. Часы остановились. Он постучал по стеклу, встряхнул их, но секундная стрелка не шевельнулась, а когда поднес к уху, то и тиканья не услышал. Тут же ему пришло в голову, что они движутся по пустыне не менее трех часов, но положение солнца, время от времени появляющегося мутным белесым пятном за облаками, не изменилось.

– Который час? – прочистив горло, громко осведомился Майлс.

– Не знаю, – откликнулся Хал, посмотрев на часы. – Похоже, у моих села батарейка.

– У меня тоже, – подхватила Клер. Все четверо обменялись взглядами, которые были красноречивее слов.

– Нам лучше идти дальше, – заметил Майлс.

Гарден согласно кивнул.

Молодой человек, похоже, пребывал в растрепанных, как и он, чувствах, не желая оставлять деда и дядю зарытыми вниз головой в пустыне. Их следовало либо похоронить здесь, либо выкопать из земли и доставить в цивилизацию, где можно было совершить соответствующие процедуры. Но в данный момент они действительно ничего не могли сделать

со своими покойниками, и с этой точки зрения гораздо важнее было продолжить преследование Изабеллы.

Изабелла.

Видение поразило его, как и раньше – мгновенно, полностью, поместив в самый центр событий.

Плотины взрывались одна за другой – в Аризоне, в Юте, в Колорадо. Он видел все это сверху, с ее точки зрения; многократная последовательность почти неотличимых стен воды, затапливающих города и их жителей, представляла собой лишь первый удар гигантской операции возмездия.

Затем он снова оказался в пещере. Оглядевшись, он узнал это место. Он видел его раньше, только глазами более молодой Изабеллы в более раннее время, и он смотрел от дверей хижины. За тысячу лет тут произошли заметные изменения, но остались узнаваемы очень характерные очертания скал, из чего можно было сделать вывод, что снаружи пещеры остался все тот же уникальный ландшафт, который он видел с этой же самой точки в неизвестную эпоху доисторического времени.

Над густым покровом облаков послышался звук пролетевшего истребителя.

И затем все кончилось. Он вновь стал самим собой. Он видел перед собой горизонт, видел сюрреалистическую версию «Долины монументов» и вдруг понял, что именно эта картина предстала перед ним в его видении. Только видел он все это под углом, который был возможен из каньонов, находящихся впереди.

Оттуда же доносился замирающий звук прошедшего за облаками реактивного самолета.

И вновь Майлс задумался о том, почему ему все это показывают. Сколько бы ни пытался он себя убедить, что это просто совпадение, что он случайно попал на некую психическую волну – как антенна, ловящая телесигнал, он не мог отказаться от чувства, что ему намеренно предоставляется некое специфическое знание.

Клер прикоснулась к его щеке и обеспокоенно посмотрела в глаза.

– Что с тобой? Мне показалось... – Она замялась, видимо, подыскивая слова, определяющие ощущения, которые она испытала за те несколько секунд, пока он находился вне досягаемости.

– Я в порядке, – заверил ее Майлс. Обернувшись к Гардену и Халу и стараясь не обращать внимания на торчащие раскрытыми ножницами ноги отца, он заявил: – Я знаю, куда она ушла. Я знаю, где она сейчас.

Хал поймал взглядом когтеобразные следы на земле.

– Далеко?

– Вон в тех каньонах.

– Думаешь, успеем добраться туда до темноты?

Майлс посмотрел на рассеянный свет застывшего на месте солнца.

– Даже если на это уйдет весь день.

Все замолчали.

– Что мы будем делать, когда найдем ее? – наконец произнес Гарден.

– Не беспокойтесь, – откликнулся Майлс, поднимая с земли кувшин. – Что-нибудь придумаем.

Твердым шагом он двинулся в сторону каньонов.

6

Здесь сама земля выглядела по-другому. Даже геологические формирования казались странными, тревожащими, состоящими из таких углов и форм, какие не встречались нигде в природе, и даже плотность воздуха по мере приближения к каньонам увеличилась. Скалы и утесы, холмы и плоские горы – все напоминало то, что Майлс видел от входа в пещеру, и он уже не сомневался, что они приближаются к конечной цели своего маршрута.

Следы Изабеллы – если это были они – исчезли почти мгновенно, растворились в исключительно мягкой почве, но Майлс знал направление и без труда выдерживал нужный курс.

Они шли, казалось, целый день, но с неработающими часами и без зрительной ориентировки по положению солнца невозможно было определить, сколько на самом деле прошло времени. Они допили весь «Доктор Пеппер» Хала, оставили банки в качестве ориентиров, и теперь для утоления жажды осталась лишь вода во флягах Гардена.

Задолго до того, как они достигли самого большого каньона – массивного хребта, видимого за много миль, размеры которого, на взгляд Майлса, были вполне сопоставимы со знаменитым Большим Каньоном, им повстречалось пересохшее русло сезонной реки. Река, очевидно, впадала в сам каньон либо в одно из его ответвлений, и Майлс, посмотрев на уходящую вдаль песчаную ленту русла, подумал, что лучшего пути для того, чтобы оказаться в каньоне просто не может быть. После недолгого обсуждения они двинулись по сухому руслу.

Окружающая пустыня стала расти вверх. По мере углубления в землю красно-белые пятнистые песчаники уступали место серым гранитам. Само русло реки сужалось, разветвлялось и постепенно терялось в лабиринте высоких, узких затапливаемых каньонов, которые сливались, пересекались, переходили один в другой, образуя замысловатую замкнутую сеть. Уже невозможно было понять, в каком направлении они движутся – небо над головой представляло собой бесполезную узкую щель между скругленными вершинами скал, – но Майлс доверял своему чутью, все остальные доверяли Майлсу, и он, крепко сжимая в руке волшебный кувшин, который дала ему Мэй, вел всех вперед.

Постепенно ущелье перешло в более широкий каньон. У Майлса появилось ощущение, что за ними наблюдают, и от этого на открытом пространстве стало крайне неудобно. Очевидно, все остальные тоже что-то почувствовали, потому что никто не смел произнести ни слова. Все молча шли гуськом мимо искривленных сучьев и стволов деревьев, которые когда-то были принесены сюда бурными потоками воды и застряли между валунами.

На одном из поворотов каньона углубления на поверхности скалы образовали нечто похожее на разваливающиеся каменные стены с маленькими отверстиями – оконцами. Майлсу доводилось видеть фотографии каньона де Челли с его знаменитыми индейскими руинами, и именно они вспомнились ему сейчас.

Только...

Только он не был уверен, что эти стены были выстроены индейцами.

Или вообще человеком.

Каньон расширился, стал просторнее, а потом резко повернул чуть ли не под прямым углом и вновь существенно сузился. Здесь их ждала невысокая полуразвалившаяся каменная стена. Выделялись отдельно стоящие колонны и камни, которые, как показалось Майлсу, выглядели почти как люди. Сама ли природа проявила такую изобретательность, с помощью дождя, песка и ветра придав им такие формы, или их кто-то специально вырезал, а потом оставил так, чтобы те же природные явления сгладили острые углы и придали им более естественный вид, – этого определить было нельзя, но зрелище в любом случае было не из приятных. Ему вспомнилась терракотовая армия, которая была обнаружена в Китае...

Я вырыл эту дыру. Она ведет в Китай.

...и ощущение, что они проходят мимо толпы людей, которые превращены в камень, еще больше окрепло. Он ускорил шаг и впервые обратил внимание, что начал тяжело дышать, явно испытывая недостаток кислорода. Рядом так же тяжело дышала Клер.

– Мы почти на месте, – объявил Майлс.

Никто не откликнулся.

Он вспомнил сон, который приснился прошлой ночью. Вернулось покалывание в солнечном сплетении, и вновь появилось четкое ощущение, что он стал частью всего этого по праву наследства. Он оказался в этой ситуации не случайно. И сколь ни слаба могла показаться связь между смертью отца и появлением Марины Льюис, обеспокоенной происходящим с ее отцом, оба события, несомненно, являлись составными частями какого-то незримого плана.

Кувшин в руке вдруг заметно потяжелел; нога стала чувствовать ложку, до этого спокойно лежавшую в кармане брюк. Ожерелье холодило кожу на шее, но, как ни странно, даже это воспринималось обнадеживающим знаком, и Майлс был рад, что взял все это с собой.

Вскоре они оказались в точке слияния каньонов. Небо по-прежнему было затянуто облаками, и определить положение солнца было невозможно. Только внезапно потемнело –

словно уже наступил вечер. Снова вернулся сильный запах серы, и Клер свободной рукой зажимала ноздри в надежде избавиться от тошнотворного запаха.

Майлс остановился, не понимая, куда идти дальше. На одной из каменных стен он увидел тень женщины, удивительным образом напоминающей его мать, и он резко отвернулся, не желая этого видеть, каким-то образом поняв, что взгляд на этот образ может...

Что? Превратить его в соляной столб? В камень? Свести с ума?

Этого он определить не мог, но смотреть на тени было опасно, это он понял наверняка.

– Эй, – подал голос Хал. – Это же моя мать!

– Не смотри туда! – крикнул Майлс, оборачиваясь к другу. – Никому нельзя смотреть!

Гарден, похоже, понял предупреждение на инстинктивном уровне и лишь сдавленным голосом спросил:

– Что это?

– Не знаю. Допускаю, сейчас нам будет попадаться много подобного рода явлений. Нужно быть очень внимательным. Необходимо держаться вместе. Если кто заметит что-нибудь необычное – подавать сигнал голосом. Мы должны постоянно быть наготове.

– В таком случае, полагаю, нам сюда, – сухо заметил Хал.

Майлс посмотрел в направлении его вытянутой руки. Все остальные каньоны, веером расходящиеся в разные стороны с этой точки, были совершенно обыкновенными, в отличие от того, на который указывал Хал. В нем находились какие-то предметы. Впрочем, это могли быть и странной формы растения, но издали они напоминали и статуи, и какие-то создания черно-серого цвета, усеявшие песчаные наносы у подножия скал и разбросанные по дну каньона, придавая ему неприятно мрачный и замусоренный вид. Оттуда же сильно несло запахом серы.

– Да, – медленно кивнул Майлс. – Нам туда.

Хал достал револьвер, проверил патроны, но не стал убирать его в наплечную кобуру, а оставил в руке.

– Ну что ж. Туда так туда.

Майлс в очередной раз пожалел, что сейчас с ними Клер, а не Дженет, и не только потому, что очень боялся за Клер, а потому, что именно Дженет должна была быть здесь, потому что Дженет была одной из них, потому что в ее жилах тоже текла колдовская кровь.

Клер посмотрела на него и неловко улыбнулась, словно прочитав его мысли.

– По крайней мере мы умрем вместе.

– Никто не умрет, – заверил ее Майлс.

Сам он в этом отнюдь не был уверен.

Каньон загромождали черные камни и кости непонятного происхождения. Там и сям торчали неприятного вида клочки высокой травы, чахлые деревца неестественно изломанной формы вызвали чувство тревоги. Идти было трудно. Все это напоминало специально созданную изошренную полосу препятствий. Запах серы становился все сильнее. Майлс дышал с трудом, Клер кашляла, борясь с приступами тошноты, но в тот момент, когда казалось, что идти дальше уже невозможно и придется повернуть назад, запах исчез. Словно они прошли какой-то невидимый барьер, за которым воздух внезапно стал свежим и очень холодным.

На голых ветках мертвых деревьев висели дохлые собаки, повешенные за шею. Внизу по песку сновали жуки. Их полчища окружали деревья кругами пугающе правильной геометрической формы. В расселинах скал можно было заметить спрятанные вырезанные из камня фигуры. Узнав их, Майлс почувствовал дрожь в руках.

Клер сдавленно вскрикнула и схватила его за руку. Рядом с ее ногой в трещине камня расположилось мелкое неподвижное создание. Оно напоминало помесь лягушки-альбиноса и устрицы, вытасенной из створок. Оно смотрело глазами-щелочками и издавало булькающий звук, который звучал как смех.

Они попятились и обошли создание широким полукругом.

Майлс шел впереди с Клер. Через некоторое время он обернулся посмотреть, как идут остальные. Хал держался в нескольких шагах сзади...

Но он был один.

– Гарден! – с замирающим сердцем заорал Майлс.

Никто не откликнулся.

– Гарден! – крикнул он еще раз.

Все остановились, принялись внимательно оглядываться по сторонам, окликать молодого человека, но тщетно.

Их молодой спутник исчез.

7

«Гарден».

Это был голос его отца, отец тоже был здесь, и Гарден остановился, вглядываясь в глубокую высокую расщелину за поворотом скалы.

«Гарден».

Голос был слабым, чуть громче шепота, словно отец попал в ловушку и просидел в ней несколько дней без воды и пищи. Это было бессмысленно, поскольку он лишь вчера попрощался с отцом на станции Апач, но голос тем не менее был знакомый. Он обошел зазубренные камни и углубился в расщелину. Несколько шагов пришлось пробираться боком, пока трещина не стала шире.

«Гарден».

Он сообразил, что его намеренно уведут от остальных, удивился. Почему не окликнул их, не сообщил, куда направляется...

Может, на него накатило затмение?

...но эти мысли пришли как бы издалека и остались на периферии сознания, а доминировала другая: необходимо срочно отыскать отца и оказать ему помощь. Наверное, отец отправился за ним следом, желая предупредить его и предостеречь от встречи с Изабеллой, но опоздал и каким-то образом оказался здесь, в ловушке.

В западне.

Гарден замедлил шаги, внезапно испугавшись того, что его может ждать впереди. Впервые он подумал о том, чтобы вернуться, позвать остальных, организовать настоящий поиск, но снова услышал голос отца.

«Гарден».

Он протискивался меж сырых высоких стен, пока не оказался лицом к лицу с...

Куклой.

Фигура, посаженная на плитчатые камни, похожие на ступени, несомненно, должна была напоминать отца, но ей не потрудились придать даже приблизительного сходства. Голова была соответствующих размеров, но сделана из смятых сырных корок. Вместо глаз – пуговицы, лицо – нарисованное. Поросячий нос, дурацкий разинутый рот. На кукле была одежда, которую отец мог носить лет двадцать назад. Руки и ноги были сделаны обрубками – без кистей и ступней.

Однако голос исходил именно отсюда. Пока он стоял, уставившись на это чудовище, в узкой расщелине просвистел легкий ветерок, и каким-то образом из сырной головы снова слышался шепот:

«Гарден».

Его охватил холодок. Все это было неправильно. Внезапно сознание прояснилось, и хотя в мозгу по-прежнему настойчиво пульсировала мысль, что все хорошо, все идет как надо, он уже понял, что попался на удочку. Его специально оторвали от Майлса и остальных.

Гарден вспомнил про засушенную лягушку, которую дала ему старая женщина для защиты, и сунул руку в левый карман брюк, но карман был пуст. Он на всякий случай проверил другой карман – но с тем же результатом.

Дырок в карманах не было, но лягушка каким-то образом исчезла. Очевидно, просто выпала во время ходьбы или когда они перебирались через многочисленные завалы камней и деревьев на дне каньонов. От панического страха закружилась голова.

– Майлс! – заорал он. – Майлс!

Он кричал изо всех сил; казалось, голос должен уже был подняться до самого гребня каньона и перелететь через него, но он не понимал, как далеко ушел, и не был уверен, что его услышат, поскольку из земли слышался низкий рокочущий звук, который становился все

громче. Он узнал его, но не сразу определил источник.

Вода.

Да, теперь он отчетливо слышал рокот несущегося потока воды. Ущелье стало быстро заполняться черной омерзительно пахнущей водой. Сначала она проступала из-под камней, но почти моментально хлынула и спереди, и сзади – откуда он пришел. Он остался в этом пространстве наедине со страшной куклой. Вода уже подняла ее, и кукла плыла к нему, в то время как он судорожно пытался и не мог найти опору для рук, для ног – любую зацепку, которая помогла бы выкарабкаться наверх раньше, чем вода заполнит ущелье.

«Гарден».

Кукла по-прежнему произносила его имя, и когда он непроизвольно посмотрел на раскрашенную физиономию, то увидел, что нарисованная ухмылка из глупой превратилась в злобную. Правый глаз-пуговица болтался на нитке вверх-вниз, раскручиваемый несущимся потоком, как будто подмигивал.

Не было ни малейшей возможности выбраться наверх по гладкой скалистой стенке узкой расщелины. Вода прибывала быстро. Черная жидкость сильно пахла серой. Гардена сотрясали желудочные спазмы, и он изо всех сил сжимал губы, чтобы эта гадость не попала в рот.

Может, удастся поплыть и продержаться на поверхности до тех пор, пока жидкость не заполнит ущелье до краев, и потом выбраться через верх?

«Гарден».

Подмигивающая кукла больше ничем не напоминала отца. Даже форма головы деформировалась. Черная жидкость начала размывать сырные корки, и теперь она выглядела просто как дикое кошмарное видение. Кукла прибилась к нему, покачнувшись на очередной волне, после чего ушла под воду.

Через секунду мягкие, скользкие и пугающе живые руки-обрубки обвились вокруг его ног.

– Помогите! – завопил Гарден.

Его утащило под воду.

8

Гарден пропал.

Они вернулись назад, осмотрели каждый валун, заглянули в соседние расщелины, звали его, но Гарден не появился, и в конце концов Майлс сказал:

– Она его забрала.

– Может, просто струсил? – предложил Хал.

– Маловероятно, но не исключено.

– Он исчез, – заявила Клер. – Он шел со мной рядом, я буквально на секунду повернула голову – и его уже не было. Что теперь делать? – обратилась она к Майлсу.

У Майлса стиснуло голову. Если что-то есть в его гипотезе о колдовской крови, то сейчас они попали в весьма дерьмовое положение, поскольку он остался один. Может, Изабелла и не подозревает, что он имеет возможность читать ее мотивы и намерения, но об их присутствии она знает бесспорно, и теперь может начать играть с ними, не торопясь и произвольно устраняя одного за другим.

– Вы сохранили то, что дала вам Мэй? – спросил Майлс.

Клер подняла руку, показывая браслет из сухой травы. Хал достал из кармана деревянную фигурку.

– Хорошо. Держите их при себе. До сих пор они нас защищали, будем надеяться, что не подведут и дальше. – Он глубоко вдохнул и выдохнул. – Мы почти пришли.

– То, что было у Гардена, его не защитило, – напомнил Хал.

– Хуже не будет, – парировал Майлс.

– Прости, – прищурился Хал, приподнимая револьвер, – но я как-то больше полагаюсь на это.

– Если ты действительно думаешь, что это поможет против сто лет как мертвой твари, которая в состоянии воскрешать колдунов и убивать людей по всей стране, – желаю успеха.

– Логично, – приподнял бровь Хал в стиле доктора Спока.

Майлс улыбнулся и почувствовал себя легче. Висельный юмор приятеля снял напряжение, которое охватило его после исчезновения Гардена.

– Пошли, – произнес он. – Нам нужно торопиться. И держаться вместе, не выпускать друг друга из виду.

Он двинулся вперед, так, чтобы Клер оказалась посередине между ним и Халом, прикрываящим ее с другого фланга. Они шли, касаясь друг друга плечами. Кувшин, который он держал в руке, потяжелел, ручка стала теплой и скользкой, и Майлс крепче стиснул пальцы, чтобы ненароком не уронить и не разбить волшебный предмет. Клер тоже крепко сжимала в руке керосиновую лампу. Майлс подумал было попросить Хала понести ее, но вспомнил, что друг на самом деле гораздо более неуклюж, чем Клер.

Пространство вокруг было наполнено множеством звуков – скрипы, потрескивания, жужжание, посвистывания, стук коготков и тихое безумное покашливание слышались со всех сторон. Краем глаза он замечал быстро мелькающие между камней и деревьев мрачные тени, которые застывали на месте, как только он поворачивал голову в их сторону.

Потом он наступил на что-то мокрое, скользкое, которое издало бульканье, напоминающее одновременно и звук истекающей воды, и чего-то живого, но даже не опустил голову, чтобы посмотреть.

Каньон уже заканчивался; высокие скалы расступились, превратившись в низкие черные гребни, уходящие вдаль и теряющиеся в песчаных дюнах. Странной формы холмы, которые они видели издалека, теперь оказались прямо перед ними. Над горами на горизонте клубились черные облака, время от времени озаряемые вспышками молний.

Это была сцена из его видения.

От страха Майлс почти потерял способность двигаться. Пещера, из которой он видел этот пейзаж, была где-то рядом, правее, и он начал пристально всматриваться в измельчавшие скалы, пытаясь найти отверстие.

И нашел.

Пещера оказалась гораздо ниже, чем он ожидал, в небольшом откосе как раз над холмом нанесенной паводком земли. Несмотря на отсутствие тропы, завалы камней, кактусы с гигантскими колючками, пройти туда не составляло труда, но ему не хотелось этого делать. Воля и решимость, которые вели его до сих пор, казалось, внезапно оставили Майлса. Глядя на это маленькое черное отверстие в скале, он испытывал холодный ужас.

Сердце колотилось как безумное. Горло перехватило спазмом, и пришлось несколько раз с усилием прокашляться, прежде чем он снова обрел способность говорить.

– Все, – сказал Майлс. – Пришли. Вон там, впереди и чуть выше. Она там.

И из пещеры появилась Изабелла.

– Смотрите! – вскрикнула Клер.

Изабелла, по-прежнему с заметно свернутой набок головой, выплыла из пещеры и стала подниматься вверх по склону, пока не оказалась в нескольких футах над гребнем. Зависнув в воздухе, она смотрела на них, совершая замысловатые движения руками и лопоча на непонятном языке. На лице ее застыла маска ярости и ненависти. Краем глаза Майлс увидел, что браслет на руке Клер начал испускать яркое зеленоватое сияние, словно подвергался бомбардировке некоей энергией и... поглощал ее.

Клер, в свою очередь, обратила внимание на его ожерелье, показала рукой, и Майлс, хотя и не мог видеть свечение, ощутил тепло на коже в том месте, где ожерелье прикасалось к телу, и понял, что шея залита таким же зеленоватым сиянием. Хал сунул руку в карман и достал так же светящийся деревянный фетиш. Поглядев, он быстро спрятал его обратно.

– Похоже, мы защищены, – сказала Клер.

– Пора кончать с ней, – заявил Хал, глядя на Изабеллу.

Фраза оказалась тем толчком, которого и не хватало Майлсу, чтобы преодолеть временно охватившее его оцепенение. Взяв Клер за руку, он двинулся вверх по склону ко входу в пещеру.

И оба вздрогнули от звука выстрела. Грохот показался неестественно сильным. У Майлса зазвенело в ушах. По стенке каньона скатился небольшой песчаный оползень. Он подумал, что друг не выдержал и пальнул в Изабеллу, но, обернувшись, увидел под ногами Хала

серо-зеленого краба, похожего на паука. Расположенные по бокам тушки глаза уставились в никуда. Из пулевого отверстия выползла клейкая жидкость.

– Он собирался напасть на меня, – пояснил Хал.

– Только не стреляй понапрасну, – проговорил Майлс, кивая. – Может, этого она и добивается.

Изабелла больше не висела в воздухе. Она спустилась на склон, продолжая смотреть в их сторону. Майлс поймал ее взгляд, и она отшатнулась.

Неужели боится?

Это не имело ни малейшего смысла, но выглядело именно так. Все двинулись дальше – вверх, преодолевая преграды, пока не вышли на остатки древней тропы, которая вывела их непосредственно на площадку перед пещерой.

Пятно плоти промелькнуло в горловине пещеры и растворилась во мраке.

Надо ли преследовать ее дальше? Или она их заманивает? Он не был уверен, но продолжал идти. Оказавшись у самого входа, он заглянул внутрь, но ничего не увидел. Каков бы ни был слабый свет от затянутого темными облаками неба, он пропадал ровно на границе пещеры. Нужно было захватить с собой фонарики. Им нужен огонь...

Лампа.

Обернувшись к Клер, он протянул кувшин и взял у нее керосиновую лампу.

– Хорошая мысль, – кивнул Хал. – Будем надеяться, что она работает.

Хал протянул спички. Лампа зажглась. Держа ее перед собой, Майлс осторожно вошел в пещеру.

При виде огня Изабелла испустила жуткий вопль, напоминающий одновременно карканье ворон и звон бьющегося стекла. Невозможной формы ноги проворно унесли ее в глубину пещеры. В долю секунды она уже оказалась за периметром освещенного пространства. Вопль оборвался, но во мраке еще некоторое время был слышен стук когтей по каменному полу.

– Что бы ни случилось, – предупредил он Клер, – главное – не урони кувшин.

– Не волнуйся. Не уронию.

Они вошли в пещеру. Браслет Клер и его ожерелье испускали зеленоватое свечение, благодаря которому они могли видеть друг друга, но его было явно недостаточно, чтобы рассеять окружающий мрак. Они целиком и полностью зависели от огня лампы. Клер крепко ухватила за его брючный ремень.

В пещере не было ни сталактитов, ни сталагмитов, ни колонн, ни каменных изваяний. Стены были гладкими, черными, глянцевитыми. На потолке виднелись древние пиктограммы; их едва различимые белесые очертания, казалось, изменялись от мерцающих языков пламени и выглядели угрожающими.

Пещера сузилась. Они оказались в понижающемся туннеле. Проход был настолько тесным, что пройти тут можно было лишь по одному.

– Может, я пойду первым? – предложил Хал. – Я, как-никак, вооружен.

– Нет, первым пойду я, – отрезал Майлс. – Ты прикрывай тыл.

Они миновали ниши и углубления, боковые ответвления, но шли, несомненно, по основному туннелю, поэтому Майлс продолжал двигаться дальше, внимательно следя за любым возможным движением, любым...

Из темноты вылетела рука, когтистые пальцы схватили его за плечо. Он вскрикнул, дернулся, отмахнулся, но рука исчезла так же быстро, как появилась, словно прикоснулась к чему-то раскаленному, и Майлс понял, что его защитило ожерелье. Пыхтение за спиной означало, что Хал пытается протиснуться вперед мимо Клер, и Майлс поспешил успокоить спутников.

– Ничего. Все кончилось.

– Что это было? – спросила Клер.

– Что-то попыталось меня схватить.

Он поднял лампу и посветил туда, откуда появилась рука, но увидел всего лишь пустую нишу.

– Пусти меня вперед, – потребовал Хал. – Ты не должен рисковать понапрасну. Ты должен идти в середине. Тебя нужно охранять.

Майлс даже не затруднил себя ответом. По-прежнему чувствуя руку Клер на поясе, он двинулся дальше, крепко сжимая высоко поднятую лампу и остро сознавая тот факт, что если уронит ее или кто-то выбьет ее из рук, то они останутся в полной темноте.

На стенах возникали все новые символы, значения которых он не понимал и тем не менее чувствовал исходящую от них угрозу. Туннель повернул налево...

И Майлс увидел перед собой комнату. Не пещеру, не склеп, не расширившийся туннель, а большую квадратную комнату, стены и потолок которой были обшиты досками. Единственный светильник размером с торшер стоял в противоположном углу справа, рядом с чернеющим дверным проходом, обеспечивая слабое освещение.

– О господи, – выдохнул Хал.

Комната была полна кукол. Куклы, похожие на пучки спаржи, куклы, похожие на чучела и индейские кахино, куклы как коллекция детских игрушек от викторианской эпохи до настоящего времени. Они были сделаны из самых различных материалов, разного возраста; новейшие – современные бесполое фабричные прессованные из пластика, самая старая – вырезанная из дерева, с огромным мужским половым органом. Они были разбросаны по полу, стояли и сидели на полках и карнизах, свисали с крюков, вбитых в стены. Между фигурками вились плети лозы – невероятно зеленой для растения, живущего без солнечного света.

В центре всего этого стоял труп карлика – безглазое, мумифицированное существо в разлагающейся одежде, с коричневой кожей и с почти неразличимыми чертами лица. Труп стоял с протянутой вперед рукой ладонью вверх.

Клер отпустила ремень и схватила Майлса за руку. Ладонь ее была холодной и мокрой от пота. По тому, с какой силой она стиснула его пальцы, Майлс понял, насколько она напряжена.

– Давай уйдем отсюда, – прошептала она, явно боясь говорить в полный голос. Шепот отдался эхом, превратился в другие слова и звуки, которые странным образом отражались от стен помещения. – Мне это не нравится. Я боюсь.

– Она права, Майлс, – кивнул Хал, тоже говоря шепотом. – Это нам не по зубам.

– Стойте здесь, – приказал Майлс.

Освободившись от пальцев Клер, он поднял лампу перед собой и медленно вышел на середину комнаты, стараясь не наступать на кукол. Стекланные глаза неподвижно поблескивали, когда он проходил мимо. Мерцающие языки пламени отражались на их блестящих лицах, создавая иллюзию живых фигурок.

Приблизившись, он увидел, что лоза оплетает ноги карлика и исчезает под лохмотьями, которые когда-то были одеждой, а появляется вновь уже в районе предплечья, заканчиваясь высохшей протянутой рукой. У лозы были листья мяты, хотя он понимал, что мята обычно не растет на лозе. Она заканчивалась на кончиках пальцев мумифицированной фигуры, создавая впечатление, что этот маленький мертвый человечек протягивает ему ветку свежих листьев мяты.

Тут же вспомнился сон про старика с мятной ложечкой.

Мне дал ее карлик.

Не зная, правильно он поступает или нет, Майлс взял с высохшей мертвой ладони пучок мятных листьев и сунул их в карман рубашки.

Это сохраняет голову свежей.

Из темного прохода потянуло свежим, прохладным воздухом, и Майлс обернулся к Халу и Клер.

– Идем дальше, – сказал он. Голос прозвучал глухо, не вызвав ни малейшего эха. – Только не наступайте на кукол.

Повторять не потребовалось. Клер двинулась первой, осторожно ступая между фигурками, почти точно повторяя тот путь, который проделал он сам. За ней так же осторожно зашагал Хал. Майлс подождал, пока они станут рядом, после чего уже все вместе, друг за другом, прошли к темному дверному проему.

Миновав массивный светильник, они снова окунулись во тьму. Теперь они снова шли по туннелю, только стены его были сферическими, словно сделанные машиной. Здесь не было ни ниш, ни боковых ответвлений – ровный прямой туннель. Майлс шел впереди, держа лампу над головой. Вдруг туннель резко пошел вверх, и вскоре ему пришлось идти мелкими шагами,

чтобы сохранить равновесие. Туннель поднимался круто, как лестница. Все уже тяжело дышали, и Майлс подумывал, не стоит ли остановиться и отдохнуть, как увидел впереди клочок неба.

Штормовые облака.

Это придало сил, и они быстро, один за другим, выбрались наружу.

Логически они должны были оказаться на вершине каньона, но когда Майлс вышел из-за двух огромных валунов, вросших в склон, то не увидел и следа каньона. Кругом были лишь той же странной формы холмы, только располагались они не среди ровной песчаной пустыни, а гигантского болота, поросшего разнообразной водной растительностью. Это было неестественное зрелище – словно современные здания, расположенные среди пирамид, или роскошный курорт среди джунглей, что лишь добавляло ощущения сюрреальности всему происходящему.

Над болотом висело бесформенное свечение – не зеленое, как фосфоресцирующие их талисманы, а красное, как кровь. Свечение несколько раз мигнуло, словно привлекая внимание. Потом оно превратилось в нечто напоминающее шар и медленно поплыло в сторону ближайшего самого высокого холма. Под светящейся сферой Майлс заметил каменистую тропу, пересекающую густую болотную растительность и идущую вверх.

– Идем, – сказал он.

– О нет! – простонал Хал.

Но Клер уже двинулась, и Хал пошел следом.

Изабелла настойчиво вела их, целеустремленно завлекая в какое-то специально выбранное ею место, с целью, которая все еще не была понятна.

Когда она возникла из озера, когда он проник в ее мысли, когда увидел разрушенный Нью-Йорк, разрушенный Лос-Анджелес и множество других городов по всей стране, Майлс понял, что она достигла пика своей силы. Единственное, чего он не понимал, – почему она не может немедленно приступить к выполнению своей миссии и ждет их появления.

Впрочем, он понял.

Они ей нужны.

Или, точнее, *он* ей нужен.

Это не имело смысла, но Майлс решил, что каким-то образом это связано с его отцом, с его наследием. Может, ей для исполнения плана необходимо поглотить энергию всех без исключения колдунов... и он остался последним. Как бы то ни было, она шла на конфронтацию, и ему ничего не оставалось делать, кроме как ждать, чем все это закончится.

Они вошли в тень холма, и тот слабый солнечный свет, что еще сочился с темно-серого неба, пропал окончательно. В болоте со всех сторон слышались шорохи и всплески невидимых созданий.

Красное сияние прекратилось. Единственным источником света опять осталась керосиновая лампа. Но болото оказалось не таким большим, как представлялось, а холм не таким высоким, и вскоре они уже стояли на его вершине.

Она ждала их там.

Это было видение ада. Болото кончилось. Земля представляла собой дымящиеся камни. Изгородь, сделанная из горящих кольев, окружала поляну растущей пучками бурой травы, на которой лежала разложившаяся туша размером со слона. В земле зияла огромная дыра...

Здесь я поместил ее тело... настолько черная, что, казалось, она поглощает весь доступный свет. До самого подножия холма валялись перевернутые и разбитые огромные страшные каменные изваяния.

Изабелла стояла на куче кривых костей.

На губах ее играла усмешка.

Хал поднял пистолет и начал стрелять.

Как Майлс и предполагал, пули не возымели никакого действия. Они пролетали сквозь Изабеллу и вышибали искры из скал.

Нельзя убить то, что уже мертво.

Она поплыла к ним, не сводя глаз с Майлса. Это были самые холодные глаза, которые ему приходилось видеть, на самом... прекрасном лице.

Да, она была прекрасна. Он обратил внимание еще на озере, но сейчас это стало еще заметнее. Она была в своей стихии. Эта обстановка шла ей, подчеркивала ее лучшие черты. Она была мертвой, но ему не доводилось видеть никого, кто выглядел бы более живым. Это была абсолютно дикая и при этом совершенная красота – с такой он не сталкивался никогда в жизни.

Единственное, что разрушало иллюзию, – странный наклон головы, неестественный угол, из-за которого она казалась постоянно скособоченной.

Она сверлила его взглядом, возможно, пытаясь соблазнить, но либо ожерелье защищало его, либо его чувства были настолько сильны и неизменны, что ничто не могло поколебать их.

Он ее ненавидел.

Она остановилась прямо перед ним.

– Майлс, – произнесла она. – Майлс Хьюрдин. Я знала, что ты придешь. – Голос был нежным, мелодичным, но что-то в нем тоже раздражало. Он чувствовал, что голос, как и взгляд, пытался покорить его.

– Что ты сделала с моим отцом? – жестко спросил он.

– Я помогала твоему отцу, – ответила она. – И тебе тоже хочу помочь. Мы должны держаться вместе, мы одной породы. Они все хотят нашей смерти...

Она не знала, что он проник в ее планы. Она не знала, что он уже знает, кто она есть.

По крайней мере это преимущество еще сохранялось, и Майлс наблюдал за ней, пока она говорила, пытаясь сообразить, что делать дальше.

Он не знал, чего ждал. Появления волшебного меча? Заклятия? Мэй обеспечила их амулетами для защиты, ему были даны видения. Вплоть до этого момента у него было все необходимое, и он надеялся, что так будет и дальше.

Но не появилось ни волшебного меча, ни заклęcia – ничего. Он был один на один с Изабеллой, и ему показалось, что, если он хочет остановить ее и предотвратить осуществление ее планов массового уничтожения, он должен просто одолеть ее физически.

Бросив лампу, он изо всех сил ударил ее в живот.

Изабелла оказалась застигнута врасплох, но не ощутила боли. *А как могло быть иначе? Она же мертва.* Удивление ее длилось лишь долю секунды. Она отпрянула, и Майлс по инерции качнулся вперед, едва не упав. Шанс воспользоваться преимуществом внезапности оказался упущен. Теперь они оба знали, кто есть кто.

– Ты хочешь узнать о своем отце? – негромко заговорила она. – Боб в аду. Я отправила его туда. Он был одним из приспешников дьявола, и я отправила его туда, где ему место. – Пристально взглянув ему в глаза, Изабелла продолжила: – Ты хочешь знать, почему твои родители разошлись, Майлс? Ты знаешь настоящую причину? А ты знаешь, почему твоя сестра никогда не появлялась в доме?

– Не слушай ее, – послышался голос Клер. – Делай то, что ты должен сделать.

А что он должен сделать? Он просто не знал.

– А как ты думаешь, сколько кобелей прошло через кровать Клер, пока вы жили порознь? Сколько толстых мокрых концов она обсосала, на скольких извертелась? Угадай! Больше десяти? Больше пятнадцати? Больше двадцати?

Одновременно со словами в мозгу возникли образы: *отец насильно занимается с матерью анальным сексом; его огромные волосатые руки лезут под подол ночной рубашки маленькой Бонни; Клер ерзает между ног волосатого усатого мужчины, внезапно замирает, глаза ее становятся круглыми от того, что мужчина резко эякулирует, выбрасывая в ее охотно раскрытый рот неожиданно огромное количество спермы.*

Картины били прямо под дых, но он не мог позволить себе потерять концентрацию. Он бросился на нее, вытянув вперед руки, повалил на землю и начал избивать.

Она оказалась жилистой и гораздо более сильной, чем он мог себе представить, хотя почему-то и не воспользовалась своими неограниченными силами для противостояния простому физическому воздействию. Она вытерпела первые удары, сгруппировалась, поджав ноги, и, оперевшись Майлсу в грудь коленом, отбросила его от себя. Майлс отлетел, нелепо взмахнув руками и пытаясь восстановить дыхание.

Ситуация резко изменилась. В одно мгновение она уже оказалась сверху. Снова ударив коленом, на этот раз в пах, она потянулась к ожерелью, явно не веря, что сможет даже просто

прикоснуться к нему. Однако сила ожерелья, очевидно, была направлена исключительно на колдовство, оно могло защитить владельца от заговоров и волшебства, но не могло противостоять прямому физическому воздействию. Ее пальцы обхватили ожерелье, и нитка просто лопнула. Зеленое свечение оборвалось, и отдельные зубы с легким стуком рассыпались по камням.

Он увидел выражение триумфа в ее глазах, почувствовал потрескивание силы в воздухе.

И в следующее мгновение она слетела с него.

Хал и Клер оседлали Изабеллу.

Они оба по-прежнему находились под защитой. Браслет Клер ярко сиял, из кармана Хала, где он хранил деревянный талисман, тоже исходило зеленое свечение. Они набросились на нее с яростью, как пара умелых хищников, не давая ей возможности совершить какое-то ответное действие. Опять она не чувствовала боли...

Она была мертвой... но, не имея возможности воспользоваться своими силами, была вынуждена сначала освободиться от них. Изабелла издала оглушительный рык, глубокий нутряной рев, более соответствующий какому-нибудь гиганту животного мира.

Хал держал ее руки, упираясь головой в грудь.

Клер сидела на ногах и подвернувшимся булыжником молотила ей по коленям.

Майлс все еще чувствовал потрескивание энергии над собой и не сомневался, что она намеревалась покончить с ним, убить и высосать его жизненную энергию или что еще она привыкла сделать. Но прежде чем это произошло, он вскочил на ноги, подбежал к ней и обеими руками схватил Изабеллу за голову. Она заверещала и начала яростно вырываться.

Следующим движением голова отделилась от туловища.

Разрыв оказался чистым, и тут он понял, что голова с самого начала просто сидела не на месте. Она была неправильно укреплена, поэтому и клонилась под таким странным углом.

Он с отвращением отбросил голову. На руках осталось мерзкое ощущение скользкой и холодной плоти. Туловище мгновенно перестало двигаться, обмякло, судороги прекратились одновременно с отчленением головы.

Майлс взял Клер за руку и помог встать на ноги, хотя она не испытывала никаких сложностей, чтобы сделать это самостоятельно. После этого крепко обнял и поцеловал в губы, бесконечно счастливый тем, что она жива и что жив сам.

– О господи, – выдохнул Хал, потирая ушибленное колено.

Майлс посмотрел на черную дыру в земле и вспомнил старого ковбоя из своего сна.

Здесь я поместил ее тело.

Все полезные знания, которые он получил, пришли к нему в этом сне. Он быстро схватил туловище Изабеллы за руки.

– Бери за ноги! – крикнул он Халу. – Выбросим ее в яму!

Не возникло ни споров, ни колебаний. Хал взялся за ноги, они подняли неестественно тяжелое тело и, пошатываясь, поднесли его к краю чернеющего провала.

– На счет «три», – проговорил Майлс.

Они начали раскачивать туловище, набирая инерцию.

– И ра-а-аз... два-а-а-а... три-и-и!

Они разжали руки, и тело Изабеллы полетело в дыру. Оно исчезло мгновенно, поглощенное глубоким беспросветным мраком. Оба наклонились и посмотрели вниз, но не заметили ни малейшего отблеска света, не услышали и стука тела, достигшего дна.

Она просто исчезла.

Или, точнее, ее туловище.

Поскольку голова еще была здесь, лежала на дымящейся земле у ног Клер.

Майлс и Хал вернулись туда, где она стояла.

– Как насчет этого? – показал Хал на кувшин у ног Клер. – Похоже, он нам больше не нужен?

Майлс посмотрел на осколки разбитой лампы и уже был готов согласиться с другом, но в этот момент с губ отчлененной головы сорвался высокий резкий звук. Клер отпрыгнула, натолкнувшись на Майлса. Глаза ее стали круглыми от испуга.

Голова лежала на дымящемся камне. Ни костей, ни вен, ни крови не было видно. Не было

даже открытой раны. Была лишь ровная ярко-зеленая желеобразная субстанция, похожая на жидкую мякоть растения, заключенную в оболочку из кожи.

При этом лицо жило своей жизнью – глаза мигали, брови поднимались, губы шевелились. Острый звук стал громче, в нем уже можно было вычленить отдельные слова. Изабелла заговорила – она начала проклинать их, изрыгая поток грязных обещаний и инвектив, от которых у Майлса поползли мурашки по коже.

Он шагнул вперед. Внезапно он понял, что надо делать. Подавляя отвращение, он нагнулся, взял голову за волосы цвета зеленых водорослей и поднял, держа на расстоянии вытянутой руки.

– Твои дети родятся уродами, – изрыгала Изабелла, при этом голос был не женским, не мужским, даже не человеческим. – Они будут сожжены и расчленены племенами неверных, их внутренности развеют по всем ветрам...

– Откройте кувшин, – сказал Майлс. – Крышку!

Хал поспешил выполнить просьбу.

Майлс поднес голову к кувшину и опустил ее внутрь. Хал быстро накрыл ее крышкой. Майлс достал из кармана брюк ржавую ложку, а из кармана рубашки – пучок листьев мяты. Глубоко вздохнув и собравшись с силами, он сдвинул крышку и с помощью ложки рассыпал листья на заброшенное лицо Изабеллы.

Голова испустила яростный вопль агонии, и черты лица начали таять, разлагаться на составные элементы, словно они изначально были самостоятельными объектами и составляли целое с помощью некоего клея. То, что осталось, напоминало не более чем нарезанные фрукты – вишни, груши, персики.

Майлс почувствовал опустошенность. Он не мог знать, что за колдовство он сейчас сотворил, откуда это взялось или как это сработало. Он знал лишь одно – то, что он делал, увенчалось успехом. Изабеллы больше не существовало.

Оставалось надеяться, что она была последней в своем роде.

Вся эта одиссея оказалась серией смутных импульсов и не до конца понятных событий, явлений, которые не имели логического объяснения, но объединялись на подсознательном уровне и тем самым имели значение. Он вспомнил Мэй.

Иногда просто нет объяснений.

Он смотрел в темное небо, глубоко дыша. По телу пробежала непроизвольная дрожь. Он осознал, что стал другим. Этот опыт самым глубоким и фундаментальным образом изменил его. Изменилось само отношение к миру. Он больше не был пленником логики, человеком, чей рассудок всегда превалирует над чувствами. Он стал более похожим на отца, и остро пожалел, что рядом нет Боба, которому можно было бы сказать, что он счастлив быть таким, как он, что он гордится этим.

– И что дальше? – с некоторым испугом в голосе проговорил Хал. – Тоже выбросим в яму?

– Нет, – ответил Майлс, – пусть остается здесь.

– А что, если...

– Ничего не случится.

– Откуда ты знаешь? – спросила Клер.

Он посмотрел ей в глаза и взял за руки.

Он не знал.

Он просто *чувствовал*.

И этого было достаточно.

Эпилог

Спасательный вертолет нашел их, когда они еще были в каньонах. Дженет удалось найти помощь. Шериф Рио-Верде связался с отделением ФБР в Фениксе, которые немедленно отрядили команду для спасения своего коллеги.

Наконец наступил вечер, и странные гроззовые облака если не исчезли, то по крайней мере

превратились в нечто напоминающее обычное погодное явление.

Базовым лагерем спасательной экспедиции стал офис шерифа Рио-Верде. Росситер, все еще живой, но в прежнем состоянии, был доставлен в больницу Феникса. Всех остальных поодиночке подробнейшим образом расспрашивали о том, что произошло, в местном карцере. Майлс испытывал искушение солгать и сказать, что ничего не знает, но поскольку они не договорились заранее о согласованной линии поведения, понял, что не имеет смысла противоречить тому, что могут сообщить Хал, Клер и Дженет.

Поэтому он рассказал правду.

Он понятия не имел, до какой степени эта публика в состоянии поверить сказанному, но мужчина, беседовавший с ним, кивал с важным видом в соответствующих моментах и не демонстрировал откровенного изумления. Майлсу хотелось надеяться, что вся эта история будет, как и положено, запротоколирована и отнесена на счет солнечного удара, но по разговорам, которые слышал краем уха, понял, что воткнутые в землю тела ходоков и Мэй уже обнаружены. При наличии доказательств от этой истории уже так просто отмахнуться не удастся. И его не покидала мысль о том, что кто-то где-то в правительстве уже знает про Изабеллу и эти странные земли за Волчьим Каньоном.

К тому времени, когда все было закончено и они оставили свои адреса и телефоны для последующих собеседований, почти рассвело. Представители Бюро предложили им провести день в местном мотеле, и Дженет охотно согласилась, заявив, что от усталости ничего не хочет, кроме как спать. Остальные решили как можно быстрее покинуть Аризону. Дженет пообещала Майлсу вернуть арендованную машину в Сидэр-Сити и оформить все формальности.

– Уж постарайтесь, – сказал Майлс. – Я знаю, где вы живете.

Она рассмеялась, поблагодарила и неловко обняла. Майлса. Ей рассказали, что произошло после того, как они ушли с Мэй, и хотя она переживала исчезновение Гардена и волновалась от того, что его до сих пор не нашли, Майлс видел, что она стала гораздо спокойнее по сравнению с тем временем, когда они встретились, и не сомневался, что с ней все будет в порядке. Он пообещал позвонить ей, как только доберется до Калифорнии.

Хал предложил отвезти Клер и Майлса обратно в Лос-Анджелес, но сотрудник ФБР предложил оплатить аренду машины, и Майлс ухватился за такую возможность. Все трое позавтракали в «Денни» – опять же за счет Бюро, и когда открылось местное отделение «Ависа», агент Мэдисон отправился туда с Майлсом, оформил все бумаги и сказал, что может оставить машину в любом отделении «Ависа» в Южной Калифорнии.

– Будем держать связь, – сказал на прощание агент, пожимая ему руку.

Хал улучил момент, когда Клер не было рядом, и отвел Майлса в сторону.

– Что бы ты предпочел – еще раз встретиться с Изабеллой или получить швабру в зад? Учти, смерть – не выбор.

– Швабру в зад, – без заминки ответил Майлс.

– Я тоже, дружище, – похлопал его по плечу Хал. – Я тоже.

Майлс думал об отце. ФБР совместно с другими соответствующими агентствами правоохранительных ведомств собирались провести аутопсию трупов, после чего, проведя идентификацию по зубам и отпечаткам пальцев, постараться найти родственников покойных. Майлс уже сообщил им примерное место нахождения Боба, даже описал им его одежду и дал телефон Ральфа Баджера из офиса окружного прокурора Лос-Анджелеса для связи. Они обещали озаботиться отправкой тела.

Отец наконец получит достойные похороны.

Но в данный момент ему хотелось отключиться и не погружаться глубоко в такого рода размышления. Он займется этим позже, когда будет один, когда будет время и подумать, и погоревать.

Рио-Верде находился на пересечении двух шоссе государственного значения, и Майлс сверился с картой, прежде чем выбрать маршрут, ведущий на северо-запад. Хал собирался ехать другим путем, через Феникс, и они попрощались на автостоянке.

– Я выйду завтра, – сообщил Хал. – Скажу всем, что ты взял несколько дней.

Майлс еще не решил, хочет ли он оставаться еще несколько дней без работы, но тем не менее поблагодарил друга.

– И я расскажу Трэну. Обо всем.

– Давай, – улыбнулся Майлс.

– Спасибо тебе, – сказала Клер, обнимая Хала. – За то, что поверил мне, за то, что поехал со мной, за все. Не знаю, что было бы, если бы тебя здесь не было.

– Или тебя, – ответил Хал.

– Спасибо вам обоим, – сказал Майлс, обнимая Клер за талию.

– А для чего нужны друзья?

Они сели по машинам. Хал стартовал первым, и Майлс с Клер помахали ему вслед.

Затем и сами оказались на шоссе. Оказавшись вдвоем с Клер, Майлс подумал, как удивительно быстро человек привыкает находиться в большой компании. Почувствовав неловкую тишину, он включил радио. Они проехали по мосту через реку. Шоссе вело в пустыню. Приемник почти ничего не ловил, за исключением какой-то мексиканской станции, передачи из Альбукерка с явно правым уклоном, и новостной радиостанции Лас-Вегаса.

Майлс оставил Лас-Вегас. Согласно прогнозу погоды, циклон захватил практически всю территорию штата и двигался на запад, в сторону Невады и Калифорнии. Майлс бы не удивился, узнав, что он порожден теми грозowymi облаками, которые висели над Волчьим Каньоном.

Он посмотрел на Клер и вспомнил день свадьбы. Точнее, тот день, когда они должны были пожениться. Ибо свадьбу пришлось отложить на сутки. Тогда разразилась страшная буря, пришел ненормальный, совершенно не своевременный *эль ниньо*, и от проливных дождей в парке, где должна была состояться церемония, произошел гигантский оползень. Позже они, конечно, немало повеселились по этому поводу, но тот день был просто сумасшедшим. Они бесконечно висели на телефоне, сообщая приглашенным друзьям и родственникам о переносе церемонии и лихорадочно пытались найти закрытое помещение, способное принять свадьбу.

Майлс кашлянул.

– Может, нам пожениться?

– Что? – не поняла Клер.

– Выходи за меня замуж.

– Нет.

– Нет?

– Ты с ума сошел?

– Я абсолютно серьезно.

– Это же не кино, где люди влюбляются только потому, что вместе преодолели некую экстремальную ситуацию. Это мы. Я. Ты. Да, мы снова вместе, но тем не менее нужно время. Кто знает, куда это может привести?

– Я знаю.

– У нас с тобой еще много неясного, нам много о чем нужно поговорить, и вообще... ты слишком торопишься, Майлс. – Клер легко погладила его по руке.

– А что ты скажешь, если мы заедем в Лас-Вегас и провернем все там?

– Нет.

– Почему?

– Я не в том возрасте, чтобы вот так взять и забежать в церковь, если ты это имеешь в виду. Для меня это не развлечение и не пустяк, чтобы ты знал.

– Я думал, ты не хочешь выходить замуж. А если тебя даже не надо уговаривать, тогда почему нет?

– Вот нахал, – улыбнулась Клер. – Что ж, пусть Лас-Вегас.

– Значит, Лас-Вегас, – расплылся в улыбке Майлс.

Она потянулась, выключила радио и придвинулась к нему ближе. Он обнял ее свободной рукой и незаметно прибавил газу. Ему хотелось попасть в Лас-Вегас раньше, чем разразится буря.

По прогнозу к вечеру обещали сильный дождь.